

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2024

№ 90

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Горина О.Г., Царакова Н.С., Крайторов М.В., Куганова Д.А., Петров И.Д. Оптимальный текст, частотные характеристики деформированных и авторских текстов в русле распределения Ципфа	5
Зибер И.А. Ассибиляция латеральных согласных (акустика и типологические параллели)	26
Казяба В.В. Самономинии немецкоязычных мальчиков-подростков в интернет-коммуникации (на примере никнеймов): лингвистический аспект. Статья 1	51
Мерзликina О.В. Зооморфная метафора в диалектных номинациях растений как фрагмент языковой картины мира галисийцев	75
Никандров А.В. От орудийной концепции глоттогенеза Л. Нуаре к палеонтологии языка Н.Я. Марра: коллизии трудовой теории происхождения языка	94
Раевская М.М., Селиванова И.В. Публичный дискурс современного испанского монарха: типология и особенности с учетом теории речевых актов	121
Соболев А.Н. Языковой и культурный союз: методика обнаружения регулярных соответствий	147

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексеев П.В., Шарыпова В.С. Япония и Алтай: дискурсы ориентализма в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» (1903–1904)	159
Буханова Е.Д. Сюжет путешествия в повести А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Статья 1. Внутренний диалог лирического героя как способ преодоления онтологической дезориентации	183
Гнюсова И.Ф. Традиции английского сенсационного романа в творчестве Л.Н. Толстого. Статья 1. Роман М.Э. Брэйдон «Аврора Флойд» и его роль в создании «Войны и мира»	207
Головачева Е.А. Православные акценты сюжетобразующего концептуального поля романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на уровне пространства и времени	232
Горбовская С.Г. О жанровой природе «Цветов зла» Шарля Бодлера	260
Темиргазина З.К. «Алматинский» текст в творчестве Бахытжана Канапьянова	268
Фаритов В.Т. Онтология волшебной сказки: трансгрессия в исследованиях В.Я. Проппа	286

ЖУРНАЛИСТИКА

Мазуров А.Е., Жилыкова Н.В. Народничество и областничество в фельетонах Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» (1882–1888)	300
--	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Gorina O.G., Tsarakova N.S., Kraytorov M.V., Kuganova D.A., Petrov I.D. Zipf's distribution in language: Optimal text, frequency parameters of distorted texts and authorship ratio	5
Sieber I.A. Assimilated laterals in acoustics and typology	26
Kaziaba V.V. Self-nominations of German-speaking adolescent boys in Internet communication (on the example of nicknames): Linguistic aspect. Article 1	51
Merzlikina O.V. Zoomorphic metaphor in the dialect nominations of plants as a fragment of the Galician language picture of the world	75
Nikandrov A.V. From Ludwig Noiré's tool conception of glottogenesis to Nikolai Marr's paleontology of language: Controversies of the labor theory of the origins of language	94
Raevskaya M.M., Selivanova I.V. Typology of public discourse of the modern Spanish monarchy through the speech acts theory	121
Sobolev A.N. Sprachbund and Kulturbund: Methodology for regular correspondences	147

LITERATURE STUDIES

Alekseev P.V., Sharypova V.S. Japan and Altai: Discourses of Orientalism in the illustrated supplement to the newspaper <i>Sibirskaya Zhizn'</i> (1903–1904)	159
Buhanova E.D. The plot of the journey in Andrei Bitov's story <i>Birds, or The Catechesis of Man</i> (1971, 1975). Article One. A lyrical hero's inner dialogue as a way to overcome ontological disorientation	183
Gnyusova I.F. Traditions of the English sensation novel in Leo Tolstoy's works. Article One. Mary Elizabeth Braddon's <i>Aurora Floyd</i> and its role in the creation of <i>War and Peace</i>	207
Golovacheva E.A. Orthodox features of the core conceptual field in Fyodor Dostoyevsky's <i>Crime and Punishment</i> at the level of space and time	232
Gorbovskaya S.G. On the genre nature of <i>Flowers of Evil</i> by Charles Baudelaire	260
Temirgazina Z.K. "Almaty" text in the works of Bakhytzhhan Kanapyanov	268
Faritov V.T. Ontology of the fairy tale: Transgression in research by Vladimir Propp	286

JOURNALISM

Mazurov A.E., Zhilyakova N.V. Narodnichestvo and Siberian regionalism in Feliks Volkhovskiy's feuilletons in <i>Sibirskaya Gazeta</i> (1882–1888)	300
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81'32

doi: 10.17223/19986645/90/1

Оптимальный текст, частотные характеристики деформированных и авторских текстов в русле распределения Ципфа

Ольга Григорьевна Горина¹, Наталья Сергеевна Царакова²,
Михаил Владимирович Крайторов³, Дарья Алексеевна Куганова⁴,
Игорь Дмитриевич Петров⁵

1, 2, 3, 4, 5 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия

¹gorina@bk.ru

²n.carakova@gmail.com

³mvkraytorov@edu.hse.ru

⁴dakuganova@edu.hse.ru

⁵idpetrov@edu.hse.ru

Аннотация. Исследуются ранговые распределения на лингвистическом материале, а именно анализируются частотные характеристики слов в текстах, написанных на английском языке; фиксируются расхождения между вычисляемыми по формуле Ципфа и реально наблюдаемыми частотами в зависимости от размера текста, таким образом, исследуется размер и устанавливаются причины существования оптимального текста; кроме того, экспериментально изучаются влияние целостности текста и его авторства на частотные характеристики.

Ключевые слова: ранговые распределения, теоретические и наблюдаемые частоты, оптимальный размер текста, частотные характеристики деформированных текстов, авторская константа

Благодарности: публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 23-00-005, «Исследование частотных характеристик языка в рамках распределения Ципфа-Мандельброта; решение прикладных задач по отбору вокабуляра в русле корпусных процедур») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022–2023 гг.

Для цитирования: Горина О.Г., Царакова Н.С., Крайторов М.В., Куганова Д.А., Петров И.Д. Оптимальный текст, частотные характеристики деформированных и авторских текстов в русле распределения Ципфа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 5–25. doi: 10.17223/19986645/90/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/90/1

Zipf's distribution in language: Optimal text, frequency parameters of distorted texts and authorship ratio

Olga G. Gorina¹, Natalya S. Tsarakova², Michael V. Kraytorov³,
Daria A. Kuganova⁴, Igor D. Petrov⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation

¹ gorina@bk.ru

² n.carakova@gmail.com

³ mvkraytorov@edu.hse.ru

⁴ dakuganova@edu.hse.ru

⁵ idpetrov@edu.hse.ru

Abstract. The article focuses on a family of rank distributions. These are of key importance in the linguistic study of texts within the framework of quantitative and corpus linguistics. The efforts within this research are invested into the word frequency behavior study for texts written in English: we have fixed the discrepancies that inevitably occur between the frequencies calculated by Zipf's formula and the actually observed frequencies depending on the size of the text. Thus, not only the size per se but also the reasons behind the existence of an "optimal" text size are investigated; in addition, the influence of the integrity of the text and its authorship on frequency characteristics are experimentally studied. Firstly, within the framework of the goals stated, in a series of experiments, the "optimal" text size was determined. It has to be noted that the optimal text size was predicted by George Zipf himself; this size constitutes the minimal discrepancy between the formula-based or calculated (theoretical) and actually observed frequencies. Moreover, the emphasis is put on the size of the optimal text, which proves to be a key parameter in investigating distorted texts. Secondly, this article also touches upon a number of controversial provisions that used to be expressed in relation to incomplete or distorted texts. The frequency characteristics of distorted texts are studied to verify or defy the previously proposed hypotheses, expressed, in particular by the Russian mathematician Yury Orlov (1980). The assumption, which has been taken for granted, deals with the commonly held hypothesis that the distribution of word frequencies in incomplete texts might disagree with Zipf's Law. We sought empirical proof for this assumption and thoroughly explored the correlation between observed frequencies and text's completeness or its entirety. Contrary to expectations, the results prove that only the size of the text is crucial: the distribution remains Zipfian even for fragments of the text and randomly selected words from the text, provided that they collectively make up the text of the optimal size. Finally, this study discovers that authorship lends itself to being investigated with frequency derivatives. There is the so-called author's ratio, defined as the relative frequency of the most frequent word, which proves insensitive to whether the texts of a given author are incomplete, distorted or even fragmentary. It remains remarkably stable throughout both complete texts and random fragments such as sentences written by any given author.

Keywords: rank distributions, theoretical and observed frequencies, optimal text size, frequency characteristics of deformed texts, author's ratio

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University in 2022–2023 (grant No. 23-00-005, Research

on Language Frequency Characteristics within the Zipf-Mandelbrot Distribution; Addressing Applied Issues for Vocabulary Selection Using Corpus-based Methods).

For citation: Gorina, O.G., Tsarakova, N.S., Kraytorov, M.V., Kuganova, D.A. & Petrov, I.D. (2024) Zipf's distribution in language: Optimal text, frequency parameters of distorted texts and authorship ratio. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 5–25. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/1

Введение

Рассмотрение частотных характеристик слов начнём с обзора основных исследований в области ранговых распределений. Становление соответствующей области лингвистических изысканий связано с именем Джорджа Ципфа, в частности с одноименным законом, который описывает закономерности частотных распределений в естественном языке [1]. Реферативная часть статьи охватывает основные направления в исследовании ранговых распределений, в том числе на лингвистическом материале, а также включает ссылки на близкие по духу работы ученых-математиков и физиков, работавших на лингвистическом материале. Практическая часть работы посвящена эмпирической проверке выполнимости закона Ципфа в зависимости от объема текста; также анализировалось влияние целостности произведения (текста) на выполнимость закона Ципфа. Статистическая часть работы сначала выполнялась с помощью корпусных инструментов, предлагаемых программным продуктом WordSmith 6,0. Впоследствии методология эксперимента потребовала разработки собственных программных модулей для (i) автоматического сравнения наблюдаемых и теоретических частот; (ii) деформации текстов в рамках наблюдения за корреляцией между целостностью текстов и выполнимостью распределения Ципфа.

Проведенные эксперименты сосредоточены на некоторых особенностях распределений Ципфа, рассмотрение которых продиктовано рядом соображений практического и теоретического характера. Во-первых, существует ряд примечательных взаимосвязей, связанных с наличием оптимального текста. Во-вторых, в соответствии с широко распространенным предположением о влиянии целостности текста на ранжирование распределения мы провели ряд экспериментов для проверки корреляций между наблюдаемыми частотами и целостностью текста. Мы также пытались ответить на вопрос, в какой степени нарушение целостности текста искажает распределение Ципфа. В-третьих, в ходе эксперимента было выявлено, что авторство текста частично выражается через его производные частотные характеристики. Относительная частота самого частотного слова в тексте является постоянной величиной для каждого конкретного автора, практически не зависящей от рассматриваемого произведения этого автора и от размера текста. Таким образом, существует величина, являющаяся производной от частотных характеристик, которая сохраняет свое значение в рамках произведений одного и того же автора. В статье мы предлагаем называть данную величину

авторской константой, которая отличается устойчивостью не только в рамках полных текстов авторов, но и в отдельных фрагментах текстов каждого конкретного автора.

Актуальность работы. Обращение к тематике ципфовских распределений не ново, но не утратило релевантности и по сей день. «Сегодня понятие рангового распределения в информатике стало вполне привычным. Идея «распределения» информационных потоков по закону Ципфа – Мандельброта (иначе Брэдфорда, Лотка и т.д.) принята общественным мнением, является теоретической основой изучения этих потоков. Формы соответствующих распределений несколько варьируются, но понятно, что речь идет о некоем едином типе ранговых распределений. Тот же самый тип распределений известен в лингвистике, в биологии, в экономике и в социологии» [2. С. 1]. В настоящее время выводы об оптимальном размере и количестве городских агломераций страны в связи с ее экономической успешностью могут строиться на законе Ципфа [3]. Более того, проблематика может изучаться с разных ракурсов; до сих пор проводится анализ самого механизма, вызывающего появление подобных распределений. Так, при изучении происхождения закона Ципфа путем создания длинных связных сообщений в процессе коммуникации на основе стохастической динамической модели генерации текста был сделан вывод, что эта модель неизбежно приводит к ранговым распределениям в количественном согласии с эмпирическими данными; иными словами, результаты подтверждают неизбежность проявления и значимость закона Ципфа в человеческом языке [4].

Таким образом, тематика еще не исчерпала себя полностью особенно для междисциплинарных, или так называемых «дефисных» направлений, поскольку существуют определенные лакуны в знании, осмыслении и трактовках; в частности, мотивом к написанию этой статьи послужили ранее сделанные выводы о неципфовском характере распределений в несвязных или неполных текстах. Мы выработали специальную процедуру по деформации текстов и в данной работе называем подвергшиеся такому изменению тексты деформированными. Заключение о частотных характеристиках неполных текстов были сделаны в «докорпусную» эпоху, когда проверка утверждений была очень трудоемкой. Со временем эти утверждения стали восприниматься как устоявшиеся, в то время как многие из них не проверялись с помощью современных, более эффективных корпусных инструментов. Поэтому мы вновь обратились к ципфовским распределениям. Кроме того, в процессе экспериментального исследования выявилась уже упомянутая авторская константа, что потребовало проведения дополнительных экспериментов для проверки ее существования. В ходе данных экспериментов и сравнения частотных характеристик как полных текстов, так и их фрагментов мы получили результаты, которые будут изложены в заключительных разделах статьи.

В выводах, сделанных на основании более чем 10 000 экспериментальных вычислений, обсуждаются причины рассогласованности вычисляемых (теоретических) и реально наблюдаемых частот. В выводах данной работы

рассматриваются также парадоксы, связанные с ранговыми распределениями, разъясняются границы применимости понятия математического ожидания в контексте появления слов в тексте. В качестве побочного продукта вычислений была обнаружена авторская характеристика, которая требует тщательной проверки на более обширной выборке произведений различных авторов.

Уникальной особенностью авторского стиля является наличие авторской константы – относительной частоты наиболее частотного слова, которая остается неизменной в следующих случаях: (i) в завершенных работах одного автора, (ii) в отдельных фрагментах текстов этого автора, (iii) в целых предложениях и в выборке случайно взятых слов из произведений данного автора.

Таким образом, данная статья представляет собой теоретический и практический вклад в понимание ранжирования и частотных распределений в естественном языке. Результаты экспериментов, демонстрирующих выполнимость закона Ципфа вне зависимости от целостности текста, указывают на важность и необходимость исследований в данной области. Внимание, уделенное авторской константе, может способствовать развитию перспективных исследований в данной области.

Проблематика исследования ранговых распределений в различных областях. Взаимосвязь ранговых распределений и языка

Ранговые распределения описывают сложные системы, включая язык, и другие явления человеческой жизни, характеризующиеся существенной неравномерностью поведения, которое напоминает лавину. Часто употребительные слова становятся еще более употребительными подобно тому, как большие города укрупняются быстрее, а «успех порождает успех» (success breeds success). Американский социолог Р. Мертон назвал этот феномен эффектом Матфея [5, 6]. Первым, кто обратил внимание на то, что произведение частоты слова на его порядковый номер в частотном словаре есть величина постоянная, был журналист Жан Батист Эсту [7]; позже зависимость частоты от ранга была сформулирована как закон Ципфа [1].

Выбор математических соотношений, описывающих подобные явления, зиждется на степенной зависимости типа $Y = AX^\alpha$, где A и α – константы. При отрицательном показателе степени мы получаем гиперболическую зависимость. Один из первых результатов, описываемых таким распределением, – кривую распределения доходов на базе статистических данных о подоходном налоге – получил Вильфредо Парето. Еще одним примером гиперболического распределения является закон распределения научной продуктивности (frequency distributions of scientific performance) Альфреда Лотки. Таким образом, теория ранговых распределений может манифестироваться во многих направлениях исследований и изучаться на различных эмпирических базах данных, включающих экономические, лингвистические, публикационные и другие варианты данных.

Как уже упоминалось, эмпирический анализ гиперболических распределений *ранговым методом* был впервые предложен Дж. Ципфом, исследовавшим лингвистический материал [8]. В рамках данного метода для конкретно взятого текста последовательность всех различных слов ранжируется в порядке убывания частотности и сопоставляется с его местом, или рангом.

По мнению многих исследователей, с математической точки зрения законы Ципфа – Парето обнаруживают некоторые неожиданные свойства, вступающие в противоречие с традиционным для нас «гауссовским» представлением о вероятностной природе многих из встречающихся нам в окружении явлений [6]. Известно, что гауссово распределение изучаемых параметров очень широко распространено, так как мы выходим на это распределение каждый раз, когда результат зависит от большого количества независимых случайных величин, каждая из которых может иметь свое распределение. Главным условием для случайных величин, согласно известной центральной предельной теореме, будет наличие конечных математического ожидания и дисперсии (первого и второго моментов). В распределениях же типа Ципфа – Парето с ростом размера выборки растет среднее значение и дисперсия стремится к бесконечности. У данных распределений нет конечных первого и второго моментов, а наблюдаются эффекты так называемой «концентрации» и «рассеяния» параметров. Это означает, что параметры с большими значениями концентрируются на слишком маленьком числе элементов и вместе с тем параметры с малыми значениями рассеяны на слишком большом количестве элементов [6]. Например, самое частотное слово в словаре обычно составляет примерно 5% от количества всех слов в тексте, а слова, встречающиеся в тексте всего один раз, составляют примерно половину всего словаря. Этот факт противоречит гауссовскому представлению, поскольку имеет слишком большой массив редких элементов (хвост) и медленную, по сравнению с гауссовским распределением, сходимость.

Если обратиться к лингвостатистике языка, то увидим, что в английском языке, как правило, 20% служебных слов (*grammar words*) выполняют 80% всей работы (*hard-working core*) по формированию предложений [9]. Если бы частотные характеристики языка соответствовали распределению Гаусса, то основное число слов в языке имело бы среднюю частотность с некоторым разбросом по краям, т.е. редкими выбросами как частотных, так и нечастотных слов [6].

В действительности это не так, и основное число слов «малопродуктивно»; более того, 50% слов любого корпуса текстов встречаются в нем лишь один раз, относясь к так называемым гапакс легоменонам (*hapax legomena*). Этот факт часто отмечается как эмпирически установленный и упоминается на страницах работ, посвященных корпусным исследованиям языка [10]. Несмотря на то, что этот факт легко обнаруживается генерированием частотного словаря, количественный объем слов с единичной частотностью может быть выведен и аналитически [11]. С утилитарной точки зрения ранговый характер распределения слов по частотности тесно связан

с показателем покрываемости текста минимальным списком; следовательно, при обучении иностранным языкам или РКИ отбор, например, лексических минимумов продвинутых уровней, в том числе профессиональных, может базироваться на более сложном частотном анализе низкочастотных единиц [12]. Таким образом, в основе законов, названных по имени изучавших их ученых – Ципфа, Парето, и Мандельброта, лежат негауссовы закономерности, что должно учитываться при рассмотрении лингвистического материала как с теоретических, так и с прикладных позиций [13].

Возвращаясь к вопросу о формульных аппроксимациях закона Ципфа, также можно заметить, что, во-первых, существование границы между редкими и частотными элементами может вызывать необходимость описывать их с помощью разных аппроксимирующих выражений, а во-вторых, существует неподтвержденное предположение, что внутри самого ядра, ограниченного лишь высокочастотными грамматическими словами, распределение может быть не ранговым.

Методы, материалы, инструменты

Для проверки гипотез наличия оптимального размера текста и частотных характеристик деформированных текстов, проиллюстрированных в таблицах, использовались тексты следующих произведений: (i) роман Джека Лондона «Мартин Иден» и набор коротких рассказов О. Генри, (ii) роман Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень», книга Кейт Фокс «Наблюдая за англичанами» и целый ряд других произведений, написанных на английском языке. Для проверки гипотезы об *авторской константе* изучались тексты большего количества авторов; мы просчитали величину авторской константы для более ста текстов, написанных различными авторами. На момент написания данной статьи коллективно написанные работы в научных журналах не проверялись на наличие авторской константы, тем не менее при использовании определенной методики такая проверка представляет интерес.

Первоначально, как мы уже упоминали, набор отобранных литературных и публицистических текстов исследовался с помощью инструмента, или корпусного менеджера WordSmith Tools в версии 6.0 [14]. Известно, что это набор программ для генерации ранжированных по частотности списков слов, ранжированных по частотности, конкордансов, а также вычисления ключевых слов и коллокаций. Впоследствии процедура анализа частотностей была усовершенствована, в результате был выработан наш собственный подход к анализу и сравнению частот. В частности, было разработано собственное программное обеспечение, которое позволяет разбивать исходный текст на некоторое количество равных последовательных частей (обозначим их буквой M), а затем зафиксировать, сколько вхождений каждого слова присутствует в каждой M -й части текста. Следовательно, программа работает не с таблицей частот, а с матрицей размером V на M , где V – количество слов в тексте (или размер словаря), а M – количество равных частей, на которые разбит исследуемый текст.

Таким образом, для сравнения частот был создан целевой программный продукт, сопоставляющий частоты на основе матрицы, размеры которой определяются объемом словаря и количеством отрывков текста. Очевидно, что в такой матрице для слов, встретившихся во всем тексте один раз, репрезентирующая эти слова строка матрицы будет содержать все нули и лишь одну единицу, соответствующую той части текста, где встретилось слово с единичной частотностью. Для высокочастотных слов соответствующая строка матрицы будет состоять из примерно одинаковых чисел, поскольку высокочастотные слова (а это всегда служебные слова) встречаются в тексте сравнительно равномерно.

В ходе проведения эксперимента по сравнению теоретических или расчетных частот с реально наблюдаемыми в текстах значениями, текстовый материал увеличивался и обрабатывался итерационно. Текст произведения разбивался на некоторое количество равных частей. Далее генерировался частотный словарь и вычислялись частотные параметры для первого фрагмента текста, затем для первого и второго фрагментов, далее рассчитывались параметры для совокупности первого, второго и третьего фрагментов. Таким образом, весь текстовый материал изучаемого произведения был разбит на увеличивающиеся фрагменты, частоты которых последовательно изучались и сводились в таблицу. Так, в табл. 1 приведены значения параметров для текста романа Джека Лондона «Мартин Иден», разбитого на 18 частей (по 8 тысяч словоупотреблений в каждой части), что соответствует 18 строкам таблицы, каждая из которых репрезентирует на 8 тысяч словоупотреблений больше, чем предыдущая.

Деформация текстов

Определенная часть исследования посвящена неполным текстам, поэтому была разработана процедура деформации текстового материала для получения текстов, частично потерявших связность и смысловую ясность. В данной части эксперимента мы осуществляли сокращение текстов путем случайного удаления слов из исходного текста; этот процесс является основной составляющей деформации текста. Отметим, что отдельные слова удаляются из текста, как мы уже упомянули, случайным образом, по специально разработанной процедуре. Чтобы достичь этой цели, мы начали с нумерации всех слов, а затем использовали генератор случайных чисел для выбора тех номеров из пронумерованного списка слов, которые должны были исключаться из текста. При анализе частотных характеристик отобранных произведений рассматривались как сами случайно выбранные слова, так и деформированные тексты.

Важно отметить, что порядок слов в тексте не оказывает влияния на его частотные характеристики.

Таблица 1

Размер текста (количество словоупотреблений, N) и словаря (V), относительная (P_1) и абсолютная (F_1) частоты, значения константы K и ошибки E

№	N	V	F_1	P_1	$K = 1/(Ln(V)+\gamma)$	$K = V/N$	E
1	8 000	2 048	450	0,05625	0,12192	0,25600	0,43377
2	16 000	3 123	831	0,05194	0,11596	0,19519	0,34724
3	24 000	3 885	1 229	0,05121	0,11310	0,16188	0,24994
4	32 000	4 658	1 588	0,04963	0,11082	0,14556	0,18688
5	40 000	5 262	1 993	0,04983	0,10934	0,13155	0,11468
6	48 000	5 907	2 390	0,04979	0,10798	0,12306	0,06627
7	56 000	6 507	2 824	0,05043	0,10686	0,11620	0,02407
8	64 000	6 956	3 157	0,04933	0,10611	0,10869	0,03056
9	72 000	7 508	3 560	0,04944	0,10525	0,10428	0,00451
10	80 000	7 931	4 001	0,05001	0,10465	0,09914	0,06123
11	88 000	8 427	4 486	0,05098	0,10399	0,09576	0,06848
12	96 000	8 824	4 912	0,05117	0,10349	0,09192	0,08539
13	104 000	9 281	5 322	0,05117	0,10296	0,08924	0,09947
14	112 000	9 759	5 767	0,05149	0,10243	0,08713	0,11072
15	120 000	10 135	6 250	0,05208	0,10203	0,08446	0,12604
16	128 000	10 451	6 725	0,05254	0,10171	0,08165	0,14294
17	136 000	10 688	7 137	0,05248	0,10148	0,07859	0,16444
18	142 259	10 887	7 462	0,05245	0,10129	0,07653	0,18003

В нашем эксперименте мы искажали тексты двумя способами: а) случайным удалением выбранных слов из изучаемого текста; б) составлением изучаемого текста на основе случайно выбранных слов из целостного текста.

Исследование

Для решения задач нашего исследования необходимо представить некоторые преобразования классической формулы закона Ципфа, а также определиться со способом сравнения частот. Для этого (i) были выполнены преобразования формулы Ципфа; (ii) было введено понятие ошибки как меры сравнения расчетных и теоретических частот.

Кроме того, прежде чем приступить к описанию эксперимента, необходимо определить понятие «оптимальный текст». Под оптимальным понимается текст такого размера (по количеству словоупотреблений), при котором наблюдается наилучшее совпадение между реально наблюдаемыми и теоретически вычисленными частотами по формуле Ципфа.

Сопоставляя различные терминологические традиции, следует сказать, что частотным словарем в российской науке принято называть набор слов с частотой их вхождения в данный текст, упорядоченный по убыванию частоты, в то время как в зарубежной литературе, в частности в продукте Word Smith 6.0, используется термин вордлист (wordlist).

Оптимальный текст и ошибка

Для выполнения преобразований формулы Ципфа обратимся к некоторым обозначениям. Рассмотрим множество всех слов, которым соответствуют словоформы, образующие текст. Каждому слову (словоформе) мы поставили в соответствие целое число n , равное количеству словоформ в тексте. Далее полученное множество было упорядочено по убыванию n , а для слов с одинаковым (совпадающим) значением n – в алфавитном порядке. Каждому слову в полученном упорядоченном множестве присваивается порядковый номер, начиная с 1, который в дальнейшем будем называть рангом. Число n именуется частотой слова, а полученный упорядоченный набор из трех параметров: ранг, слово, частота – принято называть частотным словарем текста. Построенный таким образом словарь упорядочен по возрастанию ранга и по убыванию частоты. Как несложно заметить, максимальный ранг слова равен количеству разных слов в словаре. Это значение составляет размер словаря; обозначим его символом V . Вместе с тем сумма частот всех слов в словаре равна количеству словоформ в тексте и является размером (объемом) текста, который обозначен буквой N . Как следует из принятых обозначений, ранг слова в словаре может принимать значения от 1 до V , т.е. $i = 1, \dots, V$, где i – ранг слова.

Абсолютную частоту слова с i -м рангом обозначим F_i , соответственно относительная частота слова определяется как частное $p_i = \frac{F_i}{N}$. Таким образом, формулу закона Ципфа представим следующим образом:

$$F_i = \frac{\tilde{K}}{i}, \quad (1)$$

где \tilde{K} – подбираемая для данного текста константа.

Вернемся к рассмотрению закона Ципфа и изложим некоторые соображения, связанные константой \tilde{K} из формулы (1). Для простоты дальнейших рассуждений перепишем эту формулу для относительных частот, поделив обе части выражения на N :

$$p_i = \frac{K}{i}, \quad (2)$$

где $K = \frac{\tilde{K}}{N}$.

Учитывая правила, по которым создан частотный словарь, можно представить следующие выражения:

$$\sum_{i=1}^V F_i = N \text{ или } \sum_{i=1}^V p_i = 1.$$

С учетом последнего выражения соотношение (2) может быть представлено в виде

$$K \sum_{i=1}^V \frac{1}{i} = 1. \quad (3)$$

Для больших значений V , используя формулу Эйлера для частичной суммы гармонического ряда (или ν -е гармоническое число, т.е. сумма обратных величин первых ν последовательных чисел натурального ряда), представим последнее равенство (3) в виде

$$K = \frac{1}{(\ln(V)+\gamma)}, \quad (4)$$

где $\gamma = 0,577\dots$ – постоянная Эйлера – Маскероне. Таким образом, выражение (3) представляет собой не что иное, как одно из условий нормировки K (подбираемой константы K) для выражения (1). Два других условия нормировки для константы K выглядят следующим образом:

$$K = p_1. \quad (5)$$

$$K = \frac{V}{N}. \quad (6)$$

Выражение (6) было выведено с учетом того, что частота наименее частотного слова в частотном словаре всегда равна единице. Таким образом, соотношение (6) представляет собой хорошо известный корпусным лингвистам коэффициент лексического разнообразия (так называемый Туре – Token Ratio, TTR).

Для проверки согласованности данных, основанных на теоретических или расчетных выражениях, и эмпирических значениях, полученных из аутентичных лингвистических материалов, мы провели эксперимент. Были исследованы текст полного собрания сочинений Джека Лондона под названием «Мартин Иден», а также тексты из 15 сборников рассказов О. Генри и другие текстовые материалы.

Несмотря на то, что общий вид закона Ципфа (1) подразумевает разные значения частот для различных рангов, на практике это не выполняется, и количество уникальных частот в частотном словаре значительно уступает количеству повторяющихся. Кроме того, когда речь идет об абсолютных частотах, имеет смысл говорить только о целочисленных значениях, и поэтому при вычислениях частот мы использовали округление. В качестве меры различия теоретической частоты и наблюдаемой для слова с рангом i из частотного словаря использовалась величина E_i , которую мы ввели выражением

$$E_i = \frac{|F_i - \hat{F}_i|}{\sqrt{F_i \hat{F}_i}}. \quad (7)$$

где F_i и \hat{F}_i соответственно наблюдаемая и вычисляемая частоты. Суммарная ошибка, как количественная мера расхождения кривых для наблюдаемых и вычисляемых частот, считается по формуле, которая суммирует все ошибки E_i и затем делит сумму на значение V , т.е. размер словаря:

$$E = \frac{1}{V} \sum_{i=1}^V E_i. \quad (8)$$

Величину, вычисляемую по формуле (8), будем в дальнейшем называть **ошибкой**.

В ходе проведения эксперимента текстовый материал рассматриваемых произведений увеличивался и обрабатывался итерационно. Текст разбивался на некоторое количество равных частей. Далее генерировался частотный словарь и вычислялись частотные параметры для первого фрагмента текста, затем для первого и второго, потом для первого, второго и третьего. И так до конца произведения. В табл. 1 приведены значения параметров для текста романа Джека Лондона «Мартин Иден», разбитого на 18 частей по 8 тысяч слов в каждой части.

Результаты, представленные в табл. 1, приводят нас к следующим выводам:

1. Значение относительной частоты первого слова в частотном словаре (p_1) практически не меняется с увеличением размера текста, и как следствие, в качестве значения для нормировки K уравнение (5) подходит плохо. Проведенные эксперименты показывают, что при использовании уравнения (5) для вычисления значения K получается существенное расхождение значений наблюдаемых и вычисляемых частот.

2. Значения константы K для нормировочных уравнений, вычисляемые как $K = 1/((\ln(V)+\gamma))$ и $K = V/N$, практически совпадают при размере текста порядка 72 000 словоформ.

3. Минимальное значение ошибки E принимает также и при размере текста приблизительно равном 72 000 словоформ. Иными словами, как показывает эксперимент, объем текста имеет принципиальное значение при оценке рассогласованности между теоретическими и эмпирическими данными в изучаемых ранговых распределениях.

Так, для текста объемом 72 000 словоформ, т.е. оптимального текста, расхождение между кривыми наблюдаемых и вычисляемых частот минимально. Для визуализации результатов были построены графики зависимости частот от ранга слова. На рис. 1, 2 сопоставлены кривые, построенные в соответствии со значениями наблюдаемых и вычисляемых частот слов в частотном словаре. Для наглядности кривые приведены в двойном логарифмическом масштабе. Для текста, состоящего из первых 72 000 словоупотреблений, кривые показаны на рис. 1. Для полного текста, состоящего из 142 259 словоупотреблений, кривые представлены на рис. 2.

Таким образом, очевидно, что распределение (1) точно выполняется при достаточно ограниченном объеме текста, который и признается оптимальным. Однако проведенные нами эксперименты показывают, что с ростом отклонения от оптимального объема текста по количеству словоупотреблений в большую или меньшую сторону все явственнее наблюдается рассогласованность между теоретически вычисляемыми (расчетными) и значениями частот в реальном тексте.

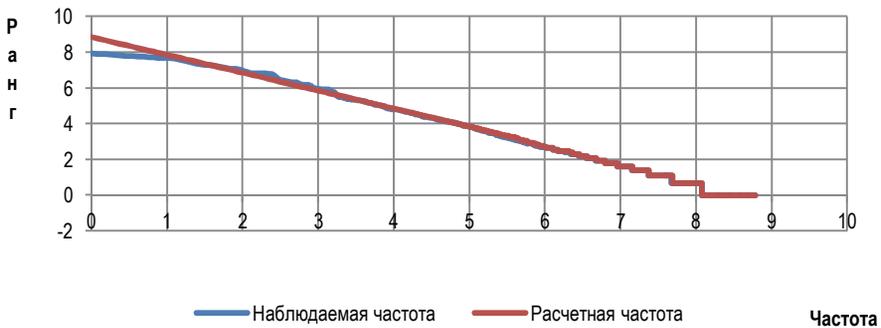

Рис. 1. График зависимости относительных частот от ранга для текста романа Джека Лондона «Мартин Иден» объемом 72 000 словоупотреблений в двойном логарифмическом масштабе

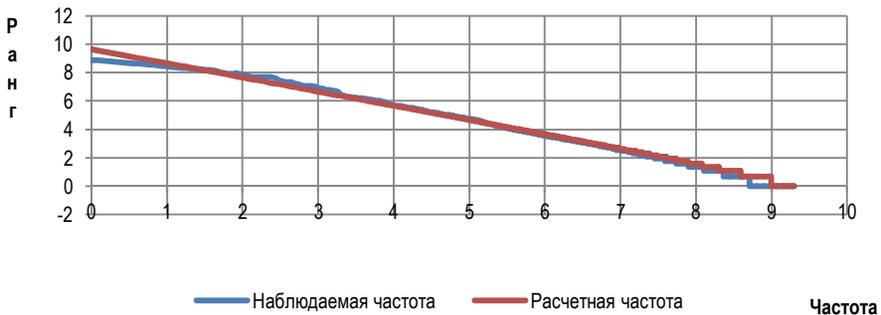

Рис. 2. График зависимости относительных частот от ранга для полного текста романа Джека Лондона «Мартин Иден» объемом 142 259 словоупотреблений в двойном логарифмическом масштабе

Примечательно, что этот факт не ускользнул от внимания самого Дж. Ципфа, который писал, что наилучшее совпадение теоретических и наблюдаемых частот будет иметь место на выборках так называемого «оптимального объема» или «размера» [1]. Вместе с тем ученый не привел развернутых объяснений этого факта. Вероятно, эмпирические проверки не проводились по причине отсутствия мощных компьютерных возможностей, которые доступны сейчас.

Исследование зависимости целостности текста и выполнимости распределения Ципфа – Мандельброта

В одной из своих работ российский математик Ю.К. Орлов [15] поднимает вопрос о том, что частоты слов в частотных словарях согласуются с вычисляемыми в распределении Ципфа–Мандельброта только в тех случаях, когда в качестве текста взято законченное литературное произведение. Автор также считал, что справедливо и следующее обобщение: указанное

частотное соответствие оговоренным распределениям заметно ухудшается, если в качестве текста взять лишь отрывок литературного произведения или текст нехудожественного жанра. Данное утверждение цитировалось во многих работах и со временем стало рассматриваться как устоявшийся факт.

Поскольку корпусные инструменты и сегодняшние вычислительные мощности позволяют проверить данное предположение, был разработан и проведен эксперимент для проверки высказанной гипотезы на материале художественного произведения. В качестве текстовой основы этой части исследования были взяты роман Джека Лондона «Мартин Иден» и роман Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень». Результаты по каждому из произведений помещены в отдельные таблицы. Так, в табл. 2 приведены результаты по тексту романа Джека Лондона «Мартин Иден». Как упоминалось в секции, описывающей методологию вычислений, целые тексты каждого произведения разбивались на равные последовательные отрывки объемом 8 тыс. словоупотреблений каждый. Соответственно, для каждого из отрывков текстов объемом 8 000, 16 000, 24 000 и т.д. словоупотреблений был составлен частотный словарь, посчитан размер словаря **Инабл**, вычислен расчетный размер словаря **Врасч** с использованием формул (2) и (4), приведено значение относительной частоты самого частотного слова p_1 и значение ошибки E . Напомним, что в метрике данного исследования было введено понятие ошибки, которая рассчитывается по формуле (8) и дает возможность количественно оценить расхождение между наблюдаемыми и вычисляемыми частотами. Таким образом, все описанные результаты для целостных текстов приведены в левой половине таблицы.

Аналогичные вычисления были выполнены и для деформированных текстов. Результаты соответствующих расчетов приведены в правой половине табл. 2. Для эксперимента было важно, чтобы деформированный текст представлял собой бессмысленный набор слов, в котором искажены как связность, так и смысловое содержание и законченность. Вопреки рассуждениям о корреляции между целостностью текстов и их частотными характеристиками при сравнении полученных значений наблюдаемых **Инабл** и вычисляемых частот **Врасч**, а также ошибки E и относительной частоты самого частотного слова p_1 в исходных и деформированных текстах обнаруживается незначительное расхождение рассматриваемых параметров. Следует отметить две замечательные особенности. Во-первых, значение относительной частоты самого частотного слова p_1 сохраняет свое постоянство как для исходного, так и для деформированного текста и практически не зависит от размера фрагмента. Во-вторых, расхождение между наблюдаемыми и расчетными частотами, характеризующееся величиной ошибки E , достигает своего минимального значения при практически одинаковом размере как для исходного, так и для деформированного текста, равном 72 000 словоупотреблений.

Таблица 2

**Параметры распределения Ципфа (2) для целостного текста в левой части
таблицы и для деформированного текста в правой части таблицы
(по тексту романа Джека Лондона «Мартин Иден»)**

<i>N</i>	<i>V</i> _{набл}	<i>V</i> _{расч}	<i>p</i> ₁	<i>ERR</i>	<i>N</i>	<i>V</i> _{набл}	<i>V</i> _{расч}	<i>p</i> ₁	<i>ERR</i>
8 000	2 048	975	0,05625	0,43377	8 000	1 868	986	0,04888	0,35201
16 000	3 123	1 855	0,05194	0,34724	16 000	3 083	1 858	0,05150	0,30075
24 000	3 885	2 714	0,05121	0,24994	24 000	4 075	2 700	0,05046	0,25599
32 000	4 658	3 546	0,04963	0,18688	32 000	4 892	3 527	0,05113	0,20498
40 000	5 262	4 374	0,04983	0,11468	40 000	5 575	4 346	0,05168	0,15595
48 000	5 907	5 183	0,04979	0,06627	48 000	6 211	5 155	0,05171	0,10580
56 000	6 507	5 984	0,05043	0,02407	56 000	6 768	5 959	0,05250	0,06467
64 000	6 956	6 791	0,04933	0,03056	64 000	7 267	6 759	0,05248	0,02825
<u>72 000</u>	<u>7 508</u>	<u>7 578</u>	<u>0,04944</u>	<u>0,00451</u>	<u>72 000</u>	<u>7 760</u>	<u>7 552</u>	<u>0,05289</u>	<u>0,00334</u>
80 000	7 931	8 372	0,05001	0,06123	80 000	8 178	8 345	0,05356	0,04924
88 000	8 427	9 151	0,05098	0,06848	88 000	8 614	9 130	0,05363	0,06602
96 000	8 824	9 935	0,05117	0,08539	96 000	9 009	9 914	0,05373	0,08012
104 000	9 281	10 707	0,05117	0,09947	104 000	9 367	10 697	0,05368	0,09655
112 000	9 759	11 472	0,05149	0,11072	112 000	9 742	11 474	0,05372	0,11372
120 000	10 135	12 244	0,05208	0,12604	120 000	10 064	12 252	0,05358	0,13209
128 000	10 451	13 019	0,05254	0,14294	128 000	10 390	13 027	0,05328	0,14750
136 000	10 688	13 801	0,05248	0,16444	136 000	10 673	13 803	0,05303	0,16415
142 259	10 887	14 410	0,05245	0,18003	142 259	10 887	14 410	0,05245	0,18003

Таким образом, эти данные позволяют сделать вывод о наличии «оптимального» размера текста не только для целостных, но и для деформированных текстов. Очевидно, что, несмотря на потерю связности и деформацию, *оптимальный* объем практически совпадает у исходного и деформированного текстов. В табл. 3 приведены аналогичные расчеты для романа Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень». Для этого произведения, как видно из таблицы, «оптимальный» размер для исходного и деформированного текста равен 24 тыс. словоупотреблений. Тем же способом были проанализированы еще несколько произведений разных жанров, на материале которых подтвердился аналогичный результат. Отметим, что анализировались частоты как в самих усеченных за счет случайно выброшенных слов текстах, так и в «текстах», состоящих исключительно из самих выброшенных слов. Результат исследования частот в этих текстовых материалах достаточно стабилен: основным параметром является объем или размер текста, именно близость к оптимальному размеру текста определяет то, насколько ципфовскими будут его частотные характеристики.

Таким образом, обратившись к совокупности результатов проведенных вычислений, можно сделать некоторые важные выводы. Во-первых, многочисленные вычисления доказывают, что степень соответствия наблюдаемых частотных характеристик текста соответствующим вычисляемым характеристикам в действительности не зависит от жанра произведения, его законченности и целостности.

Таблица 3

Параметры распределения Ципфа (2) для целостного текста в левой части таблицы и для деформированного текста в правой части таблицы (по тексту романа Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень»)

N	$V_{\text{набл}}$	$V_{\text{расч}}$	p_1	ERR	N	$V_{\text{набл}}$	$V_{\text{расч}}$	p_1	ERR
4 000	1 103	769	0,04450	0,52163	4 000	1 280	782	0,04050	0,56235
8 000	1 708	1 348	0,04663	0,43680	8 000	1 931	1 371	0,04213	0,49190
12 000	2 179	1 880	0,04900	0,34672	12 000	2 422	1 922	0,04250	0,42778
16 000	2 609	2 405	0,04813	0,28851	16 000	2 791	2 452	0,04231	0,35750
20 000	3 026	2 930	0,04585	0,24999	20 000	3 134	2 961	0,04265	0,29169
<u>24 000</u>	<u>3 350</u>	<u>3 437</u>	<u>0,04471</u>	<u>0,00946</u>	<u>24 000</u>	<u>3 444</u>	<u>3 446</u>	<u>0,04392</u>	<u>0,02897</u>
28 000	3 596	3 924	0,04468	0,02437	28 000	3 745	3 929	0,04425	0,06044
32 000	3 857	4 394	0,04528	0,06869	32 000	3 989	4 407	0,04438	0,06548
36 000	4 178	4 853	0,04614	0,06297	36 000	4 220	4 879	0,04433	0,06659
40 000	4 431	5 322	0,04583	0,06884	40 000	4 449	5 343	0,04445	0,06698
44 000	4 614	5 785	0,04557	0,07606	44 000	4 659	5 804	0,04445	0,07208
48 000	4 824	6 223	0,04654	0,09044	48 000	4 852	6 255	0,04473	0,08435
52 000	5 022	6 673	0,04652	0,10134	52 000	5 030	6 709	0,04458	0,09916
56 000	5 238	7 118	0,04654	0,11301	56 000	5 192	7 145	0,04514	0,11596
60 000	5 389	7 563	0,04640	0,13708	60 000	5 366	7 586	0,04530	0,13051
64 000	5 536	8 008	0,04614	0,15004	64 000	5 524	8 018	0,04569	0,14782
68 000	5 681	8 448	0,04597	0,16791	68 000	5 671	8 460	0,04546	0,16688
72 000	5 820	8 889	0,04569	0,18356	72 000	5 796	8 892	0,04557	0,18415
76 000	5 953	9 309	0,04617	0,20477	76 000	5 946	9 324	0,04554	0,20415
82 000	6 138	9 965	0,04563	0,23079	82 000	6 100	10 000	0,04546	0,21994
82 588	6 163	10 029	0,04559	0,23392	82 588	6 163	10 029	0,04559	0,23392

Во-вторых, наблюдаемые и вычисляемые частотные характеристики у целостных и деформированных текстов практически совпадают. Фактически вид вычисляемой кривой распределения частот слов зависит лишь от двух величин: относительной частоты самого употребляемого слова p_1 и размера текста N . Величина p_1 является постоянной, практически не зависящей от размера и деформации текста, но вместе с тем ощутимо различающейся для каждого автора. В-третьих, оптимальным текстом является текст определенного размера, при котором наблюдаемые и вычисляемые частотные характеристики совпадают как для целостных текстов, так и для деформированных. Напомним, что существование оптимального текста было описано Дж. Ципфом и предполагает совпадение наблюдаемого размера частотного словаря с вычисляемым. Иными словами, для размера текста, при котором значение ошибки E минимально, расхождение между наблюдаемым и вычисляемым размерами словаря тоже будет минимальным. Для придания большей наглядности вышесказанному приведем графики зависимостей ошибки E от размера текста N для целостного и деформированного текстов книги Джоан Роулинг. Графики представлены на рис. 3.

Две кривые данного графика, соответствующие целостному и деформированному тексту, имеют практически равный по значению минимум при совпадающем значении текста (примерно 24 000 словоупотреблений). При

больших значениях размера текста, начиная приблизительно с 30 000 словоупотреблений, кривые практически совпадают. При малых значениях размера текста ошибка деформированного текста демонстрирует чуть большее значение по сравнению с ошибкой целостного текста.

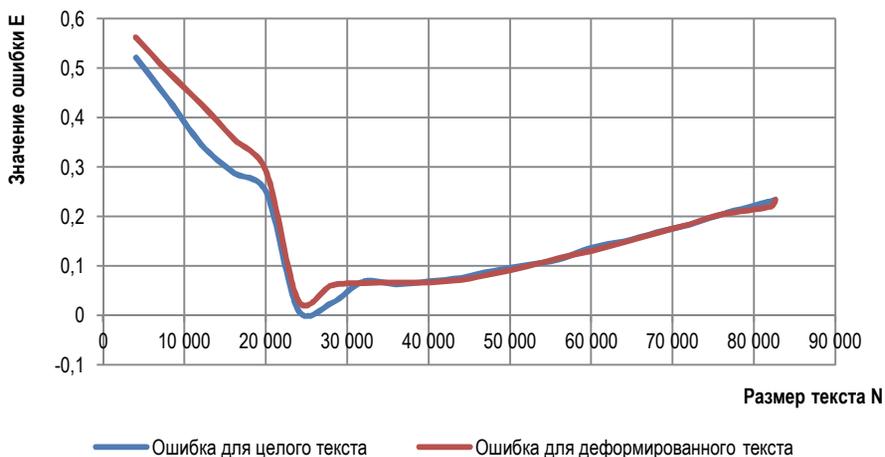

Рис. 3. Значение ошибки в зависимости от размера текста для целостного и деформированного текстов

Заключение и обсуждение результатов

В заключении представлено обсуждение результатов нашей работы, а также более общих наблюдений и выводов, касающихся распределения Ципфа–Парето, которые мы получили в ходе эксперимента.

Выводы нашего экспериментального исследования заключаются в следующем:

а) у каждого автора существует свой (уникальный) оптимальный объем текста, характеризующийся наилучшим совпадением вычисляемых и наблюдаемых частот. Однако по мере отклонения от оптимального размера текста, выполнение указанных распределений становится менее точным. Под вычисляемыми мы понимаем частоты, определенные по формулам распределения Ципфа;

б) выполнимость распределения Ципфа зависит фактически от единственного фактора, а именно объема текста. Отклонение от оптимального объема вызывает искажение частотных распределений, в то время как нарушение целостности текста не вызывает значимых расхождений между вычисленными и наблюдаемыми частотными характеристиками текста. Даже случайным образом отобранные из текста совокупности отдельных слов сохраняют ципфовские черты при условии, что их количество составляет оптимальный объем;

в) в ходе эксперимента также удалось обнаружить некую *константу автора*, равную относительной частотности самого частотного слова p_1 . Эта величина проявляет существенную устойчивость к разрушению целостности текста и остается постоянной не только в законченных работах одного и того же автора, но и в текстах, составленных из отдельных фрагментов текстов автора.

Общие наблюдения по ранговым распределениям, к которым относится человеческий язык, касаются часто используемого понятия «вероятность», применяемого в отношении предсказания появления слова на страницах произведений. Мы нередко сталкиваемся с тем, что относительные частоты слов в частотном словаре ассоциируют с некими вероятностями, с которыми данные слова встречаются или в произведениях определенного жанра, или в языке вообще. На этом фоне мы считаем, что задача нашего исследования состоит в том, чтобы разобраться в причинах возникновения тех ошибок, которые стали нормой филологического и корпусно-лингвистического узуса. Многие авторы – по всей вероятности, в силу недостаточной осведомленности – зачастую искаженно представляют суть ранговых и гауссовых распределений, неправомерно расширяя (или, наоборот, сужая) область их применения, трактуя язык в терминах гауссовых распределений и пользуясь такими понятиями, как математическое ожидание, дисперсия, которые, вообще говоря, могут быть неприменимы в распределениях под названием «ранговые».

С нашей точки зрения, относительная частота слова в частотном словаре может быть интерпретирована как вероятность только в одной единственной трактовке: при случайном выборе слов из *определенного* текста, вероятность выпадения, или выбора *определенного* слова именно в этом тексте. будет соответствовать его относительной частоте в частотном словаре. Следует отметить, что речь идет об одном и том же тексте, и расширение понятия вероятности появления данного слова в других текстах неправомерно. Например, если взять два одинаковых по размеру фрагмента романа Джека Лондона «Мартин Иден» и составить для каждого из них частотный словарь, то частотные характеристики двух фрагментов будут совпадать, но слова, обладающие одинаковым рангом в двух различных словарях, будут разными. Таким образом, ранг, по существу, является оболочкой, в которую попадает слово, но в разных текстах в эту оболочку попадут разные слова. Можно метафорически представить ранг как должность, занимаемую сотрудниками в компании, например должность менеджера, старшего менеджера или директора компании. Эту позицию с неизбежностью кто-то занимает, однако в разных компаниях это будут разные люди.

Согласно результатам нашего эксперимента в каждом из двадцати фрагментов романа «Мартин Иден» Джека Лондона, состоящих из 8 тыс. слов, наблюдаются некоторые различия в ранжировании и составе самых частотных слов. Некоторые слова могут иметь разный ранг в разных фрагментах, а некоторые вообще могут не встречаться в других фрагментах. Тем не менее частота использования слов примерно одинакова для каждого ранга во

всех фрагментах, за исключением артикля «the», который почти всегда занимает первое место в частотных словарях.

Таким образом, при анализе содержания текста и составлении частотного словаря на основе прочитанных ста страниц не представляется возможным сделать вывод относительно того, какие слова и в каком объеме будут присутствовать на сто первой странице, за исключением, возможно, некоторого набора наиболее часто встречающихся слов.

Список источников

1. Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort // *Science* 110. 1949. № 2868. P. 669.
2. Арапов М.В., Ефимова Е.Н., Шрейдер Ю.А. О смысле ранговых распределений // *НТИ. Сер. 2*. 1975. № 1. С. 9–20.
3. Bowen Cai, Zhenfeng Shao, Shenghui Fang, Xiao Huang, Yun Tang, Muchen Zheng, Hao Zhang. The Evolution of urban agglomerations in China and how it deviates from Zipf's law // *Geo-spatial Information Science*. 2022. doi: 10.1080/10095020.2022.2083527
4. Zanette D., Montemurro M. Dynamics of Text Generation with Realistic Zipf's Distribution // *Journal of Quantitative Linguistics*. 2005. № 12:1. P. 29–40. doi: 10.1080/09296170500055293
5. Merton R.K. The Matthew Effect in Science // *Science*. 1968b. Vol. 5, № 159. P. 3810. Reprinted in: Merton, 1973.
6. Петров В.М., Яблонский А.И. Математика и социальные процессы: гиперболические распределения и их применение. М. : Знание, 1980. 64 с.
7. Estoup J.B. Gammes stenographiques: methode et exercices pour l'acquisition de la vitesse. 4e ed. rev. et aug. Paris, 1916. 151 p.
8. Zipf G.K. Relative frequency as a determinant of phonetic change // *Harvard studies in classical philology*. 1929. № 40.
9. O'Keefe A., McCarthy M., Carter R. From corpus to classroom: Language use and language teaching. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
10. Scott M., Tribble C. Textual Patterns: key words and corpus analysis in language education: Studies in Corpus Linguistics. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. 200 p.
11. Горина О.Г., Царакова Н.С., Цариков С.К. Study of Optimal Text Size Phenomenon in Zipf–Mandelbrot's Distribution on the Bases of Full and Distorted Texts. Author's Frequency Characteristics and derivation of Napax Legomena // *Journal of Quantitative Linguistics*. 2020. № 27:2. P. 134–158. doi: 10.1080/09296174.2018.1559460
12. Горина О.Г., Царакова Н.С. Корпусные инструменты, маршруты и эксперименты в современной лингводидактике // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. Т. 19, № 2. С. 36–53. doi: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-36-53
13. Mandelbrot B.B. *The Fractal Geometry of Nature*. New York : Freeman, 1983.
14. Scott M. *WordSmith Tools: Software*. Oxford : Oxford University Press, 2012.
15. Орлов Ю.К. Невидимая гармония // *Число и мысль*. Вып. 3. М. : Знание, 1980. С. 70–106.

References

1. Zipf, G.K. (1949) Human Behavior and the Principle of Least Effort. *Science* 110. 2868. pp. 669.
2. Arapov, M.V., Efimova, E.N. & Shreyder, Yu.A. (1975) O smysle rangovykh raspredeleniy [On the meaning of rank distributions]. *NTI. Ser. 2*. 1. pp. 9–20.

3. Bowen Cai et al. (2022) The Evolution of urban agglomerations in China and how it deviates from Zipf's law. *Geo-spatial Information Science*. doi: 10.1080/10095020.2022.2083527
4. Zanette, D. & Montemurro, M. (2005) Dynamics of Text Generation with Realistic Zipf's Distribution. *Journal of Quantitative Linguistics*. 12:1. pp. 29–40. doi: 10.1080/09296170500055293
5. Merton, R.K. (1968) The Matthew Effect in Science. *Science*. 5 (159). p. 3810. Reprinted in: Merton, 1973.
6. Petrov, V.M. & Yablonskiy, A.I. (1980) *Matematika i sotsial'nye protsessy: giperbolicheskie raspredeleniya i ikh primeneniye* [Mathematics and social processes: hyperbolic distributions and their applications]. Moscow: Znanie.
7. Estoup, J.B. (1916) *Gammes stenographiques: methode et exercices pour l'acquisition de la vitesse*. 4e ed. Paris: Institut Sténographique.
8. Zipf, G.K. (1929) Relative frequency as a determinant of phonetic change. *Harvard Studies in Classical Philology*. 40.
9. O'Keeffe, A., McCarthy, M. & Carter, R. (2007) *From corpus to classroom: Language use and language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Scott, M. & Tribble, C. (2006) *Textual Patterns: key words and corpus analysis in language education: Studies in Corpus Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
11. Gorina, O.G., Tsarakova, N.S. & Tsarakov, S.K. (2020) Study of Optimal Text Size Phenomenon in Zipf–Mandelbrot's Distribution on the Bases of Full and Distorted Texts. Author's Frequency Characteristics and derivation of Hapax Legomena. *Journal of Quantitative Linguistics*. 27:2. pp. 134–158. doi: 10.1080/09296174.2018.1559460
12. Gorina, O.G. & Tsarakova, N.S. (2021) Corpus Routes and Experiments in Language Teaching. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 19 (2). pp. 36–53. (In Russian). doi: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-36-53
13. Mandelbrot, B.B. (1983) *The Fractal Geometry of Nature*. New York: Freeman.
14. Scott, M. (2012) *Wordsmith Tools: Software*. Oxford: Oxford University Press.
15. Orlov, Yu.K. (1980) Nevidimaya garmoniya [Invisible Harmony]. In: *Chislo i mysl'* [Number and Thought]. Vol. 3. Moscow: Znanie. pp. 70–106.

Информация об авторах:

Горина О.Г. – канд. пед. наук, доцент Департамента иностранных языков НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: gorina@bk.ru

Царакова Н.С. – преподаватель Департамента иностранных языков НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: n.carakova@gmail.com

Крайторов М.В. – студент Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mvkraytorov@edu.hse.ru

Куганова Д.А. – студент Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dakuganova@edu.hse.ru

Петров И.Д. – аспирант Санкт-Петербургской школы физико-математических и компьютерных наук НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: idpetrov@edu.hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.G. Gorina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: gorina@bk.ru

N.S. Tsarakova, lecturer, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.carakova@gmail.com

M.V. Kraytorov, student, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mvkraytorov@edu.hse.ru

D.A. Kuganova, student, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dakuganova@edu.hse.ru

I.D. Petrov, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: idpetrov@edu.hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.03.2023;
одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 18.03.2023;
approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья
УДК 81'34
doi: 10.17223/19986645/90/2

Ассибиляция латеральных согласных (акустика и типологические параллели)

Инна Арнольдовна Зибер¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, innasieber@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается акустическая и артикуляционная вариативность латеральных согласных в языках разных семей с фокусом на тех проявлениях этой вариативности, которая сближает латеральные с сибилантами. Частные случаи ассибиляции латеральных в современных языках предлагается анализировать в контексте аналогичных диахронических изменений и морфонологических чередований. В статье привлекаются полевые записи на хантыйском, чукотском, андийском и убыхском языках.

Ключевые слова: латеральные согласные, сибиланты, акустическая вариативность, фонетические изменения, палатализация, консонантная гармония

Благодарности: автор благодарит анонимных рецензентов и редакцию журнала за ценные замечания и помощь.

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-325).

Для цитирования: Зибер И.А. Ассибиляция латеральных согласных (акустика и типологические параллели) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 26–50. doi: 10.17223/19986645/90/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/2

Assibilated laterals in acoustics and typology

Inna A. Sieber¹

¹ *HSE University, Moscow, Russian Federation, innasieber@gmail.com*

Abstract. Typological studies on sound change, palatalization and consonant harmony consider lateral consonants among liquids and do not pay much attention to lateral fricatives. Researchers show that palatalization transforms lateral sonorants to *j* or rhotics, whereas lateral fricatives receive only “secondary” palatalization, or additional articulation of palatalization. In this article, I focus on several cases of lateral-to-sibilant change, as a result of palatalization and of high acoustic variability of both laterals and sibilants. Lateral consonants are characterised by certain invariant properties of their

spectrum; however, these consonants are generally characterised by a high degree of cross-linguistic variation. The voiceless alveolar fricative consonant *l*, which is the most common voiceless lateral, varies cross-linguistically more than any other fricative. I believe that the articulatory properties of laterals predispose them to high variability. Several acoustic characteristics can make laterals and sibilants similar: high intensity, high frequencies, “flat” spectrum. As a result, in some languages laterals can have—either across the board, or conditionally, or sporadically—realisations with a high degree of sibilant noise. In my article, I present three steps of the process: acoustic variation that is neglected in descriptions (Chukchi, Ubykh, Khanty, Andi), alternations in modern languages (Koryak) and reconstructed sound change (Turkic and Abkhaz-Adyghe). The analysis of linguistic reconstructions shows that in the Abkhaz-Adyghe, Turkic and Chukotko-Kamchatkan languages scholars suggest that lateral fricatives changed to alveolar or postalveolar sibilants. In modern Chukotka-Koryak languages there are pairs of words and morphemes similar or identical in meaning and distinguished by the “alternating” lateral or sibilant. To assess sporadic assibilation, field recordings in Khanty, Chukchi, Andi, and Ubykh were analyzed. Spectra and dynamic spectrograms show similarity between *l* and *s*, *l* and *ʃ*. While numerous examples of acoustic similarity and overlapping between laterals and sibilants can be found in modern languages, they are not discussed in linguistic descriptions or even in specialized phonetic papers. Among the reasons I can suggest perceptual correction that allows the listener to ignore sporadic assibilations of laterals, which are an intermediate step between the variability of the typical lateral consonant and the assibilations that the phonetic description captures.

Keywords: laterals, sibilants, acoustic variation, sound change, palatalization, consonant harmony

Acknowledgements: The author expresses her gratitude to the anonymous reviewers and the editorial board of the journal for their valuable comments and assistance. The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement No. 075-15-2022-325).

For citation: Sieber, I.A. (2024) Assibilated laterals in acoustics and typology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 26–50. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/2

В работе Н. Бейтман [1], посвящённой синхронной палатализации как на фонетическом, так и на морфонологическом уровнях, отмечаются случаи палатализации латеральных согласных. Исследовательница пишет, что при полной палатализации латеральные сонанты переходят в палатальный глайд *j*, тогда как у латеральных фрикативных наблюдается только «вторичная» палатализация, т.е. дополнительная артикуляция палатализации [1. Р. 58]. В работе [2. Р. 71–78] на материале 177 языков утверждается, что латеральные при палатализации переходят в одноударные вибранты. По всей видимости, в последней работе также имеются в виду именно сонорные латеральные, что можно объяснить относительной редкостью фрикативных латеральных согласных [3].

Тем временем в фонетических реконструкциях языков разных семей мы находим случаи ассибиляции латеральных, т.е. перехода их в сибиланты.

Сибилантами называются «свистящие» и «шипящие» звуки, которые в Международном фонетическом алфавите обозначаются символами *s, z, ʃ, ʒ, tɕ, dʒ* и подобными. Это фрикативные согласные и аффрикаты, которые артикулируются в денто-альвеолярной и постальвеолярной области при сближенных зубах и акустически характеризуются высокоинтенсивным шумом в верхней части спектра. Именно сближенные зубы отличают артикуляционно сибиланты от несибилантов типа *f, x, t, θ* и создают дополнительную преграду для воздушного потока, при столкновении его с которой и возникает шум особенно высокой интенсивности и частоты [4. Р. 138]. Исследования подтверждают, что сибиланты существуют как отдельный класс в сознании наивных носителей разных языков – говорящие склонны группировать соответствующие буквы и звуки [5. С. 13]. Сибиланты ведут себя единообразно и в усвоении языка детьми, и в речевой патологии, они дифференцируются позже других и часто путаются между собой, но значительно реже – с другими согласными ([6, 7] и др.). Латеральные фрикативные, в свою очередь, относятся к несибилантам, для их производства нет необходимости в сближенных зубах. Изменение, в результате которого латеральный несибилант переходит в сибилант, значительным образом меняет артикуляцию и акустику звука и потому вызывает интерес. При этом в синхронных языковых описаниях мы не находим упоминаний ни постоянной, ни позиционной ассибилации латеральных.

В настоящей работе представлены примеры сибилантных и несибилантных реализаций латеральных фрикативных в неродственных языках четырёх семей: хантыйском (уральские), чукотском (чукотско-камчатские), андийском (нахско-дагестанские) и убыхском (абхазо-адыгские) и рассматриваются акустические и артикуляционные параметры латеральных фрикативных, которые могут сближать их с сибилантами и в перспективе вызывать звуковое изменение. Статья призвана обратить внимание исследователей на явления такого рода при описании фонетик языков.

В первом разделе статьи идёт речь об артикуляционной и акустической вариативности латеральных фрикативных. Во втором разделе рассматриваются ранее не описанные случаи факультативной и/или позиционной ассибилации латералов в двух неродственных языках Севера России и двух неродственных языках Кавказа. В третьем разделе представлены выводы и некоторые параллели в морфонологических и реконструированных переходах латеральных согласных (в том числе сонантов) в сибиланты в языках разных семей.

1. Артикуляционная и акустическая вариативность латеральных фрикативных

По данным фонетической базы PHOIBLE [3], латеральным звукам свойственно быть сонорными, аппроксимантами и только 5% языков (149 из 2 186) располагают хотя бы одним шумным латералом. При этом в абсолютном большинстве случаев шумный не единственный латеральный в языке, почти во всех языках есть и латеральный аппроксимант.

Типичный латеральный согласный – звонкий сонорный альвеолярного места образования. Но, во-первых, латеральные могут образовываться и в других областях, а во-вторых, разделение на звонкие сонорные и глухие шумные не охватывает всей вариативности латеральных согласных. Фрикативные латералы могут быть и глухими и звонкими; глухими могут быть, судя по всему, и латеральные фрикативные и латеральные аппроксиманты, причём степень сужения представляет собой континуум, и иногда можно точно сказать, имеем мы дело с фрикативным или аппроксимантом, а иногда случаи пограничные [8, 4]. Шумные латеральные могут быть и глухими и звонкими аффрикатами, в том числе эйективными [3]. Кроме того, боковые проходы, считающиеся главной отличительной чертой латеральных согласных, могут иметься с обеих сторон языка, а могут – только с одной [9. Р. 167].

Глухой альвеолярный фрикативный согласный *ɬ*, самый распространённый глухой латерал, варьирует от языка к языку сильнее всех других фрикативных [9. Р. 141]. (Ср. с альвеолярным сибилантом *s*, о котором говорится, что он самый вариативный от диктора к диктору.) В некоторых случаях он сближается по ряду акустических характеристик с сибилантами, в первую очередь, постальвеолярными.

В уже упоминавшейся ранее работе [9] представлены акустические характеристики глухих фрикативных согласных в семи языках: чикасо, западном апаче, хупа, калиспел, шотландском, западном алеутском и тода. Привлечение всех фрикативных (и сибилантов и несибилантов) – и единообразие измерений позволяет использовать эти данные как для сравнения согласных внутри одного языка, так и для межъязыковых сравнений. Из данных, предлагаемых [9], в связи с темой настоящей статьи следует обратить внимание на соотношение реализаций *f* и *ɬ* в произнесении разных дикторов и на разных языках.

Все фрикативные, привлекаемые в исследовании [9], по различным измерениям выстраиваются в некоторую «иерархию», в которой *s*, имеющий самые высокие частоты во всех языках, расположен выше всех, *f* расположен выше, чем *f*, и т.д. Для всех языков иерархия оказывается универсальной; исключения составляют только два фрикативных: *f* и *ɬ*, которые в разных языках занимают разные положения в «иерархии» друг относительно друга, а по некоторым измерениям оказываются очень близки [9. Р. 167].

Так, значения спектрального центра масс (centre of gravity) в одних языках выше для *f*, чем для *ɬ* (западный апаче и западный алеутский), в других – выше для *ɬ*, чем для *f* (калиспел), в третьих же различия между ними статистически незначимы (чикасо и хупа) [9. Р. 155, 167].

Исследование формы спектра и расположения наиболее интенсивного шума демонстрирует схожее распределение. В языках хупа (*s f ɬ x xʷ xʷ*) и чикасо (*s f ɬ f*), где разница в значениях спектрального центра масс *f* и *ɬ* незначима, наиболее интенсивный шум *ɬ* сконцентрирован на несколько более высоких частотах, чем шум *f*, при этом в чикасо разница эта очень мала для дикторов-женщин, а среди мужчин отмечается значительная вариативность в форме спектра *ɬ* (рис. 1). Частотные характеристики максимума шума в

чикасо следующие: 2 500–4 000 Гц и ярко выраженный пик для постальвеолярного сибиланта, а у латерального усилен тот же промежуток частот, но пик менее выраженный, также имеется второй пик в районе 7 000 Гц и бóльшая интенсивность низкочастотного шума ниже 1 000 Гц [9. Р. 145].

В западном апаче ($s f t x$) пик сибиланта расположен на более высоких частотах, чем пик латерала (то же в тода, $f \theta_s s f_s t t_c x$), что соотносится с различиями в значениях спектрального центра масс (рис. 2). В западном апаче максимум шума f расположен на промежутке 3 500–4 000 Гц, тогда как у t это 2 000–2 500 Гц, но есть также небольшие усиления на более высоких частотах – в области 5 000 и 7 000 Гц [9. Р. 148]. При этом значения спектрального центра масс, которые в целом выше для сибиланта, у некоторых дикторов-мужчин были выше у латерального фрикативного [9. Р. 147].

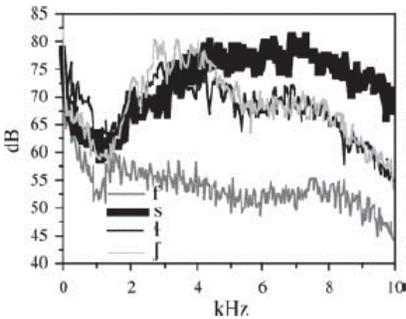

Рис. 1. Усреднённые спектральные срезы фрикативных языка чикасо (дикторы – женщины) [9. Р. 145]

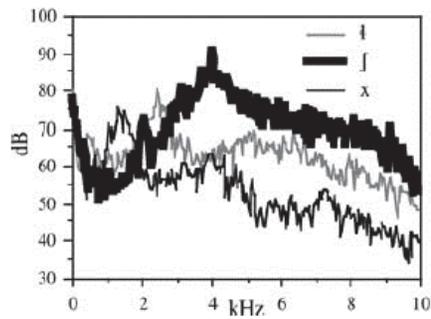

Рис. 2. Усреднённые спектральные срезы фрикативных языка западный апаче (дикторы – женщины) [9. Р. 148]

Как видно из графиков (рис. 1, 2), латеральный фрикативный по форме спектра в одних языках сближается с x (западный апаче), в других – с постальвеолярными сибилантами (чикасо).

В языке калиспел ($s t f x^w \chi \chi^w$), где латеральный имеет в среднем более высокий спектральный центр масс, чем постальвеолярный (ламинальный) сибилант, форма спектра различается у женщин и мужчин (рис. 3). У дикторов-женщин наиболее заметный пик у латерального расположен на несколько более высоких частотах, чем у сибиланта. У мужчин эти согласные имеют максимумы приблизительно в одном промежутке частот около 3 000 Гц и различаются формой спектра: у сибиланта более выраженный пик, кроме того, шум латерального согласного более интенсивен на всём спектре [9. Р. 155–156, 169].

Результаты по языку калиспел интересны ещё и тем, что различия в значениях спектрального центра масс для латерального t и для альвеолярного сибиланта s не достигают порога статистической значимости, близость в форме спектра этих согласных видна и на графике (см. рис. 3). Таким обра-

зом, в языках отмечается акустическая схожесть альвеолярного латерального фрикативного не только с заднеязычными и постальвеолярными фрикативными, но также и с альвеолярными. Это соотносится с данными о высокой вариативности латеральных согласных [4].

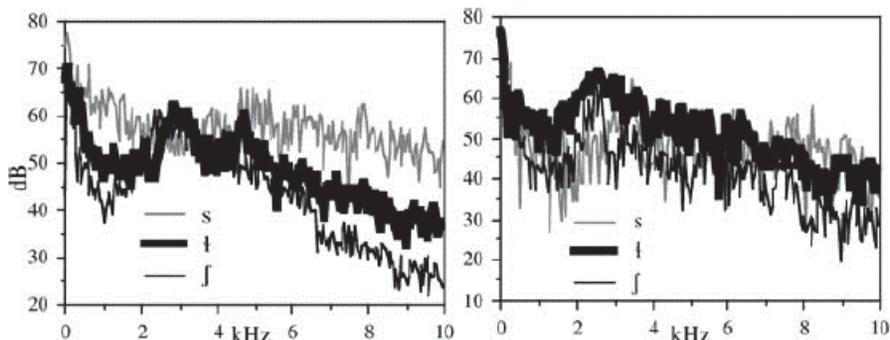

Рис. 3. Усреднённые спектры фрикативных языка калиспел (женские произнесения слева, мужские – справа) [9. Р. 156]

Таким образом, по данным [5. Р. 74; 4; 9], акустическими особенностями латеральных фрикативных в целом является широкая область интенсивного шума при относительно слабо выраженном пике, в отдельных случаях – почти плоский спектр. Плоская кривая без явно выраженных пиков интенсивности также отмечается для «шипящих» сибиллянтов [10]. Область максимального шума латеральных фрикативных отмечается в промежутке между 2 000 и 3 000 Гц, но иногда доходит и до 4 000 Гц. В большинстве случаев имеется и вторая область усиления – между 4 000 и 5 000 Гц, а иногда ещё и около 7 000 Гц. Самый высокочастотный латеральный из известных нам с частотами главного пика 5 000–7 000 Гц зафиксирован в валлийском языке [11]. Такие высокие частоты обыкновенно свойственны альвеолярным сибиллянтам.

Косвенное свидетельство акустической и перцептивной близости латеральных и сибиллянтов находим в исследованиях речевой патологии на материале русского языка. Среди сигматизмов, т.е. нарушений произношения сибиллянтов, выделяется так называемый боковой сигматизм, при котором воздушная струя проходит не по средней линии языка, а через боковую щель с одной или двух сторон из-за того, что боковые края языка не прилегают к коренным зубам. Боковой сигматизм наблюдается при произношении всех сибиллянтов, включая звонкие, аффрикаты и палатализованные согласные [12. С. 57; 13].

2. Сибилантные реализации латеральных в разных языках

Решение о том, какие согласные являются сибилантами, не вызывает трудностей, когда речь идёт об инвентаре фонем или звукотипов, о некотором основном качестве смысловозначительных единиц. Когда же перед лингвистом встает необходимость описать вариативные единицы или же собственно вариативность, оказывается, что не существует строгих критериев, по которым данное конкретное произнесение может быть оценено как сибилантное или несибилантное. Насколько высокочастотным и интенсивным должен быть шум, чтобы слушающий квалифицировал стимул как «свистящий»/«шипящий», неясно; ещё менее ясно, как оценивать степень участия зубов в преобразовании шумового спектра. Тем не менее кажется, что слушающий всё же способен принимать такого рода решения, применяя категоризацию, перцептивную коррекцию [14. Р. 244–245] и перцептивную нормализацию [15].

Кроме того, понятия «латеральный» и «сибилант» обыкновенно опираются на разнородные критерии, из которых артикуляционный критерий выделения латеральных важнее акустического критерия выделения сибилантов. Таким образом, даже отчётливо «свистящий» или «шипящий» на слух согласный всё равно будет описываться как латеральный, если часть его реализаций артикулируется с проходом воздуха по крайней мере с одной боковой стороны языка. Судя по всему, в этом кроется ответ на вопрос, почему сибилантные реализации латеральных согласных, встречающиеся во многих языках, не принято описывать.

При произнесении альвеолярного латерального согласного воздух проходит обычно справа и/или слева от языка, формирующего преграду в передней части нёба. В случае, когда язык соприкасается с нёбом большей площадью и боковые «тоннели» оказываются недостаточно свободными, скорость воздушного потока возрастает, происходит многократное столкновение воздуха с малыми (премолярами) и большими (молярами) коренными зубами и появляется характерный для сибилантов высокоинтенсивный и высокочастотный шум. Иначе говоря, латеральный приобретает сибилантные свойства. Это тем более вероятно, что латеральные, как уже говорилось в первом разделе, высоковариативны, могут произноситься как с двумя щелями, так и с одной, а также как с меньшей, так и с большей степенью сужения, что прямо влияет на скорость движения воздуха, которая, в свою очередь, является одним из основных параметров сибилантности. Можно предположить, что и смягчение согласного будет способствовать этому процессу, так как при палатализации меняются и форма языка, и вся конфигурация ротовой части речевого тракта.

Ниже будут рассмотрены некоторые примеры сибилантных и несибилантных реализаций латеральных фрикативных в неродственных языках четырёх семей: хантыйском (уральские), чукотском (чукотско-камчатские), андийском (нахско-дагестанские) и убыхском (абхазо-адыгские). Если в первом разделе статьи вариативность латеральных согласных была важна сама по себе и обсуждались исследования, посвящённые всем фрикативным, в настоящем разделе в центре внимания оказывается сравнение глухих

латеральных фрикативных и аффрикат с сибилантами разных мест образования. При этом привлекаются как спектрограммы и спектральные срезы, так и слуховой анализ, с помощью которого может производиться первичный отбор сибилантных и несибилантных реализаций фрикативных. Выбранные языки демонстрируют значительное разнообразие и в объёме, и в структуре систем фрикативных вообще и сибилантов в частности, что позволяет в первом приближении сравнить и предположительно более вариативные согласные малых и средних инвентарей северных языков (в чукотском один латеральный и один сибилант, а хантыйском три латеральных и три сибиланта), и предположительно менее вариативные согласные богатейших консонантных инвентарей языков Кавказа (в андийском пять латеральных и 16 сибилантов, в убыхском три латеральных и 27 сибилантов).

Хантыйский язык (тегинский диалект¹)

В тегинском диалекте хантыйского языка три сибиланта (*s, f, ɕ/sʲ*) и три латеральных согласных (*l, ł, ʎ*). Глухие фрикативные *f, s, ɕ, χ* не имеют звонких пар, но в середине слова перед гласными склонны озвончаться [16]. По нашим наблюдениям, это происходит и с глухим фрикативным латералом. При слуховом анализе избранных произнесений сибилантивного шума не выявляется, *ł* всегда безошибочно опознаётся как латеральный, хотя и характеризуется большей или меньшей шумовой составляющей.

На рис. 4, 5 представлены динамические спектрограммы слова *lǎnχat* ‘хочет’ во фразе *luv aɕet χorpija vuolti lǎnχat* ‘он хочет походить на отца’.

На рис. 6, 7 представлены спектральные срезы, усреднённые по центральному участку в 80% длительности фрикативного, приведённые для начального и конечного латеральных согласных слова *lǎnχat*.

Как видно на динамических спектрограммах и спектральных срезах, интенсивный шум хантыйских латеральных фрикативных начинается выше 3 000 Гц, и первый пик интенсивности приходится на 3,5 кГц, что выше чем в среднем бывает в других языках, зато в целом соответствует и тому, что известно о сибилантах. Сравнить поведение латеральных согласных и сибилантов в хантыйском языке можно с помощью следующих двух примеров.

На рис. 8, 9 представлены динамические спектрограммы слова *aɕet* ‘его отец’ во фразе *luv aɕet peɭa mǎns* ‘он пошел в отца’. Выбранное слово удобно тем, что в нём имеются оба согласных, и сибилант постальвеолярного места образования, и альвеолярный латеральный. (Обратим внимание на то, что согласные находятся в разных фонетических позициях: сибилант – между гласными, латеральный – в конце слова перед *p* следующего слова. По этой причине различия между ними могут быть также обусловлены и позицией.)

¹ В исследовании использованы звуковые файлы – фрагменты аудиословаря, записанные Р. Идрисовым летом 2011 г. в селе Теги Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа.

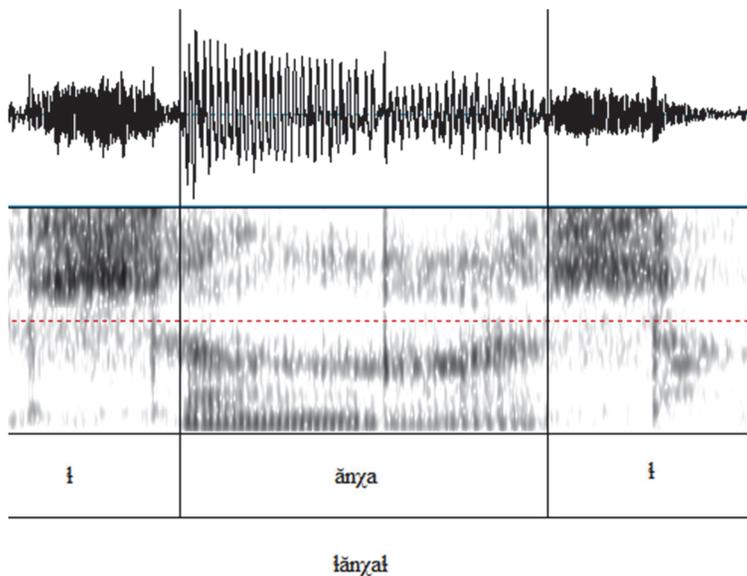

Рис. 4. Динамическая спектрограмма хантыйского слова *länɣat* 'хочет'.
Масштаб 5 000 Гц, горизонтальная отметка помещена на частоте 2 500 Гц.
Диктор – женщина

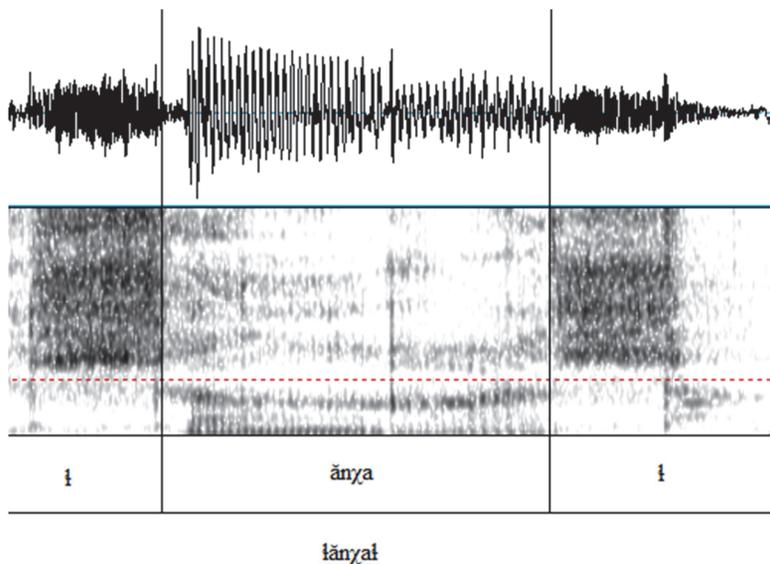

Рис. 5. Динамическая спектрограмма хантыйского слова *länɣat* '(за)хочет'.
Масштаб 10 000 Гц, горизонтальная отметка помещена на частоте 2 500 Гц.
Диктор – женщина

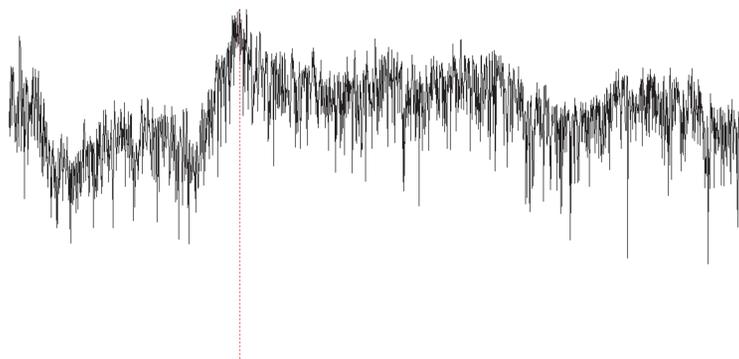

Рис. 6. Усреднённый спектральный срез начального согласного *l*. Предварительное усиление до 50 Гц. Вертикальная отметка проведена на частоте 3 470 Гц

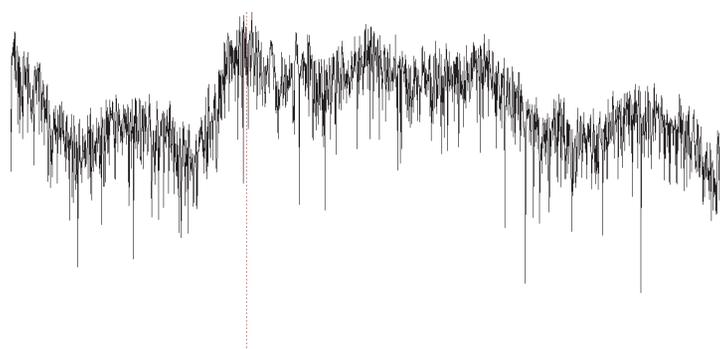

Рис. 7. Усреднённый спектральный срез конечного согласного *l*. Предварительное усиление до 50 Гц. Вертикальная отметка проведена на частоте 3 655 Гц

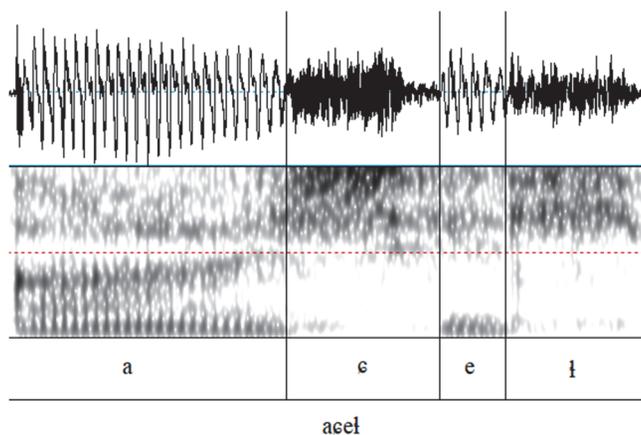

Рис. 8. Динамическая спектрограмма хантыйского слова *aset* 'его отец'. Масштаб 5 000 Гц, горизонтальная отметка помещена на частоте 2 500 Гц. Диктор – женщина

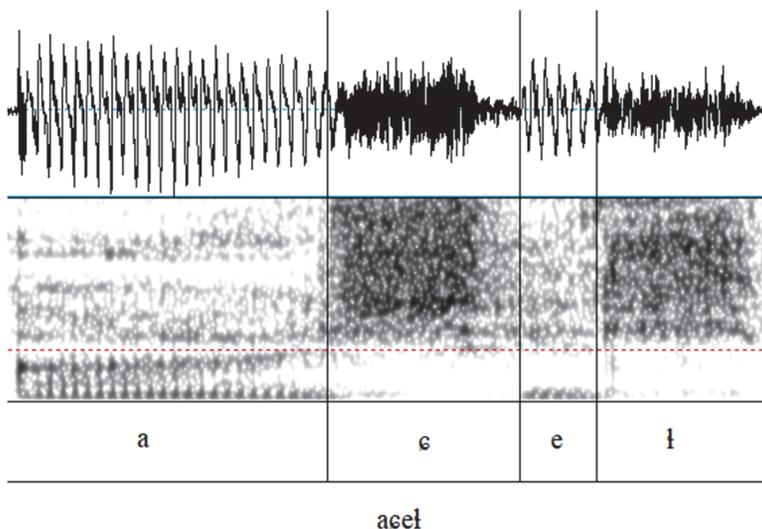

Рис. 9. Динамическая спектрограмма хантыйского слова *aεeɫ* 'его отец'. Масштаб 10 000 Гц, горизонтальная отметка помещена на частоте 2 500 Гц. Диктор – женщина

На спектрограммах видно, что нижняя граница шума обоих согласных расположена выше 2 500 Гц, при этом шум сибиллянта интенсивнее, особенно после 4 000 Гц. Более чёткую картину дают мгновенные спектральные срезы (рис. 10, 11).

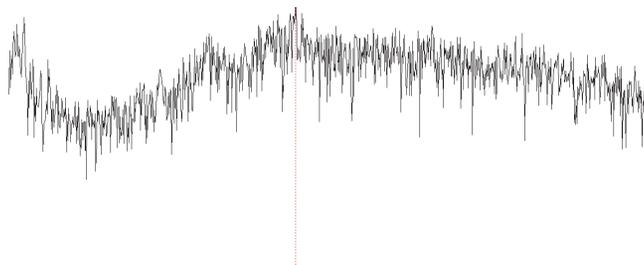

Рис. 10. Усреднённый спектральный срез согласного *ε*. Предварительное усиление до 50 Гц. Вертикальная отметка проведена на частоте 4 955 Гц

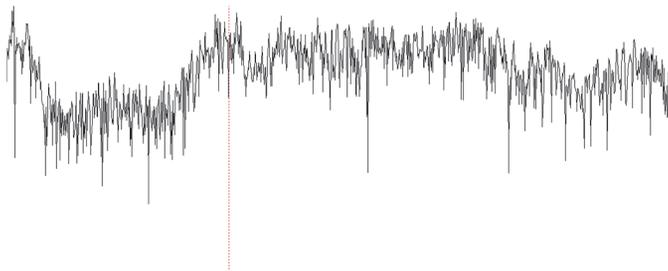

Рис. 11. Усреднённый спектральный срез согласного *ɫ*. Предварительное усиление до 50 Гц. Вертикальная отметка проведена на частоте 3 695 Гц

На спектральных срезах обоих согласных виден первый пик в области 3,5 кГц (то же наблюдалось и в предыдущем примере с латеральными), за которым следует небольшой провал интенсивности, но сибилант имеет затем более интенсивный пик в области 5 кГц, тогда как латеральный возвращается на прежний уровень интенсивности и сохраняет его. И для постальвеолярного сибиланта, и для латерального видим постепенное снижение интенсивности с повышением частоты. Если для латеральных такая форма спектра, скорее, характерна, то сибиланты могут быть устроены различно по этому параметру [10].

Выше предлагалось сравнение хантыйского альвеолярного латерала с альвеоло-палатальным сибилантом *ɕ*. Теперь сравним его с альвеолярным сибилантом *s*, который в тегинском хантыйском склонен быть ламинальным и артикулироваться в денто-альвеолярной области.

Ниже (рис. 12, 13) представлены усреднённые спектральные срезы согласного *l* в слове *luv* и согласного *s* в слове *sama* во фразе *luv luvila sama raḡman vol* ‘она ему нравится’.

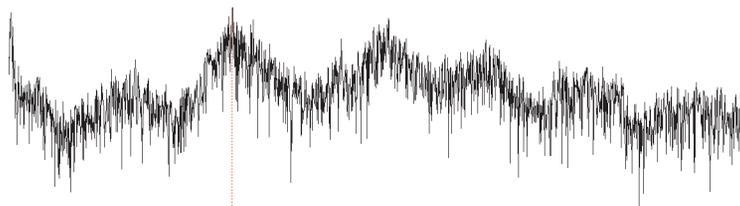

Рис. 12. Усреднённый спектральный срез согласного *l*. Предварительное усиление до 50 Гц. Вертикальная отметка проведена на частоте 3 360 Гц

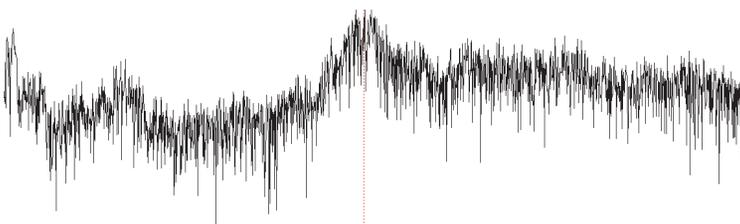

Рис. 13. Усреднённый спектральный срез согласного *s*. Предварительное усиление до 50 Гц. Вертикальная отметка проведена на частоте 5 330 Гц

Альвеолярный сибилант характеризуется одним ярко выраженным интенсивным пиком на частоте почти 5,5 кГц; у латерального можно выделить два явных пика: один около 3 360 Гц, другой – 5 690 Гц. Как и в других случаях, уровень интенсивности шума на более низких частотах в целом

больше, чем у сибиланта, у которого ниже первого пика наблюдается провал интенсивности.

Сравнение шумных произнесений латерала с сибилантами разных мест образования в хантыйском языке приводит к следующим наблюдениям. Латеральные фрикативные имеют первый пик на частоте 3,5 кГц, но ещё и по крайней мере один пик выше 5 кГц; в целом интенсивность шума имеет тенденцию удерживаться на одном и том же уровне после первого пика. Сибилант имеет один более выраженный пик, причём у постальвеолярных сибилантов он расположен на тех же частотах, что первый пик латералов, а у альвеолярных – приблизительно там же, где их второй пик. По-видимому, так при схожести характеристик обеспечивается надёжное различение латералов и сибилантов в хантыйском. Более поздние состояния языка покажут, насколько такая ситуация стабильна.

Чукотский язык (амгуэмский диалект¹)

В амгуэмском чукотском имеется всего два шумных несмычных согласных: сибилант *s* и латеральный фрикативный *ʃ*. В [10] показано, что альвеолярный сибилант в зависимости от говорящего может реализовываться и как «острый» «свистящий» звук с выраженным пиком на высоких частотах, и как более «шипящий» с плоским спектром и постепенным падением интенсивности с повышением частоты. Вариативность латерального также высока. Он очень редко озвончается из-за общей тенденции чукотских звуковых цепочек к оглушению, но зато иногда ассимилируется, так что сибилантные «свист»/«шипение» заметны на слух. Часто это происходит перед билабиальным аппроксимантом *w* (рис. 14, 15).

Спектрограммы чукотских слов (рис. 14, 15) напоминают аналогичные хантыйские. На обеих спектрограммах фрикативные *ʃ* и *s* выглядят как широкие участки равномерного турбулентного шума выше 2,5 кГц. На масштабе 6 000 Гц (рис. 14) с большим трудом можно верно определить, какой из фрикативных сибилант, а какой – латеральный. У сибиланта максимум интенсивности расположен выше (3,5 кГц и более), но и максимум интенсивности латерального высок даже для сибилантов, подобных русским шипящим (2,5 кГц и более). При этом интенсивность у латерального даже выше, чем у сибиланта. На большем масштабе (рис. 15) видно сходство в форме спектра, в распределении интенсивности по частотам. Некоторые произнесения этого слова у того же диктора выглядят иначе, и на большем масштабе интенсивность латерального ниже, чем у сибиланта, но приведённые полностью ассимилированные произнесения также представляются вполне типичными и распространёнными. Обратимся к анализу спектральных срезов.

¹ В исследовании использованы звуковые файлы – фрагменты фонетической анкеты, записанные по просьбе автора участниками совместной экспедиции МГУ им. Ломоносова и НИУ ВШЭ летом 2016 г. в селе Амгуэма Иультинского района Чукотского автономного округа.

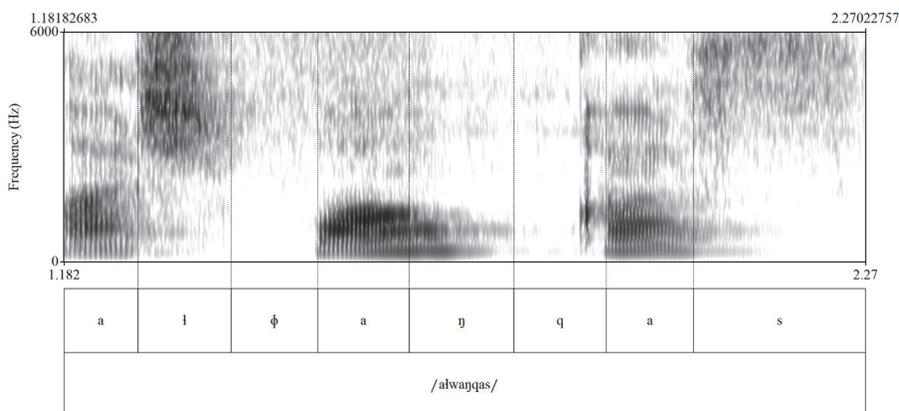

Рис. 14. Динамическая спектрограмма чукотского слова *atwanqas* ‘в другой стороне’. Масштаб 6 000 Гц. Диктор – женщина

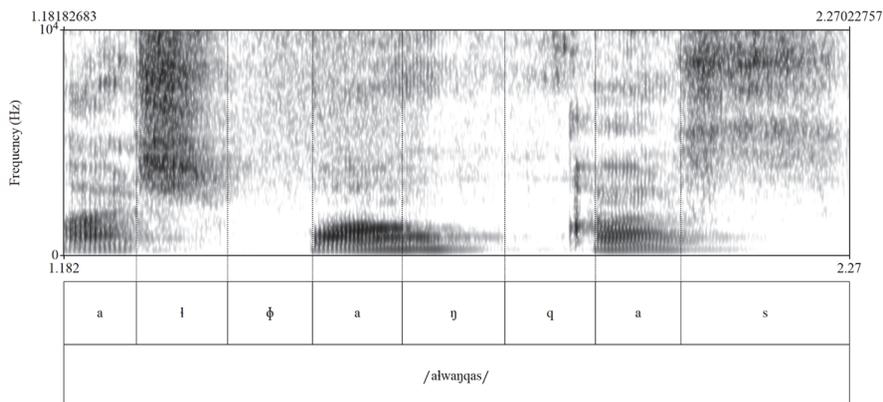

Рис. 15. Динамическая спектрограмма чукотского слова *atwanqas* ‘в другой стороне’. Масштаб 10 000 Гц. Диктор – женщина

На приведённых на рис. 16 спектрах латеральные и сибиллянты различаются по уже отмеченным выше параметрам – частоте и выраженности первого пика. Однако бывают случаи, когда и частота, и выраженность пика у сибиллянта очень близки к тому, что мы видим на рис. 16, *1a* и *2a* у латеральных согласных. Таков случай, отражённый на рис. 17, где представлен срез согласного *s* в чукотском слове *sajkok* ‘чайник’ в произнесении одного из дикторов, представленных на рис. 16. Первый пик шума согласного выявляется на частоте 1870 Гц, второй – около 4450 Гц, далее интенсивность постепенно снижается с повышением частоты. Форма спектра сибиллянта в этом случае очень похожа на форму спектра латеральных, которые представлены на рис. 16.

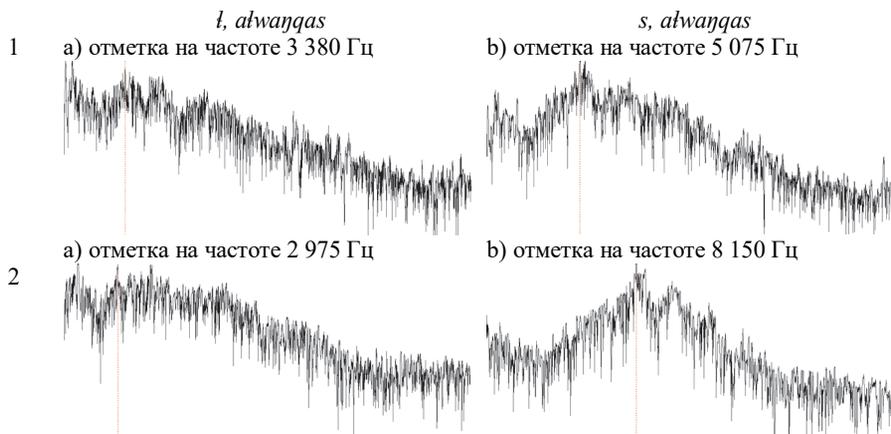

Рис. 16. Усреднённые спектральные срезы согласных *l* (слева) и *s* (справа) в произнесении двух дикторов-женщин (1 и 2). Предварительное усиление до 50 Гц

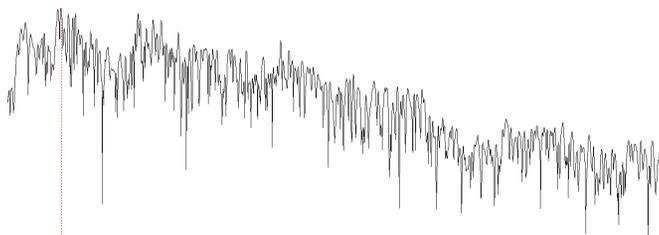

Рис. 17. Усреднённый спектральный срез согласного *s*. Диктор – женщина. Предварительное усиление до 50 Гц. Вертикальная отметка проведена на частоте 1870 Гц

Андийский язык (зиловский и рикванинский говоры¹)

Нет единого мнения о составе согласных андийского языка. По данным [17. С. 321], в андийском языке имеется 16 сибилантов, различающихся по признакам локального ряда, глухости–звонкости, абруптивности–неабруптивности и долготы: *s, z, s:, ʃ, ʒ, ʃ:, ts, ts', ts:, ts:', tʃ, tʃ:, tʃ, 'tʃ:', dʒ, dʒ:*. Латеральных согласных в андийском языке пять: звонкий *l* и глухие *l̥, l̥:, tl̥, tl̥:'*.

Среди произнесений одного из дикторов – носителей зиловского говора было зафиксировано сильно ассимилированное произношение *tl̥*, неотличимое на слух от *ts*, в позиции перед *a* в слове *thurtla* ‘масло’. Для ответа на вопрос, насколько частотна такая ассимиляция и каким акустическим изменениям она соответствует, сравнивались спектральные срезы аффрикат *tl̥* и

¹ В исследовании использованы аудиозаписи, сделанные сотрудниками Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ в 2016 и 2017 гг. в сёлах Зило и Риквани Ботлихского района Республики Дагестан.

ts в произношении пяти дикторов-мужчин, носителей зиловского говора (рис. 18).

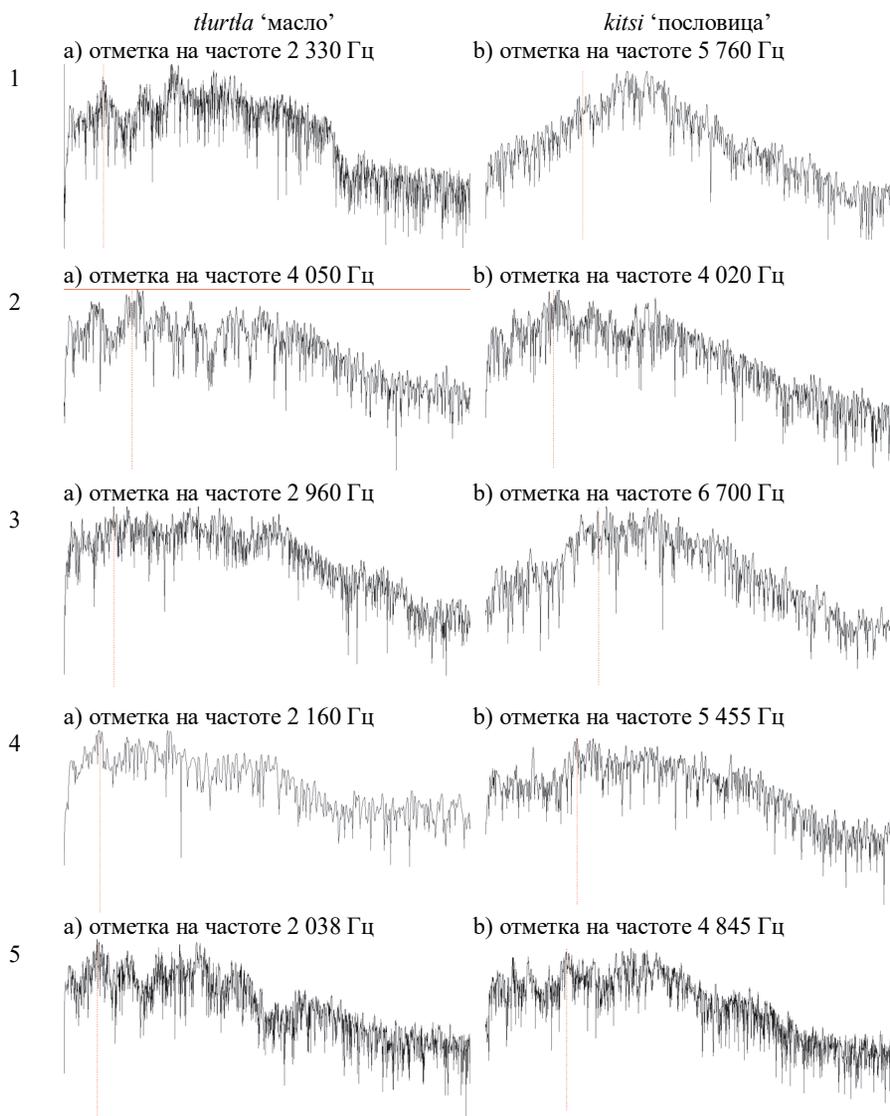

Рис. 18. Усреднённые спектральные срезы согласных *tʃ* (слева) и *ts* (справа) в произнесении пяти дикторов-мужчин (1–5). Предварительное усиление до 50 Гц

Как и в случае с чукотским языком, чаще всего сибилант от латерала отличается выраженность пика (дикторы 1, 3, 4). Однако в других случаях формы спектров двух аффрикат очень похожи, пики фиксируются на одних

и тех же частотах (дикторы 2, 5). Наиболее близкое к сибилантному произнесение 1a трудно отличить от произнесений настоящих сибилантов типа 2b и особенно 5b. Чем более сибилантно произнесение латерала, тем более выраженным должен быть пик сибиланта у того же диктора для обеспечения максимального различения внутри идиолекта (1b).

На материале рикванинского говора было решено сравнить латеральную аффрикату андийского языка с постальвеолярным сибилантом. Спектральные срезы произнесений звуковых последовательностей *atla* и *atfa* характеризует значительное сходство (рис. 19). Выраженный пик латеральной аффрикаты фиксируется на частоте около 2 290 Гц. Максимум «шипящей» аффрикаты более широкий – это промежуток 1 690–2 870 Гц, включающий в себя и максимум латерального. При этом спад интенсивности после 3 000 Гц более резкий у сибиланта, чем у латерального.

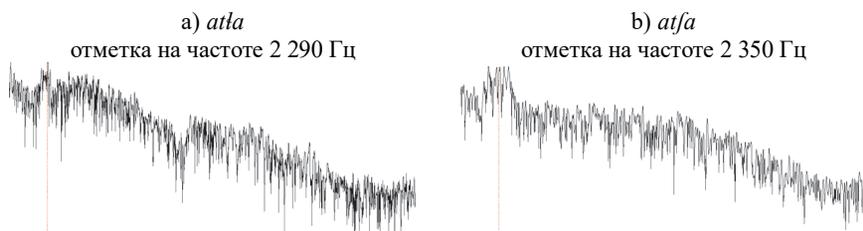

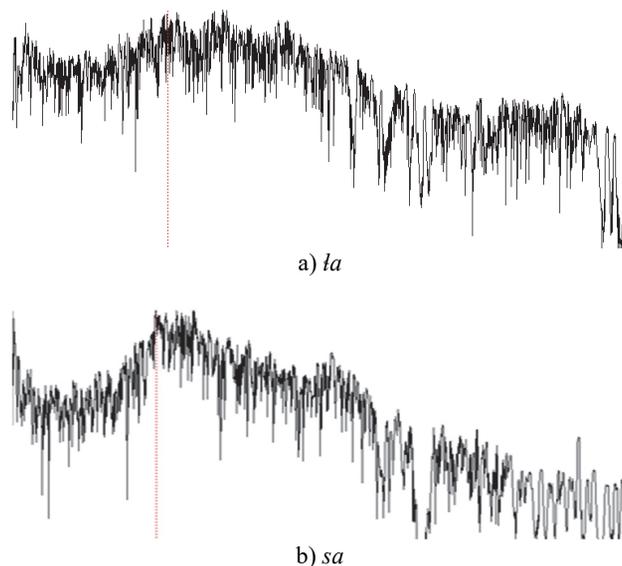
Рис. 19. Усреднённые спектральные срезы согласных *t* (слева) и *tf* (справа). Предварительное усиление до 50 Гц. Диктор – мужчина

Убыхский язык

Последний носитель убыхского языка, родственного адыгейскому, кабардинскому и абазинскому, Тевфик Эсенч умер в Турции в 1992 г. Французский лингвист Жорж Дюмезиль много лет работал с последним носителем убыхского языка. Записанные от него в 1968 г. тексты и списки слов доступны на сайте французской цифровой библиотеки Pangloss [18].

Богатейший консонантный инвентарь убыхского языка уникален. Он содержит 27 сибилантов четырёх локальных рядов. Латеральных согласных в нём три: *l*, *l'*, *l̥* [19. С. 169–170]. Несмотря на такую дробность, глухой альвеолярный латерал *l̥* убыхского языка на слух является самым настоящим «шипящим», но удивительным образом не смешивается с «истинными» сибилантами (см. рис. 20).

Провал интенсивности перед первым пиком у *l̥* значительно больше, чем во многих других примерах, а пик приходится на 4 100 Гц, что характерно для сибилантов и даже превышает средние значения. Даже спад интенсивности после 5 630 Гц происходит у убыхского *l̥* более резко, чем у типичных латеральных. Для сравнения: ярко выраженный максимум альвеолярного сибиланта приходится на промежуток между 3 800 и 4 760 Гц. Мы видим, что, несмотря на уже значительный объём подсистемы сибилантов, убыхский латеральный согласный был очень близок к ним.

Рис/ 20. Усреднённые спектральные срезы согласных *l* и *s*.
Предварительное усиление до 50 Гц. Диктор – мужчина

3. Типологические параллели и некоторые обобщения

В межъязыковых исследованиях по палатализации и ассибляции отмечались лишь случаи полного изменения латеральных согласных в йот [1. Р. 58] и одноударные вибранты [2. Р. 71–72]. Тем не менее реконструкции предшествующих состояний некоторых языковых систем предполагают для латеральных согласных и фонологизовавшиеся сибиллянтные рефлекссы. В некоторых случаях в современных языках фиксируются морфонологические чередования сибиллянтов с латеральными.

Так, для временного периода между единым празападнокавказским языком и обособившимся праабхазоабазинским восстанавливаются переходы в сибиллянты лабиализованных и нелабиализованных, палатализованных и непалатализованных, звонких и глухих латеральных согласных [20. С. 177]. Переходы латеральных фрикативных в сибиллянты широко засвидетельствованы в истории семитских языков, и в ряде из них и сейчас латеральные фрикативные описываются как латеральные сибиллянты [21]. Переход звонкого латерального согласного в сибиллянт в ходе морфонологического чередования имеется в языке тсвана (банту, Южная Африка). В тсвана перед каузативным суффиксом *-ja*, который вызывает палатализацию многих согласных, в том числе губных, согласный *l* производной основы¹ переходит в *ts* [22; 23 via 1: 135]. Случай тсвана интересен тем, что ассибляции подвергается звонкий латеральный, что само по себе редко, притом что в этом

¹ Непроизводные основы на латеральный согласный присоединяют другой суффикс.

языке имеются также два глухих латерала, придыхательный и непридыхательный.

Для языков – предков двух ветвей чукотско-камчатской семьи, чукотско-корякской и ительменской, также реконструируются ассимиляции латеральных аффрикат [24. С. 4–12]. Для синхронного состояния ительменского языка отмечалось, с одной стороны, морфонологическое чередование *l/s*, невозможное вне грамматического контекста [25. С. 63], а с другой стороны, было замечено, что «иногда» латеральный звучит как *s* [26 via 27: 9]. Записи Б. Дыбовского (в основном напанский западный диалект ительменского), в которых *l* передаётся «то как *l*, то как *s*, *ш*» [24. С. 9], можно считать косвенным аргументом в пользу возможной спорадической ассимиляции ительменского латерального, хотя неединообразие написания также может быть следствием нестандартности звука и отсутствия удобной транскрипции для него. Таким образом, мы находим для некоторых языковых систем свидетельства ассимиляции латеральных и в реконструкциях, и в морфонологии, и в описании собственно фонетики звуков.

Отдельный класс ассимиляций латералов вызывают дистактные влияния – ассимилятивные или диссимилятивные. Так, в близкородственных адыгейском и кабардинском языках глухие и звонкие фрикативные латералы заместились постальвеолярными сибилантами в отдельных словах, если в них слева или справа имелись другие латеральные согласные [20], таким образом, предположительно имела место диссимиляция. В современных алюторском и корякском языках латеральные сонанты замещаются сибилантными аффрикатами, если далее в слове присутствует сибилант, т.е. происходит ассимиляция [27. Р. 6; 28. С. 43]. Последний процесс напоминает случаи консонантной гармонии. В типологических работах хорошо описаны случаи сибилантной гармонии, при которой альвеолярный или постальвеолярный сибилант вызывает ассимилятивное изменение других сибилантов в слове или основе слова по месту образования [29–31]. Участие латеральных согласных в сибилантной гармонии в типологических работах не фиксируется – в таких системах латеральные ведут себя как прозрачные для гармонии сегменты, а сами участвуют в гармонии вместе с */r/*. Однако в [29] упоминается в качестве интригующего исключения поведение латеральных в языке тхао (австронезийские, Тайвань), которые участвуют в процессе, в остальном похожем на типичную сибилантную гармонию [32 via 29].

Упомянутые выше синхронные переходы чукотско-корякских языков тесно связаны с особым явлением, общим для чукотско-корякских языков и проявляющимся в системе «чередований» альвеолярных *t, n, l/l* с их палатализованными и палатальными парами. Это явление обычно называется палатализацией. Если для альвеолярного взрывного и альвеолярного носового парами выступают соответствующие палатализованные или палатальные согласные, то для латерального согласного такой парой является сибилант. В диссертации И.А. Муравёвой, посвящённой морфонологии чукотско-камчатских языков, «чередование» латерального и сибиланта обсуждается

подробно [28. С. 167–171]. Исследовательница предполагает, что в пору чукотско-коряжской общности «палатализация» подчинялась строгим правилам и вызывалась палатализирующим влиянием отдельных сегментов и суперсегментных характеристик вроде фарингализации, что подтверждается множеством общих черт в системах чередований разных чукотско-коряжских диалектов. В современных языках система чередований частично распалась, частично грамматикализовалась и лексикализовалась.

В современном чукотском языке «палатализация» встречается как в корневых морфемах (их насчитывается около 80), так и в аффиксальных. В одних случаях соответствия сравнительно регулярны и обусловлены соседством с «палатализирующей» морфемой (аффиксом или корнем). При этом принадлежность морфемы к классу с «чередованием», как и к классу «палатализирующих» морфем, непредсказуема и является словарной характеристикой. В других случаях варианты морфемы закреплены за определёнными значениями, иногда связанными между собой, иногда не связанными; семантические различия более характерны для аффиксов. Некоторые примеры представлены в таблице.

Примеры чукотских слов с «чередованием» *l–tʃ* по [33. С. 55]

Слово с <i>l</i>	Перевод	Слово с <i>tʃ</i>	Перевод	Распределение
<i>pələytəwek</i>	‘разуваться’	<i>pətʃytəwek</i>	‘разуваться’	Свободное
<i>rələtʃwak</i>	‘лежать’	<i>rətʃətʃwak</i>	‘лежать’	
<i>qəliketək</i>	‘выходить замуж’	<i>qətʃiketək</i>	‘становиться взрослым’	Лексическое
<i>ləjwək</i>	‘ходить, бродить’	<i>tʃejwək</i>	‘ходить пешком’	

В большинстве описанных чукотско-коряжских диалектов латеральный согласный чередуется с постальвеолярной аффрикатой *tʃ*, которая в этих идиомах является единственным сибилантом и представляется вполне типичным результатом палатализации альвеолярных согласных других способов образования. Но в некоторых говорах чукотского, в частности амгуэмском говоре (по нашим данным) и говорах к югу от Анадыря [34], единственный сибилант является непалатализованным альвеолярным или даже дентальным *s* и тоже участвует в «чередовании». Для таких говоров термин «палатализация» при описании этого процесса ещё более условен.

Предварительное исследование П.А. Касьяновой на материале амгуэмского говора, в котором латеральный чередуется со «свистящим» фрикативным, в целом подтверждает закономерности, сформулированные И.А. Муравьёвой. Семантически обусловленные соответствия не демонстрируют ясной и упорядоченной картины. В одних случаях можно предположить, что словоформа с сибилантом имеет переносное и/или более абстрактное значение, вторичное по отношению к её «латеральной» паре (*qeryətʃən* ‘светлый’ – *qeryəsʃən* ‘окно, стекло’), в других подобную интерпретацию нельзя считать единственной (*enanerwətʃən* ‘остриё’ – *enanerwəsʃən* ‘острый’). Многие соответствия сопровождаются изменением

значения в сторону усиления признака (*pəlʔəlʔən* ‘слабое течение’ – *pəsʔəsʔən* ‘сильное течение’) или его положительной оценки (*ənpəlʔən* ‘старый’ – *ənpəsʔən* ‘старший’; *teŋəlʔən* ‘слабый’ – *teŋəsʔən* ‘лучший’). При этом многие члены пар неизвестны носителям или переводятся некоторыми из них одинаково (*weriwəlʔən* ‘кислый’ – *weriwəsʔən* ‘кислый, брусника’; *perəlʔən* ‘выделяющийся, виднеющийся’ – *perəsʔən* ‘образцовый, исключительный’; *məkəlʔən* – *məkəsʔən* ‘большинство’; *quwsikəlʔən* – *quwsikəsʔən* ‘животное-одиночка’), что отражает разложение системы и постепенную потерю смыслового содержания чередования, если оно в какой-то момент вообще существовало. При этом некоторые члены пар вообще не связаны по смыслу (*matalʔən* ‘тесть, свекор’ – *matasʔən* ‘кустарник’) [35].

На основании нерегулярности и неупорядоченности соотношений между «чередующимися» морфемами и содержащими их словоформами в [33. С. 55] излагается предположение, что в далёком прошлом латеральный и сибилант свободно варьировались во всех случаях, а позднейшая дифференциация фонем привела к формированию правил и смысловых различий. Даже если оставить в стороне обсуждение этой гипотезы, можно говорить о том, что если такое свободное варьирование действительно имело место, оно с большой вероятностью поддерживалось артикуляционно-акустической близостью двух согласных, которую мы можем наблюдать и в настоящее время в определённых произносительных условиях.

Особый способ образования выделяет латеральные согласные из ряда других альвеолярных. Артикуляция в передней части твёрдого нёба делает возможным и участие зубов в формировании турбулентных потоков, а значит, и интенсивного фрикативного шума. Это создаёт предпосылки к широкой вариативности, которая, вместе с вариативностью наиболее близких к ним сибилантов, приводит к возможности ассибиляции латеральных в некоторых позициях. Действительно, в некоторых языках глухие латеральные фрикативные по частотным характеристикам и интенсивности сближаются с сибилантами, как альвеолярными, так и постальвеолярными. Расширение вариативности латеральных в сторону сибилантов в некоторых позициях может со временем распространяться и на другие позиции латерального, и может произойти собственно фонетический переход. Промежуточной ступенью между вариативностью типичного латерального согласного и ассибиляцией может являться спорадическая ассибиляция латеральных.

Бликие к сибилантным реализации латеральных согласных, рассмотренные в разделе 2, в грамматиках и фонетиках языков, как правило, игнорируются, в то время как собственно переходы латеральных в сибиланты описываются как диахронические либо как синхронные морфонологические. Причина этого, по-видимому, в перцептивной коррекции, позволяющей слушающему игнорировать спорадические ассибиляции латеральных, которые являются промежуточной ступенью между вариативностью типичного латерального согласного и ассибиляцией, которую фиксирует фонетическое описание.

Список источников

1. *Bateman N.* A crosslinguistic investigation of palatalization. Ph. D., UC San Diego. UC San Diego Electronic Theses and Dissertations, 2007. 340 p. URL: <http://escholarship.org/uc/item/1dw64743> (дата обращения: 09.09.2017).
2. *Bhat D.N.S.* A General Study of Palatalization. Universals of Human Language, Greenberg ed., 1978. P. 47–92.
3. *Moran S., McCloy D.* (eds.) PHOIBLE 2.0. Jena : Max Planck Institute for the Science of Human History, 2009. URL: <http://phoible.org>.
4. *Ladefoged P., Maddieson I.* The Sounds of the World's Languages. Blackwell, 1996. 414 p.
5. *Nartey J.N.A.* On Fricative Phones and Phonemes : PhD Dissertation. UCLA, 1982. 141 p.
6. *Колтовская И.К., Спицова Л.Ф.* Характеристика нарушений письма и чтения // Основы теории и практики логопедии / под ред. Р.Е. Левиной. М., 1968. 367 с.
7. *Садовникова И.Н.* Нарушения письменной речи и их преодоление у младших школьников : учеб. пособие. М., 1995. 256 с.
8. *Maddieson I., Emmorey K.* Is there a valid distinction between voiceless lateral approximants and fricatives? // Journal of Phonetics. 1984. № 41. P. 181–90.
9. *Gordon M., Barthmaier P., Sands K.* A cross-linguistic acoustic study of voiceless fricatives // Journal of International Phonetic Association. 2002. № 32. P. 141–174.
10. *Зибер И.А., Мороз Г.А.* Исследование акустической вариативности *s* методом главных компонент // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 49–64.
11. *Ball M.J., Müller N.* Mutation in Welsh. London ; New York : Routledge, 1992. 336 p.
12. *Филличева Т.Б., Чевелева Н.А., Чиркина Г.В.* Основы логопедии. М. : Просвещение, 1989. 223 с.
13. *Волкова Л.С.* (ред.) Логопедия. М. : Владос, 2006. 680 с.
14. *Ohala J.J.* The phonetics of sound change // Historical linguistics: Problems and perspectives. London ; New York : Longman, 1993. P. 237–278.
15. *Mann V.A., Repp B.H.* Influence of vocalic context on perception of the [ʃ] vs [s] distinction // Perception and Psychophysics. 1980. № 28. P. 213–228.
16. *Иванов В.А.* Фонетика говора с. Теги: Экспедиционный отчёт. Рукопись. Филологический факультет МГУ. 2010.
17. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков: Имя. Фонетика. М. : МГУ, 1990. 336 с.
18. *La Collection* Pangloss, une archive des langues en danger. URL: <http://lacito.vjf.cnrs.fr/pangloss/> (дата обращения: 09.09.2017).
19. *Убыхский язык* // Языки Российской Федерации и соседних государств. М. : Наука, 2005. Т. 3. С. 169–170.
20. *Chirikba V.A.* Common West Caucasian: The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology (Research School CNWS. School of Asian, African, and Amerindian Studies). Leiden, 1996. 459 p.
21. *Schneider R.* The Semitic Sibilants. Correspondences and Discrepancies : PhD Thesis. Universität Leipzig, 2022. 303 p.
22. *Cole D.T.* An Introduction to Tswana Grammar. Longman, 1955. P. xxxv, 473.
23. *LaCharité D.* On the need for negative constraints and repair: Consonant mutation in Setswana // Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique. 1993. Vol. 38, special issue 2: Special Issue: Constraint-Based Theories in Multilinear Phonology. P. 257–278.
24. *Мудрак О.А.* Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М. : Языки русской культуры, 2000. 284 с.
25. *Володин А.П.* Ительменский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М. : Индрик, 1997.

26. Dybowski B. Словарь ительменского языка. Warszawa : Energeia, 1998. [Radliński I. Słowniki narzeczny ludów Kamczackich (compiler B. Dybowski). Kraków : Rozprawy Akademii UmiejEtnoSci, wydział filologiczny]
27. Fortescue M. Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2005. 496 p.
28. Муравьёва И.А. Сопоставительное исследование морфонологии чукотского, корякского и алutorского языков : дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 274 с.
29. Hansson G.Ö. Theoretical and typological issues in consonant harmony : Ph.D. dissertation. Berkeley : University of California, 2001. 547 p.
30. Rose Sh., Walker R. A typology of consonant agreement as correspondence // *Language*. 2004. № 80. P. 475–531.
31. Rose Sh., Walker R. Harmony systems. Handbook of Phonological Theory. Second Edition / ed. by John Goldsmith, Jason Riggle, Alan Yu. Oxford : Wiley-Blackwell, 2011. P. 240–290.
32. Blust R. The Prehistory of the Austronesian-Speaking Peoples: A View from Language // *Journal of World Prehistory*. 1995. Vol. 9, № 4. P. 453–510.
33. Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 448 с.
34. Dunn M. A Grammar of Chukchi. PhD thesis. Canberra : Australian National University, 1999. 410 p.
35. Зибер И.А. Сегментная фонетика: Консонантизм (амгуэмский говор) // Грамматический очерк чукотского языка. 2019. URL: www.chuklang.ru

References

1. Bateman, N. (2007) *A crosslinguistic investigation of palatalization*. Ph. D., UC San Diego. UC San Diego Electronic Theses and Dissertations. [Online] Available from: <http://escholarship.org/uc/item/1dw64743> (Accessed: 9.09.2017).
2. Bhat, D.N.S. (1978) A General Study of Palatalization. In: Greenberg, J. (ed.) *Universals of Human Language*. Stanford University Press. pp. 47–92.
3. Moran, S. & McCloy, D. (eds) (2009) *PHOIBLE 2.0*. Jena. Max Planck Institute for the Science of Human History. [Online] Available from: <http://phoible.org>.
4. Ladefoged, P. & Maddieson, I. (1996) *The Sounds of the World's Languages*. Blackwell.
5. Nartey, J.N.A. (1982) *On Fricative Phones and Phonemes*. PhD Dissertation. UCLA.
6. Kolpovskaya, I.K. & Spirova, L.F. (1968) Kharakteristika narusheniy pis'ma i chteniya [Characteristics of Writing and Reading Disorders]. In: Levina, R.E. (ed.) *Osnovy teorii i praktiki logopedii* [Fundamentals of Theory and speech therapy practices]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Sadovnikova, I.N. (1995) *Narusheniya pis'mennoy rechi i ikh preodolenie u mladshikh shkol'nikov: ucheb. posobie* [Written speech disorders and their overcoming in primary school students: teaching aid]. Moscow.
8. Maddieson, I. & Emmorey, K. (1984) Is there a valid distinction between voiceless lateral approximants and fricatives? *Journal of Phonetics*. 41. pp. 181–190.
9. Gordon, M., Barthmaier, P. & Sands, K. (2002) A cross-linguistic acoustic study of voiceless fricatives. *Journal of International Phonetic Association*. 32. pp. 141–174.
10. Ziber, I.A. & Moroz, G.A. (2019) Issledovanie akusticheskoy variativnosti s metodom glavnykh komponent [Study of acoustic variability of s using the principal component method]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"*. 1. pp. 49–64.
11. Ball, M.J. & Müller, N. (1992) *Mutation in Welsh*. London; New York: Routledge.
12. Filicheva, T.B., Cheveleva, N.A. & Chirkina, G.V. (1989) *Osnovy logopedii* [Fundamentals of logopedics]. Moscow: Prosveshchenie.

13. Volkova, L.S. (ed.) (2006) *Logopediya* [Logopedics]. Moscow: Vlosos.
14. Ohala, J.J. (1993) The phonetics of sound change. In: *Historical linguistics: Problems and perspectives*. London; New York: Longman. pp. 237–278.
15. Mann, V.A. & Repp, B.H. (1980) Influence of vocalic context on perception of the [š] vs [s] distinction. *Perception and Psychophysics*. 28. pp. 213–228.
16. Ivanov, V.A. (2010) *Fonetika govora s. Tegi. Ekspeditsionnyy otchet. Rukopis'* [Phonetics of the dialect of the village. Tags. Expedition report. Manuscript]. Philological faculty of Moscow State University.
17. Kibrik, A.E. & Kodzasov, S.V. (1990) *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika* [Comparative study of Dagestan languages. Name. Phonetics]. Moscow: MSU.
18. *La Collection Pangloss, une archive des langues en danger*. [Online] Available from: <http://lacito.vjf.cnrs.fr/pangloss/> (Accessed: 9.09.2017).
19. Yartseva, V.N. et al. (eds) (2005) *Ubykhskiy yazyk* [Ubykh language]. In: *Yazyki Rossiyskoy Federatsii i sosednikh gosudarstv* [Languages of the Russian Federation and neighboring states]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 169–170.
20. Chirikba, V.A. (1996) *Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology* (Research School CNWS. School of Asian, African, and Amerindian Studies). Leiden.
21. Schneider, R. (2022) *The Semitic Sibilants. Correspondences and Discrepancies*. PhD Thesis. Universität Leipzig.
22. Cole, D.T. (1955) *An Introduction to Tswana Grammar*. Longman. pp. xxxv + 473.
23. LaCharité, D. (1993) On the need for negative constraints and repair: Consonant mutation in Setswana. *Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique*. 38, special issue 2: Special Issue: Constraint-Based Theories in Multilinear Phonology. pp. 257–278.
24. Mudrak, O.A. (2000) *Etimologicheskij slovar' chukotsko-kamchatskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Chukotko-Kamchatkan languages]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
25. Volodin, A.P. (1997) *Itel'menskiy yazyk* [Itelmen language]. In: *Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki* [Languages of the world. Paleo-Asian languages]. Moscow: Indrik.
26. Dybowski, B. (1998) *Slovar' itel'menskogo yazyka* [Dictionary of the Itelmen language]. Warszawa: Energeia. [Radliński, I. *Słowniki narzeczny ludów Kamczackich* (compiler B. Dybowski). Kraków: Rozprawy Akademii UmiejEtnoSci, wydział filologiczny, 16–18; 22.]
27. Fortescue, M. (2005) *Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
28. Murav'eva, I.A. (1979) *Sopostavitel'noe issledovanie morfonologii chukotskogo, koryakskogo i alyutorskogo yazykov* [Comparative study of morphology of the Chukchi, Koryak and Alyutor languages]. Philology Cand. Diss. Moscow.
29. Hansson, G.Ó. (2001) *Theoretical and typological issues in consonant harmony*. Ph.D. dissertation. Berkeley: University of California.
30. Rose, Sh. & Walker, R. (2004) A typology of consonant agreement as correspondence. *Language*. 80. pp. 475–531.
31. Rose, Sh. & Walker, R. (2011) Harmony systems. In: Goldsmith, J., Riggle, J. & Alan, Yu. (eds) *Handbook of Phonological Theory*. Second Edition. Oxford: Wiley-Blackwell. pp. 240–290.
32. Blust, R. (1995) The Prehistory of the Austronesian-Speaking Peoples: A View from Language. *Journal of World Prehistory*. 9 (4). pp. 453–510.
33. Skorik, P.Ya. (1961) *Grammatika chukotskogo yazyka* [Grammar of the Chukchi language]. Part 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.

34. Dunn, M. (1999) *A Grammar of Chukchi*. PhD thesis. Canberra: Australian National University.

35. Ziber, I.A. (2019) Segmentnaya fonetika. Konsonantizm (amguemskiy govor) [Segmental phonetics. Consonantism (Amguem dialect)]. In: *Grammaticheskiy ocherk chukotskogo yazyka* [Grammatical essay on the Chukchi language]. [Online] Available from: www.chuklang.ru

Информация об авторе:

Зибер И.А. – канд. филол. наук, заведующая Лабораторией социогуманитарных исследований Севера и Арктики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: innasieber@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Sieber, Cand. Sci. (Philology), head of the Arctic Social Sciences and Humanities Laboratory, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: innasieber@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.06.2023;
одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 16.06.2023;
approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья
УДК 811.112.2
doi: 10.17223/19986645/90/3

Самономинации немецкоязычных мальчиков-подростков в интернет-коммуникации (на примере никнеймов): лингвистический аспект Статья 1

Виктория Викторовна Казяба¹

¹ *Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Северодвинск, Россия, kazaba@yandex.ru*

Аннотация. На примере никнеймов исследуются особенности процесса самономинации немецкоязычных мальчиков-подростков в интернет-коммуникации. Устанавливаются лингвистические особенности конструирования никнеймов пользователями мужского пола в возрасте 11–17 лет в различных интернет-сервисах. В качестве основополагающих аспектов дескриптивного анализа самономинаций представлены: семантическая мотивированность, значение и номинативный потенциал, структурно-грамматическое оформление, а также графическая организация никнеймов.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, антропоним, никнейм, самономинация, подростковый возраст, мальчик, лингвокреативность

Источник финансирования: исследование проведено при финансовой поддержке Германской службы академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst), проект № 57440915 «Personales Internet-Anthroponymikon (anhand von Beispielen deutschsprachiger Benutzer)».

Для цитирования: Казяба В.В. Самономинации немецкоязычных мальчиков-подростков в интернет-коммуникации (на примере никнеймов): лингвистический аспект. Статья 1 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 51–74. doi: 10.17223/19986645/90/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/3

Self-nominations of German-speaking adolescent boys in Internet communication (on the example of nicknames): Linguistic aspect. Article 1

Viktorija V. Kaziaba¹

¹ *Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Severodvinsk, Russian Federation, kazaba@yandex.ru*

Abstract. The author focuses on virtual anthroponyms, which result from acts of self-nominations, the so-called nicknames of German-speaking adolescent boys be-

tween 11 and 17 years old. The study aims at identifying linguistic features of the nicknames of interest and their descriptive analysis. The authors used Internet services and hosting sites Twitter, Facebook, Instagram, YouTube, Snapchat, Pinterest, and TikTok as sources of material for the study. The study applied a random sample to select accounts belonging to adolescent boys from Germany. Part of the material was collected through interviews and questionings among the informants. Research material covered data from 2019 to 2022 and included 2,186 nicknames, questionings data from 114 informants and results from 125 interviews. The author subjected the collected material to a multifaceted linguistic analysis. The semantic motivation, meaning and nominative potential, structural and grammatical design, as well as the graphic organization of nicknames were described. The analysis of semantic motivation shows almost a complete absence of unmotivated nicknames, and only one fifth of examples show opaque semantics. The semantics of nicknames is characterized by a different nominative potential. In half of the cases, users preferred autonym-nicknames created from real anthroponyms. Just under a third of boys use pseudonym-nicknames based on common nouns or “borrowed” onyms. They are more characterized by evaluative semantics with an emphasis on positive qualities and biases of self-esteem towards idealization, narcissism and self-confidence. Hybrid nicknames, combining a real autonym and any other lexeme, make only one-fifth of the data. Their main feature is the name transposition. Such nicknames have high linguocultural potential and indicate hobbies, idols, ideals of their authors. Variations of mono- and polycomponent structural models of nicknames demonstrate a high degree of derivational linguistic creativity of adolescent users. The overwhelming number of self-nominations were created using graphic means and techniques. The motives for using them vary from the overcoming of the technical ban on identical nicknames within the limits of some Internet services to the implementation of aesthetic, humorous attitudes and the introduction of additional individualizing information. The study shows that self-nominations of teenage boys have specific properties and characteristics as linguistic units, and also have their own design tendencies, explicitly and implicitly express the linguistic creative potential of their authors. The identified features reveal the extralinguistic conditionality of nicknames associated with the gender and age of the informants. Adolescent boys are equally prone to de-anonymization and anonymization of virtual persona. The most important thing for them is the implementation of initial self-nominative intentions. Nicknames have predominantly masculine, ameliorative semantics, conveying the need of their owners for recognition by a certain social group and inclusion in a problematic or cultural context of interest.

Keywords: Internet communication, anthroponym, nickname, self-nomination, adolescence, boy, linguistic creativity

Acknowledgements: The study was supported by the German Academic Exchange Service (DAAD), Project No. 57440915: Personales Internet-Anthroponymikon (anhand von Beispielen deutschsprachiger Benutzer).

For citation: Kaziaba, V.V. (2024) Self-nominations of German-speaking adolescent boys in Internet communication (on the example of nicknames): Linguistic aspect. Article 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 51–74. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/3

Вступление

Интернет-коммуникация предоставляет практически неограниченные возможности для варьирования языка на всех его уровнях. Ономастическое пространство также не остается в стороне и активно вовлекается в лингвокреативные трансформационные процессы. Виртуальная среда вбирает в себя элементы традиционного ономастикона и продуцирует собственные именные образования. Наиболее интенсивно происходит эволюционирование системы человеческих имен, которая перманентно пополняется такими разнообразными антропонимами, как: никнеймы, юзерники, юзернеймы, имена пользователей, баттлтаги, интернет-псевдонимы. Данные антропонимические единицы отличаются друг от друга функционально-дискурсивными сферами и обусловленными ими техническими особенностями конструирования. Главной общей чертой, позволяющей рассматривать обозначенные имена как единый, особый антропонимический тип, является путь их возникновения, а именно самономинация, или автономинация. Интернет-пользователь волен сам выбрать себе виртуальное имя, следуя любому из возможных сценариев: будь то заимствование и (или) преобразование единиц реального, традиционного антропонимикона либо создание абсолютно нового, уникального антропонима.

Попытки привести многообразие феномена виртуальных самономинаций с антропонимической функцией к единому терминологическому знаменателю результирует в избыточность системы научных определений (ср. [1]). Как следствие, в современной литературе в качестве равнозначных используются такие понятия, как *виртуальный антропоним* [2], *виртуальное имя* [3], *сетевое имя* [4, 5], *никоним* [6, 7], *диктоним* [8], *интернет-псевдоним* [9–11], *персоним* [12]. В настоящей статье не предполагается терминологическая дискуссия, однако проблема с унификацией имеющихся дефиниций очевидна. По этой причине для данного исследования в качестве рабочего понятия, обобщающего множество подтипов пользовательских самономинаций в Интернете с функцией антропонима, используется термин *никнейм*. Выбор обусловлен наиболее продолжительной историей функционирования термина [13–15], его широкой распространенностью среди отечественных [16–18] и зарубежных лингвистов [19–21], а также частотой употребления в обыденной речи [1. С. 125].

Феномен самономинации, реализующийся сегодня преимущественно посредством никнейма, манифестирует уже не столько антропоцентрическую парадигму, сколько ее смещение в сторону эгоцентрических изысканий. Являясь антропонимической единицей вторичной искусственной номинации, никнейм способен выполнять одновременно функции кодирования и декодирования информации, что требует от человека достаточного уровня владения языком, а также определенных лингвокреативных, лингвокультурных, когнитивных и многих иных способностей. Сказанное не только подчеркивает значимость изучения виртуальных самономинаций в

контексте современного языкознания, но и свидетельствует о необходимости детального рассмотрения лингвистических особенностей указанных единиц, в которых запечатлеваются актуальные языковые процессы, тесно переплетающиеся с экстралингвистическими факторами личностей.

В центре настоящей статьи – вербальное воплощение виртуальных личностей немецкоязычных мальчиков-подростков в виде самономинаций. Цель исследования, таким образом, заключается в выявлении языковых особенностей интересующих никнеймов и их дескриптивном анализе. В качестве гипотезы принимается тезис о лингвокреативном потенциале никнеймов, чьи уникальные лингвистические характеристики превосходят границы традиционных антропонимических универсалий и находятся в связи с экстралингвистическими факторами.

В предлагаемой работе рассматриваются самономинации немецкоязычных мальчиков-подростков, проживающих только в Федеративной Республике Германия. С одной стороны, это обусловлено государственным статусом немецкого языка в Германии и максимальным числом проживающих в ней носителей литературного немецкого языка, наличием в открытом доступе официальной статистики и данных по интернет-потреблению в ФРГ, что является неотъемлемой составляющей для формирования гипотезы и ее дальнейшей проверки. С другой стороны, как указывается в современных исследованиях [22–24], в последние годы *deutsche Jugendsprache* демонстрирует галопирующий темп появления новых слов и развития полисемии, а также существенный прирост бранной лексики и англицизмов. Происходящие в языке изменения в значительной мере усиливаются и заостряются под влиянием тотальной оцифровки коммуникативных процессов, обилия языковых контактов и диалектному разнообразию на территории Германии. Вместе с тем сами носители языка отмечают упадок и вырождение *Nochdeutsch*, что, по их мнению, особенно очевидно проявляется среди подрастающего поколения [22, 25]. В этой связи никнеймы как вербальная часть самопрезентации личности представляют ценный материал прежде всего для дескриптивного анализа с лингвистических позиций.

Обращение к самономинациям лиц именно подросткового возраста продиктовано активной коммуникативной деятельностью последних, что подтверждается официальной статистикой. Согласно информации крупнейшей немецкой статистической компании Statista, специализирующейся на рыночных и потребительских данных, количество интернет-пользователей в Германии составляет 67 миллионов человек. Самая молодая исследуемая возрастная группа (14–19 лет) насчитывает порядка 4,7 миллиона пользователей, при этом из них практически 100% являются активными интернет-пользователями, что не наблюдается ни в какой-либо иной анализируемой группе [26]. Подростковый возраст – время настоящего коммуникативного дебюта человека как *virtual persona*. Данная фаза онтогенетического развития представляет собой переход от детской модели к взрослой, характеризующийся особенностями биологического, психического, социального и культурного развития [27. Р. 62]. В этот период проблема самопрезентации

и поиска идентичности стоит у подростков особенно остро, как следствие, функциональный репертуар лингвистических средств претерпевает значительное расширение. Можно утверждать, что подростковый возраст – это первый возрастной период человека, когда язык начинает использоваться не только для коммуникации, но и целенаправленно применяется для самовыражения и конструирования образа «Я».

Материал и методы исследования

Исследовательский материал отбирался в период с октября 2019 г. по март 2022 г. включительно. В качестве источника выступили популярные среди немецких подростков социальные интернет-сервисы и хостинги [26, 28, 29], имеющие ярко выраженную социальную направленность и многообразные коммуникационные возможности (личная переписка, постинг, комментирование и т.д.): Instagram, Facebook¹, TikTok, Snapchat, Pinterest, YouTube, Twitter² [28, Р. 34]. В названных сервисах присутствует широкий арсенал средств и способов для самопрезентации и портретирования virtual persona. Методом случайной выборки был осуществлен отбор никнеймов с сопутствующими аккаунтами, принадлежащими немецкоязычным мальчикам-подросткам 11–17 лет. Нами использованы усредненные рамки подросткового возраста для мальчиков с учетом начала их вхождения в пубертатную фазу и наступлением совершеннолетия в Германии с 18 лет. Открытые геолокационные данные, контент-анализ аккаунтов, добровольно предоставленная пользователями личная информация о себе в онлайн-профилях позволили верифицировать информацию о поле, возрасте, стране происхождения и языке интересующих нас пользователей.

Часть материала получена в ходе интервьюирования и опросов информантов как в удаленном режиме на протяжении более трех лет исследования, так и на территории Германии в городе Ганновер в 2019 г. в рамках научно-исследовательской стажировки в Ганноверском университете им. Г.В. Лейбница. Всего было осуществлено три опроса: анкетирование при участии 114 информантов, а также 32 личных и 93 онлайн-интервью. Опрашиваемые добровольно предоставляли персональные данные (имя, возраст, место рождения и проживания, родной язык), а также ответы на открытые вопросы, связанные с их никнеймом: *Каким никнеймом ты наиболее часто пользуешься в интернете?*; *В каком интернет-сервисе ты используешь этот никнейм?*; *Что значит твой никнейм?* Процедура офлайн- и онлайн-интервьюирования базировалась на вопросах анкеты, однако само интервью носило фокусированный, полустандартизованный ха-

¹ Деятельность социальных сетей Instagram и Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

² Деятельность социальной сети Twitter ограничена Роскомнадзором на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации.

рактир, варьируемый в зависимости от каждого визави. Ответы личных интервью записывались в аудиоформате с последующей расшифровкой. Методологическая ценность описываемой опросной работы с информантами видится в получении объективных данных о механизмах и способах самономинаций в виртуальном пространстве мальчиками-подростками, а также в верификации выводов и предположений, выдвигаемых автором настоящего исследования при анализе фактологического материала.

Таким образом, исследовательский материал насчитывает 2 186 никнеймов. С помощью программного пакета Statgraphics¹ выполнен расчет объема репрезентативной выборки при условии размера генеральной совокупности 2,4 миллиона немецкоязычных интернет-пользователей мужского пола интересующего нас возрастного диапазона [26]. Расчет выборки был произведен с доверительной вероятностью 99% и доверительным интервалом 3 и составил 1848 единиц. Следовательно, выборочная совокупность предлагаемого исследования может быть признана репрезентативной. Для унификации рассматриваемых данных и согласно поставленной цели непосредственному анализу подвергаются антропонимические единицы, маркируемые как *username*, *nickname* в обозначенных выше сервисах. Эти именные элементы самопрезентации, сопровождая любые действия интернет-пользователя, должны быть уникальными в рамках одного сервиса. Иные именные единицы, вроде *display name* (Twitter), *name* (Instagram, Facebook, Pinterest, Snapchat), а также метаданные (пол, возраст, место рождения, проживания, образование, хобби, самоописания и пр.) привлекаются в качестве вспомогательного и иллюстративного материала для интерпретации основных единиц исследования и для проверки полученных результатов и выводов.

Собранный таким образом материал используется исключительно в научных, исследовательских целях и не нарушает Общий регламент защиты персональных данных в Европейском союзе (EU-Datenschutz-Grundverordnung, 2018), а также Федеральный закон о защите данных Федеративной Республики Германия (Bundesdatenschutzgesetz, 2018). Все привлеченные для работы данные находятся в открытом доступе на указанных социальных интернет-платформах либо добровольно предоставлены информантами с разрешением последующей публикации.

Кроме указанных методов сбора материала, для его изучения применялись следующие частнонаучные методы: метод контекстуального анализа для выявления влияния персональных данных на создание никнейма (в этом случае в качестве контекста выступает персональная информация о пользователях), методы структурного, компонентного, словообразовательного и лексико-семантического анализа с целью обнаружения продуктивных моделей самономинации и лингвистических свойств анализируемых лексем. Использовались элементы количественного подсчета.

¹ Диалоговый статистический пакет для PC Statgraphics Centurion XVII for 64-bit Windows (Version 17.2.07), Statgraphics Technologies, Inc. The Plains, Virginia.

Результаты

Представим количественные результаты лингвистического анализа никнеймов немецкоязычных мальчиков-подростков с позиций наиболее значимых аспектов акта самономинации: мотивированности, семантики, компонентного состава, лексико-грамматической структуры и графического оформления [19. Р. 24].

Осмысленность и семантическое значение самономинаций отображаются прежде всего на уровне их мотивированности. Анализ материала демонстрирует превалирование семантически мотивированных никнеймов (табл. 1). При этом подавляющее большинство случаев приходится на примеры самономинаций с абсолютной мотивированностью, значение которых ясно для понимания и легко вскрываемо. Самономинации с затемненной мотивированностью требуют дешифровки, что становится возможным только в совокупности с данными пользователя. Немотивированные никнеймы практически отсутствуют в отобранном материале и представляют собой случайный набор букв и символов.

Таблица 1
Мотивированность никнеймов немецкоязычных мальчиков-подростков

Степень мотивированности		Количество в материале, абс. (%)	Примеры
Мотивированные	абсолютно мотивированные	1 683 (77%)	<i>ludwig.albers</i> (← личное имя и фамилия Ludwig Albers); <i>der spieler</i> (← хобби: киберспорт, Marko Sahin)
	с затемненной мотивацией	481 (22%)	<i>jls_</i> (← консонантное написание личного имени Julius, Julius Rodd); <i>Delsei</i> (← перестановка компонентов фамилии Seidel, Leonel Seidel)
Немотивированные		22 (1%)	<i>hhbjh</i> (← ?, Bobi Kaus); <i>zxcvbn</i> (← ?, Erwin Mangenstropher)

Следующий важный аспект анализа – семантика никнеймов. Самономинация в интернет-пространстве осуществляется с использованием одного из трех обобщенных типов никнейма: никнейма-автонима, никнейма-псевдонима или никнейма переходного типа [30. Р. 329]. Принадлежность никнейма к конкретному типу определяется языковыми единицами, находящимися в его основе:

1) никнеймы-автонимы (48%, 1 049 примеров) состоят только из реальных антропонимов автора: *k@rl* (Karl Jahnke); *maxy.eichler* (Maximilian Eichler);

2) никнеймы-псевдонимы (28%, 612 примеров) содержат в своей основе нарицательные единицы или «чужие» онимы: *raecher7* (Hugo H. Kuppe); *Kuba Bube* (Nathan);

3) никнеймы гибридного (или смешанного, переходного) типа (23%, 503 примера) объединяют в себе реальный антропоним пользователя с апеллятивной или неавтономной онимической единицей: *Martin Moriarty* (*Martin Ranner*); *|GF| Vollkornmüsli* (*Georg Falke*).

Располагая более масштабными данными об особенностях семантики самономинаций среди немецкоязычных интернет-пользователей Германии разных полов и возрастов, мы можем статистически проверить гипотезу о влиянии данных экстралингвистических параметров личности на выбор самономинаций того или иного семантического типа. С помощью математической обработки данных путем вычисления значения критерия согласия Пирсона (хи-квадрат) мы можем полностью опровергнуть или обосновать наличие статистически значимой связи между семантикой никнеймов и факторами «пол»/«возраст» пользователей. Ниже представим эмпирические распределения интересующих факторов и с помощью расчетов хи-квадрата в программном пакете Statgraphics произведем сравнение с теоретическими распределениями. В табл. 2 продемонстрированы статистические данные о предпочитаемых типах никнеймов лицами мужского и женского пола.

Таблица 2

Распределение семантических типов никнеймов среди немецкоязычных интернет-пользователей Германии мужского и женского полов, в абсолютном количестве

Пол пользователей	Тип никнейма			
	Никнеймы-автономы	Никнеймы-псевдонимы	Гибридные никнеймы	Итого
Мужской	3 787	4 821	3 626	12 234
Женский	4 789	1 007	5 488	11 284
Всего	8 576	5 828	9 114	23 518

Анализ самономинаций среди немецкоязычных интернет-пользователей Германии только мужского пола позволяет увидеть распределение семантических типов никнеймов в каждой возрастной группе (табл. 3).

Для данных представленных таблиц принимаются две гипотезы:

(H0) Нулевая гипотеза: Семантический тип никнейма не зависит ни от пола, ни от возраста пользователя.

(H1) Альтернативная гипотеза: Семантический тип никнейма зависит от пола и возраста пользователя.

Вычисленное значение хи-квадрат для данных из обеих таблиц попадает в критическую область. Это говорит о том, что гипотеза о независимости (H0) отвергается с вероятностью ошибки 0,01. Также обнаруживается существование статистически значимой связи типа никнейма как с полом, так и с возрастом интернет-пользователя (*P-значение* = 0). Далее к данным табл. 3 дополнительно применяется метод вычисления стандартизованного остатка, с помощью которого производится оценка склонности либо отсут-

ствия склонности мальчиков-подростков самономинироваться определенным семантическим типом никнейма. Результаты вычислений в программном пакете Statgraphics позволяют констатировать, что мальчики-подростки не склонны к самономинациям псевдонимного ($SR\text{-значение} = -8,25$) или гибридного ($SR\text{-значение} = -5,45$) типа, а предпочитают называться в интернете никнеймами-автонимами ($SR\text{-значение} = +14,57$).

Таблица 3

Распределение семантических типов никнеймов среди немецкоязычных интернет-пользователей Германии мужского пола разных возрастных групп, в абсолютном количестве

Возрастной период	Тип никнейма			
	Никнеймы-автонимы	Никнеймы-псевдонимы	Гибридные никнеймы	Итого
Детство (2–12)	64	489	32	585
Подростковый (11–17)	1049	612	503	2 164
Юность (18–22)	512	1570	1230	3 312
Взрослый (23–29)	853	1014	856	2 723
Зрелость (30–49)	702	790	717	2 209
Пожилый (50–59)	328	224	242	794
Старость (60 и >)	279	122	46	447
Всего	3787	4821	3626	12 234

Охарактеризуем особенности конструирования каждого семантического типа никнейма в отдельности. В составе никнеймов-автонимов немецкоязычных мальчиков-подростков обнаружена вариативность использования единиц реального антропонимикона (табл. 4).

Анализ никнеймов-псевдонимов показывает, что семантика фундирующих их лексических единиц многообразна. Это в значительной степени затрудняет типологизацию и классификацию псевдонимных самономинаций. Однако в данной подгруппе очевидно превалирование эмоционально-оценочных никнеймов над самономинациями с нейтральной семантикой:

– никнеймы-псевдонимы с положительной семантикой – 46% (*Denkmeister14; Schoen_Ling*);

– никнеймы-псевдонимы с отрицательной семантикой – 23% (*schafsnaseee; Fett Sack*);

– никнеймы-псевдонимы с нейтральной семантикой – 31% (*M_e_t_all_sonde; testperson*).

Таблица 4

**Реальные антропнимы немецкоязычных мальчиков-подростков
в составе никнеймов-автонимов**

Единица реального антропнимикона	Форма	Количество в группе никнеймов-автонимов, абс. (%)	Примеры никнеймов-автонимов с реальными антропнимами пользователей
Личное имя	Официальная полная	210 (20%)	<i>Mathias (Mathias Kr.); Sven (Sven Zeller)</i>
	Неофициальная (краткая, уменьшительно-ласкательная)	147 (14%)	<i>chris.2007 (Christian Beis); Jochy (Jochen Müller)</i>
Фамилия	Официальная	31 (3%)	<i>Giese09 (Julius Giese); koop.1 (Christoph Koop)</i>
	Неофициальная неполная (краткая, уменьшительно-ласкательная)	84 (8%)	<i>schim.pf (Florian Schimpfhauser); mertl> (Alex Merten); hhn (Dominik Hahn)</i>
Комбинация личного имени и фамилии	Официальная полная	178 (17%)	<i>bjorn.schumann (Björn Sn); AdamHarmetz (Adam Harmetz)</i>
	Неофициальная	399 (38%)	<i>D. Belmonte (daviid belmonte); ●DOWI● (Dominik Wirth)</i>

Рассмотрение лексического состава никнеймов-псевдонимов позволяет выделить языковые единицы, называющие лицо по какому-либо относительно общему признаку и составляющие на этом основании единое множество, так называемый номинативный ряд. В зависимости от дифференциального признака, лежащего в основе псевдонимных самономинаций, выявляется несколько основных номинативных рядов, которые отражены в обобщенном виде в табл. 5. Иные дифференциальные признаки составляют 2% и менее.

Последняя группа самономинаций – гибридные никнеймы – оказываются наиболее проблемными в аналитическом плане, так как представляют собой «сложение» или контаминацию реального антропнима пользователя с любой неавтономной единицей онимического или аппелятивного свойства. Компонентный анализ никнеймов этого типа демонстрирует следующее использование в них реальных антропнимов пользователей: 72% приходится на личные имена, 21% – на фамилии и 7% – на их комбинацию.

Рассмотрение неавтонимной составляющей гибридных никнеймов указывает на полисемантическую используемых единиц, связанную с многообразием лексико-грамматических категорий последних. В табл. 6 представим наиболее крупные группы неавтонимных компонентов, обнаруженных в никнеймах-псевдонимах, в обобщенном виде.

Таблица 5

Основные номинативные ряды никнеймов-псевдонимов по дифференциальным признакам

Дифференциальный признак ряда	Количество в группе никнеймов-псевдонимов, абс. (%)	Примеры
Принадлежность к геймерской культуре	137 (22%)	©опр+е® gℓℓ <; cyber-spoooooortler; P.L.A.Y.M.Y.G.A.M.E.; minecraft-boy1; FortniteForever; kill spiel17
Маскулинность	64 (11%)	realsuperboy; _H.O.T_M.A.C.H.O._; cooler babsack; TopKerl
Достоинства	59 (10%)	9_mal_kluge; Kraftprotz VII; \$RICHIS; mr. sorgfalt
Независимость/самостоятельность	38 (6%)	♣ungebunden; dasechteselbst; feel_free; TOTALFREI
Нарциссизм/самоуверенность	31 (5%)	im_ya_idol; geilwiegott; the.prettiest; SchMaCko
Изыяны/недостатки	24 (4%)	spasti666; =coward=; knucklehe@d

Таблица 6

Неавтонимные компоненты гибридных никнеймов немецкоязычных мальчиков-подростков

Аппелятивные единицы (всего: 367, 73%)		Онимические единицы (всего: 136, 27%)			
Названия роли или типа геймера в компьютерных играх	86 (17%)	<i>pAtRiKiNsPeK-tEuR</i> (Patrik Zikmund); <i>Jan Bonjwa</i> (Jan Spillner); <i>klemmlOOter</i> (Bernd Klemm)	Антропони́мы ирреальных денотатов (герои компьютерных игр, книг, мультфильмов)	48 (9%)	<i>Martin Kabal</i> (Martin Fastner); <i>Harald_Potter_0_0</i> (Harald Stelter); <i>the-nik-le-bowski</i> (Niklas Hippe)
Мелиоративные прилагательные	70 (14%)	<i>smarterrobi</i> (Robert Serowski); <i>plenipotenter.jurgen</i> (Jürgen Habedank); <i>NOTABLE Hutzel</i> (Horst Hutzel)	Антропони́мы кумиров из реальной жизни	34 (7%)	<i>alexveysel</i> (← Alex Langenbach + антропоним рэпера Veysel Gelin); <i>andy vanilla_gorilla</i> (Andreas Förster + прозвище рэпера Brock Lesnar «Vanilla Gorilla»)

Аппелятивные единицы (всего: 367, 73%)			Онимические единицы (всего: 136, 27%)		
Обозначения лиц мужского пола	45 (9%)	<i>Davidboy</i> (<i>David Svensen</i>); mannsbild.arny (<i>Arnold Bauengarten</i>); feLixbro (<i>Felix Timm</i>)	Онимы географических объектов, торговых марок, музыкальных коллективов	20 (4%)	<i>korneliuskoeln</i> (<i>Kornelius Champell</i>); tobi.germany (<i>Tobias Sauerheimer</i>); Haribo Maxell (<i>Max Halle</i>); felixBMW (<i>Felix Reidenhoff</i>); Jochi Revolverheld (<i>Joachim Ahnne</i>); Mark coldplay Bauer . (<i>Mark Bauer</i>)
Названия титулов и званий	35 (7%)	Hannes Fuerst (<i>Hanns Kalbet</i>); freiherrtonny (<i>Anton Adam</i>); generaloberst_marius_heng_von_steiner (<i>Marius Steiner</i>)	Антропонимы людей, с которыми связаны определенные ассоциации в обществе	13 (3%)	<i>xx_phil.gandhi_xx</i> (← <i>Philipp носит очки, похожие на оправу М. Ганди</i>); d!rk te\$ta (← <i>Dirk увлечен изобретательством и физикой, как ученый Николы Тесла</i>)
Названия профессий	26 (5%)	Metzger Marius (<i>Marius Möser</i>); TMbodyguard oliTM (<i>Oliver Kapp</i>); Herm the Camera Boy (<i>Boris Herm</i>)	Антропонимы близких людей	10 (2%)	davilea (← <i>David + имя возлюбленной Lea</i>); jan_n_vik (← <i>брата Jannis и Viktor используют один аккаунт</i>)
Иное	105 (21%)	candy.luis (<i>Luis Maworski</i>); ulli der tiger (<i>Ulrich Holzschuh</i>)	Иное	11 (2%)	Cony (ripmarkie) Wendel (← <i>Conrad Wendel + антропоним умершего рэпера Биз Марки</i>)

Кроме семантики и номинативного потенциала значимым аспектом анализа никнеймов выступает и их лексико-грамматическая структура. Здесь особую роль играет количество компонентов, конституирующих ту или иную самономинацию, а также их лексико-грамматическое представление. В этом смысле все никнеймы делятся на монокомпонентные и поликомпонентные. Под монокомпонентными понимаются никнеймы, оформленные в виде одной (единой) лексемы, как узуального, так и окказионального характера, например: *piepmat8*; *Blutrausch*; *X6qPlayer*; *__inmabrain__*. Под поликомпонентными никнеймами подразумеваются самономинации, в которых отчетливо выделяются два и более компонента. Ввиду особых технических требований в разных интернет-сервисах сегментирование лексических составляющих поликомпонентных самономинаций возможно не только с помощью пробелов, но и знаков нижнего подчеркивания, точки, символов: *Da Mein*; *Mr_Noname*; *noah.iceberger*; *Cy_Ankali*; *☞.sir.lunchalot.☞*; *buster* *ghost*. Соотношение моно- и поликомпонентных никнеймов показывает их приблизительное ра-

венство: 46% (995 примеров) и 54% (1 169 примеров) соответственно. Продемонстрируем распределение моно- и поликомпонентных структур среди разных семантических типов никнеймов (табл. 7).

Таблица 7

Распределение семантических типов никнеймов немецкоязычных мальчиков-подростков согласно их структурному оформлению

Семантический тип никнеймов	Структурный тип никнеймов			
	Монокомпонентные		Поликомпонентные	
	Количество, абс. (%)	Примеры	Количество, абс. (%)	Примеры
Никнеймы-автонимы	605 (61%)	<i>DurrFinn (Finn Dürr), leoschenk (Leonard Schenk); (Adam Lippert); EWITT (Emil Witt)</i>	444 (38%)	<i>Florian Garbe14 (Florian Garbe); jo.seph (Joseph Stinger); alex_ander1717 (Alexander Hartwig)</i>
Никнеймы-псевдонимы	210 (21%)	<i>Bluttausch (Lukas Scheller); X6qPlayer (Lukas Sterneck); inmabrain_ (Erik Pessig)</i>	402 (34%)	<i>Mr_NoName (Kurt Jacob); ☞.sir.lunchalot.☞ (Mathias Lücke); buster ☞ghost (Dennis Fehsenfeld)</i>
Гибридные никнеймы	180 (18%)	<i>BlutkerE (Manuel Potente); Ronaldsworld (Ronald Ostermann); Edisthier (Eduard Kortmann)</i>	323 (28%)	<i>noah.iceberger (Noah Hüpper); NIKY RULEZZZ(Niklas Schappeler); fink hinkt ☞ (Marvin Fink)</i>

Анализ данных табл. 7 с помощью расчета по критерию хи-квадрат Пирсона в программном пакете Statgraphics подтверждает существование связи между семантическим типом никнеймов и их компонентной структурой (P -значение = 0). Применение метода вычисления стандартизованного остатка демонстрирует положительно значимые связи между монокомпонентной структурой и автонимной семантикой никнеймов (SR -значение = +5,61), между поликомпонентной структурой и псевдонимной, а также гибридной семантикой никнеймов (SR -значения = +4,15 и +3,04 соответственно).

Как видно из табл. 7, большая часть монокомпонентных самоименований приходится на никнеймы-автонимы, среди которых наиболее распространено объединение в одну лексему фамилии с личным именем пользователя. Монокомпонентные именованья псевдонимного и смешанного характера предстают в виде окказиональных субстантивных композитов, среди которых фиксируются полносложные (*Knautschknödel; jokerhugo*), неполносложные (*klassenspirit; FreiheitsLiam*) соединения, сдвиги (*BlauesEtwas; tobiaszockt; ichkanndunicht*).

Поликомпонентные никнеймы-автонимы предстают, как правило, в виде комбинации личного имени и фамилии, разделенных различными графическими знаками, допустимыми конкретным сервисом. Поликомпонентные

псевдонимные и переходные никнеймы структурно оформлены в виде словосочетаний (594 примера, 51% подгруппы), реже – в виде предложений (131 пример, 11% подгруппы). Значительное число примеров приходится на именные словосочетания с существительным или реальным антропонимом в качестве главного слова (415 примеров, 36% подгруппы). Роль зависимого слова, таким образом, отводится прилагательному, которое конкретизирует и приписывает дополнительную информацию создаваемой виртуальной личности мальчика: *perfekter_ich*; *_der.wunderbare.mike_*. Также употребительны и субстантивные атрибуты: *King Edmund*; *buseron.oli7*; *regent.von.schickeria*. Поликомпонентные самономинатии, оформленные в виде разного рода предложений, сконструированы как синтаксическая единица сообщающего характера с относительно законченным сообщением и предикацией: *romeo_starb_gestern*; *Lets rock it*. Наиболее часто встречаются полные двусоставные, распространенные повествовательные предложения (71 пример, 6% подгруппы): *alex.will.liebe*; *_i_am_sad_*; *~~I WIN U~~*. Также выделяется группа примеров в виде предложений с императивами (39 никнеймов, 3% подгруппы): *Knobel Herum*; *maile.nicht*; *LASS_MICH_BLOSS_ALLEIN*.

Еще одним неотъемлемым инструментом для самовыражения и самопрезентации в процессе виртуального общения наряду с вербальными средствами является графика. Особое визуальное оформление имени, использование параграфемных элементов способны вносить дополнительные смыслы в никнеймы, реализуя тем самым абсолютно разные задачи и функции. Вопреки тому, что разные веб-ресурсы предъявляют собственные технические требования и символичные ограничения для никнеймов, у пользователей практически всегда остается возможность графического преобразования своего имени. В исследовательском материале насчитывается порядка 73% никнеймов (1 592 никнейма), в которых замечено то или иное графическое явление. Столь высокая востребованность графики предопределена феноменологической полифункциональностью самих паравербальных средств. Применение графических средств и элементов зачастую сопряжено со стремлением выделить никнейм, придать ему броскость, заметность. Однако анализ аккаунтов и данные работы с информантами позволяют уточнить персональные мотивы использования тех или иных графических средств мальчиками-подростками в своих никнеймах. Представим результаты анализа в табл. 8.

Приведенный список не ограничивается обозначенными мотивами, ведь некоторые из них бывают очень индивидуальны и ситуативно обусловлены. Также исследовательский материал демонстрирует, что порядка 28% никнеймов (606 примеров) содержат в себе сразу несколько графических средств. С одной стороны, это является следствием доминирования одного и того же мотива самономинатии. Например, для преодоления запрета на одинаковые никнеймы в самономинатиях используются одновременно символическая парцелляция и добавление цифры: *Samue_114* (← *Samuel Kositzky*); символическая парцелляция и цифро-буквенное замещение: *J@M.E\$*

(← *James Spatz*); символьная парцелляция и итерация: *gam.errrr* (← *gamer*). С другой стороны, разные графические средства помогают пользователям одновременно реализовать несколько самопрезентационных интенций в никнейме. Так, подросток с реальным именем *Erwin* создал никнейм *+*~☞☐ erWIN ☞☐ ~*+*, в котором он смог не только использовать свой настоящий антропоним несмотря на обилие зарегистрированных тезок, но и добавил к самономинации эстетический и смысловой элементы в виде символьной симметричной рамки и капитализированных букв, отсылающих к английской лексеме «побеждать».

Таблица 8

Графические средства и мотивы их использования в никнеймах немецкоязычных мальчиков-подростков

Мотив использования	Количество в материале, абс. (%)	Графические средства и приемы	Примеры никнеймов
Преодоление технического запрета на одинаковые никнеймы	866 (40%)	1) итерация 2) добавление символа или цифры 3) символьная парцелляция 4) литспик (символьно-буквенная замена)	1) <i>Comboooo; Chrri-ristian</i> 2) <i>megatron ★; ben-edikt111</i> 3) <i>se_ba_sti_an;</i> <i>Liblings.kind</i> 4) <i>Λ!<074§; se}{ma-chine</i>
Выделение границ составных элементов никнейма	454 (21%)	1) символьная парцелляция 2) капитализация	1) <i>erik[betz]; apc ara-gorn</i> 2) <i>TheOnlySkyFire;</i> <i>SwenBastard</i>
Метасообщение / сообщение дополнительной информации	204 (9%)	1) цифры 2) иконические и неиконические символы и знаки	1) <i>Horstmann2007;</i> <i>meinglaube666</i> 2) <i>Rudi ♣;</i> <i>FREUND(•)</i> <i>(•)♣(♣_♣♣)</i>
Реализация эстетических установок	81 (4%)	1) символьные рамки 2) капитализация 3) иконические и неиконические символы и знаки	1) <i>[☞]♣ Black♣[☞];</i> <i>—»Compufreak«—</i> 2) <i>DoBeRmAnY;</i> <i>TRevisaRT</i> 3) <i>Bachelor ☞ Boy;</i> <i>Gneisenau ✕</i>
Создание игрового и/или юмористического эффекта	30 (1%)	1) символьная парцелляция 2) капитализация	1) <i>Ego(n) Mückler;</i> <i>hein.rich</i> 2) <i>FreUdiChKerl;</i> <i>DIEtz eckHARD</i>

В количественном отношении наиболее востребованными паравербальными средствами являются нижнее подчеркивание и точка (817 примеров, 37% всего материала), которые используются преимущественно для дифференциации никнейма среди подобных и выделения границ его компонентов.

Обсуждение результатов и выводы

Результаты анализа фактологического материала подтверждают выдвинутую гипотезу о значительном превосходстве арсенала лингвистических средств конструирования виртуальных самономинаций над совокупностью методов и приемов, принятых в традиционном, реальном имяназвании. Использование для продуцирования никнеймов не только автонимов, но и разнообразной апеллятивной лексики, заимствование для этих целей «чужих» онимов, всевозможные вариации и комбинации лексических единиц внутри никнейма, широкий диапазон словообразовательных техник, полифункциональные средства и приемы графического представления, а также потенциальная семантическая многослойность – всё это доказывает, с одной стороны, лингвистическую неординарность и одновременно сложность никнейма как антропонимической категории, с другой – подтверждает, что мальчики-подростки уже владеют достаточно широким репертуаром языковых компетенций, необходимых для вербальной самопрезентации на уровне автономиирования.

Привлеченные к анализу данные немецкоязычных мальчиков-подростков 11–17 лет демонстрируют конкретные лингвистические тенденции в конструировании никнеймов. Как было показано, такие значимые экстралингвистические факторы, как гендер и стадия онтогенетического развития, действительно находятся в неразрывной взаимосвязи с их вербальным воплощением и реализацией в виде создаваемых никнеймов. Полученные данные о склонности мальчиков-подростков именоваться в интернет-коммуникации монокомпонентными никнеймами, базирующимися на реальных именах их авторов, отнюдь не свидетельствуют о низком лингвокреативном потенциале подростковых самономинаций. Напротив, структурные, семантические и графические преобразования автонимов, а также узуальных лексем, заимствованных онимов подтверждают высокий уровень языкового творчества рассматриваемой группы пользователей.

Вместе с тем результаты свидетельствуют и о том, что самономинация – это акт добровольного самовыражения и способ самоидентификации, саморефлексии и самопрезентации в рамках интернет-коммуникации. Об этом говорит прежде всего мотивированность практически всех исследуемых никнеймов мальчиков-подростков. Таким образом, самономинативный процесс у подростков имеет целенаправленный и продуманный характер, что подчеркивается значимостью создаваемых виртуальных антропонимов и готовностью их авторов к определенным языковым усилиям, гарантирующим реализацию номинативных интенций.

Выявленное на уровне семантического анализа статистически значимое предпочтительное использование автонимов и превалирование официальных полных форм личного имени в никнеймах коррелируют с психологическими новообразованиями подросткового возраста: это возникновение чувства взрослости, стремление к самостоятельности, отрицание своей принад-

лежности к детям и в то же время бурное развитие рефлексии и самосознания, частью которого является имя [31. С. 24]. Проиллюстрируем сказанное комментариями респондентов с никнеймами-автонимами¹: *Das ist mein Name. Ich mag ihn (Это мое имя. Я люблю его); = kombi von v/n und n/n von mir. die sind meine teile (= комбинация моих имени и фамилии. они часть меня)*. Однако использование настоящего антропонима в качестве никнейма не всегда оказывается только манифестацией собственной идентичности, тождественности или слияния виртуальной и реальной личностей. В рассматриваемом материале лишь небольшая часть автонимов способна реализовать функцию деанонимизации пользователя. В подавляющем большинстве лингвокреативные преобразования даже настоящих личных имен способны полностью анонимизировать подростка в Сети или сделать его virtual persona узнаваемой узким кругом лиц.

Аналогичной цели служат и иные обнаруженные типы виртуальных самономинаций – гибридные и псевдонимные никнеймы, к использованию которых мальчики-подростки статистически не склонны. Однако как раз в подобных примерах особенно ярко проявляются индивидуализирующие техники и приемы, а также влияние экстралингвистических факторов на акт самономинации. На лексико-семантическом уровне очевидна тенденция к самонаречению языковыми единицами, маркирующими принадлежность к геймкультуре. Причастность к игровому сообществу оказывается значимой для мальчиков-подростков. По этой причине не случайно в качестве никнейма зачастую избираются слова, образованные на базе лексем *Spiel, game* и однокоренных слов: *kill speil17; spielerdealer; Der Beste Spieler; gamemasta; nogames; gam.er.; The wild gamer*. Полученный результат привлекает внимание и в связи с тем, что среди источников материала не было игровых ресурсов, функциональная среда которых могла бы оказать влияние на семантику никнеймов. Очевидно, что геймерская деятельность занимает значимое место в жизни мальчиков-подростков (ср.: [28. Р. 56–57]) и является своеобразным маркером успешности, авторитетности среди сверстников. Демонстрация принадлежности к геймерской культуре также реализуется с помощью использования компьютерного сленга, единиц, отсылающих к названиям любимых игр и их персонажам, понятиям геймерского процесса: *minecraftboy1; FortniteForever; michael_de_santa; Captain Price*.

Еще одной яркой лексико-семантической чертой представляется количество никнеймов положительной семантики, каким-либо образом транслирующих позитивное самовосприятие. Результат детерминирован переживаемой в подростковом возрасте критической фазой в формировании самооценки [32. Р. 128]. Обращение подростков к мелиоративной лексике, языковым единицам, маркирующим человеческие достоинства, позволяет улуч-

¹ Здесь и далее фрагменты письменных ответов респондентов приведены с оригинальной пунктуацией и орфографией авторов или представлены в виде стенограммы аудиозаписей личных интервью.

шить реальный имидж в интернет-пространстве. Обнаруженные в исследовательском материале (см. табл. 5) проявления нарциссизма, самоуверенности и идеализации, а также стремление к независимости и самостоятельности согласуются с психологическими новообразованиями мальчиков [33] и типичны для подростковой переоценки возросших возможностей [34]. Очевидно, таким образом подростки вербализируют «идеальное Я» в Сети, где для этого практически отсутствуют любые ограничения.

На уровне лексики обращает на себя внимание и превалирование единиц маскулинной семантики. С одной стороны, при самономинировании практически всегда отдается предпочтение соответствующим гендерно маркированным апеллиативам. Данный тезис подкрепляется и употребительностью в самономинациях лексем, содержащих словообразовательные форманты вроде *-mann*, *-kerl*, *-boy*, *-guy*: *_himmelsmann_*; *manniboy*; *cordesssguy*. С другой стороны, в процессах самономинации очевидна продуктивность имен маскулинного антропонимикона, и в частности приема именной транспозиции, т.е. переноса и присвоения имен денотатов мужского пола (см. табл. 5, 6). Такие тенденции органично коррелируют с поиском и утверждением половой и гендерной идентичности лиц подросткового возраста и свидетельствуют о потребности мальчиков 11–17 лет в артикулировании своей мужественности на вербальном, еще докоммуникативном уровне, привлекая потенциальных визави или, напротив, ограничивая их круг. Вместе с тем семантическая пестрота фундирующей никнеймы лексики, а также палитра сфер жизни, существования или деятельности персон, чьими антропонимами именуются подростки, определяют кругозор последних: их кумиров, идиолов, увлечения и хобби, которые выходят далеко за рамки только компьютерных игр и затрагивают и киноиндустрию, литературу, музыку и даже политику и науку. Например, мальчик Lars Mojert с никнеймом *Lars(ripkeith)Mo* инкорпорировал в самономинацию имя солиста любимой музыкальной группы Prodigy – Keith Charles Flint, скоропостижно скончавшегося в 2019 г. А подросток Samuel так объяснил свое виртуальное имя *Musk in da Mars*: *Ich bin ein Fan von Elon Musk und seinem SpaceX. Mir gefällt, was er tut. Das inspiriert mich. Ich glaube, dass er und wir alles schaffen (Я фанат Илона Маска и его SpaceX. Мне нравится, что он делает. Это меня вдохновляет. Я верю, что у него и нас все получится).*

Структурно-компонентный анализ никнеймов обнаруживает примерно равное присутствие моно- и поликомпонентных самономинаций в исследовательском материале. При этом лингвокреативность проявляется в обоих случаях. Так, подавляющее большинство монокомпонентных никнеймов псевдонимного и гибридного характера предстают в виде окказиональных субстантивных композитов разнообразной структуры. А в поликомпонентных никнеймах-автонимах зачастую присутствует разделение реального антропонима пользователя на составляющие, что позволяет привносить дополнительные смыслы в самономинацию за счет схожести изолированных частей имени с апеллиативными единицами: *wil.helm* ☺ (*Wilhelm* + *Helm* – *шлем*), *ben_JA_min* (*Benjamin* + *ja* – *да*); *ni.colas.as* (*Nicolas* + *Cola* – *кола*).

В других случаях пользователи преобразуют свои реальные антропимы в никнеймы, очевидно коррелирующие с нарицательными единицами: *Be.St. (Bernd Steiner)* → *best* – англ. лучший; *Dodo7 (Dominik Dombler)* → *Dodo* – *dodo*; *i.stop.her (Christopher Goebe)* → *I stop her* – англ. Я остаю ее. Подобные самономинации характеризуются многослойностью и оригинальностью значения, а также высокой степенью индивидуализации и детализации виртуального «портрета», что также является значимым для лиц подросткового возраста. В подобных примерах мы вновь можем наблюдать созревание интеллектуально-творческого аппарата мальчиков-подростков, отражающееся в достаточно развитых языковых навыках, которые проявляются в подобных лингвокреативных актах словообразования.

Традиционная для интернет-пространства востребованность графических средств приобретает в контексте подростковых самономинаций новые смыслы. Материал показывает, что паравербальные средства используются скорее не для визуальной, а для смысловой индивидуализации никнеймов. Анализ мотивов использования графики помогает увидеть, насколько важно для мальчиков-подростков реализовать в ходе создания никнейма свои самономинативные интенции. Вопреки тому, что внешняя броскость и заметность выступают мощным средством индивидуализации самономинаций, их визуальная составляющая все-таки отходит на второй план. Для пользователей-подростков важнее и приоритетнее именно тот потенциал графики, который предоставляет возможность, а в некотором смысле и свободу, осуществить акт самономинации желаемыми лексическими единицами, обойдя технические запреты на повторяющиеся никнеймы. Например, пользователь с распространенным в Германии именем *Florian* именуется никнеймом *FLOR] [/ - \N*. Приемы капитализации и литспика позволяют мальчику использовать автоним несмотря на значительное количество зарегистрированных тезок, а также выделиться визуально среди обладателей этого же имени. Таким образом, графика действительно удовлетворяет потребности в индивидуализации самономинаций, вместе с тем преимущественно утилитарный характер ее использования согласуется с подростковыми потребностями в индивидуализации, самосознании и самопрезентации своего «Я» [27. Р. 66].

Итак, самономинации мальчиков-подростков в виде никнеймов обладают специфическими свойствами и характеристиками как языковые единицы, а также имеют собственные тенденции конструирования, эксплицитно и имплицитно выражают лингвокреативный потенциал их авторов на лексико-семантическом, структурно-грамматическом и паравербальном уровнях. Выявленные особенности позволяют обнаруживать и экстралингвистическую обусловленность единиц фактологического материала, связанную с половой и возрастной принадлежностью информантов. Обобщая именной докоммуникативный портрет немецкоязычного мальчика-подростка 11–17 лет в интернет-коммуникации, констатируем следующее: это пользователи, которые в равной степени склонны к деанонимизации и анонимизации личности в интернет-пространстве, однако в обоих случаях

крайне важными оказываются перенос исходных самономинативных намерений в никнейм, а также номинация реальным автонимом или его вариацией. Изученные никнеймы обладают преимущественно маскулинной, мелиоративной семантикой, а также транслируют потребность их владельцев в признании определенной социальной группой и включенности в интересующий проблемный или культурный контекст.

Список источников

1. *Зубарева А.В.* Онимы в интернет-коммуникации: новые явления и функции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 120–136. doi: 10.29025/2079-6021-2021-1-120-136
2. *Аникина Т.В.* Виртуальный антропоним в системе современной коммуникации // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 56–60.
3. *Son L.P.* Virtual onomastics and non-verbal component of Internet communication // Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture And Civil Engineering, series // Modern Linguistic and Methodical-And-Didactic Researches. 2012. № 1 (1). P. 99–108.
4. *Ахренова Н.А.* Лингвистические особенности сетевых имен // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34. С. 5–10.
5. *Рянская Э.М., Балкунова А.С.* Сетевое имя (никнейм) как языковой знак // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2011. № 4. С. 72–76.
6. *Соков А.А.* Функционально-стилевые особенности никонимов в виртуальном дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 69–72.
7. *Чьюнг Тхи С.Х., Киселева А.* Особенности формирования никнеймов и использование гендерно-нейтральных никнеймов молодежью на виртуальных коммуникативных площадках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–1 (73). С. 167–170.
8. *Кочетков В.В.* К вопросу о современной русской диктоимии // Научный поиск. 2013. № 4.3. С. 8–11.
9. *Андреев В.К.* Автономинация в корпоративных языках молодежи: форма и содержание // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 59 (5). С. 4–7.
10. *Романова М.С.* Псевдонимы в немецких и русских чатах // Вестник ВятГУ. 2009. № 3. С. 91–93.
11. *Martin M.* A Name To Exist: The Example of the Pseudonym on the Internet. Cambridge : Scholars Publishing, 2016. 175 p.
12. *Голованова Е.И.* Имя пользователя персональным компьютером как объект полипарадигмального анализа // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. конф., Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 60–62.
13. *Асмус Н.Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 23 с.
14. *Bechar-Israeli H.* From <Bonehead> to <cLoNehEAD>: nicknames, play, and identity on Internet Relay Chat // Journal of Computer-Mediated Communication. 1995. № 1 (2). URL: <https://academic.oup.com/jcmc/article/1/2/JCMC127/4584330>
15. *Jens R., Schlobinski P., & Stever T.* Sprache und Kommunikation im Internet // Mutter-sprache. Vierteljahresschrift für deutsche Sprache. № 2. P. 97–109.
16. *Авчиева Д.Т.* Структурно-семантические особенности никнеймов современного русского языка полиэтнического города : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2016. 25 с.

17. Аникина Т.В. Сопоставительное исследование виртуального антропонимикона англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 224 с.

18. Балкунова А.С. Роль сетевого имени (никнейма) во взаимодействии субъектов виртуальной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижневартовск, 2012. 26 с.

19. *Nicknamen international. Zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen* / hrsg. von P. Schlobinski, T. Siever. Berlin : Peter Lang GmbH, 2018. 386 p.

20. Whitty M.T., Buchanan T. What's in a screen name? Attractiveness of different types of screen names used by online daters // *International Journal of Internet Science*. 2010. № 5. P. 5–19.

21. Zhou F., Mou J., He M., Kim J. Nicknames as identity badges: How self-reflective nicknames can facilitate users' online social interactions // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. Vol. 60. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0969698921000254>. doi: 10.1016/j.jretconser.2021.102459

22. Bahlo N., Becker N., Kalkavan-Aydin Z. et al. Jugendsprache: Eine Einführung / hrsg. J.B. Metzler. Stuttgart : Springer-Verlag GmbH, 2019. 241 p. doi: 10.1007/978-3-476-04767-0

23. Betka F. Die Jugendsprache in Deutschland // *Journal of Translation and Languages*. 2013. Vol. 12, № 2. P. 79–82.

24. Höfler E. I bims I // *Ideennetz*. 2017. № 15 (3). Themenschwerpunkt: Selbstdarstellung. P. 4–5.

25. Bornstedt P. Jugendsprache im Wandel. Einfluss und Auswirkung im neuen Jahrtausend. Munich : GRIN Verlag, 2019. 29 S.

26. Statista – das Statistik-Portal: Statistiken, Marktdaten & Studie. 2022. URL: <https://de.statista.com/statistik/suche/?q=Anzahl+der+Internetnutzer+in+Deutschland+&Suche=&qKat=search&newSearch=true&p=1>

27. Bohleber W. Grundzüge adoleszenter Entwicklung: Psychoanalytische Perspektiven // *Das adoleszente Gehirn* / hrsg. P.J. Uhlhaas, K. Konrad. Stuttgart : Kohlhammer, 2011. P. 61–66.

28. *Feierabend S., Rathgeb Th., Kheredmand Th. etc. JIM-Studie 2021: Jugend, Information, Medien. Basisuntersuchung zum Medienumgang 12- bis 19-Jähriger*. Stuttgart : MPFS, 2021. 74 S. URL: https://www.mpfs.de/fileadmin/files/Studien/JIM/2021/JIM-Studie_2021_barrierefrei.pdf

29. *Feierabend S., Rathgeb Th., Kheredmand Th. etc. JIM-Studie 2020: Jugend, Information, Medien. Basisuntersuchung zum Medienumgang 12- bis 19-Jähriger*. Stuttgart : MPFS, 2020. 78 p. URL: https://www.mpfs.de/fileadmin/files/Studien/JIM/2020/JIM-Studie-2020_Web_final.pdf

30. Kaziaba V. Namensmasken im Internet // *Muttersprache*. 2013. № 4 (123). P. 327–339.

31. Останова А.В. Психологические особенности подросткового возраста // *Евразийский научный журнал*. 2015. № 7. С. 23–26.

32. Winter R. Sexuelle Gesundheit männlicher Jugendlicher – Indikatoren männlicher sexueller Jugendgesundheit // *Sexualität von Männern* / hrsg. Stiftung Männergesundheit. Gießen : Psychosozial-Verlag, 2017. P. 127–142. doi: 10.23668/psycharchives.3447

33. Чиждова Е.А. Полоролевая идентичность мальчиков-подростков с нарушениями поведения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2011. № 3. С. 218–228.

34. Якиманская И.С. Гендерные особенности агрессивности и адаптивности подростков // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. № 1 (9). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN121.pdf>

References

1. Zubareva, A.V. (2021) Onyms in Internet Communication and Electronic Environment: New Phenomena and Functions. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 1. pp. 120–136. (In Russian). doi: 10.29025/2079-6021-2021-1-120-136
2. Anikina, T.V. (2012) Virtual'nyy antroponim v sisteme sovremennoy kommunikatsii [Virtual Anthroponym in the System of Modern Communication]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*. 2. pp. 56–60.
3. Son, L.P. (2012) Virtual onomastics and non-verbal component of Internet communication. *Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture And Civil Engineering, Seria Modern Linguistic and Methodical-And-Didactic Researches*. 1 (1). pp. 99–108.
4. Akhrenova, N.A. (2009) Lingvisticheskie osobennosti setevykh imen [Linguistic Features of Online Names]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 34. pp. 5–10.
5. Ryanskaya, E.M. & Balkunova, A.S. (2011) Setevoe imya (nikneym) kak yazykovoy znak [Online Name (Nickname) as a Linguistic Sign]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 72–76.
6. Sokov, A.A. (2013) Funktsional'no-stilevye osobennosti nikonimov v virtual'nom disкурсе [Functional and Stylistic Features of Nicknames in Virtual Discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (79). pp. 69–72.
7. Chyong Tkhi, S.Kh. & Kiseleva, A. (2017) Osobennosti formirovaniya nikneymov i ispol'zovanie genderno-neytral'nykh nikneymov molodezh'yu na virtual'nykh kommunikativnykh ploshchadkakh [Features of the formation of nicknames and the use of gender-neutral nicknames by young people on virtual communication platforms]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 7–1 (73). pp. 167–170.
8. Kochetkov, V.V. (2013) K voprosu o sovremennoy russkoy diktonimii [On the issue of modern Russian dictonymy]. *Nauchnyy poisk*. 4.3. pp. 8–11.
9. Andreev, V.K. (2011) Avtonominatsiya v korporativnykh yazykakh molodezhi: forma i sodержanie [Autonomy in corporate languages of youth: form and content]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 59 (5). pp. 4–7.
10. Romanova, M.S. (2009) Psevdonimy v nemetskikh i russkikh chatakh [Pseudonyms in German and Russian chats]. *Vestnik VyatGU*. 3. pp. 91–93.
11. Martin, M. (2016) *A Name To Exist: The Example of the Pseudonym on the Internet*. Cambridge: Scholars Publishing.
12. Golovanova, E.I. (2009) [Personal Computer Username as an Object of Polyparadigmatic Analysis]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 8–12 September 2009. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 60–62. (In Russian).
13. Asmus, N.G. (2005) *Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva* [Linguistic Features of the Virtual Communicative Space]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
14. Bechar-Israeli, H. (1995) From <Bonehead> to <LoNehEAd>: nicknames, play, and identity on Internet Relay Chat. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1 (2). [Online] Available from: <https://academic.oup.com/jcmc/article/1/2/JCMC127/4584330>
15. Jens, R., Schlobinski, P. & Siever, T. (1998) Sprache und Kommunikation im Internet. *Muttersprache. Vierteljahresschrift für deutsche Sprache*. 2. pp. 97–109.
16. Avchieva, D.T. (2016) *Strukturno-semanticheskie osobennosti nikneymov sovremennogo russkogo yazyka polietnicheskogo goroda* [Structural and semantic features of nicknames in the modern Russian language of a multiethnic city]. Abstract of Philology Cand. Diss. Makhachkala.
17. Anikina, T.V. (2011) *Sopostavitel'noe issledovanie virtual'nogo antroponimikona angloyazychnykh, russkoyazychnykh i frankoyazychnykh chatov* [Comparative study of the

virtual anthroponymicon of English-language, Russian-language and French-language chats]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

18. Balkunova, A.S. (2012) *Rol' setevogo imeni (nikneyma) vo vzaimodeystvii sub"ektov virtual'noy kommunikatsii* [The role of the network name (nickname) in the interaction of subjects of virtual communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhnevartovsk.

19. Schlobinski, P. & Siever, T. (eds) (2018) *Nicknamen international. Zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen*. Berlin: Peter Lang GmbH.

20. Whitty, M.T. & Buchanan, T. (2010) What's in a screen name? Attractiveness of different types of screen names used by online daters. *International Journal of Internet Science*. 5. pp. 5–19.

21. Zhou, F. et al. (2021) Nicknames as identity badges: How self-reflective nicknames can facilitate users' online social interactions. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 60. doi: 10.1016/j.jretconser.2021.102459

22. Bahlo, N. et al. (2019) *Jugendsprache: Eine Einführung*. Stuttgart: Springer-Verlag GmbH. doi: 10.1007/978-3-476-04767-0

23. Betka, F. (2013) Die Jugendsprache in Deutschland. *Journal of Translation and Languages*. 12 (2). pp. 79–82.

24. Höfler, E. (2017) I bims I. *Ideenetz*. 15 (3). Themenschwerpunkt: Selbstdarstellung. pp. 4–5.

25. Bornstedt, P. (2019) *Jugendsprache im Wandel. Einfluss und Auswirkung im neuen Jahrtausend*. Munich: GRIN Verlag.

26. Statista – das Statistik-Portal: Statistiken, Marktdaten & Studie. (2022) [Online] Available from: <https://de.statista.com/statistik/suche/?q=Anzahl+der+Internetnutzer+in+Deutschland+&Suche=&qKat=search&newSearch=true&p=1>

27. Bohleber, W. (2011) Grundzüge adoleszenter Entwicklung: Psychoanalytische Perspektiven. In: Uhlhaas, P.J. & Konrad, K. (hrsg.) *Das adoleszente Gehirn*. Stuttgart: Kohlhammer. pp. 61–66.

28. Feierabend, S. et al. (2021) *JIM-Studie 2021: Jugend, Information, Medien. Basisuntersuchung zum Medienumgang 12- bis 19-Jähriger*. Stuttgart: MPFS. [Online] Available from: https://www.mpfs.de/fileadmin/files/Studien/JIM/2021/JIM-Studie_2021_barrierefrei.pdf

29. Feierabend, S. et al. (2020) *JIM-Studie 2020: Jugend, Information, Medien. Basisuntersuchung zum Medienumgang 12- bis 19-Jähriger*. Stuttgart: MPFS. [Online] Available from: https://www.mpfs.de/fileadmin/files/Studien/JIM/2020/JIM-Studie-2020_Web_final.pdf

30. Kaziaba, V. (2013) Namensmasken im Internet. *Muttersprache*. 4 (123). pp. 327–339.

31. Ostapova, A.V. (2015) Psichologicheskie osobennosti podrostkovogo vozrasta [Psychological characteristics of adolescence]. *Evraziyskiy nauchnyy zhurnal*. 7. pp. 23–26.

32. Winter, R. (2017) Sexuelle Gesundheit männlicher Jugendlicher – Indikatoren männlicher sexueller Jugendgesundheit. In: Stiftung Männergesundheit (hrsg.) *Sexualität von Männern*. Gießen: Psychosozial-Verlag. pp. 127–142. doi: 10.23668/psycharchives.3447

33. Chizhova, E.A. (2011) Polorolevaya identichnost' mal'chikov-podrostkov s narusheniyami povedeniya [Gender-Role Identity of Adolescent Boys with Behavioral Disorders]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 3. pp. 218–228.

34. Yakimanskaya, I.S. (2021) Gendernye osobennosti agressivnosti i adaptivnosti podrostkov [Gender Features of Aggressiveness and Adaptability of Adolescents]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 1 (9). [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN121.pdf>

Информация об авторе:

Казяба В.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Северодвинск, Россия). E-mail: kazaba@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Kazaba, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Severodvinsk, Russian Federation). E-mail: kazaba@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 08.07.2023;
approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья
УДК 811.134.4
doi: 10.17223/19986645/90/4

Зооморфная метафора в диалектных номинациях растений как фрагмент языковой картины мира галисийцев

Ольга Викторовна Мерзликина¹

¹ *Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, o.merzlikina@rambler.ru*

Аннотация. Исследуется когнитивно-ономасиологический механизм мотивации зооморфных метафорических номинаций растений в языковой картине мира галисийцев. Материалом исследования послужили диалектные названия растений галисийского языка. Определены типы мотивационных отношений между их ономасиологической структурой и фрагментами знаний об означаемом. Описаны мотивационные признаки номинации, основанные на чувственном восприятии и рациональном опыте. Выявлены модели, созданные на основе синтеза двух метафорических номинаций, одна из которых – зооморфная.

Ключевые слова: зооморфная метафора, когнитивно-ономасиологический анализ, фитонимы, когнитивная модель, галисийская языковая картина мира, диалектная фитонимика

Для цитирования: Мерзликина О.В. Зооморфная метафора в диалектных номинациях растений как фрагмент языковой картины мира галисийцев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 75–93. doi: 10.17223/19986645/90/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/4

Zoomorphic metaphor in the dialect nominations of plants as a fragment of the Galician language picture of the world

Olga V. Merzlikina¹

¹ *Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, o.merzlikina@rambler.ru*

Abstract. The article studies the cognitive-onomasiological mechanism of motivation of zoomorphic metaphorical nominations of plants in the Galician language. The aim of the article is to analyze the motivation of the folk plants names and to reveal the mechanism of metaphorical rethinking of the conceptual sphere “animals”, as well as to describe the conceptual connection in the motivational bases of phytonyms created on the basis of synthesizing models. The material of the study was the folk plants names

in the Galician language. The reason for including a phytonym in the sample for analysis was the presence of a zoonymic component in its structure. In the process of analysis, phytonyms related to the scientific nomenclature of plant nominations were excluded. The subject of the study is the motivational connection of the phytonym's onomasiological structure and semantics with a fragment of knowledge about the signified. Motivation is considered as a linguo-cognitive operation, the result of which is the formation of an onomasiological structure of knowledge in projection onto the structure of knowledge about the signified. Motivation based on figurative rethinking is characterized by the choice of a motivator from the associative component of the knowledge structure, formed by integrating knowledge with another conceptual sphere. The study shows that in the folk plants names, the motivational features of which are selected from the conceptual sphere "animal", in the selection process, special attention is focused on the external similarity of parts of the plant and parts of the animal's body. Size can also be a motivational feature. The Galician language is also characterized by an association based on the warning about the dangerous plants' properties, as well as the places where plants grow through the habitat of animals. It was revealed that, in most zoomorphic metaphors, the motivational features of the nomination are sensory perception – 71%. Zoomorphic metaphors based on rational experience are less frequent in the Galician language (only 10%). Metaphorical models created on the basis of the synthesis of two metaphors are 27%, the most productive of which are the combination of phytomorphic and zoomorphic metaphorical models, also the combination of naturmorphic and zoomorphic, artifact and zoomorphic; two zoomorphic metaphors were found.

Keywords: zoomorphic metaphor, cognitive-onomasiological analysis, phytonyms, cognitive model, Galician language picture of world, dialect phytonymy

For citation: Merzlikina, O.V. (2024) Zoomorphic metaphor in the dialect nominations of plants as a fragment of the Galician language picture of the world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 75–93. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/4

Введение. Материалы и методы исследования

На современном этапе развития лингвистической науки все большее значение приобретает изучение языка как манифестанта этноса. Особое место занимает номинативная система языка, которая отображает специфику опыта народа, его культуру, традиции, мировосприятие. Анализу фитонимической лексики в разных языках и в различных аспектах посвящены работы О.И. Блиновой, Н.И. Панасенко, Е.А. Селивановой, Н.И. Коноваловой, И.В. Лукьяновой, О.Г. Рубцовой, Л.М. Усик, Л.В. Бабиной и А.Г. Дементьевой [1–8] и др. Zoomorfная метафора в номинациях растений рассматривалась в работах Н.И. Панасенко на материале романских, германских и славянских языков, Л.Н. Усик – германских и славянских языков, И.В. Лукьяновой – на материале диалектной фитонимики Среднего Приобья, Н.И. Коноваловой – на материале говоров Урала и др. Однако практически неизученной остается метафора, в том числе и zoomorfная, в номинациях фитонимов галисийского языка.

Такой научный интерес к анализу фитонимов объясняется длительным и постоянным контактом человека с природой на протяжении исторического развития, в процессе которого человек познавал характеристики растений,

возможности их применения в своей жизнедеятельности и фиксировал при их именовании главные признаки, полезные и вредные свойства, время цветения, место и условия произрастания, чувственное восприятие растений (зрительные, тактильные, вкусовые, одоративные характеристики).

Достаточно интересным фрагментом национально-маркированной картины мира и представляющим интерес для когнитивно-ономасиологических исследований являются зооморфные метафоры в номинациях растений, так как данные единицы формировались на протяжении всего исторического развития языка и этноса, а также и в силу того, что в зооморфных метафорических номинациях растений отображены широкий спектр информационных каналов, аксиология и чувства народа, связь народа и растительного и животного мира. Определение особенностей выбора мотиватора при создании метафорических номинаций позволяет глубже изучить как номинативные процессы вообще, так и их основания в этносознании галисийцев.

Народные названия растений составляют особый пласт фитонимов, так как им может быть свойственно наличие нескольких синонимических обозначений одного растения. Так, например, в галисийской лингвокультуре насчитывается более 30 диалектных наименований наперстянки пурпурной (*Digitalis purpurea* L.) [9]. При этом не все существующие в природе растения имеют такие номинации, а только наиболее значимые в определенном смысле для человека. Исследуемый материал как вид номинации интересен тем, что он находится в зоне пересечения двух языковых картин мира галисийцев – номинаций растений и номинаций животных, соединяющих два блока информации, которые включают в себя объективные знания об окружающей действительности и о ценности растений и их значимости.

На основе опыта человека формируется концептуальная система знаний о мире, которая является основой семантики языковых единиц и находит отображение в процессе переосмысления значений. Выбор определенной метафорической модели связан с мировосприятием человека и сопоставлением с системой образов и эталонов языковой картины мира его народа [10]. Таким образом, с помощью метафоры можно понять образ мышления и процесс создания ментальных представлений об окружающей действительности.

Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью вопросов когнитивно-ономасиологического основания мотивации номинаций растений в галисийском языке, анализом связи ономасиологической структуры фитонимов с их значениями и структурой знаний о них, а также постоянным интересом к изучению концептуальной метафоры. Целью статьи является анализ мотивации диалектных названий растений и раскрытие механизма метафорической аналогизации концептосферы «животные», а также описание концептуальных связей в мотивационных базах фитонимов, созданных на основе синтезирующих моделей.

Материалом исследования послужили диалектные номинации растений галисийского языка, к которым относятся номинации, не признанные официальной ботаникой и использующиеся носителями галисийского языка в повседневной речи. Для анализа методом сплошной выборки было отобрано

порядка 180 словарных единиц из словарей и справочных изданий, в которых зафиксированы народные названия растений. Выборка производилась из словарей таких авторов, как Э. Лосада, Х. Кастро и Э. Ниньо, М. Сармьенто, А. Сантамарина, М. Колмейро [11–17], а также справочного издания Королевского ботанического сада *Flora ibérica* [18]. Основанием для включения фитонима в выборку для анализа являлось наличие зоонимного компонента в его структуре. В процессе исследования для определения мотивационной базы растений привлекались данные справочных изданий, словарей, а также онлайн-ресурсы, содержащие описания растений и их фотографии [19–22]. В ходе анализа были исключены фитонимы, относящиеся к научной номенклатуре номинаций, и их галисийские эквиваленты, например *rabo de lebre* (букв. заячий хвост) (*Lagurus ovatus* L.), *rabo de caballo* (букв. лошадиный хвост) (*Equisetum ramosissimum* Desf.) [18], а также те, мотивация которых осталась невыясненной для автора исследования.

Анализ зооморфных метафорических номинаций растений в нашей работе проводится через выявление принципов номинации, основанных на группе сходных признаков номинации, т.е. тех типовых схемах, которые задействованы в процессе номинации [5. С. 56], и признаков диалектных наименований растений в галисийском языке. В работе анализируются зооморфная метафорическая модель и сочетания двух метафорических моделей (зооморфной и фитоморфной, зооморфной и артефактной, зооморфной и натурфактной метафор).

Поскольку одно и то же растение может иметь несколько зооморфных метафорических номинаций в народной речи, так же как и одна и та же метафорическая модель может соотноситься с несколькими научными наименованиями растений (например, *Helleborus foetidus* L. морозник вонючий, *Iris foetidissima* L. ирис вонючий, *Thapsia villosa* L. тапсию волосистую, *Veratrum album* L. чемерицу белую в народе называют *herba do lobo*), в статье проанализированы зооморфные номинации растений без учета их научного названия, если такие номинации основаны на одинаковых признаках растения. Если же одно диалектное название растения соотносится с несколькими научными, оно рассматривается отдельно в соответствии с признаками номинации. Так, одно научное название растения может быть проанализировано несколько раз, исходя из его народного наименования, основанного на зооморфной метафоре.

Исследование и результаты

Когнитивная ономазиология как направление лингвистических исследований ставит перед собой ряд задач: установление когнитивного механизма порождения наименований, объяснение связи ономазиологической структуры со структурами знаний об обозначаемом, анализ мотивационных типов номинативных единиц разного статуса [23. С. 144].

Описание мотивационных механизмов зооморфных метафор в галисийских диалектных названиях растений основывается на основополагающем

методе изучения механизма мотивации – когнитивно-ономасиологическом анализе. Такой анализ предполагает исследование номинативных процессов и установление типов мотивации номинативных единиц и включает два этапа: интерпретацию ономасиологической структуры и концептуальное моделирование структуры знаний об обозначаемом или ее фрагмента, на основе чего формируется мотивационная база, выбирается мотиватор и создается номинативная структура [3]. Результатом мотивации является формирование ономасиологической структуры знака, а «целью мотивации – репрезентация в ономасиологической структуре вербализованного элемента фреймовой когнитивной модели, выбранного номинатором, отображающим интериоризацию свойств обозначаемого, их ассоциативно-образное, метафорическое, парадоксальное восприятие» [3. С. 158].

Выбор определенной метафорической модели представителями определенной лингвокультуры основывается на субъективной оценке важности какого-либо признака объекта или реалии, поскольку когнитивные метафорические модели отражают не мир, а наши представления о нем. Признак номинации «представляет собой репрезентацию результата познания объекта действительности, закрепленную в ментальной единице с использованием типовых когнитивных моделей, активизирующих перцептивный, рациональный и культурный фрагменты опыта человека» [5. С. 55]. Когнитивно-ономасиологический анализ зооморфной метафоры в диалектных названиях растений галисийского языка заключается в установлении закономерного выбора мотивационных признаков и позволяет установить концептуальную структуру, обеспечивающую механизм номинации.

В нашем исследовании ассоциирование вслед за Е.А. Селивановой рассматривается как психоментальная операция связывания реальных, относительно истинных свойств и характеристик объекта, интериоризированных в сознании, со свойствами других объектов [3. С. 131]. Подобное ассоциирование имеет метафорическую природу. Метафорическая мотивация проявляется в использовании знаков одной концептуальной сферы для обозначения другой, подобной ей в каком-либо отношении или ассоциированной с ней [23. С. 164].

Процесс номинации своими результатами «подтверждает возможность и эффективность употребления уже известного и поименованного, существующего в ассоциативной сети носителя языка как когнитивной опоры в раскрытии и усвоении сущности чего-либо неизвестного (концепта, формирующего цель в процессах номинации)» [24. С. 110]. Принципы зооморфной номинации, выступая в качестве ономасиологических моделей, фиксируют типовые знания представителей определенной лингвокультуры об обозначаемом классе объектов; средства номинации сообщают о наиболее значимых или «популярных» для определенного этноса животных, названия которых подвергаются образному переосмыслению; способ образной номинации указывает на основание для ассоциативного переноса характеристик животного [25. С. 75] на растение.

Для осуществления метафорического переноса необходимо наличие исходного объекта, объекта, который именуется, и общего для них признака, служащего основой подобия для них. Таким образом в структуре метафоры выделяют сферу-источник и сферу-мишень [26]. Метафора отрицает принадлежность объекта к тому классу, в который он в действительности включен, и утверждает его вхождение в категорию, к которой он не может быть отнесен рационально [27. С. 17].

Одна из наиболее интересных сфер-источников метафоризации в номинации растений – концептуальная сфера «животные». Основаниями для ассоциации могут являться такие группы признаков, как внешний вид, локативы, темпоральные признаки, посессивы, эмоционально-экспрессивные признаки, оценка и предупреждение об опасных свойствах [2. С. 128–129]. Ассоциирование иногда может происходить на основе нескольких свойств растения, при этом отдельно выделенное свойство ассоциируется с разными животными, поскольку результаты обработки информации, «полученные на различных этапах познавательной деятельности человека, фиксируются на различных уровнях когнитивного моделирования» [5. С. 149]. Например, такое растение, как дымянка лекарственная (*Fumaria officinalis* L.), получает следующие диалектные метафорические наименования: понт. *pé de galiña* (букв. куриная лапка), орен. *pomba, pombiña* (букв. голубка) и гал. *prixel de can* (букв. собачья петрушка) [11. Р. 49]. В приведенных примерах в номинациях *pé de galiña, pomba, pombiña* основанием для отождествления служит внешнее сходство листьев растения с лапами птиц, т.е. данные метафорические номинации созданы путем получения информации, основанной на чувственном восприятии – зрительной перцепции как механизма познания окружающей действительности. В случае с наименованием *prixel de can* в основании метафоры положены внешнее сходство листьев растения с листьями петрушки и информация, полученная на основе опыта использования растения, – дымянка ядовита [22. С. 75], что передается через образ животного.

Зооморфная метафорическая модель, перенос в которой происходит по сходству с животным, использует мотиваторы – знаки других концептов – на основе подобия зрительных, слуховых, одоративных, тактильных, вкусовых гештальтов [28. С. 76], сформированных на их почве нерасчлененными, целостными образами (гештальтами) путем аналогизации с другими предметными сферами. При этом соотносятся разные сущности, создавая новый гештальт из редуцированных прототипов, формируя на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей [10].

Наиболее продуктивный принцип мотивации при создании галисийских диалектных наименований растений – зооморфизм, имеющий гештальтную природу. Метафоры, созданные на основе зрительной перцепции, обеспечивают гештальтное подобие растения зрительному образу животного или частей его тела. Высокая частотность признаков, основанных на перцепции, в первую очередь на зрительном восприятии, может объясняться тем, что признаки «внешнего вида растения чрезвычайно важны, поскольку позволяют

отличить одно растение от другого» [29. С. 86], что является необходимым в жизни и быту народа.

Средства, используемые для создания таксономической классификации носителями той или иной лингвокультуры, помогают сопоставить растения или некоторые их элементы (стебли, цветы, листья, семена и плоды) с близкими и хорошо знакомыми объектами, формами и т.д. окружающей действительности [30. Р. 70]. К таким объектам относятся в том числе и хорошо знакомые человеку животные [30. Р. 70]. Не всегда возможно установить мотивацию номинации того или иного растения, тем не менее можно заметить, что многие диалектные названия имеют визуальное сходство с животными или частями их тела.

Аналогизация признаков сферы-мишени «РАСТЕНИЕ» и сферы-источника «ЖИВОТНОЕ» в галисийской лингвокультуре чаще всего осуществляется вследствие схожести формы листьев, цветов, соцветий, стеблей, корней и т.д. В результате познавательной деятельности на основе информации, полученной по перцептивным каналам, человек вычленяет наиболее яркий (перцептивно раздражающий) признак номинируемого объекта [5. С. 150]. Среди широкого круга мы находим названия растений, производные от названий, относящихся к <...> к частям тела животных или к животным: *cola de gato* «растение, ветви которого напоминают хвост кота», и т.д. [31. Р. 231]. Как показывает анализ, наиболее частотными являются метафорические номинации, в которых образное переосмысление основывается на внешнем сходстве животного или частей его тела с формой цветов и листьев растений.

Являясь наиболее продуктивными (32 фитонима), такие номинации помогают составить представление не только о контурах, очертаниях растений или его частей, но и об их структурных свойствах: в народных названиях таких растений, как дикая рута понт. *pé de galiña* (букв. куриная нога), орен. *pomba / pombiña* (букв. голубка), (*Fumaria officinalis* L.) [13], лютик гал. *pé de galiña* (букв. куриная нога) (*Ranunculus bulbosus* L.) [18], признаком номинации служит форма листа, имеющая сходство с птичьими лапами; в метафорической номинации умбиликуса гал. *caracol* (букв. улитка) (*Umbilicus rupestris* (Salisb.) Dandy) [13] название растения также определила форма листа; лист дурмана обыкновенного гал. *cornu do cervo* (букв. оленин рог) [13] (*Datura stramonium* L.) в представлении галисийцев напоминает форму рога оленя; в номинациях подорожника ланцетолистного и подорожника среднего гал. *lingua de ovella / de cordeiro* (букв. овечий язык) (*Plantago lanceolata* L., *Plantago media* L.) [13], воловика итальянского и воловика лекарственного, а также пентаглоттиса вечнозеленого гал. *linguas de boi / de ovella* (букв. бычий язык) (*Anchusa azurea* Mill., *Anchusa officinalis* L., *Pentaglottis sempervirens* (L.) Tausch ex L.H.Bailey) [13; 18] и листовика сколопендрового гал. *lingua de cervo / de boi* (букв. оленин / бычий язык) (*Asplenium scolopendrium* L.) [13] форма листа ассоциируется с формой языка животных: овцы, быка и оленя. Признаком номинации может быть и форма цветка. Данный признак находит свое отражение в таких названиях,

как ирис испанский гал. *caделas* (букв. собачки) (*Iris xiphium* L.) [18], львиный зев гал. *herba do can / bocas de lobo* (букв. собачья трава / волчья ротика) (*Antirrhinum majus* L.) [18] – цветы напоминают собачью / волчью морду; в наименовании кирказона гал. *cabeza de cobra* (букв. голова кобры) (*Aristolochia baetica* L.) [13] признаком номинации является сходство формы цветка с головой кобры; номинация эстрагона обыкновенного риб. *herba da serpente* (букв. змеиная трава) (*Dracunculus vulgaris* Schott) [13] также основана на внешнем сходстве. Все произрастающие в Галисии виды ятрышника называют гал. *galos / galiños* (букв. петухи) (*Orchis Tourn. ex L.*) и ирис германский гал. *galos* (букв. петухи) (*Iris × germanica* L.) [13], в данном случае галисийцы исходили из внешнего сходства цветов с петухом [13]; в названии норичника ушковидного гал. *herba dos pitos* (*Scrophularia scopolii* Hoppe ex Pers.) [13] и шалфея вербенового гал. *crista de galiña / galorista* (*Salvia verbenaca* L.) [16. P. 364] основанием для метафорического переосмысления послужило внешнее сходство цветка с гребешками; в номинации таких растений, как водосбор обыкновенный и живокость Аясова гал. *paxariños / herba dos pitos* (букв. птички / цыплячья трава) (*Aquilegia vulgaris* L., *Delphinium ajacis* L.) цветы также имеют внешнее сходство с птичками [18]. Купена аптечная гал. *herba do rato* (букв. мышьяная трава) (*Polygonatum odoratum* (Mill.) Druce) [18] образно сравнивается с мышами, так как у растения длинный продолговатый цветок на тонкой длинной цветоножке.

Метафорическое переосмысление может основываться и на сходстве стеблей и колосков растений с различными частями тела представителей животного мира (5 фитонимов): в наименовании райграса высокого гал. *rabo de gato* (букв. кошачий хвост) (*Arrhenatherum elatius* (L.) P. Beauv. ex J. Presl. & C. Presl.) [17. P. 321] признаком номинации является схожесть формы растения с хвостом животного; у ситника жабьего гал. *pelo de cocho* (букв. свиная щетина) (*Juncus bufonius* L.) [13] тонкие, разветвленные почти от основания стебли, напоминающие щетину свиньи, верхняя часть стержня которой расщепляется на кисточку тонких волокон; стебель стальника колючего гал. *uñas de gato* (букв. кошачьи когти) (*Ononis spinosa* L.) [13] покрыт колючками [32. P. 32]; номинации различных видов повилыки гал. *barbas / pelos de raposo* (букв. лисьи усы / лисья шерсть) (*Cuscuta* L.) [16. P. 88] имеют внешнее сходство с усами / шерстью лисы.

Менее частотным признаком номинации является форма соцветия (3 фитонима): у горца развесистого гал. *herba do galo* (букв. петушиная трава) (*Persicaria lapathifolia* (L.) Delarbre) [16. P. 577], горца почечуйного и погремка малого гал. *crista de galo* (букв. гребень петуха) (*Persicaria maculosa* Gray., *Rhinanthus minor* L.) [13] соцветия так или иначе напоминают гребень петуха; у одного из видов полевицы гал. *rabo de raposo* (букв. лисий хвост) (*Agrostis durieui* Boiss. & Reut. ex Willk) [13] соцветие в форме метелки из колосков имеет внешнее сходство с лисьим хвостом.

Менее значимые признаки – форма семян и корней (2 фитонима): у растения люцерны посевная гал. *trebo caracol* [18] (букв. клевер улитка)

(*Medicago polymorpha* L.) семена свернутые, словно улитки; у даваллии канарской гал. *cabriña* (букв. козочка) (*Davallia canariensis* (L.) Sm.) [13] имеет надземные мощные корни имеют сходство с ногами козы.

Тактильные и одоративные признаки зооморфной метафорической номинации растений малопродуктивны и объективируются в трех фитонимах. Аналогизация оценочных признаков сенсорно-одоративной оценки запаха, репрезентированных в зооморфных номинациях, носит, как правило, негативную оценку. К таким номинациям, на наш взгляд, можно отнести следующие: так, свежие листья паслена сладко-горького гал. *mexos de can* (букв. собачья моча) (*Solanum dulcamara* L.) [16. С. 141] издают неприятный запах; якобея обыкновенная т. *herba do sapo* (букв. жабыя трава) (*Jacobaea vulgaris* Gaertn.) также имеет неприятный запах [13]; в названии морозника вонючего кальд. *herba do porco* [14. С. 69] (букв. свиная трава) (*Helleborus foetidus* L.) основанием для отождествления являются негативная оценка запаха растения и представление о свинье как грязном животном (свинья грязная – значит вонючая).

Тактильные ощущения в названиях фитонимов находят отражение преимущественно в признаках, обозначающих физические свойства растений [33. С. 137] (1 фитоним). Интересным представляется пример народного наименования воловика полевого, созданного на тактильном восприятии растения, в котором номинация основывается на ассоциации с животным «волк» на основе наличия колючек: гал. *cara de lobo* (букв. волчья морда) (*Anchusa arvensis* (L.) M. Bieb.) [13] – трава, опушенная жесткими щетинками.

Метафорическая номинация растения сантолина кипарисовидная (1 фитоним) гал. *herba loba* (букв. трава-волчица) (*Santolina chamaecyparissus* L.) [13] создана на основе тактильного и зрительного восприятия растения: листья растения покрыты густой спутанной матовой опушкой и имеют сероватый оттенок, как шерсть волка.

Метафорическое переосмысление происходит в том числе и с помощью оценивания растения в целом или в соответствии с каким-либо отдельным его свойством по подобию с уже известным и поименованным объектом. Оценка концептов животного мира является стереотипной для определенного этноса [34. С. 257]. Так, например, ассоциирование растений и животных может основываться на отрицательной утилитарной оценке, основанием для которой служат ядовитые свойства растений. Компоненты-зоонимы, используемые в номинациях опасных растений, представляют собой названия хищных и (или) опасных животных [35. С. 62]. Подобные номинации содержат предостережение об опасных свойствах растения, мотиватор в данном случае коррелирует с культурологическим компонентом – отношением человека к тому или иному животному, а также с оценкой животного как опасного (плохое животное – плохое растение, опасное животное – опасное растение).

При ассоциировании растения и животного основанием для отождествления могут быть ядовитые свойства растений (10 фитонимов). В подобных

номинациях зафиксировано предостережение об их опасных свойствах. Нижеперечисленные растения являются опасными для человека, а также для животных, в особенности для травоядных [36]. В галисийской лингвокультуре к опасным представителям фауны в первую очередь относятся змеи. Так, например, наперстянка пурпурная гал. *herba da cobra* (букв. трава кобры) (*Digitalis purpurea* L.) [37. P. 288] является ядовитым растением [21. С. 19]. В приведенном примере актуализируется характеристика растения как опасного через образ опасного животного, кобру: опасное животное – опасное растение. Также ассоциирование может происходить на основе отрицательной оценки животного. К таким животным в галисийской лингвокультуре относятся осел и корова, которые у галисийцев всегда воспринимались как глупые [38. С. 119–122]: дурман обыкновенный гал. *herba do asno / das vacas* (букв. ослиная трава / коровья трава) (*Datura stramonium* L.) [11. С. 95] – ядовитое растение, вызывающее галлюцинации и другие неврологические нарушения [36. С. 148]; в метафорической номинации паслена черного б-на *herba do asno* (букв. ослиная трава) (*Solanum nigrum* L.) [16. С. 143] опасность растения [22. С. 248] также передается через образ осла.

Интеграция ассоциативных комплексов может передавать информацию о том, что растение похоже на культурное, но не является таковым, т.е. оно «ненастоящее» [5. С. 102]. Данные растения относятся к одному и тому же роду, что и культурные (4 фитонима): рибад. *allo de can*, гал. *allo de raposo / de sapo* (букв. собачий / лисий / жабий чеснок), (*Allium sphaerocephalon* L. или лук декоративный) [18] – признак номинации – растение хоть и является чесноком, но он «ненастоящий», так как несъедобный, что передается через отрицательную оценку животных; зооморфная метафорическая номинация шиповника гал. *rosa de can* (букв. собачья роза) (*Rosa deseglisei* Voreau) [13] мотивирована, вероятно, сопоставлением ценности данных кустарников (роза и шиповник), шиповник оказывается «ненастоящей розой», что передается через образ собаки, отношение к которой в галисийской лингвокультуре всегда было презрительным.

Метафорический перенос может осуществляться на основе подобия двух объектов по месту обитания, выраженного с использованием третьего объекта-признака, на основе аналогии, т.е. информации о месте произрастания растений и месте обитания животных через использование их образа [5. С. 102]. К таким номинациям можно отнести следующие (2 фитонима): в названии папоротников гал. *folgueiro de cabra* (букв. козий папоротник) (*Dryopteris oreades* Fomin), риб. *folgueira da raposa* (букв. лисий папоротник) (*Dryopteris filix-mas* (L.) Schott) [37. P. 295] признаком номинации является место их произрастания: козий папоротник растет в горах, поэтому он ассоциируется с дикими козами, которые довольно распространены в Галисии и обитают в горах, признак номинации – «растет в горах, где живут козы», лисий папоротник – признак номинации «растение так же, как и лисы, живет в лесу».

Метафорический перенос может осуществляться на основе подобия двух объектов по времени действия [5. С. 173]. Так, кукушка в галисийской линг-

вокультуре считается символом весны, что отражено в многочисленных поговорках и народных приметах: *entre marzo e abril o cisco ha de vir; se marzo acabou e o cisco non chegou, algo ó cisco lle pasou* и т.д. (в марте-апреле должна прилететь кукушка; если март закончился, а кукушка не прилетела, с ней что-то случилось) [13]. Поэтому метафорические номинации, в качестве сферы-источника которых используется образ кукушки, как правило, так или иначе связаны с весной. Например, время цветения растений ассоциируется с прилетом птиц (2 фитонима): нарцисс брандушка гал. *cucos* (букв. кукушки) (*Narcissus bulbocodium* L.) [17. С. 79] и молочай чины гал. *herba da cuca* (букв. кукушечья трава) (*Euphorbia lathyris* L.) [13] зацветают в марте и апреле, что совпадает с прилетом кукушек на полуостров.

Малопродуктивными в галисийской языковой картине мира являются зооморфные метафорические номинации растений, связанные с сакральными, мифическими смыслами (1 фитоним): некоторые виды наперстянки называют в Галисии гал. *folla do sapo* (букв. жабий лист) (*Digitalis lutea* L., *Digitalis purpurea* L.) [13], основанием для метафорического переосмысления стал признак использования растения в прошлом в ритуалах белой и черной магии, где данный признак передается через зооморфный образ, так как жабы достаточно часто использовались в магических ритуалах в XVI–XVII вв. [39].

Метафорические зооморфные номинации растений могут быть созданы и на основе не одного признака, а всей имеющейся информации о растении, объединяющей два и более признака. В исследуемом материале нами были выделены и изучены модели, созданные на основе синтеза двух метафорических номинаций (фитоморфной и зооморфной, натурморфной и зооморфной, артефактной и зооморфной метафор).

Среди моделей, созданных на основе синтеза двух метафорических номинаций, наиболее продуктивной является модель, созданная посредством синтеза **фитоморфной и зооморфной метафоры**. Такой синтез может основываться на подобии зрительных образов и сообщать об опасных свойствах растений через образ животных (17 фитонимов): в номинациях таких растений, как вороний глаз и очиток белый гал. *ivas de raposa / de raposo* (букв. лисий виноград) (*Paris Quadrifolia* L., *Sedum album* L.) [18], признаком номинации послужило внешнее сходство, так как их плоды и листья похожи на ягоды и гроздь винограда (фитоморфная метафора), но растения ядовиты [40. С. 73], что ассоциируется с образом дикого животного (зооморфная метафора); переступень двудомный гал. *figueira de can* (букв. собачий инжир) (*Bryonia dioica* Vojer) [15. С. 413] имеет внешнее сходство с инжиром, и он ядовит [22. С. 269]; у паслена сладко-горького сот. *ivas do can / гал. de raposa* (букв. собачий / лисий виноград) (*Solanum nigrum* L., *Solanum dulcamara* L.) [18] и очитка едкого гал. *ivas de raposa* (*Sedum acre* L.) [13] плоды / листья напоминают ягоды / гроздь винограда, растения обладают ядовитыми свойствами [36. С. 165]; к такой же модели относятся и народные названия диоскореи: гал. *ivas de cobra / do can* (букв. виноград кобры / собаки) [13; 18]; гал. *cereixas de can* (букв. собачья черешня) (*Dioscorea communis* (L.) Caddick & Wilkin) [13], плоды которой

имеют внешнее сходство с ягодами винограда или черешни и являются ядовитыми [22. С. 143]; болиголов пятнистый гал. *prixel do sapo / de can* (букв. жабья / собачья петрушка) (*Conium maculatum* L.) [18] схож с петрушкой, предупреждение о ядовитых свойствах растения передается посредством сравнения с жабой / собакой. Интересен пример метафорической номинации такого растения, как бутень одуряющий гал. *prixel de burro* (букв. ослиная петрушка) (*Chaerophyllum temulum* L.) [18], в которой основанием для переосмысления служит внешнее сходство растения с петрушкой и предупреждение об опасности через образ осла. Растение оказывает наркотическое действие (одуряющее, опьяняющее) [21. С. 19], а осел (buro) в галисийской лингвокультуре символизирует глупость [38. С. 122].

Интеграция ассоциативных комплексов может осуществляться также на основе внешнего сходства растения и местом его произрастания через образ животного (1 фитоним). Например, в названии такого растения, как очиток белый гал. *uvas de gato* (букв. кошачий виноград) (*Sedum album* L.), который при повышенной влажности зачастую растет на крышах и имитирует форму гроздей [13], признаками номинации являются внешнее сходство растения и место его произрастания через образ представителей кошачьих, которые также часто любят бывать на крышах домов.

Сочетание фитоморфной и зооморфной метафорических моделей может происходить на основе подобия зрительных образов и сообщать через оценку животных, что растение хоть и похоже на культурное, но оно «ненастоящее» (7 фитонимов). Зоонимные компоненты могут вовлекаться в процесс метафорической номинации с целью отразить несъедобность растений или их плохой вкус [35. С. 66]. Так, у растения дикая рута гал. *prixel do can* (букв. собачья петрушка) (*Fumaria officinalis* L.) [11. Р. 49] листья похожи на листья петрушки, но она «ненастоящая»; у иглицы колючей гал. *uvas de can* (букв. собачий виноград) (*Ruscus aculeatus* L.) [18] имеет место внешнее сходство плодов с ягодами винограда, но он «ненастоящий», что передается через образ собаки; в номинации зюзника европейского гал. *amenta de lobo* (букв. волчья мята) (*Lycopus europaeus* L.) [13] признаком номинации также является сходство растения с мятой, но «ненастоящей». В приведенных примерах обращение к образам животных «эксплицирует» бесполезность растений [35. С. 66]. В номинации пиона лекарственного гал. *rosa de lobo* (букв. волчья роза) (*Paeonia officinalis* L.) обнаруживаются признаки внешнего сходства и оценки ценности растения в сопоставлении его с кустовой розой.

В Галисии встречается еще одно растение, именуемое волчьей розой, речь идет об ирисе вонючем – гал. *rosa do lobo* (букв. волчья роза) (*Iris foetidissima* L.) [17. Р. 62]. В данном случае имеет место сочетание метафорических моделей, основанных на сенсорно-одоративной оценке запаха растения и предупреждения об опасности через образ опасного животного. Признаком номинации в данном метафорическом наименовании растения, на наш взгляд, может быть чувственное восприятие на основе запаха, однако ассоциативный признак ‘благоухающее растение’ реализуется в данной но-

минации в противоположном направлении, на основе иронии, так как растение при повреждении издает неприятный запах, а роза благоухает (фитоморфная метафора); вторым признаком номинации является предупреждение о ядовитых свойствах растения через образ волка как опасного животного (зооморфная метафора).

Также к данной метафорической модели относятся те, в которых основанием для отождествления служат вкус растения и место или условия произрастания либо же его переосмысление как «ненастоящего» через образ животного: смирния европейская / овощная кор. *aipo dos cabalos* (букв. конский сельдерей) (*Smyrniolum olusatrum* L.) [15. P. 625] похожа на сельдерей по вкусу, ранее использовалась в пищу (фитоморфная метафора), но вышла из употребления с появлением новых сортов сельдерей, признак номинации 'ненастоящий' реализуется через образ лошади (зооморфная метафора) [41]; монтия ключевая гал. *ensalada de sapo* (букв. жабий салат) (*Montia fontana* L.) [13] – признаками номинации являются вкус растения, похожий на салат (в Испании используется в пищу) и место и условия произрастания растения – в руслах рек и мелких ручьев [13], передаваемые через зооморфный образ, т.е. растение, которое растет во влажной среде.

Сочетание **артефактной и зооморфной метафор** не столь частотное явление в диалектной фитонимике галисийского языка, всего четыре метафорические номинации. Сочетание артефактной и зооморфной метафор может основываться на признаках внешнего сходства растения и места его произрастания. Так, в номинациях повилики клеверной гал. *liño de lebre / de raposo / liño de cobra*, серд. *liño de cuco* (букв. заячий лен / лисий лен / лен кобры / кукушкин лен) (*Cuscuta epithymum* (L.) L.) [13; 37. P. 267] имеет место сочетание признаков внешнего сходства растения с нитями льна (артефактная метафора) и местом произрастания, передаваемое через образ диких животных (зооморфная метафора).

Модель, синтезирующая **натурфактную и зооморфную метафоры** малопродуктивна в галисийской лингвокультуре, было выявлено 2 метафорические номинации: подладанник желтый бьер. *mel de cuco / de raposo* (букв. кукушкин / лисий мед) (*Cytinus hypocistis* (L.) L.) [13] – признаками номинации являются внешнее сходство соцветия растения с медовыми сотами, со скапливающимся на кончике своеобразной воронки сладким нектаром, который любят дети [13], и местом произрастания, передаваемым через образ животных.

Заключение

Как показал проведенный анализ, количество образов животных, используемых в качестве сферы-источника, в галисийской лингвокультуре достаточно ограничено. В процессе создания метафор галисийцы прибегают к образам наиболее близких и хорошо знакомых животных, домашних или диких.

В процессе анализа было установлено, что доминирующим мотивационным признаком являются морфологические свойства растения. Так, в большинстве зооморфных метафор в диалектных названиях растений галисийского языка мотивационным признаком номинации служит чувственное восприятие – 71%, главным образом основанное на зрительных образах – 86%. Большинство метафорических диалектных названий растений в галисийском языке, образованных на основе зрительных ассоциаций, связано с обозначением формы: цветка, листа, соцветия, семян и корня. Метафорическое переосмысление, основанное на сенсорно-одоративной оценке запаха (7%) и на тактильном восприятии растения (7%), менее продуктивно.

Метафорические модели, созданные на основе синтеза двух метафор, составляют 27%, наиболее продуктивные из которых сочетание фитоморфной и зооморфной метафорических моделей (80% от общего числа метафорических моделей, созданных на основе синтеза двух или более признаков), также были выявлены сочетания артефактной и зооморфной (15%), натурфактной и зооморфной (5%) метафор. Зооморфные метафоры в структуре синтезирующих метафорических моделей в большинстве своем (80%) основываются на рациональном опыте человека и отождествляются главным образом с опасными свойствами растений либо с местом и условиями их произрастания, а также указывают на то, что растение «ненастоящее». Таким образом, диалектные номинации растений маркируют наиболее ценные явления, признаки и характеристики для представителей галисийской лингвокультуры.

Список сокращений

понт. – Понтеведра, орен. – Оренсе, гал. – Галисия, риб. – Рибадео, сот. – Сотело де Монтес, т. – Туй, кальд. – Кальделас, б-на – Байона, кор. – Ла Корунья, серд. – Сердейро, бьер. – Бьерсо.

Список источников

1. Блинова О.И. Фитоморфнимы как источник народной речевой культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 7–10.
2. Панасенко Н. И. Контрастивный анализ метафоры в фитонимической лексике // Нова філологія : зб. наук. праць. Вип. 36. Запоріжжя, 2009. С. 128–135.
3. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. Киев : Фитосоциоцентр, 2000. 247 с.
4. Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург : Дом учителя, 2001. 186 с.
5. Лукьянова И.В. Диалектная фитонимика в когнитивно-ономазиологическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 255 с.
6. Рубцова О.Г. Номинация лекарственных растений в разносистемных языках через призму фитоморфологии (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 121–125.
7. Усик Л.М. Когнітивно-ономазіологічна реконструкція густативних оцінок у семантиці германських та слов'янських фітонімів // Актуальні питання гуманітарних наук. 2020. Вип. 30, т. 3. С. 126–133.

8. Бабина Л.В., Дементьева А.Г. Концептуальная метафора как способ создания переносных значений фитонимических единиц // Восточнославянская филология : сб. научных трудов. Вып. 20: Языкознание. Горловка, 2011. С. 12–18.

9. *Vaqueiro V.* Mitoloxía de Galiza. Lendas, tradicións, maxias, santos e milagres. Editorial Galxia, 2011.

10. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебrenникова, Е.С. Кубряковой, В.И. Постовалова. М., 1988. С. 173–203.

11. *Losada E., Castro J., Niño E.* Nomenclatura vernácula da flora vascular galega. Xunta de Galicia. Consellería de Agricultura, Gandería e Montes. Santiago, 1992.

12. *Sarmiento M.* Catálogo de voces vulgares y en especial de voces gallegas de diferentes vegetables. Salamanca : Ediciones Universidad de Salamanca, 1986.

13. *Santamarina A.* Dicionario de dicionarios da lingua galega, SLI–ILGA. 2006–2013. URL: <https://ilg.usc.gal/ddd/> (дата обращения: 06.04.2023).

14. *Colmeiro M.* Enumeración y revisión de las plantas de la Península Hispano-lusitana é Isalas Baleares, con la distribución geográfica de las especies, y sus nombres vulgares, tanto nacionales como provinciales. Tomo I (Preliminares y Talamifloras). Madrid, 1885.

15. *Colmeiro M.* Enumeración y revisión de las plantas de la Península Hispano-lusitana é Isalas Baleares, con la distribución geográfica de las especies, y sus nombres vulgares, tanto nacionales como provinciales. Tomo 2 (Calicifloras: Sección 1.ª). Madrid, 1886.

16. *Colmeiro M.* Enumeración y revisión de las plantas de la Península Hispano-lusitana é Isalas Baleares, con la distribución geográfica de las especies, y sus nombres vulgares, tanto nacionales como provinciales. Tomo 4 (Corolifloras y Monoclamídeas). Madrid, 1888.

17. *Colmeiro M.* Enumeración y revisión de las plantas de la Península Hispano-lusitana é Isalas Baleares, con la distribución geográfica de las especies, y sus nombres vulgares, tanto nacionales como provinciales. Tomo 5 (Monocotiledóneas y Criptógamas). Madrid, 1889.

18. *Flora ibérica.* Plantas vasculares de la Península Ibérica e Islas Baleares. URL: <http://www.floraiberica.es/index.php> (дата обращения: 06.04.2023).

19. *Natusfera.* URL: <https://spain.inaturalist.org/> (дата обращения: 06.04.2023).

20. *Plans of the World Online.* URL: <https://powo.science.kew.org/> (дата обращения 06.04.2023).

21. Дударь А.К. Ядовитые и вредные растения лугов, сенокосов, пастбищ. М. : Россельхозиздат, 1971.

22. *Кречетович Л.М.* Ядовитые растения, их польза и вред. М. ; Л. : Сельхозгиз, 1931.

23. *Селиванова О.О.* Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми. Полтава : Довкілля-К, 2008.

24. *Харитончик З.А.* Связующая функция метафоры // Когниция, коммуникация, дискурс. 2013. № 6. С. 107–111. URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/issue-06-2013> (дата обращения: 06.04.2023). doi: 10.26565/2218-2926-2013-06-07

25. *Ильяс У.* Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

26. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago; London : University of Chicago Press, 1980.

27. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.

28. *Селиванова Е.А.* Номинация и когниция: новая типология мотивации языковых единиц // Когниция, коммуникация, дискурс. 2011. № 3. С. 64–85. URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/issue-03-2011>. doi: 10.26565/2218-2926-2011-03-06

29. *Кудрявцева Н.Б.* Фитонимическая метафора в когнитивном аспекте // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35), ч. 1. С. 85–87.

30. *Rabal Saura G.* Sobre los nombres populares de las plantas de Torre-Pacheco // Revista Murciana de antropología. 1999. № 6. P. 69–187.

31. Llerena García E. Las metáforas antropomórficas, zoonímicas y vegetales: ejes de la cultura de los valles de los ríos Sinú y San Jorge // *Katharsis*. 2015. № 20. P. 215–237.
32. Rabal Saura G. Catálogo etnobotánico // *Revista Murciana de antropología*. 1999. № 6. P. 23–68.
33. Панасенко Н.И. Каналы получения информации в фитонимической лексике: вкус // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 71. С. 133–151. doi: 10.17223/19986645/71/8
34. Калько В.В., Калько М.И., Селіванова О.О. Стереотипізація тваринного світу в русинських фразеологізмах // *Русин*. 2021. № 65. С. 250–276. doi: 10.17223/18572685/65/14
35. Моисеева Е.Ю. Отражение народных представлений о животном мире в наименованиях ягод (на материале русского и немецкого языков) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015. Вып. 10 (163). С. 62–68.
36. Надежкин С.Н., Кузнецов И.Ю. Полезные, вредные и ядовитые растения. М. : Кнорус, 2010.
37. Latorre Catalá J.A. Etnobotánica de la provincia de La Coruña. Tesis Doctoral. Valencia, 2008.
38. Мерзлякина О.В. Зооморфные метафоры «домашний скот» в русской и галисийской картинах мира // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 71. С. 114–132. doi: 10.17223/19986645/71/7
39. Jacques-Chaquin N. Le sabbat des sorciers en Europe: XVe-XVIIIe siècle // *Colloque International E.N.S. Fontenay-Saint-Cloud (4–7 de novembre)*. Grenoble : Editions Jérôme Millon, 1993. P. 383–389.
40. *Энциклопедия декоративных растений*. URL: <http://flower.onego.ru/index.html>
41. *Oxford Plants 400*. URL: <https://herbaria.plants.ox.ac.uk/bol/plants400> (дата обращения: 08.04.2023).

References

1. Blinova, O.I. (2014) Fitomorfonimy kak istochnik narodnoy rechevoy kul'tury [Phytomorphonym as source of the national speech culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2. pp. 7–10.
2. Panasenko, N.I. (2009) Kontrastivnyi analiz metafory v fitonimicheskoi leksike [Cognitive-onomasiological analysis of composite phytonyms in modern Ukrainian]. In: *Nova filologiya: zb. nauk. prats' [New Philology]*. Vol. 36. Zaporizhzhya: ZNU. pp. 128–135.
3. Selivanova, E.A. (2000) *Kognitivnaya onomasiologiya [Cognitive Onomasiology]*. Kyiv: Izd-vo ukrainskogo fitosotsiologicheskogo tsentra.
4. Konovalova, N.I. (2001) *Narodnaya fitonimiya kak fragment yazykovoy kartiny mira [Folk Phytomy as a Fragment of the Language Picture of the World]*. Yekaterinburg: Izd-vo doma uchitelya.
5. Luk'yanova, I.V. (2018) *Dialektnaya fitonimika v kognitivno-onomasiologicheskoy aspektye [Dialect Phytomy in the Cognitive-onomasiological Aspect]*. Philology Cand. Diss. Tomsk.
6. Rubtsova, O.G. (2015) Nominatsiya lekarstvennykh rasteniy v raznosistemnykh yazykakh cherez prizmu fitomorfologii (na materiale russkogo, mariyskogo, nemetskogo i latinskogo yazykov [The nomination of medical plants in different system languages in the light of phytomorphology (as exemplified in Russian, Mari, German and Latin languages)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2. pp. 121–125.
7. Usik, L.M. (2020) Kognitivno-onomasiologichna rekonstruktsiya gustativnykh otsinok u semantitsi germans'kikh ta slov'yans'kikh fitonimiv [Onomasiological reconstruction of gustatory estimation as a semantic component of germanic and slavonic phytonyms]. *Aktual'ni pitannya gumanitarnikh nauk*. 30 (3). pp. 126–133.

8. Babina, L.V. & Dement'eva, A.G. (2011) Kontseptual'naya metafora kak sposob sozdaniya perenosnykh znacheniy fitonimicheskikh edinit [Conceptual metaphor as a way of creating figurative meanings of phytonymic units]. In: *Vostochnoslavjanskaya filologiya* [East Slavic Philology]. Vol. 20. Gorlovka: Izd-vo GGPIIYa. pp. 12–18.

9. Vaqueiro, V. (2011) *Mitología de Galiza. Lendas, tradicións, maxias, santos e milagres*. Editorial Galxia.

10. Teliya, V.N. (1988) Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. In: Serebrennikov, B.A. et al. (eds) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language. Language and picture of the world]. Moscow: Nauka. pp. 173–203.

11. Losada, E., Castro, J. & Niño, E. (1992) *Nomenclatura vernácula da flora vascular galega. Xunta de Galicia*. Consellería de Agricultura, Gandería e Montes. Santiago.

12. Sarmiento, M. (1986) *Catálogo de voces vulgares y en especial de voces gallegas de diferentes vegetales*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca.

13. Santamarina, A. (2006–2013) *Diccionario de diccionarios da lingua galega, SLI–ILGA*. [Online] Available from: <https://ilg.usc.gal/ddd/> (Accessed: 06.04.2023)

14. Colmeiro, M. (1885) *Enumeración y revisión de las plantas de la Península Hispánica e Islas Baleares, con la distribución geográfica de las especies, y sus nombres vulgares, tanto nacionales como provinciales*. Tomo I (Preliminares y Talamifloras). Madrid.

15. Colmeiro, M. (1886) *Enumeración y revisión de las plantas de la Península Hispánica e Islas Baleares, con la distribución geográfica de las especies, y sus nombres vulgares, tanto nacionales como provinciales*. Tomo II (Calicifloras: Sección 1.a). Madrid.

16. Colmeiro, M. (1888) *Enumeración y revisión de las plantas de la Península Hispánica e Islas Baleares, con la distribución geográfica de las especies, y sus nombres vulgares, tanto nacionales como provinciales*. Tomo IV (Corolifloras y Monoclamídeas). Madrid.

17. Colmeiro, M. (1889) *Enumeración y revisión de las plantas de la Península Hispánica e Islas Baleares, con la distribución geográfica de las especies, y sus nombres vulgares, tanto nacionales como provinciales*. Tomo V (Monocotiledóneas y Criptógamas). Madrid.

18. Flora ibérica. (2023) *Plantas vasculares de la Península Ibérica e Islas Baleares*. [Online] Available from: <http://www.floraiberica.es/index.php> (Accessed: 06.04.2023).

19. *Natusfera*. [Online] Available from: <https://spain.inaturalist.org/> (Accessed: 06.04.2023)

20. *Plants of the World Online*. [Online] Available from: <https://powo.science.kew.org/> (Accessed 06.04.2023)

21. Dudar', A.K. (1971) *Yadovitye i vrednye rasteniya lugov, senokosov, pastbishch* [Poisonous and harmful plants of meadows, hayfields, pastures]. Moscow: Rossel'khozizdat.

22. Krechetovich, L.M. (1931) *Yadovitye rasteniya, ikh pol'za i vred* [Poisonous plants, their benefits and harms]. Moscow; Leningrad: Sel'khozgiz.

23. Selivanova, O.O. (2008) *Suchasna lingvistika: napryami ta problemi*. Poltava: Dovkillya-K.

24. Kharitonchik, Z.A. (2013) Svyazuyushchaya funktsiya metafory [Binding function of metaphor]. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs*. 6. pp. 107–111. [Online] Available from: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/issue-06-2013> (Accessed: 06.04.2023). doi: 10.26565/2218-2926-2013-06-07

25. Il'yas, U. (2004) *Zoomorfnyaya metafora, kharakterizuyushchaya cheloveka, v russkom i turetskom yazykakh* [Zoomorphic metaphor characterizing a person in Russian and Turkish languages]. Philology Cand. Diss. Moscow.

26. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago; London: University of Chicago Press.

27. Arutyunova, N.D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress. pp. 5–32.
28. Selivanova, E.A. (2011) Nominatsiya i kognitsiya: novaya tipologiya motivatsii yazykovykh edinits [Phytonymic Metaphor in the Cognitive Aspect]. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs*. 3. pp. 64–85. [Online] Available from: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/issue-03-2011>. doi: 10.26565/2218-2926-2011-03-06
29. Kudryavtseva, N.B. (2014) Fitonimicheskaya metafora v kognitivnom aspekte [Nomination and cognition: A new typology of linguistic units motivation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 5 (35):I. pp. 85–87.
30. Rabal Saura, G. (1999) Sobre los nombres populares de las plantas de Torre-Pacheco. *Revista Murciana de antropología*. 6. pp. 69–187.
31. Llerena García, E. (2015) Las metáforas antropomórficas, zoonímicas y vegetales: ejes de la cultura de los valles de los ríos Sinú y San Jorge. *Katharsis*. 20. pp. 215–237.
32. Rabal Saura, G. (1999) Catálogo etnobotánico. *Revista Murciana de antropología*. 6. pp. 23–68.
33. Panasenko, N.I. (2021) Information Processing Channels in Phytonymic Lexicon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 71. pp. 133–151. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/71/8
34. Kal'ko, V.V., Kal'ko, M.I. & Selivanova, O.O. (2021) Stereotyped Zoonyms in Rusin Phraseology. *Rusin*. 65. pp. 250–276. (In Ukrainian). doi: 10.17223/18572685/65/14
35. Moiseeva, E.Yu. (2015) Otrazhenie narodnykh predstavleniy o zhivotnom mire v naimenovaniyakh yagod (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Berry names as a reflection of the folk notions of animal world (based on Russian and German data)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 10 (163). pp. 62–68.
36. Nadezhkin, S.N. & Kuznetsov, I.Yu. (2010) *Poleznye, vrednye i yadovitye rasteniya* [Useful, harmful and poisonous plants]. Moscow: Knorus.
37. Latorre Catalá, J.A. (2008) *Etnobotánica de la provincia de La Coruña*. Tesis Doctoral. Valencia.
38. Merzlikina, O.V. (2021) Zoomorphic Metaphors “Livestock” in Russian and Galician Language Pictures of the World. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 71. pp. 114–132. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/71/7
39. Jacques-Chaquin, N. (1993) Le sabbat des sorciers en Europe: XVe-XVIIIe siècle. *Colloque International E.N.S. Fontenay-Saint-Cloud*. 4–7 de novembre. Grenoble: Editions Jérôme Millon. pp. 383–389.
40. *Entsiklopediya dekorativnykh rasteniy* [Encyclopedia of decorative plants]. [Online] Available from: <http://flower.onego.ru/index.html>
41. *Oxford Plants 400*. [Online] Available from: <https://herbaria.plants.ox.ac.uk/bol/plants400> (Accessed: 08.04.2023).

Информация об авторе:

Мерзликina О.В. – доцент, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия).
E-mail: o.merzlikina@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Merzlikina, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: o.merzlikina@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.02.2023;
одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 07.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья

УДК 801.3

doi: 10.17223/19986645/90/5

От орудийной концепции глоттогенеза Л. Нуаре к палеонтологии языка Н.Я. Марра: коллизии трудовой теории происхождения языка

Алексей Всеволодович Никандров¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, bobbio71@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема связи двух концепций происхождения языка, разработанных Л. Нуаре в конце XIX в. и Н.Я. Марром в 1920–1930-х гг. Автор показывает концептуальное сродство и различия палеонтологической концепции, являющейся важнейшей частью «Нового учения о языке» Н.Я. Марра; и палеонтологической теории Л. Нуаре, на основании чего устанавливает их взаимосвязь. Отправным моментом, объединяющим обе теории, является принцип трудового происхождения языка.

Ключевые слова: яфетидология, «Новое учение о языке», марксизм, орудие труда, ручной язык, звуковая революция, Л. Нуаре, Н.Я. Марр, С.И. Ковалев, А.М. Деборин

Для цитирования: Никандров А.В. От орудийной концепции глоттогенеза Л. Нуаре к палеонтологии языка Н.Я. Марра: коллизии трудовой теории происхождения языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 94–120. doi: 10.17223/19986645/90/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/90/5

From Ludwig Noiré's tool conception of glottogenesis to Nikolai Marr's paleontology of language: Controversies of the labor theory of the origins of language

Aleksey V. Nikandrov¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, bobbio71@mail.ru*

Abstract. The article discusses the problem of the connection between two conceptions of glottogenesis, one of which was created at the end of the 19th century by the German philosopher Ludwig Noiré within the framework of his philosophy of language, and the other by the Soviet scientist Academician Nikolai Marr in the framework of his “new theory of language” based on the synthesis of Japhetidology and Marxism. Noiré for the first time in the history of linguistics, even before the appearance of the works of Friedrich Engels, developed a holistic synthetic concept of the labor origin of

the language, showing the role of labor tools not only in glottogenesis, but also in anthropogenesis. The author poses the problem of the conformity of Marr's doctrine to Marxism and shows that it was more important for Marr to present his own teaching as Marxist than to really rely on the provisions of Marxism in posing and resolving the problems of the origin of language. In his works on the theory of the origin of the language, Marr puts forward an extraordinary hypothesis of the "zero stage" of language. He postulates the thesis of a linear (manual, or kinetic) language as a precursor to a sound (spoken) language. The author shows the conceptual similarities and differences between the paleontological conception of Marr and the paleoanthropological theory of Noiré. Based on this analysis, the author establishes the relationship between the two concepts. The starting point that unites these two theories is the principle of the labor origin of language, which is interpreted differently by the two scientists. In connection with the problem of the influence of Noiré's ideas on Marr's conception, the author also discusses some aspects of the creation of the "new theory of language", in particular, the role of the historian of Ancient Rome Sergey Kovalev as a systematizer of Marrism, who developed an algorithm for transforming Marr's Japhetic theory into "Marxist linguistics". The author also reveals the role of Alexander Bogdanov as a proponent of Noiré's conception and the role of Abram Deborin as the author of the philosophical version of the "new theory of language".

Keywords: Japhetidology, "new theory of language", Marxism, tool of labor, sound revolution, manual language, Ludwig Noiré, Nikolai Marr, Sergey Kovalev, Abram Deborin

For citation: Nikandrov, A.V. (2024) From Ludwig Noiré's tool conception of glottogenesis to Nikolai Marr's paleontology of language: Controversies of the labor theory of the origins of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 94–120. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/5

Введение

«Новое учение о языке» Н.Я. Марра – это не только лингвистическое учение, но также идеологическое течение, особая «политическая философия языка». Для современной науки «Новое учение» отнюдь не является забытым эпизодом из истории советского прошлого, и интерес к Марру и марризму в наши дни не угасает. Однако чаще он направляется не на существо этого необычного учения, а связывается либо с его ролью в определенный период развития советской лингвистики, когда марризм считался ведущим направлением и обладал почти императивным статусом общелингвистической методологии; либо – и чаще всего – с ролью И.В. Сталина, заключающейся в разгроме всех основных положений учения Марра. Это вполне закономерно: ведь и по сей день не ясно, какие причины побудили Сталина организовать «свободную дискуссию по вопросам языкознания» 1950 г., чтобы затем в нее вмешаться, какие цели им преследовались и какие были достигнуты (из последних работ на эту тему см. [1]). После сталинского вмешательства в языкознание «Новое учение о языке» в своем содержании и нюансах было изгнано не только из языкознания, но и из общественной науки в целом. Сталин своей фигурой заслони́л фигуру Марра, заставив всех считать марризм «труд-магической тарабарщиной» [2. С. 38], недостойной

не то чтобы серьезного подхода и вдумчивого исследования, но даже и внимания. Вся история появления и развития «Нового учения» как бы обрела нового героя – Сталина, который переключил внимание на себя, и стала историей Сталина-лингвиста, победившего Марра и освободившего советское языкознание от диктата его учения, история которого как бы завершилась выходом сталинского труда «Марксизм и вопросы языкознания». Эта установка очень хорошо чувствуется в статье «Сталинское учение о языке» А.М. Деборина, который до 1950 г. был сторонником марризма. Философ в ней доходит до высшей степени апологетики (за которой, вполне возможно, скрывалась ирония): «Открытие законов развития языка – величайшая заслуга И.В. Сталина»; И.В. «Сталин устанавливает, что язык есть продукт общества, что вне общества нет языка...» [3. С. 62, 63]. Как будто до Сталина никто не знал о законах развития языка, а тот факт, что вне общества нет языка, без его трудов установить было невозможно.

Политика преобразовала научную оптику так, что исследователь ориентируется на поиск преимущественно политических мотивов, импликаций и т.д. в марризме; существенные же стороны его философско-лингвистического учения упускаются из вида. Что же важного упущено при изучении наследия Марра? Прежде всего, упущен тот факт, что учение Марра является составной частью трудовой теории происхождения языка, в число классических представителей которой включают обычно только Ф. Энгельса и Л. Нуаре. По этой причине, далее, упущена взаимосвязь идей Марра и Нуаре: практически невозможно, за исключением монографии Л. Томаса 1957 г. «Лингвистические теории Н.Я. Марра» [4], найти работы, авторы которых прослеживали бы идейную связь или хотя бы проводили сравнение их концепций (да и у Томаса это сравнение проведено не в пользу Марра). Как это ни странно, несмотря на то, что внимание исследователей направлялось в основном на политические аспекты истории «Нового учения», упущен вклад в его развитие как «марксизма в языкознании» таких советских ученых-марксистов и одновременно идеологов, как С.И. Ковалев и А.М. Деборин. По этой причине не получили внимания интересные аспекты общего положения науки в сталинское время.

Н.Я. Марр и современное языкознание

Какой интерес учение Марра может представлять для современной общественной науки в целом и для языкознания в частности; в чем состоит актуальность его палеонтологии языка и в особенности гипотезы о ручном языке, если брать марризм содержательно, в отстранении от политики?

Во-первых, относительно идей Марра как культуролога и философа в их совокупности следует сказать, что при всех выраженных недостатках «Нового учения» нельзя не учитывать того, что ученый, по словам Б.Ф. Поршнева, пытался проникнуть «в поистине океанские глубины человеческой древности» и того, что «у Марра речь шла о масштабах и дистанциях совер-

шенно иных, чем у лингвистики в собственном смысле слова, охватывающей процессы в общем не длительнее, чем в сотни лет» [5. С. 41]. Столь титанический размах мысли требует и определенной доли внимания к идеям «языковой доистории» Марра и к их источникам, и некоторой снисходительности к фантастическим элементам марризма и к явному несовершенству его аналитического инструментария. Сложно, в самом деле, говорить о строгости и доказательности, когда речь идет о *метафизике* языка, направившей свой взор в самую его колыбель.

Во-вторых, относительно учения Марра-языковеда необходимо подчеркнуть, что в истории лингвистических идей его учение выступает не само по себе, но является результатом развития трудовой теории происхождения языка, основными представителями которой являются Ф. Энгельс и Л. Нуаре. Опираясь на их труды, Марр не только создал глубоко оригинальное учение, не только развил лингвистические идеи своих предшественников; но и, синтезировав результаты, к которым пришли Энгельс и Нуаре, предложил интересные способы разрешения противоречий, содержащихся в их концепциях. В наше время трудовая теория происхождения языка отнюдь не является чем-то вроде теоретического реликта, но считается, с некоторыми оговорками, вполне рабочим инструментом науки. Между тем, если посмотреть научную литературу, посвященную трудовой теории глоттогенеза, обнаруживается серьезный недостаток: это видно хотя бы по тому, как она именуется в работах лингвистов: «трудовая теория Нуаре – Энгельса» (или «Энгельса – Нуаре»), а иногда «теория Нуаре – Энгельса – Маркса» [6. С. 55]). Ни в одной работе, касающейся трудовой теории, которая, по идее, должна называться «трудовая теория Нуаре – Энгельса – Марра», последний как ее полноправный участник и теоретик не упоминается.

В современном языкознании трудовая теория глоттогенеза имеет как сторонников, так и критиков. Что касается последних, то в основном их замечания сводятся не столько к критике «доказательной базы», сколько к критике философской основы трудовой теории. Ввиду того, что имя Нуаре известно лишь историкам лингвистики и антропологам, трудовая теория связывается прежде всего с именем Энгельса и на этом основании считается сугубо марксистской, т.е. идеологической *par excellence*. Что же касается ученых, в целом поддерживающих трудовую теорию, то они, как правило, заняты отдельными составными частями процесса труда: деятельность, определяемая целью, коллективность, орудийность, коммуникация и т.д., труд же как единство деятельности, цели и смысла остается как бы за скобками исследований. Это не мешает, однако, считать трудовую теорию научно состоятельной и перспективной. Н.С. Розов, не будучи приверженцем трудовой теории, при анализе всей совокупности гипотез глоттогенеза начиная с XIX в. и по наше время, имеющих научный характер, на почетное второе место ставит те, основой которых является труд, который он приравнивает к орудийным технологиям и существом которого полагает «планирование действий и воображение будущего изделия» [7. С. 349]. Главным

представителем комплекса трудовых гипотез Н.С. Розов считает Ф. Энгельса.

Итак, трудовая теория не может быть полной без идей Н.Я. Марра о происхождении языка. Здесь, забегая вперед, следует выделить один момент учения Марра: суть его важнейшей новации состоит во введении и попытке обоснования гипотезы о ручном (линейном, или кинетическом) языке как предшественнике звукового, или, современными терминами, жестовой гипотезой. Конечно, эта гипотеза носит характер необубедительности; Марр и сам признавал, что многими ручной язык воспринимался как «занимательный курьез» [8. С. 107]. Однако для современной лингвистики это решение Марра представляет особый интерес по причине того, что исследования в области жестового происхождения языка, «жестовые гипотезы», реанимированные около начала 1970-х гг., в наше время пользуются немалой популярностью в среде ученых, занятых проблемой происхождения языка. Понятно, что на этом фоне идея ручного языка давно уже считается не курьезом, а рабочим аналитическим инструментом науки. Это началось с появления работ Гордона Хьюза – статей 1973 г. «Коммуникация приматов и происхождение языка из жестов» [9] и 1976 г. «Современное состояние жестовой теории происхождения языка» [10]. В последующих работах, в которых развивалась тема жестового языка, Г. Хьюз стал обращаться к идеям Марра, но делал это как бы от случая к случаю: так, в обзорной работе 1993 г. «Отношение орудий и языка в истории мысли», неправомерно причисляя Нуаре к сторонникам жестовой гипотезы [11. Р. 26], совершенно обходит вниманием ручной язык Марра.

В XXI в. жестовая гипотеза не утратила силу и приобрела влиятельных сторонников: достаточно назвать имена Майкла Томаселло и Майкла Корбаллиса [12. С. 312–316]. Связь принципов жестовой гипотезы с принципами трудовой характерна отнюдь не для всех приверженцев «жестовых исследований» и проводится нечасто. Это и понятно, ведь труды Марра, в учении которого «жестово-трудовая» концепция глоттогенеза предстает в полном виде, все еще не получили широкого распространения. Более того, в современных работах, посвященных Марру, нередко можно встретить понимание ручного языка как «изобретения» Марра, своего рода искусственной концепции. Такой подход проводится, к примеру, в обстоятельной и интересной работе 2012 г. «Язык следует за трудом: материалистическая палеонтология речи Николая Марра» Елены Вогман [13].

В-третьих, поскольку углубление в содержание марризма показывает, что его анализ в полном отстранении от политических сторон и мотивов невозможен, относительно политической составляющей работ Марра как марксиста (или как ученого, претендующего на то, чтобы считаться марксистом) необходимо отметить, что внимательное изучение истории создания и развития «Нового учения» может выявить скрытые стороны и мотивы не только самого этого учения, но и осветить ряд существенных аспектов жизни советской науки в сталинское время. Сформировавшееся после 1950 г. убеждение, что Марр – не настоящий марксист, что он, по Сталину,

«хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом» [2. С. 33], заслонило от исследователей интересные обстоятельства и коллизии слияния яфетической теории с марксизмом и ее перерождения в «Новое учение о языке»: это участие в создании «марксизма в языкознании» историка С.И. Ковалева и философа А.М. Деборина, имена которых в маррведении встречаются еще реже, чем имя Нуаре. С этих научно-политических мотивов, оказавших серьезное влияние на содержание «Нового учения» и определивших ряд существенных аспектов его методологии, и следует начать.

«Новое учение о языке»: Н.Я. Марр и его сооснователи

«Новое учение о языке» было разработано не одним Марром: в создании марризма роль тех, кого принято называть «последователями», настолько велика, что некоторых из них правомерно будет назвать участниками разработки марризма, сооснователями или «со-творцами» (известное выражение К.Б. Радека). Отправные положения марризма формулируются при участии С.И. Ковалева; марризм популяризируется усилиями В.Б. Аптекаря; получает содержательное развитие в трудах И.И. Мещанинова, психолингвистическую проработку в работах К.Р. Мегрелидзе; социолингвистические (В.И. Абаев) и философские (А.М. Деборин) основания.

Отсчет начала преобразования яфетидологии в «Новое учение о языке» вместе с И.И. Мещаниновым следует вести с 1924 г., когда Марр начинает разработку своей «диалектической палеонтологии»; а второй этап датировать 1930–1931 гг., «когда новым поворотом в яфетидологии обострился упор на проблему языка и мышления» [14. С. 8]. В риторике тех лет «Новое учение» становится «марксизмом в языкознании» после «поливановской дискуссии» 1929 г.; после же разгрома «Языкфронта» в 1932 г. «Новое учение» представляется как марксистское практически официально. В смысле продвижения своего учения Марр был на высоте, его противодействие критике и борьба с конкурентами неизменно увенчивались успехом, но как обстояло дело с идейной, т.е. с марксистской частью? С марксизмом Н.Я. Марр серьезно знаком не был, и хотя, по словам В.М. Алпатова, с 1928 г. он «оснащает свои работы цитатами из К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, а позднее и из Сталина, причем их число из года в год возрастает» [15. С. 68], «марксизация» его учения была поверхностной и носила приспособительный характер. К марксизму он относился, можно сказать, потребительски, преследуя цель «использовать марксистское учение часто путем явной фальсификации, как источник своего учения» [15. С. 73]; а уж если «надо было выбирать между марксизмом и собственными любимыми идеями, то Марр выбирал последние» [16. С. 193].

Со своими идеями о классовости языка, о революционных сдвигах в языке и т.д. Марр оказался «на одной волне» с советским марксизмом 1920-х гг., до сталинского поворота от интернационализма к государственно-

центризму середины 1930-х гг. Да и легитимация учения посредством приписывания ему марксистского характера и истоков была в те годы жизненно необходима. Поверив в марксизм своей теории, в то, что «марксизм яфетического языкознания вне спора», Марр стал утверждать, что его учение «неожиданно и без подготовки для себя оказалось утверждающим положения учения об историческом материализме, т.е. в методе скрестилось с марксистским учением» [17. С. 328]; что яфетическая теория «на достигнутом ею этапе своего развития целиком сливается с марксизмом, она входит в него как неразрывная часть» [18. С. 268]. Ученый с пафосом утверждал: «Как не сказать, что новое учение о языке начинается с Маркса–Энгельса...» [19. С. 451]; или же: «Если бы Маркс воскрес... он увидел бы громадную, неслыханную практику со сдвигами в теории по всей стране и изумительные положения нового учения о языке...» [19. С. 452]. Впрочем, когда некоторые положения яфетической теории, перестраиваемой как «марксизм в языкознании», резко контрастировали с марксизмом, Марр, как справедливо утверждает В.М. Алпатов, «считал, что изменяться должно не его учение, а сам марксизм...» [15. С. 68].

Но как было возможно, чтобы ученый, к марксизму близко не стоявший, создал учение, которое, при всех натяжках, было широко признано марксистским (а во многих аспектах и стало таковым)? Дело в том, что исключительная роль в создании «марксизма в языкознании» принадлежала не Марру. Более того, сама развернутая постановка о «марксизме в языкознании» была совершена другим ученым. В концептуальном смысле вести отсчет марризма следует с 30 мая 1927 г., когда в Яфетическом институте в присутствии Н.Я. Марра историком Античности С.И. Ковалевым был сделан доклад «Марксизм и яфетическая теория». Доклад был переозвучен в ленинградском НИИ марксизма 25 января 1928 г. [20. С. 243–266]; через неделю по нему состоялись прения [20. С. 267–298]. Тезисы доклада Марр включил в свою работу «Общий курс учения об языке» (1928) [19. С. 114–119], похвалив докладчика за внимание «к теоретическим основам яфетической теории» [19. С. 119]. Благодарить Ковалева было за что: историк, отодвигая на второй план чисто лингвистические аспекты трудов Марра и выдвигая на первый философские и идеологические, создал, по сути дела, развернутую программу, в которую были включены некоторые важные тезисы яфетической теории по ее состоянию на тот момент. Программой доклад Ковалева делало то, что в этом тексте был расписан комплекс последовательных задач, алгоритм превращения яфетической теории в «марксистское языкознание». При этом Ковалев продемонстрировал хороший уровень знакомства с работами Марра и подготовки в области языкознания.

Формально доклад Ковалева представлял собой реакцию на марровскую «Программу общего курса учения об языке» (1927), которая к самому марксизму отношения не имела и никаких задач в этом направлении не ставила. Обладая солидной марксистской подготовкой, Ковалев увидел в текстах, которые выходили из-под пера Марра, зерна будущего «марксизма в языкознании». Больше половины тезисов (их всего 66) касаются общих основ

марксизма, и лишь с 37-го начинается схематичный обзор яфетидологии, переходящий в проект ее «марксизации». Тезис 37 – «Марксизм не имеет собственной специально-языковой теории» [19. С. 114] – в докладе звучит более развернуто: «Марксизм не имел времени и возможности создать собственную специально-языковую теорию»; а размышления Энгельса «были слишком общи, чтобы служить для систематической разработки проблемы» [20. С. 265]. В качестве кандидата на то, чтобы стать основой «специально-языковой теории марксизма», предлагается яфетидология Марра, которая «(сознательно или бессознательно, это вопрос другой) стоит в основном на почве диалектического материализма» [20. С. 262]. В тезисе 65 Ковалев ставит цели: «Яфетической теории необходимо открыто признать марксизм, как свою общеполитическую и общесоциологическую базу, марксизму необходимо принять яфетическую теорию, как свой специальный лингвистический отдел» [19. С. 118]. Как историк, С.И. Ковалев мыслил в духе 1920-х гг.: в частности, он призывал своих коллег: «Впереди вся огромная работа создания единой синтетической истории человеческого общества» [21. С. 6]. Как это нетрудно констатировать, языковедческую часть такой «сверхтеории» Ковалев не без успеха обеспечивает сам.

Тот факт, что целостный марксистский вид «Новое учение о языке» начинает принимать только в программных работах С.И. Ковалева, подтверждает участник прений 1928 г., приверженец марризма, историк Н.С. Державин, ставший вскоре при содействии Марра академиком: «Доклад С.И. Ковалева дал исчерпывающую схему, которая охватила все вопросы, затрагиваемые Н.Я. Марром в его работах и лежащие в основе того, что, конечно, называть теорией, строго говоря, еще не приходится, ибо теория предполагает нечто совершенно цельное, законченное, сложившееся и оформленное, чего, конечно, у Марра еще нет и на что он и сам не претендует» [20. С. 274].

Н.Я. Марр, С.И. Ковалев и Л. Нуаре: проблемы филиации идей

В 1925 г. в переводе И.Д. Давидзона в СССР вышла книга немецкого философа и филолога Людвигу Нуаре «Орудие труда и его значение в истории развития человечества» (1880). Она была встречена с интересом, ведь, по мнению Давидзона, «нарисованная Нуаре картина доисторического развития человечества выдержана полностью в тонах и красках исторического материализма» [22. С. 25]. Это случилось в один год с первой публикацией в оригинале и на русском языке «Диалектики природы» Энгельса, благодаря чему его краткий историко-антропологический эскиз «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», входящий в состав этих рукописей, стал широко известен (хотя, к слову сказать, «Роль труда», впервые опубликованная в 1896 г., в Советской России несколько раз публиковалась в начале 1920-х гг.). «Роль труда» Энгельса и «Орудие труда» Нуаре – это труды, в которых раскрывается трудовая теория происхождения языка. В этот корпус входит также более ранняя работа Нуаре «Происхождение языка» (1877).

Марр оценивает Нуаре как наиболее близкого к яфетидологии мыслителя, причем близкого по идеологии [19. С. 79, 421]. В чем же состоит существо орудийной концепции глоттогенеза Нуаре и как она связана с идеями Марра, в частности с идеей ручного языка? Прежде чем перейти к этому вопросу, необходимо сделать небольшое отступление о Фрэнке Кашинге, влияние работы которого «Ручные понятия» (1892) на Марра проблематизировалось в литературе: по словам Вяч.Вс. Иванова, «работа Кашинга стала широко известна благодаря ее популяризации Леви-Брюлем, в изложении которого она, вероятно, повлияла и на идею ручной (линейной) речи у Марра» [23. С. 31]. В работе «О происхождении языка» Марр говорит: «Сославшись на работу американского ученого Кушинга (Cushing) о взаимодействии ручного языка с звуковым, в которой автор рядом с ручным языком вводит смелый, но многозначительный термин “ручные восприятия”, Леви-Брюль отмечает весьма важный факт одновременного существования языка жестов рядом с звуковым языком» [19. С. 203]. Конечно, пассажи Леви-Брюля, где он излагает работу Кашинга, заставляют вспомнить мысли и Марра, и Нуаре, например: «Прогресс цивилизации имеет своим источником взаимное воздействие руки на ум и ума (esprit) на руку. <...> Первобытный человек не говорил без помощи своих рук, не мыслил также без них. <...> *Говорить руками* это в известной мере *буквально думать руками*» [24. С. 106]. Тексты Марра, однако, говорят о том, что он пришел к гипотезе ручного языка до знакомства с Леви-Брюлем и, соответственно, Кашингом, не находясь под влиянием кого-либо из них, но не преминул привлечь их утверждения в доказательство правоты своих идей [19. С. 203, 207].

Имя Нуаре впервые в марризме появляется в «Общем курсе учения об языке», причем не только в тексте Марра, но и в тезисах Ковалева, к которым вновь следует обратиться. В тезисе 40 Ковалева сообщается, что «взгляды Л. Нуаре на происхождение языка из коллективной работы первобытного человека были популяризованы рядом марксистов (Плеханов, Богданов, Бухарин и др.)» [19. С. 114]. В тезисах Ковалева проводится установка, суть которой состояла в том, что идеи Нуаре, может быть, и повлияли на Марра, но в принципе его работы не являются прямым источником учения Марра. Тезис 65 прямо показывает нежелание Марра–Ковалева открыто признать влияние: после программного заявления о том, что яфетической теории необходимо признать марксизм как свою философскую базу, следует как бы рекомендация: «Гениальная догадка Нуаре не может играть такой роли, поскольку она является только гипотезой, и поскольку она оперирует материалом и методами индоевропейской лингвистики. Ряд основных утверждений Нуаре, совершенно независимо от него, развивается Н.Я. Марром с полной научной убедительностью и исчерпывающей полнотой» [19. С. 118]. Та же мысль в докладе Ковалева: «Гениальная попытка Нуаре создать подлинную палеонтологию языка на почве индоевропеизма была неизбежно обречена на неудачу (у Нуаре просто не было для этого материала) и не имела продолжателей среди индоевропейской лингвистики» [20. С. 247]. Хотя

Ковалев и признает, что гипотеза Нуаре «была принята марксизмом, благодаря ее материалистическому характеру и правильному методу подхода к решению вопроса», историк в тоге лингвиста (точнее, марриста) находит в ней много изъянов (помимо «греха» индоевропеизма), по сути, требуя от лингвиста XIX в. превзойти самого себя и отвечать на вопросы, поставленные наукой позднее: гипотеза Нуаре, «обвиняет» Ковалев, «касаясь, главным образом, происхождения языка, оперируя здесь далеко недостаточным материалом и оставляя нерешенным целый ряд важнейших проблем не только чисто-языкового, но и общего культурно-исторического характера: вопрос о дальнейшем развитии речи... о зависимости языка от социальной среды и т.д.» [20. С. 265].

С.И. Ковалев предлагает, во-первых, утвердить глубокую оригинальность философии языка Марра; во-вторых, соблюдая научную корректность, вписать теорию Нуаре (статус которой он понижает до гипотезы, делая это настойчиво) в контекст истории учения Марра, в которой она должна занять строго отведенное, отнюдь не почетное место. Учитывая же то, что в марризме слово «индоевропейский» звучит как убийственный диагноз, определение «*оперирует методами индоевропейской лингвистики*» автоматически снижало значение любой концепции. Исключительная новизна учения Марра подчеркивалась и в прениях по докладу Ковалева 1928 г.: так, Б.Л. Богаевский отметил, что докладчик «совершенно прав, когда говорит, что яфетическая теория Н.Я. Марра представляет собою совершенно новое, в сравнении с старыми работами Гейгера, Нуаре, Каппа или Богданова, учение о возникновении и развитии языка» [20. С. 268]. Маррист И.Г. Франк-Каменецкий озвучил более сильный призыв: признать, что положение о происхождении языка на почве труда яфетическая теория «утверждает и обосновывает... совершенно независимо от Нуарэ», даже цитирование которого «представляется анахронизмом, поскольку названный лингвист, стоявший на почве индоевропейского языкознания, конечно, не мог учитывать новейшие данные, касающиеся дологического мышления» [20. С. 292].

Н.Я. Марр, не отказавшись от упреков Нуаре в «индоевропеизме», воспользовался более «надежным» способом нивелировать значение досадного предшественника. Принимая главный тезис Нуаре о том, что возникновение языка прямо связано с овладением человеком искусственными орудиями труда, но не разбирая вообще его построений об орудиях труда, Марр помещает имя Нуаре в число исследователей, связывающих развитие языка с развитием материальной культуры. Он признает, что «органическая увязка языка с материальной культурой нашла в отношении проблемы о происхождении речи проработку на языковом материале в трудах Л. Нуаре еще столетия тому назад...» [19. С. 129]), но далее утверждает, что «к этой же органической увязке языка с материальной культурой независимо подошло побуждаемое подсудными ему данными яфетическое языкознание, ныне новое учение об языке...» [19. С. 129]). Ключевое слово в этой фразе, как легко догадаться, – «независимо».

В лучшем случае заслуги Нуаре признавались в том отношении, что он «близко подошел» к правильной, т.е. марксистской, трактовке глоттогенеза (существо и марксистскую релевантность которой, надо заметить, определяли сами марристы). Марр пишет: «Одно время как на марксистское языковедение в марксистской среде указывалось на работы Нуаре. Но это имело место лишь постольку, поскольку Нуаре близко подошел к проблеме решающего значения руки в производстве как орудия, и с ним, орудием искусственным, продолжением руки, связи надстройки – языка» [25. С. 14]. «Недостаток» же Нуаре состоит якобы в том, что тот не разглядел всей сложности проблемы, как это удалось сделать основоположнику яфетидологии. Отношение Марра к Энгельсу по существу было точно таким же: отсылки Марра–Ковалева к «Роли труда» были формальны и не обязывали к глубокой идейной постановке проблем языка и его происхождения (тезис 39 Ковалева: «Энгельсом было высказано только общее положение о развитии языка из процесса труда (“Роль труда в процессе очеловечивания обезьяны”»)» [19. С. 114]). Приоритет в «подлинно материалистическом» анализе языка Марр отдает П. Лафаргу: «Никто не может оспаривать, что Лафарг языковед-марксист» [25. С. 14], ссылаясь на его работу «Происхождение идей добра и справедливости» (1885), к лингвистике не имеющей прямого, а к проблеме происхождения языка – никакого отношения. Что же касается «правоверных» марристов вроде В.Б. Аптекаря, то они относились к Нуаре с нескрываемым скептицизмом, вообще не считая необходимым анализировать его работы, ибо тот, полагали они, хотя и связывает язык с трудом, сам труд трактует неправильно, т.е. не по-марксистски, что обесценивает его идеи [26. С. 74]. Нуаре и в самом деле не проводил марксистской концептуализации труда – впрочем, извинительным обстоятельством было то, что он не был никаким образом знаком ни с Марксом и Энгельсом, ни с марксизмом (что в советской риторике едва ли могло быть оправданием).

Надо признать, что Марр и марристы добились своего: даже в современной литературе проблема влияния Нуаре на Марра ставится крайне редко, а ученые, признающие это влияние, делают это в критическом ключе: так, М. Ляхтеэнмяки и Н.Л. Васильев утверждают, что «в основе марровской концепции глоттогенеза лежит именно “трудовая теория” Нуаре, но с примесью “магического” компонента, о котором постоянно говорит основатель яфетидологии» [27. С. 84]. Они ссылаются на работу классика зарубежного марроведения, автора одной из первых работ, посвященных Марру, Лоуренса Томаса «Лингвистические теории Н.Я. Марра», в которой он определил «три основных элемента теории Марра, заимствованных из учения Л. Нуаре: возникновение языка на основе трудовых выкриков, появление орудий труда, решающую роль руки в развитии речи» [27. С. 85]. Л. Томас действительно прослеживает влияние идей Нуаре на Марра [4. Р. 110–115], но – и в этом его работа выделяется во всей маррологии – сильно преувеличивает эту зависимость. Томасу нужно это, по всей вероятности, для того, чтобы подвергнуть сомнению «марксистский базис» [4. Р. 101] учения

Марра: ученый желает показать, что марксизм в меньшей степени, чем другие теории, стал основой для «Нового учения о языке». Поэтому, анализируя источники марризма, Томас прослеживает и находит следы влияния В. Вундта, Л. Гейгера, Ф. Кашинга, Л. Леви-Брюля, Э. Кассирера, Г. Спенсера, Ч. Дарвина, А.Н. Веселовского; но, по сути дела, склоняет читателя к отрицанию влияния К. Маркса и Ф. Энгельса. Убежденный в исключительно фасадном характере марксизма Марра [4. Р. 111], Томас хочет убедить в этом и своего читателя. На такую «мелочь», как концепция ручного языка и звуковой революции, ни Л. Томас, ни М. Ляхтеэнмяки и Н.Л. Васильев внимания не обращают, между тем как эти идеи выражают существо новаций Марра в области глоттогенеза. Однако, и это будет показано далее, в критике исследователей есть логика, и вина в невнимании к серьезным нововведениям Марра во многом лежит именно на нем.

Оказалось ли учение Нуаре, подобно марксизму, также задолго до Марра «неожиданно и без подготовки для себя» утверждающим положения марризма и потому вошло в его «железный инвентарь»? Или же следует вести речь не о том, что Марр обнаружил в концепции Нуаре свою опору, а о том, что *сначала* эта концепция стала источником марровских идей о ручном языке, о роли руки в антропогенезе, о звуковой революции, а *затем* была представлена в ряду других источников как один из них, может быть, не самый важный, как пример того, что даже буржуазные ученые могут иногда приближаться к истине? В самом деле, не мог ведь идеалист и кантианец Нуаре быть вдохновителем «марксизма в языкознании»? Для ответа на эти вопросы следует прежде всего обратиться к трудам Нуаре, но перед этим необходимо прояснить, как в России воспринимались идеи Нуаре до Марра.

Первым русским мыслителем-марксистом, обращавшимся к творчеству Нуаре, конкретно к его первой работе («Происхождение языка»), был Г.В. Плеханов [28. С. 48–49]. В примечаниях к изданию 1922 г. «Основных вопросов марксизма» Плеханова (первое издание вышло в 1908 г.) редактор Д.Б. Рязанов говорит, что Нуаре – мыслитель «совершенно игнорируемый в цеховых кругах по истории философии» [28. С. 178]. Плеханов впервые вводит труды Нуаре (точнее, первый его труд) в научный оборот, а серьезная разработка идей Нуаре осуществляется учеником Плеханова – А.А. Богдановым, который становится первым проponentом этих идей в России. В отличие от Марра, Ковалева, Деборина, которые обращались прежде всего ко второй работе Нуаре, «Орудие труда», вовремя подоспевшей с изданием в СССР, Богданов в своих языковедческих штудиях опирается на концепцию происхождения языка из трудовых криков, представленную в первой книге. Не будучи знаком с «Орудием труда», Богданов свел теорию Нуаре только к концепции «трудовых криков», которые им отождествлялись с произвольными выкриками, т.е. аффектами, за что Марр подверг его критике [8. С. 80]. Наоборот, тезис о трудовых выкриках Марр практически не будет использовать, продвигая собственную гипотезу о первоэлементах, – и в этом плане его концепция окажется куда более спекуля-

тивной, тогда как Нуаре и вслед за ним Богданов старались избегать излишней спекулятивности. Богдановская интерпретация обрела такую известность, что в работах тех лет называлась «теорией происхождения языка из трудовых криков Нуаре – Богданова». Речь идет о работе «Падение великого фетишизма» (1910) [29] и ряде пассажей в работах 1918 г. [30].

Несмотря на свое «марксистское превосходство» по отношению к «полуидеалисту» Нуаре [29. С. 18], Богданов не просто излагает его теорию, но, критически переработав ее, выстраивает скорректированную схему, сосредоточив усилия на проработке перехода от «слова» к «мысли», т.е. того, как из «элементов социальной техники – трудовых процессов – возникают элементы идеологи – “слово” и “понятие”» [29. С. 29]. Если бы Богданов ознакомился со второй работой Нуаре, с «Орудием труда», то многие стороны его анализа получили бы иную, более перспективную разработку: ему помогла бы, к примеру, хорошо проработанная Нуаре трактовка генезиса в языке схем причинности и способа передачи накопленного трудового опыта. Тем не менее Богданов доводит свою интерпретацию Нуаре до чеканных формулировок: «Научная теория происхождения речи, созданная гениальным филологом Нуаре, такова. Речь возникла из *коллективного труда* первобытной общины, а именно из “трудовых криков”. Это звуки, произвольно вырывающиеся при физических условиях в силу связи дыхательного и голосового аппарата с остальным нервно-мускульным механизмом... <...> Из немногих таких “первичных корней”, путем медленных, бесчисленных вариаций в ряду веков, развилось все богатство человеческой речи» [30. С. 324]. Протослова, таким образом, образовались из ритмических трудовых коллективных действий и являлись их обозначениями.

В «Орудии труда», которое в рамках философии языка Нуаре должно служить как бы введением к «Происхождению языка», мыслитель исходит из постулата о том, что «как язык, так и орудие труда, инструмент, является специфически характерным для человека. В этом отношении человеческий мир и животный мир без единого исключения резко разграничены» [22. С. 138]. Отнюдь не все советские идеологи, надо заметить, придерживались подобных взглядов. Так, И.И. Презент, известный больше как соратник Т.Д. Лысенко, в своей работе «Происхождение речи и мышления» (1928), считающейся околomarристской (хотя к «Новому учению» она имела мало отношения, да и марристами признана не была ввиду своей малой значимости [16. С. 59, 187]), утверждал, что «новейшие достижения языкознания окончательно опрокидывают лингвистическое обоснование теории Нуаре в той ее части, где она утверждает, что речь есть исключительное достояние человека» [31. С. 41] и что «речь и мышление не есть нечто присущее исключительно человеческому обществу, но есть и у других животных» [31. С. 70]. Впрочем, книга Нуаре повлияла и на него: на вопрос, что же отличает человека от животных, Презент отвечает, что человек «переделяет окружающую среду не при помощи собственных *естественных* органов... а при

помощи *искусственных* органов. Между человеком и изменяемой им природой стоят не собственные части тела человека, а *отделенные* от тела орудия» [31. С. 76].

Мышление и язык в совокупности с трудом, утверждает Нуаре, предшествуют появлению орудий, и именно «трудом достигаемые модификации внешнего мира рождаются с теми звуками, которые сопровождают работу, и таким путем эти звуки приобретают определенное значение. Так возникли корни языка, те элементы или первичные клеточки, из которых выросли все нам известные языки. <...> В те отдаленные времена глубокой доисторической древности все проявлялось в коллективной форме. Только коллективный, сообща произносимый звук приобретал способность стать звуком речи, т.е. стать общепонятным» [22. С. 41]. Нуаре специально подчеркивает доорудийность языка и разума: «Как бы ни противилась тому наша фантазия, мы все же должны принять, что между первобытной мглой, окружающей беспросветное существование многих поколений наших предков при совершенном отсутствии языка и разума, и начавшимся впоследствии человеческим развитием, лежала полоса едва освещенных редкими проблесками сумерек, в которых человек уже владел языком и разумом, но не владел еще орудиями труда» [22. С. 57]. «Не владел орудиями труда» не значит «не трудился»: Нуаре с необходимостью признает и доорудийный труд; первичной у него является коллективная деятельность (труд), в процессе которой рождается и развивается «язык-мышление».

Из размышлений Нуаре с необходимостью вытекает, что тот язык и тот разум, которыми владел человек в доорудийную эру, едва ли можно сопоставить с тем, во что они развились при «подключении» орудий, ибо атрибуты разума, по Нуаре, приобретаются в процессе орудийного труда. Мыслитель весьма подробно показывает, как формировались идеи каузальности, как образовывались абстракции, исходя из того, что «орудие труда... имеет характер универсальной или *всеобщей идеи*» [22. С. 184]. Основной принцип палеоантропогенеза Нуаре состоит в том, что «влияние орудия труда на мышление проявляется преимущественно в двух направлениях: во-первых, благодаря разрешению и разъединению элементов каузального соотношения, отчетливому сепаратному выступлению причины и следствия, средства и цели, эта каузальность приобретает все большую, все возрастающую ясность в человеческом сознании. Во-вторых, это влияние проявляется в объективации и проекции собственных органов человека, до того действующих лишь при наличии смутного сознания индивидуумом своих инстинктивных функций» [22. С. 69].

Орудие не первично: оно есть только «продолжение руки»: Нуаре проводит очень важную идею о значении руки как органа разума; о том, что «руки являются *conditio sine qua non* развития разума», и «развитие разума составляет необходимую предпосылку совершенной формы и многосторонней деятельности руки» [22. С. 124]. О роли руки («орудия орудий», по Аристотелю) в формировании человека говорили многие мыслители (среди которых Кант, Гегель, основатели марксизма), но у Нуаре, помимо общих

мыслей, разработана достаточно детальная «теория руки». Рука, по Нуаре, – это «орган, открывающий человеку путь цивилизации» [19. С. 78]. Руке, ее «истории и теории» посвящены у мыслителя многие страницы: Нуаре зарисовывает теоретическую панораму, раскрывающую «чрезвычайную важность руки, как органа творческого и как органа воспринимающего» [22. С. 122]. «Настоящая история» руки начинается с того момента, когда в нее были вложены орудия труда, инструменты: «...решительный шаг из области животной активности в область человеческой активности был сделан тогда, когда в руку вложены были инструменты, орудия труда...» [22. С. 135].

Итак, Нуаре, решая проблему генезиса общих понятий, языка, преобразования звуков в слова и т.д., связывает развитие всех этих неотъемлемых свойств человека с развитием орудий труда, совершенствование которых формировало человека в целостности его атрибутов. Есть один нюанс, связанный с близостью идей Нуаре к марксизму, который в какой-то мере объясняет некоторое смущение марристов. Казалось бы, в своем палеоантропогенезе Нуаре проявляет себя как марксист не в меньшей степени, чем Энгельс: мышление и язык он возводит к труду, наполняя это понятие конкретным содержанием. Но в этом-то и дело: труд у Нуаре не был, да и не мог быть концептуализирован как *фундаментальная категория*, субстанция общества и истории, как у Маркса и Энгельса. Если человечество эпохи «редких проблесков сумерек» у Нуаре наделяется в первую очередь мышлением и речью и имплицитно – трудом, то подобная эпоха у Энгельса связывается с трудом *par excellence* («Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь...», по Энгельсу), который поначалу носил инстинктивный характер («животнообразная инстинктивная форма труда» Маркса). Язык в марксизме возникает «из процесса труда и вместе с трудом», он – сын труда: по А.А. Богданову, «из Труда человеческого выделилось Слово, и стало его символом. Затем Слово породило Мысль. Мысль и Слово стали самыми мощными орудиями трудового развития человечества» [29. С. 175].

Ручной язык и звуковая революция в работах Н.Я. Марра

Проблема происхождения языка переформулируется Марром в проблему генезиса «звукового языка, специально звуковой речи человечества» [19. С. 198]. Он отвергает гипотезу зарождения человеческой речи из звукоподражаний полагая ее заблуждением, ибо «природа человеческой речи иная, и не из звуковой техники берет она свое начало. Первая человеческая речь не звуковая. Она не только не была звуковой, но и не могла быть, так как первобытное человечество осознавало и воспринимало окружающий мир в образах, для передачи которых звуки не годились бы и в том случае, если бы они были в его распоряжении...» [19. С. 200]. Марр утверждает, что звуковому языку предшествовал язык ручной (линейный, или кинетический), соответственно звуковой речи – линейная (специально аналитическое различение языка и речи он не проводит, однако эти понятия у него все же не тождественны): «Пока, однако, не возникало членораздельной звуковой

речи, наследственно воспринявшей все достижения линейного языка с помощью руки, это природой данное орудие, собственно две руки, являлись выразителями речи: рука или руки были языком человека. Жесты, мимика и в некоторых случаях вообще телодвижения исчерпывали средства языкового производства» [19. С. 201]. Ручной язык – это «нулевой этап языка», протоязык, или, лучше сказать, достадийное состояние языка, когда эта стадия изображается как фундамент языкового древа [19. С. 195].

С одной стороны, в нашем восприятии ручной язык – это нечто, на язык совсем не похожее: недаром Б.Ф. Поршнев, размышляя о марровском ручном языке, пришел к выводу, что в его концепции «то, что лежит в начале развития языка, это – антиязык» [5. С. 42]; с другой стороны, ручной язык – это все же язык в собственном смысле слова, и если его можно назвать примитивным, то только в сравнении с позднейшим звуковым: «Ручной язык предполагает технически развитость регулирующего мозгового аппарата и связь с ним, идеологически общественность, хотя и примитивную, и ее отражение в образах, указывавшихся рукой с дополнительной линейной изобразительностью посредством лица, мимикой. Ручной язык не только давал возможность выражать свои мысли, образы-понятия и общаться с коллективом...» [19. С. 202].

Какому бы типу общества ни соответствовал ручной язык, ясно, что это – язык общения, а значит – язык коллектива, коллективных практик. Звуки, сопровождая «ручное общение», имели подчиненный характер, но в какой-то момент звук выходит на более важный план: Марр кратко рисует картину, схему того, как один воспроизводимый звуковой комплекс – как бы первое слово – из коллективных общений, сопровождавшихся звуками, постепенно стал предметом самоидентификации данного коллектива, т.е. тотемом; причем «употребление первой звуковой речи не могло не носить характера магического средства, отдельные ее слова не могли не ценить как чародейство» [19. С. 204]. Этот момент Марром выражен пока нечетко, но в принципе понятно, что ручной язык не был достаточно эффективен и постепенно стал заменяться звуковым, когда первые звуки («нерасчлененные слова») стали постепенно замещать элементы выражения коллективности, коллективные чувства; здесь же намечался и переход к выделению из коллектива отдельных индивидов. Так «природный звуковой комплекс» приобретал новое качество, превращаясь в «особым искусством отточенное орудие» [19. С. 205], т.е. в комплексы членораздельных звуков.

Но все это не могло произойти случайно, – и Марр находит причину порождения звуковой речи, выдвигая вполне марксистский тезис о том, что «положить начало творчеству членораздельной звуковой речи» следует «каким-либо производственным трудом» [19. С. 205]. Обрисовывая в статье «О происхождении языка» (1926) эпоху ручной речи, он не спешил уточнить, что руки – это прежде всего орудия труда, а уже потом – способ (орудие) общения, т.е. язык – это «орудие производства». Для него это являлось, видимо, настолько очевидным, что не нуждалось в специальном заострении. Звуковой язык порожден появлением искусственных орудий труда, и Марр

сосредоточивается на этом: «...возникновение самой членораздельной речи не могло произойти ранее перехода человечества на производственный труд с помощью искусственно сделанных орудий. <...> Звуковая речь не могла, следовательно, начаться раньше распространения навыка искусственной обработки хотя бы камня» [19. С. 205]. Развитие языка – это развитие труда и руки как орудия труда, а переход от ручного к звуковому языку вызван оснащением трудовой деятельности, т.е. овладение рукой, искусственным орудием труда: «Рука же – первоначально единственное естественное орудие речи, как и единственное орудие всякого производства, пока та же производственная сила, трудовой человек, не создает ей заместителя в искусственных орудиях производства, предметах материальной культуры и тогда, только тогда... функция орудия речи переходит на язык...» [19. С. 209]. Такова «диалектическая палеонтология» языка Марра в работе 1926 г. «О происхождении языка». Этой работе предшествовали и другие, в которых тезисы его исторической панорамы глотто- и в силу этого антропогенеза были только намечены, – и это развитие необходимо проследить.

Ранее 1924 г. ничего о ручном языке Марр не говорил, хотя в знаменитой работе «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент» (1920) дается намек на существенную роль руки в языке [18. С. 100], а в «Яфетидах» (1922) есть место, где Марр говорит не просто о языке и речи, а именно о звуковой речи [18. С. 126]. В «Основных достижениях яфетической теории» (1925) мы находим первое упоминание о том, что до звуковой речи «люди говорили жестикуляцией и мимикой, воспринимая мир и всю окружающую их жизнь в образах и по сродству образов и соответственно объясняясь друг с другом линейными движениями, символами тех же образов и форм» [18. С. 212]. Мимоходом Марр замечает, что звуковая речь началась поздно, «в связи с переходом человечества с естественных орудий производства на искусственные, им созданные и обработанные...» [18. С. 212]. Развернутой концепции до работы «О происхождении языка» еще нет: перед нами мысли, как бы зафиксированные для дальнейшей разработки. В статье «К происхождению языков» (1925) читаем: «Звуковому языку... предшествовал длительностью многих тысячелетий линейный или изобразительный язык, язык жестов и мимики» [18. С. 217]. Таким образом, истоки концепции ручной речи в трудах Марра даже с натяжкой можно фиксировать не ранее 1922 г., а в краткой формулировке мы находим ее в 1925 г.

Вернемся к «Общему курсу учения об языке»: в этой работе, взятой в совокупности со статьей «О происхождении языка», мы видим уже развернутую концепцию ручного языка и звуковой революции – комплекс идей, принадлежащих исключительно Марру. «Человек до звуковой речи, культовой, располагал обиходной, говорил линейным языком – жестами и мимикой, причем главную роль в линейной речи играла рука. Этот язык движений, кинетический язык, по господствующему в нем орудию производства был, можно сказать, ручным» [19. С. 85]. Марр заостряет принцип первичности труда и, соответственно, коллективности («общественности»), утверждая, что, с одной стороны, «даже кинетическая речь предполагает некий

трудовой процесс как предпосылку ее развития», а с другой – что в этом процессе «развивалось в свою очередь и общественное мировоззрение, не исключая и культового, или магии» [19. С. 77]. Руки в этом процессе «являлись решающим моментом в новом, отличном от норм животных, направлении жизни человечества» [19. С. 77]. Далее эта мысль усиливается: «Роль руки, как основного объединяющего или организующего орудия речи, громадна. Рука в центре языковой жизни человечества так же, как в центре производства трудовой его жизни» [19. С. 81]. Эта постановка прямо отсылает к Нуаре с его идеей руки как *conditio sine qua non* развития разума, но Марр идет дальше, связывая ручной язык с производством, ведь рука изначально – «и орудие производства и воплощение самой речи» [19. С. 84].

В «Общем курсе» Марром вводится понятие звуковой революции: «...появление звуковой речи было революцией. Громадно революционное значение замены “руки” и “глаза” аппаратом, целиком сосредоточенным в головной части тела, в непосредственной связи с мозгом, в его окружении – с полостью рта и ушами. <...> При таких данных использование технических и идеологических преимуществ звуковой речи представляло собой власть над тьмой и отчетливость в даче и восприятии материальных и надстроечных понятий, конкретных и отвлеченных представлений, образов и понятий, а в условиях общественности тех эпох в зависимости от производственной среды возникновения звуковой речи и способа ее распространения, звуковой язык не мог не стать и орудием власти, как впоследствии письменность, литература и пресса» [19. С. 87–88]. Марр концентрируется на производстве в марксистском понимании этой категории, предлагая концептуальные зарисовки генезиса осмысленных звуков и звуковой речи. Производство первично, и только в нем заключаются истоки плясок, пения и музыки, магизм которых вторичен и произведен от «магизма» труда: «Происхождение это приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства и сопровождающих тот или иной коллективный трудовой процесс» [19. С. 85]. Ученый представляет достаточно изощренные палеолингвистические конструкции, связанные с формированием из первичных хозяйственно-общественных коллективов племен, образующихся «по изобретению и развитию звуковой речи» [19. С. 90].

Дискурс происхождения языка, поставленный Марром на рельсы марксизма, встречает препятствия, созданные самим ученым. То, что Марр называет «звуковым языком», у Нуаре имеет исток в первичных трудовых криках и звуках, производимых орудиями, которые никак нельзя ни развить до песни, ни свести к ней, ни вообще связать с ней. По всей видимости, для того, чтобы представить марризм не как учение, имеющее отсылки к идеям Нуаре, а как нечто самостоятельное, не имеющее прямого отношения к Нуаре и им непосредственно не вдохновленное, Марр и вводит в свою конструкцию песню как элемент протокультуры (связывая ее с магией), а затем, как если бы этого было мало, и концепт (точнее, догмат) «четырех элементов», что создает для его палеонтологии языка не только неразрешимые

даже гипотетически трудности, но и угрозы ее логической (и идеологической) целостности. Звуковая речь в этой конструкции технически возникает из четырех магических звуковых комплексов, элементов техники «коллективного магического действия пения» [19. С. 130]. Введение «элементов» положило конец попыткам научной постановки проблемы и перевело ее в сферу фантазий. Добавление того «факта», что протослова служили тотемами, т.е. способом саморепрезентации людских коллективов, равно как и других подобных же «фактов», превратило фантазии в фантазмагии, весьма далекие от науки, которая отнюдь не всегда выступает против недоказуемых гипотез, но всегда за соблюдение меры в этом. Критические вердикты Л. Томаса и особенно М. Ляхтеэнмяки и Н.Л. Васильева и их упреки в том, что «примесь “магического” компонента» придала всей марровской картине глоттогенеза несуразный вид, таким образом, имеют основания в трудах самого Марра.

Время от времени ученый пытается затушевать роль магии, но это получалось у него не очень удачно, – и так его тексты, взятые в совокупности, заставляют прийти к выводу, что магия является действительно лишним, если не концептуально деструктивным элементом его конструкций и схем. Так, мы читаем, что магия как таковая существовала и в эпоху ручного языка; что четыре элемента, повторим, носят магический характер; что их магическое значение, или сила, проявлялось «без обозначения конкретного представления, образа или понятия» [8. С. 90]; что звуковая речь появилась, когда уже существовала «организация работников магии» [8. С. 93]. Все это противоречит собственной логике марровского тезиса о звуковой революции. Смысл введения термина «магия» совершенно неясен, да и вводится он «явочным» порядком, как, с одной стороны, дань теориям первобытного общества (в особенности Леви-Брюля), а с другой – как своего рода второе измерение звуковой революции, которое на деле лишает эту гипотезу смысла. Хотя магия у Марра формально имела смысл только в трудовом процессе и была практически тождественна с трудом, аналитически от труда она не отсекается, что явным образом ослабляло концепцию, отдавая ее не только от науки, но и от идеологии. «Труд-магическая» теория переросла в просто «магическую», в ту самую «тарабарщину», которая вызвала возмущение Сталина.

Недоработанной в трудах Марра оказалась и проблема перехода от «ручного мышления» к логическому (отвлеченному, понятийному), «о возникновении людской речи, т.е. мышления + языка» [8. С. 106]. В работе «Язык» (1927) Марр сопоставляет переход от линейного языка к звуковому с развитием логического мышления: «Линейный язык вполне отвечал и качеству и уровню умственного развития человечества начальных эпох и технически и идеологически. Человечество тогда мыслило дологическим мышлением, без отвлеченных понятий, представлениями в образах и в их нашему восприятию чуждой взаимной связи» [19. С. 129]. Для объяснения, каким образом произошел переход к звуковому языку и понятийному мышлению, т.е. как

произошла звуковая революция, Марр прибегает к уже неудачно апробированной схеме протослов – звуковых комплексов, возникших «в коллективном трудовом процессе, имевшем магическо-производственное значение, в комплексном действе “пляске-музыке-пении”, неразлучном с эпосом» [19. С. 130].

В некоторых пассажах, когда Марр приближается к идеям Нуаре, например, когда рассуждает о связи коллективности представлений, орудий и общих понятий, как в случае с топором (любимый пример Нуаре), который, «находясь во владении всего производственного коллектива, воспринимался двояко – и как конкретный предмет “топор” и как общее понятие “орудие”» [8. С. 103], Марр становится на перспективный путь, но его мысль все время соскальзывает на другие, излюбленные им темы. Так, в «Языке и мышлении» он намечает анализ протомышления, растворенного в производстве, с зачатками каузальности и нерасчлененным субъект-объектными отношениями, – и логика необходимым образом ведет его к обращению к соответствующим разработкам Нуаре об орудиях. Однако Марр как бы противился этому, включая в получившуюся картину тотемы, отождествляя их в этом случае с коллективными орудиями производства и называя их (видимо, по инерции) «средством эксплуатации». Он то разграничивал ручные и звуковые тотемы, постулируя борьбу между соответствующими коллективами, то помещал тотем и синтаксис в отношения базиса и надстройки (синтаксис и тотем изначально находятся в «производстве», а затем переходят в «надстройку») [8. С. 116], т.е. делал все, чтобы запутать и без того не самую стройную теорию.

Хотя нельзя сказать, чтобы Марр бездумно доверял Л. Леви-Брюлю, но тем не менее использование его концепции, недостатки которой (прежде всего, нечеткая постановка проблемы перехода от дологического мышления к логическому) он как бы исправляет, едва ли помогло вывести ученого из плена смутных образов, скорее, уже окончательно запутало и без того невероятное нагромождение концептов, которые он часто брал, не разбирая их существа и уж тем более не утруждая себя внятными определениями. В особенности это касается навеянной, очевидно, Леви-Брюлем концепции стадий мышления (тотемическая – космическая – техническая), которую он пытался увязать и с принципом стадиальности развития языка, и со своим четырехэлементным анализом, и – last but not least – с принципом надстроечности языка, постоянно путая при этом язык, мышление и мировоззрение.

Нередко Марр предпринимал попытку прояснить суть самой главной из «замолчанных революций», открытой им, т.е. перехода от ручного к звуковому языку, *без тотемов и магии*, исходя лишь, подобно Нуаре, из труда («чистого труда», можно сказать). Так, к примеру, в «Языке и письме» (1929) он многообещающе начинает: «Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, а с определенного идеологического построения, это с перенесенного с производства в речь строя или так называемого синтаксиса» [19. С. 368]. Казалось бы, перед нами потенциально марксистский дискурс и автор вот-вот перейдет к социальной организации, которая

вырастает из трудового производства. Придерживаясь принципов Энгельса, на этом пути можно было бы преодолеть недоработки концепции Нуаре, который не уделял внимания социальной дифференциации и разделению труда, но у Марра дальше постановки задачи дело не идет. В другой работе Марр пытается перевести эту интуицию на понятный язык: «Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, частей речи, а с предложения, *gerp.* мысли активной и затем пассивной, т.е. начинается с синтаксиса, строя, из которого постепенно выделяются части предложения, определявшиеся по месту их нахождения в речи» [19. С. 417]. Здесь также возможен выход на проблему связи глоттогенеза и социальной дифференциации («синтаксис» как отражение социальной структуры), но Марр не воспользовался этим путем, хотя цель им была сформулирована – показать и дать генезис языка, понимаемого как «создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства в технике и строе, равно и в семантике...» [19. С. 421].

Отдельной проблемой истории марризма является его концепция классов (иногда он писал «пра-классов») в доклассовых обществах. Как это ни странно, но Ковалев вполне потворствует (если не способствует) марровскому панклассовому видению истории. Тезис № 57: «Яфетическая теория отбрасывает само понятие национального, внесловного, внеклассового языка, как понятие ненаучное...» [19. С. 116]. С другой стороны, Ковалев признает недостаточную разработанность классовой проблематики у Марра и некорректность его терминологии: «Каким же путем превращаются племена в классы и сословия? У Н.Я. Марра мы не найдем ясного ответа на этот вопрос. Даже более: его терминология может дать здесь повод для вульгарного толкования» [20. С. 250].

Заключение

Сопоставив идеи Нуаре и Марра, нетрудно убедиться в том, что немецкий мыслитель повлиял на Марра намного больше, чем это признавал сам Марр и чем это признавалось в марризме. Однако важно выяснить концептуальное соотношение их идей, прежде всего в том, что касается конструирования «нулевого этапа» языка и мышления. У Нуаре это трудно поддающийся теоретическому представлению доорудийный этап, у Марра – концептуально оформленный линейный язык как языковая система (при всей недоказуемости этого тезиса). Эти две ступени антропогенеза двух философов языка можно если не отождествить, то сопоставить. И здесь надо сказать, что Марр оказывается в большей степени вооруженным – конечно, не «подзорной трубой языкознания», как Нуаре, но материалистическим подходом. Принимая тезис Нуаре об определяющей роли руки в генезисе языка и мышления человека, он вводит гипотезу о линейной речи, что прямо вытекает из логической сущности этой постановки о труде как источнике человека. Ручной язык Марра – это ручной, доорудийный труд, «труд в чистом виде» или производство как таковое, «чистый язык» в тождестве с «чистым

трудом». Нуаре же смог только признавать существование доорудийного периода языка-мышления, не развивая этой идеи и не предлагая какой-либо гипотезы о содержании этой «полосы едва освещенных редкими проблесками сумерек». В этом материализм Марра превосходит идеализм Нуаре, однако в ряде других отношений Марр как бы отрывается от своего материализма, уходя в мир фантазий и «магии».

В концепции Нуаре нет магии: орудий труда ему вполне достаточно, чтобы непротиворечиво описать этапы антропогенеза. Марр, не задумываясь, берет на вооружение тезис о роли орудий в переходе к звуковому языку и логическому мышлению, однако развитие этого постулата ему плохо удается. Несмотря на свой материализм, Марр вводит принцип магии и намечает схему труд-магического процесса, представляющего собой как бы два аналитических этажа его палеонтологической конструкции, труд и магию. Это загромождает концепцию сущностями, введенными явно без надобности. Магия у Марра часто затеняет труд, и в этом, как получается, здесь Нуаре стоит ближе к Энгельсу, чем сам Марр. Орудия труда, вопреки канонам материализма и марксизма, у Марра показаны не четко; такой развернутой постановки, как у Нуаре, у него нет. Не желая, как представляется, «делиться приоритетом» и в полном объеме признавать значение идей немарксистского представителя трудовой теории происхождения языка, Марр не смог преодолеть трудности, неизбежно встающие перед тем, кто пытается заглядывать в глубины истории.

Хотя марристы – в лице, к примеру, К.Р. Мегрелидзе – и были рады обманываться в том, что «в последние годы своей работы Н.Я. Марр вплотную подошел к собственно-философским проблемам своего учения» [32. С. 44] тем не менее, исходя из всего сказанного, следует признать, что для создания цельной концепции глоттогенеза, помимо марксистской, Марру недоставало и общеподготовленной, которая помогла бы более глубоко понять идеи Нуаре и Энгельса и развить их. Достаточно удачную попытку относительно непротиворечивого изложения философии языка Марра с учетом некоторых существенных недоработок предпринимает А.М. Деборин в работе «Новое учение о языке и диалектический материализм» (1935) [33]. Советский философ, испытавший, между прочим, влияние Плеханова, осуществляет достаточно релевантный синтез марризма и марксизма, усиливая марксистскую аргументацию Нового учения, сглаживая его неудачные моменты (особенно в части классово-риторической и тезиса о «магии»), проводя реатрибуцию некоторым источникам марризма (Л. Нуаре, Л. Леви-Брюль, Э. Кассирер), и доводит таким образом «Новое учение» до состояния цельной концепции глоттогенеза. Концепция ручного языка с образным мышлением и его трансформация в звуковой с его мышлением представляла для Деборина особый интерес, и ее он приводит в довольно связный вид, усиливая одни тезисы и нивелируя другие.

Особым образом следует отметить доверие Деборина к Нуаре как к мыслителю и философу языка, что в лучшую сторону отличало его от Марра и марристов, да и выделяло из всех советских идеологов тех лет, склонных

обходить вниманием буржуазных мыслителей, тем более идеалистов. Здесь вполне уместен такой пример, М.Б. Вольфсон, критик марризма, не читая Нуаре и исходя только лишь из того, что он был идеалистом, без колебаний приписывает ему идеи, заведомо нелепые с точки зрения его концепции: «Человеческий труд Нуарэ рассматривает субъективно, как деятельность отдельного лица, строящего окружающий мир. Эта теория чрезвычайно далека от диалектического материализма, рассматривающего труд объективно...» [34. С. 28]. Достается и А.А. Богданову – за то, что он «теорию Нуарэ пропагандировал и объявлял марксистской», делая это «в своей книге “Падение великого фетишизма”, в книге, направленной против “Эмпириокритицизма и материализма” Ленина» [34. С. 28].

Деборину удастся хорошо прописать роль искусственных орудий труда в процессе перехода к звуковому языку. Используя орудийную теорию Нуаре более широко и усиливая его идею о том, что «орудие труда отличается характером общей идеи, характером *универсальности*» [33. С. 40], Деборин выстраивает концептуальную схему «превращения орудий в понятия», логически достраивая идею трудового генезиса абстрактного мышления в связи с появлением искусственных орудий труда: «*Общие* действия, производимые первобытным коллективом при *коллективном орудии* труда, постоянная *повторяемость* определенных действий и сознание повторенных действий – привело человечество к отвлеченным понятиям. Но понятие не существует без названия, без имени; *отсюда ясно*, что понятия могли возникнуть и получить свое развитие благодаря новому языку, звуковому языку» [33. С. 42]. И далее: «*Синтетический строй мышления* в результате коренных сдвигов в технике и производственных отношениях, с переходом человечества на искусственные орудия и по возникновении собственности уступает свое место *аналитическому мышлению*, формально логическому...» [33. С. 65]. Более понятно, чем Марр, Деборин определяет и концептуальное место магии в связи с орудиями труда: «Сам звуковой язык многие сотни веков, если не тысячелетия, имел функцию орудия производства согласно мировоззрению людей тех эпох, и в отличие от орудий из природного материала мы словесное или звуковое орудие вынуждены были называть магией. В свете этих соображений становится более ясной роль магии, как части *примитивной техники*, где слово имеет функцию орудия производства, когда магическое мышление считает возможным воздействовать на трудовой процесс, на внешнюю природу при помощи слова» [33. С. 43].

Таким образом, Деборин избавился от многих существенных противоречий марризма, придававших ему характер крайней экстравагантности и не встраивающихся в цельную философско-лингвистическую концепцию. Однако адепты «Нового учения» не приняли более логичную интерпретацию марризма, носящую философский характер, и в итоге «Новое учение о языке» осталось совокупностью плохо связанных между собой гипотез и домыслов, утверждавшихся и проводившихся императивно, венаучными методами.

Список источников

1. Никандров А.В. Лингвистика и политика: политические мотивы и цель «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 1. С. 46–70. doi: 10.17506/18179568_2023_20_1_46
2. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М. : Госполитиздат, 1953. 56 с.
3. Деборин А.М. Сталинское учение о языке // Вестник Академии наук СССР. 1950. № 7. С. 60–63.
4. Thomas L.L. The Linguistic Theories of N.Ja. Marr. Berkely ; Los Angeles : University of California Press, 1957. 457 p.
5. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблема палеопсихологии). СПб. : Алетей, 2007. 720 с.
6. Осипова Л.И. К вопросу о происхождении языка // Вестник МГПУ. Сер.: Философские науки. 2018. № 4. С. 52–59.
7. Розов Н.С. Преодоление «языкового Рубикона»: версии, ступени и эволюционные механизмы // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 348–365. doi: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-348-365
8. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3: Язык и общество. М. ; Л. : АН СССР, 1934. 421 с.
9. Hewes G.W. Primate communication and the gestural origin of language // Current Anthropology. 1973. № 14. P. 20–31.
10. Hewes G.W. The current status of the gestural theory of language origins // Annals of the New York Academy of Sciences. 1976. Vol. 280. P. 482–504.
11. Hewes G.W. A history of speculation on the relation between tools and language // Tools, Language and Cognition in Human Evolution / eds. by K.R. Gibson, I. Ingold. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 20–31.
12. Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М. : Астрель, 2011. 464 с.
13. Vogtan E. Language follows labour: Nikolai Marr's materialist palaeontology of speech // Materialism and Politics / eds. by B. Bianchi et al. Berlin : ICI Berlin Press, 2021. P. 113–132. doi: 10.37050/ci-20_06
14. Мещанинов И.И. Новое учение о языке. Л. : ОГИЗ, 1936. 344 с.
15. Алтатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М. : УРСС, 2018. 284 с.
16. Алтатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 432 с.
17. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 5 : Этно- и глоттогония Восточной Европы. М. ; Л. : АН СССР, 1935. 668 с.
18. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 1 : Этапы развития яфетической теории. М. ; Л. : АН СССР, 1933. 397 с.
19. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 2 : Основные вопросы языкознания. М. ; Л. : АН СССР, 1936. 524 с.
20. Ковалев С.И. Марксизм и яфетическая теория // Проблемы марксизма: Статьи и исследования. Л. : ЛНИИМ, 1928. С. 243–298.
21. Кубланов М.М. Сергей Иванович Ковалев (1886–1960) // Ковалев С.И. Основные вопросы происхождения христианства. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 5–20.
22. Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории развития человечества. [Харьков] : Гос. изд-во Украины, 1925. 396 с.
23. Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М. : Наука, 1976. 304 с.
24. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М. : Атеист, 1930. 340 с.
25. Марр Н.Я. Доистория, преистория, история и мышление: К вопросу о методах и кадрах по общественным наукам. Л. : ГАИМК, 1933. 34 с.
26. Антекер В.Б. Н.Я. Марр и новое учение о языке. М. : Госсоецгиз, 1934. 185 с.
27. Lähteenmäki M., Васильев Н.Л. Рецепция «нового учения о языке» Н.Я. Марра в работах В.Н. Волошинова: искренность или конъюнктура? // Russian Linguistics. 2005. Т. 29, № 1. С. 71–94.

28. Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма / Д.Б. Рязанов (ред.). М. : Московский рабочий, 1922. 181 с.
29. Богданов А.А. Падение великого фетишизма. М. : Т8 Rugram, 2019. 190 с.
30. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М. : Политиздат, 1990. 479 с.
31. Презент И.И. Происхождение речи и мышления: (К вопросу об их приоритете). Л. : Прибой, 1928. 128 с.
32. Мегрелидзе К.Р. Н.Я. Марр и философия марксизма // Под знаменем марксизма. 1935. № 3. С. 35–52.
33. Деборин А.М. Новое учение о языке и диалектический материализм. М. ; Л. : АН СССР, 1935. 66 с.
34. Вольфсон М. Богданов и Марр // Революция и язык. 1931. № 1. С. 28–32.

References

1. Nikandrov, A.V. (2023) *Lingvistika i politika: politicheskie motivy i tsel' "svobodnoi diskussii po voprosam yazykoznaniiya" 1950 g.* [Linguistics and politics: political motives and purpose of Free discussion on problems of linguistics of 1950]. *Diskurs-Pi*. 20 (1). pp. 46–70. doi: 10.17506/18179568_2023_20_1_46
2. Stalin, I.V. (1953) *Marxizm i voprosy yazykoznaniiya* [Marxism and problems of linguistics]. Moscow: Gospolitizdat.
3. Deborin, A.M. (1950) *Stalinskoe uchenie o yazyke* [Stalinist doctrine of language]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 7. pp. 60–63.
4. Thomas, L.L. (1957) *The Linguistic Theories of N.Ja. Marr*. Berkely & Los Angeles: University of California Press.
5. Porshnev, B.F. (2007) *O nachale ranney istorii (problema paleopsikhologii)* [About the beginning of human history (a problem of paleopsychology)]. Saint Petersburg: Aleteyya.
6. Osipova, L.I. (2018) *K voprosu o proiskhozhdenii yazyka* [On the question of the origin of language]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filosofskie nauki*. 4. pp. 52–59.
7. Rozov, N.S. (2021). Overcoming “the language Rubicon”: versions, steps and evolutionary mechanisms. *Idei i ideally*. 13:4 (2). pp. 348–365. (In Russian). doi: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-348-365
8. Marr, N.Ya. (1934) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
9. Hewes, G.W. (1973) *Primate Communication and the Gestural Origin of Language*. *Current Anthropology*. 14. pp. 20–31.
10. Hewes, G.W. (1976) *The Current Status of the Gestural Theory of Language Origins*. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 280. pp. 482–504.
11. Hewes, G.W. (1993) *A History of Speculation on the Relation between Tools and Language*. In: Gibson, K.R. & Ingold, I. (eds) *Tools, Language and Cognition in Human Evolution*. Cambridge, Cambridge University Press. pp. 20–31.
12. Burlak, S.A. (2011) *Proiskhozhdenie yazyka: Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of language: Facts, studies, hypotheses]. Moscow: Astrel'.
13. Vogman, E. (2021) *Language Follows Labour: Nikolai Marr's Materialist Palaeontology of Speech*. In: Bianchi, B. et al. (eds) *Materialism and Politics*. Berlin: ICI Berlin Press. pp. 113–132. doi: 10.37050/ci-20_06
14. Meshchaninov, I.I. (1936) *Novoe uchenie o yazyke* [New doctrine of language]. Leningrad: OGIZ.
15. Alpatov, V.M. (2018) *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [A story of one myth: Marr and Marrism]. Moscow: URSS.
16. Alpatov, V.M. (2005) *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

17. Marr, N.Ya. (1935) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
18. Marr, N.Ya. (1933) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
19. Marr, N.Ya. (1936) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
20. Kovalev, S.I. (1928) Marksizm i yafeticheskaya teoriya [Marxism and Japhetic theory]. In: *Problemy marksizma. Stat'i i issledovaniya* [Problems of Marxism. Articles and Research]. Leningrad: LNIIM. pp. 243–298.
21. Kublanov, M.M. (1964) Sergey Ivanovich Kovalev (1886–1960) [Sergey I. Kovalev (1886–1960)]. In: Kovalev, S.I. *Osnovnye voprosy proiskhozhdeniya sobytiya khristianstva* [The main questions of the origin of the event of Christianity]. Moscow: Nauka. pp. 5–20.
22. Noiré, L. (1925) *Orudie truda i ego znachenie v istorii razvitiya chelovechestva* [The tool of labor and its significance in the history of human development]. Translated from French by I. Davidzon. [Kharkiv]: Gos. izd-vo Ukrainy.
23. Ivanov, V.V. (1976) *Ocherki po istorii semiotiki v SSSR* [Essays on the history of semiotics in the USSR]. Moscow: Nauka.
24. Lévy-Bruhl, L. (1930) *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive mentality]. Translated from French. Moscow: Ateist.
25. Marr, N.Ya. (1933) *Doistoriya, preistoriya, istoriya i myshlenie: K voprosu o metodakh i kadrah po obshchestvennym naukam* [Prehistory, history and thinking: On the question of methods and personnel in the social sciences]. Leningrad: GAIMK.
26. Aptekar', V.B. (1934) *N.Ya. Marr i novoe uchenie o yazyke* [Nikolai Marr and new doctrine of language]. Moscow: Sotsekgiz.
27. Lähteenmäki, M. & Vasil'yev, N.L. (2005) Retseptsiya “novogo obucheniya o yazyke” N.Ya. Marra v rabote V.N. Voloshinova: iskrennost' ili kon'yunktura? [The reception of Nikolai Marr's “new doctrine of language” in the works of Valentin Voloshinov: sincerity or conjuncture?]. *Russian Linguistics*. 29.1. pp. 71–94.
28. Plekhanov, G.V. (1922) *Osnovnye voprosy marksizma* [Basic questions of Marxism]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
29. Bogdanov, A.A. (2019) *Padenie velikogo fetishizma* [The fall of great fetishism]. Moscow: T8 Rugram.
30. Bogdanov, A.A. (1990) *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* [Issues of socialism: Works of different years]. Moscow: Politizdat.
31. Prezent, I.I. (1928) *Proiskhozhdenie rechi i myshleniya (K voprosu ob ikh prioritete)* [Genesis of speech and thinking (To the question of their priority)]. Leningrad: Priboy.
32. Megrelidze, K.R. (1935) *N.Ya. Marr i filosofiya marksizma* [Nikolai Marr and the philosophy of Marxism]. *Pod znamenem marksizma*. 3. pp. 35–52.
33. Deborin, A.M. (1935) *Novoe uchenie o yazyke i dialekticheskiy materializm* [The new doctrine of language and dialectical materialism]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
34. Volfson, M. (1931) Bogdanov i Marr [A. Bogdanov and N. Marr]. *Revolutsiya i yazyk*. 1. pp. 28–32.

Информация об авторе:

Никандров А.В. – канд. полит. наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: bobbio71@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Nikandrov, Cand. Sci. (Political Science), senior researcher, Department of Theory of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: bobbio71@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.07.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 29.07.2023;
approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья
УДК 811.134.2
doi: 10.17223/19986645/90/6

Публичный дискурс современного испанского монарха: типология и особенности с учетом теории речевых актов

Марина Михайловна Раевская¹, Ирина Владимировна Селиванова²

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

² *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

¹ *mraevskaya@gmail.com*

² *iselivanova@hse.ru*

Аннотация. Представлены типология публичных выступлений испанского монарха Филиппа VI, а также особенности реализуемых в нем речевых актов. Выявлено, что публичный дискурс монарха как разновидность дискурса власти имеет свою типологию, которая рассматривается в соответствии с компонентами прагматической рамки (характеристиками целевой аудитории, тематикой сообщения и социально-политическим контекстом), а реализуемые в нем речевые акты демонстрируют характерный набор признаков – языковых форм и речевых формул, образующих иллокутивный каркас, детерминированный коммуникативным заданием и интенцией оратора.

Ключевые слова: дискурс власти, статусно-ориентированный дискурс, испанская монархия, типология дискурса, публичная речь, речевые акты

Для цитирования: Раевская М.М., Селиванова И.В. Публичный дискурс современного испанского монарха: типология и особенности с учетом теории речевых актов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 121–146. doi: 10.17223/19986645/90/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/6

Typology of public discourse of the modern Spanish monarchy through the speech acts theory

Marina M. Raevskaya¹, Irina V. Selivanova²

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

² *National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation*

¹ *mraevskaya@gmail.com*

² *iselivanova@hse.ru*

Abstract. The article discusses the typology of public speeches of the Spanish monarch Philip VI through the theory of speech acts. Philip VI's speeches, being a sample of

discourse of power, can be considered a special speech genre that combines properties of political and institutional discourse, as well as a communicative resource necessary for transmitting certain ideas and managing public consciousness. The public discourse of Philip VI has its own typology, which correlates with the components of the pragmatic framework (characteristics of the target audience, the subject of the message and the socio-political context), and also demonstrates certain configurations of speech acts taking into account linguistic forms and speech formulas that form illocutionary frame which is determined by the speaker's communicative task and intention. We propose to divide the corpus of Philip VI's speeches into two groups (according to the topics and the target audience – national or international), each of which has its own varieties. The specific division of public communication of the state leader is based on Mikhail Bakhtin's understanding of the genre, reflecting the specifics of the conditions and the purpose of communication at the content, style and composition levels. The study has shown that, on the one hand, the public speeches of the Spanish monarch are regulated by historical tradition and meet the standard of communication with the target audience, and, on the other hand, they are completely subordinate to the nature of the event, which also determines their genre and configuration of the speech acts presented in them. In accordance with Searle and Austin's speech acts theory, it has been revealed that the institutional political discourse of the Spanish monarch has a bright intentional orientation, which involves a certain set of lexical (verbs, modal words, periphrastic constructions), syntactic (word order) and grammatical (verb mood) means in each discursive type. The main speech acts, within which the speaker's beliefs and attitudes are broadcast, are constative and evidential representatives, which serve as the illocutionary framework for all types of royal speeches; directives that reveal the greatest variety of combinations with other intentions and forms of expression; commissives, almost always implemented in an indirect form as representative constatives; expressives, vividly presented in speeches on special occasions, and isolated cases of a declarative in an indirect form. It has been found that the choice of a speech act fully correlates with the functions of speech genres and the communicative task of the speaker.

Keywords: discourse of power, status-oriented discourse, Spanish monarchy, discourse typology, public speech, speech strategies

For citation: Raevskaya, M.M. & Selivanova, I.V. (2024) Typology of public discourse of the modern Spanish monarchy through the speech acts theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 121–146. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/6

Введение

Исследование публичной политической речи государственных и политических лидеров на материале различных языков представляет собой динамически развивающееся направление в современном языкознании (Э.В. Будаев, В.Ю. Варавкина, О.И. Воробьева, К.А. Киянова, М.М. Раевская, И.В. Селиванова, О.В. Спиридовский, В.Е. Чернявская, Л.С. Чикилева, А.П. Чудинов и др.). **Актуальность** выбранной темы обусловлена повышенным интересом специалистов (лингвистов, политологов, политтехнологов) к изучению способов оптимизации политической коммуникации, а также необходимостью поиска эффективных средств речевого взаимодействия института власти и общества в современных условиях.

В научной литературе (Л. Альтюссер, Р. Барт, М.М. Бахтин, П. Бурдьё, А. Грамши, М. Пешё, М. Фуко, Ю. Хабермас) *политический дискурс* трактуется как властный ресурс, выполняющий функции (а) конструирования и деконструирования социально-политического образа мира; (б) регулирования, распределения и воспроизводства властных отношений; (в) формирования социальных, политических и идеологических идентичностей как способ позиционирования по принципу «свой – чужой»; (г) артикуляции социальных притязаний, интересов, ценностных ориентаций в политической борьбе [1. С. 118]. При этом в рамках *критического дискурс-анализа* (Р. Водак, Т.А. ван Дейк, П. Чилтон и др.) политический дискурс трактуется как вербальная (письменная или устная) репрезентация отношений идеологического доминирования и идентификации социальных субъектов в процессе коммуникации, в то время как в русле *постмодернизма* (С. Жижек, Э. Лакло, Ш. Муфф, Я. Торфинг и др.) – как открытое и изменчивое образование, как синоним практики социального конструирования.

Относительно недавно введенный в обиход научного инструментария термин «дискурс власти»¹ не только указывает на его отправителя и проецируется на оба выше обозначенных подхода, но и диктует жанровые рамки данной коммуникативной практики, одновременно предопределяя выбор ее стратегий и тактик, а также речевых формул и языковых средств, согласованных с интенциями ораторов. При этом в рамках дискурса власти явно просматривается особая зона, к которой относятся публичные выступления представителей института монархии, требующие дальнейшего научного осмысления и систематизации уже накопленного на данный момент знания. В этой связи вопрос о типологии публичного дискурса монархии имеет особый научный интерес, поскольку публичные речи государственных лидеров, содержание которых определяется историческими, социокультурными и общественно-политическими факторами, представляют собой особый речевой жанр, сочетающий свойства политического и институционального дискурсов.

Обзор литературы и определение векторов исследования дискурса власти

Вопрос об особенностях политического дискурса и дискурса власти подробно освещается в работах отечественных и зарубежных исследователей (Т. Адорно, Р. Барт, Ж. Бодрийар, Р. Водак, Т.А. ван Дейк, Э.В. Будаев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, П. Сериио, В.Э. Согомонян, А.А. Тихонов, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, М. Фуко, В.Е. Чернявская и др.). Несмотря на это, крайне актуальным в настоящее время видится изучение дискурса монархии в ракурсе дискурса власти как инструмента речевого воздействия,

¹ «Процесс коммуникативной актуализации конвенционально закрепленных и обладающих императивной интенцией смыслов, явлений, идей и идеологий» [2. С. 47].

осуществляемого с помощью собственного набора речевых средств в рамках вполне определенных речевых актов и в конечном счете направленного на форматирование массового общественного сознания. В настоящее время, когда испанская монархия переживает сложные времена, публичные речи испанского короля Филиппа VI становятся мощным ресурсом в процессе создания образа преданного своему делу правителя, защищающего основы конституционного строя, и важным каналом трансляции необходимых власти ценностных ориентиров и идеологических установок.

В основе видového деления политической коммуникации лежит предложенное М.М. Бахтиным определение понятия «жанр», под которым понимаются «относительно устойчивые типы высказываний», выработанные в определенной сфере использования языка в виде устных или письменных высказываний, отражающих на содержательном, стилевом и композиционном уровне специфику условий и цель общения [3. С. 250]. Таким образом, жанры представляют собой актуальные для социума и культуры стереотипные дискурсивные формы, обслуживающие «типические ситуации социального взаимодействия индивидов» [4. С. 88]. К политическим жанрам традиционно относят публичные выступления государственных деятелей, инаугурационные речи президентов, интервью политических лидеров, правительственные заявления, парламентские речи, выступления в дебатах, партийные программы, бюллетени избирательных кампаний и т.д.

Проблема *жанрового разнообразия* политической коммуникации остается в центре внимания отечественных и зарубежных ученых, что определяется многомерностью феномена политического дискурса и отсутствием единых критериев и параметров выделения жанров. Интерес к изучению жанровой градации (инаугурационные речи, политические карикатуры, листовки, парламентские дебаты, теледискуссии, рождественские и новогодние обращения, интервью и пр.) связан с желанием выявить закономерности функционирования современного политического дискурса, обозначить механизмы его воздействия на общественное сознание, проследить его эволюцию и определить векторы его дальнейшего развития [5–11].

Основываясь на теории М.М. Бахтина, Е.И. Шейгал описывает *первичные жанры*, составляющие основу политической деятельности (публичные речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги и пр.) и *вторичные жанры* институциональной коммуникации (интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура и пр.) [5].

А.П. Чудинов предлагает более подробную классификацию жанров политического дискурса и описывает *жанры устной* (выступление на митинге, доклад, беседа, дебаты, интервью) и *письменной речи* (программа, листовка, газетная статья, письмо политическому лидеру); *монологические* (радиообращение, газетная статья) и *диалогические жанры* (дискуссия, переговоры); *ритуальные* (инаугурационная речь, рождественское или новогоднее обращение), *ориентационные* (доклады, указы, договоры, соглаше-

ния), *агональные* (лозунг, листовка, выступление на митинге) и *информативные жанры* (газетная статья, обращения граждан к политикам или в СМИ); *малые* (лозунг, слоган, речевка), *средние* (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.) и *крупные жанры* (партийная программа, политический доклад, книга по политической публицистике и др.); *информативные* (автобиографическая книга политического лидера), *оценочные* (аналитическая статья) и *императивные жанры* (лозунг) [11].

Е.Ю. Алешина разграничивает группы жанров политического дискурса с учетом принципов целеполагания и особенностей содержания текстов, которые находятся в прямой взаимосвязи от типа политической деятельности, находящей выражение в коммуникативных действиях: а) *информационные жанры* (инаугурационные речи, послания конгрессу, выступления в парламенте, пресс-релизы, пресс-конференции, круглый стол, ток-шоу, статьи в СМИ и пр.); б) *убеждающие жанры* (публичные выступления на съездах или собраниях, предвыборные выступления, дебаты, публикации в СМИ и пр.); в) *призывные жанры* (публичные выступления, публикации в СМИ, лозунги и пр.); г) *жанр-оправдание/покаяние* (публичные выступления) [6].

В целом к основным характеристикам публичного политического дискурса следует отнести *однаправленность* (адресант напрямую обращается к аудитории с заранее подготовленным монологом), *четкую композицию*, *логическое развитие* (планомерное и аргументированное выстраивание содержания речи), *точность изложения и отсутствие спонтанности*, *непрерывность* (цельное и самостоятельное произведение), *оценочность* (в эксплицитной или имплицитной форме выражается отношение говорящего по выбранной тематике), *прагматизм* (содержание и языковая форма выступления обусловлены поставленными оратором интенциями и установками), а также *индивидуальность* (в любой речи проявляется личность оратора, который стремится вербальными и невербальными способами оказать воздействие на адресата).

В рамках институциональной политической коммуникации дискурс власти рационально-легального типа в лице монарха (согласно типологии М. Вебера) представляет собой особое пространство [12. С. 96], в котором адресант, имеющий наивысший социальный статус, наделяется правом изменять мир в соответствии с данными им социумом полномочиями [13]. Однако к проблеме изучения типологии публичных речей первых лиц государства, которые получили детальную разработку в последние десятилетия (К.А. Киянова, О.А. Маркова, Л.В. Моисеенко Т.В. Харламова, Ю.М. Чантуридзе, Л.С. Чикилева и др.), целесообразно подходить с точки зрения обозначенных выше теоретических позиций. При этом, по мнению М. Фуко, *институциональный статусно-ориентированный политический дискурс* следует рассматривать и как исторически изменчивую форму социальной практики: на каждом этапе общественного развития взятый во всей полноте своих измерений контекст (политический, экономический, социальный) определяет появление новых дискурсивных жанров, стратегий и форм изло-

жения, соответствующих требованиям эпохи. Таким образом, статус и интенции оратора, тематика сообщения, коммуникативная ситуация (в первую очередь характеристики адресата) и социально-политический контекст накладывают ограничения на манеру подачи информации, ресурсы речевого воздействия и языковые средства выразительности.

С учетом данного положения *исходной теоретической позицией* исследования является рассмотрение *дискурса монарха* как разновидности дискурса власти, представляющего собой *коммуникативную форму социальных отношений, способную влиять на деятельность социальных групп, а также языковых средств трансляции традиций и авторитета*. **Объектом** настоящей работы выступает *институциональный политический дискурс испанского монарха*, являющийся примером статусно-ролевой коммуникации с ярко выраженной интенциональной направленностью (сохранение власти и урегулирование общественных отношений в соответствии с нравственным императивом в рамках сложившегося общественного порядка). **Научная новизна** статьи заключается в системном рассмотрении публичных выступлений современного испанского монарха Филиппа VI как разновидности дискурса власти в проекции их адресной направленности в соответствии с положениями теории речевых актов и описанием лингво-прагматических особенностей. Кроме того, **научная ценность** полученных результатов обоснована тем, что в отечественной и зарубежной романистике впервые представлена типология публичного дискурса Филиппа VI, проанализированного с точки зрения компонентов прагматической рамки в соответствии с социополитическим контекстом современной Испании.

Дискурс власти в аспекте теории речевых актов

Анализ речевого общения в рамках статусно-ролевых отношений адресанта и адресата невозможен без учета коммуникативного намерения оратора. Публичная речь представителей института власти всегда направлена на массовую или групповую *целевую аудиторию* и преследует четко определенные цели – информирование, убеждение, аргументацию и др. Подобный ракурс интерпретации высказывания, при котором язык «выступает в форме «речь-как-действие» [13], позволяет разграничить его иллокутивную функцию и пропозициональное содержание (формируемое референциальными и предикационными актами). При этом иллокутивная функция обычно реализуется посредством некоего набора лексических (глаголы, модальные слова, перифрастические конструкции), синтаксических (порядок слов), просодических (интонационный контур) и грамматических (наклонение глагола) средств. Автором таксономии иллокутивных актов является Дж. Серль, который развивает их классификацию, предложенную ранее Дж. Остином, и выделяет пять базисных типов – *репрезентативы* (*ассертивы*), представляющие пропозициональное содержание как истинное, *директивны*, вербализующие побуждение к действию, *экспрессивы*, манифестирующие

эмоциональную составляющую сообщения, *комиссивы*, реализующие коммуникативный модус обещания, и *декларативы*, утверждающие определенное видение ситуации в целях ее регламентации либо дескрипции, в каждом из которых задействованы свои собственные иллюкутивные индикаторы, являющиеся маркерами того или иного коммуникативного намерения оратора [14].

Современные исследования речевых актов (А.В. Алексеев, Л.М. Голиков, Д.С. Шипилова, Л.В. Безменова, Л.С. Чикилева, О.В. Эпштейн и др.), реализующихся в дискурсах разнообразной тематической и профессиональной направленности (законодательном, институциональном, политическом, рекламном, академическом и др.), свидетельствуют о том, что каждый из них обслуживается вполне определенным набором показателей, выступающих их конститутивными признаками. В частности, характеристиками регламентирующих декларативов, употребляющихся в юридическом дискурсе, являются предикаты, представляющие собой глаголы перформативной семантики в форме настоящего времени постоянного действия, подразумевающего отсутствие временного ограничения; дескриптивные декларативы чаще всего реализуются в виде повествовательных предложений с предикатом несовершенного вида в форме утвердительной модальности [15]. В такой разновидности политического дискурса, как победная речь президента, самым частотным является репрезентатив, представленный перформативными глаголами *to know*, *to believe*, *to mean* [16]. К формальным признакам экспрессива относятся этикетные формулы приветствия, благодарности, поздравления, похвалы, пожелания, которые содержат преимущественно прилагательные и наречия эмотивной и оценочной семантики, употребленные в том числе в превосходной степени сравнения, глаголы в сослагательном наклонении. Комиссив в политической коммуникации представлен как в эксплицитной (перформативные глаголы обещания), так и в имплицитной форме (употребление глаголов в будущем времени, использование местоимения интегративной семантики *мы*). Директивный речевой акт в победных президентских речах реализуется через глагольный императив и аналитические конструкции побудительной семантики, глаголы obligatory семантики, а также конструкции косвенной директивной модальности (например, риторические вопросы).

Таким образом, обзор научных исследований речевых актов, характерных для различных дискурсивных типов, в том числе для политической коммуникации, позволяет сделать вывод о том, что каждый из них оперирует определенным набором иллюкутивных индикаторов, отвечающих конкретной интенции говорящего.

Наблюдения исследователей (Е.В. Боднарук, И.В. Кожухова, В.М. Лейчик, Дж. Остин, Е.В. Падучева, Дж. Серль, И.В. Силантьев и пр.) показывают также, что в коммуникативной реальности высказывания, имеющие одно и то же оформление (лексическое, грамматическое, синтаксическое), могут выполнять различные прагматические функции, что позволяет говорить о так называемых косвенных – конвенциональных и неконвенциональных – речевых актах, чья интенциональная структура может быть многоуровневой.

Исходя из вышеприведенных теоретических позиций, можно предположить, что такая коммуникативная разновидность, как дискурс монарха, будучи по своей природе социальной практикой, безусловно, обладает характерным набором языковых форм и речевых формул, а также стратегий и тактик речевого воздействия, детерминированных прагматической рамкой коммуникативной ситуации и образующих определенные конфигурации в том или ином типе публичного выступления государственного лидера. При этом необходимо помнить, что королевские публичные выступления не только являются идеологически ангажированным дискурсом, учитывающим сложившийся исторический и современный социально-политический контекст в стране и мире, но и в конечном счете представляют собой текст-убеждение, сопровождающийся различными эксплицитными и имплицитными иллокутивными актами, образующими интенциональное поле высказывания.

Дискурс испанской монархии в современных исследованиях

Дискурс современной испанской монархии является неотъемлемой частью общественных отношений, при этом постоянно меняющийся социально-политический контекст обязывает его видоизменяться с точки зрения содержания и приемов речевого воздействия [10, 12, 17, 18]. В соответствии с Конституцией 1978 г. испанский король выполняет символическую и представительскую функции и не участвует в системе высших органов управления. Специалисты по конституционному праву уделяют внимание прежде всего примирительной и сдерживающей власти монарха, фигура которого отличается аполитичностью [19]. В последнее время (в частности, после каталонского кризиса 2017 г.) возрастает роль короля как символа единого и неделимого государства, включающего региональные автономные образования с их историческим своеобразием, как примирителя в многонациональном и разнообразном по своему культурному составу государстве.

При этом фигуру Филиппа VI следует рассматривать как обладающую высоким уровнем языковой компетенции элитарную языковую личность, владеющую приемами успешной реализации речевого общения [18], а его публичные выступления, представляющие собой разновидность дискурса власти, отвечают правилам торжественного красноречия и являются примером статусно-ориентированной институциональной и политической коммуникации.

В испаноязычных источниках вопрос о классификации публичных речей испанского монарха рассматривается с самых общих позиций. Так, Х.Х. Руис Руис подразделяет выступления главы Королевского дома Испании на две группы в зависимости от характера содержания: а) связанные и б) не связанные с политическими событиями речи. Кроме того, автор отдельно рассматривает интервью монарха (Хуана Карлоса I) иностранным и испанским СМИ. В зависимости от коммуникативной ситуации Х.Х. Руис Руис выделяет две группы речей монарха: а) произнесенные за границей

(действует как глава государства); б) произнесенные на территории Испании (выступает в роли модератора и не представляет интересы ни одной из политических партий).

Иная классификация представлена в работе М. Вентеро Веласко, который подразделяет публичные выступления монарха на три группы в соответствии с коммуникативной ситуацией: а) периодические обращения (приносятся ежегодно на постоянной основе; к ним относятся, например, речи по случаю Военной Пасхи или рождественские послания); б) выступления перед Генеральными кортесами; в) выступления по особым случаям [20].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений испанского монарха Филиппа VI, относящиеся к институциональному дискурсу, произнесенные на испанском языке и опубликованные на официальном сайте испанского Королевского дома в период с 19 июня 2014 г. по 15 июня 2023 г.

Методологический корпус исследования публичного дискурса испанского монарха составили *метод направленного отбора* (публичных речей согласно сложившейся традиции и событийному контексту), *сплошной выборки* языкового материала (речевые акты в каждом дискурсивном типе), *метод лингвистического наблюдения и описания*, *метод систематизации и классификации*, *метод дискурсивного анализа*, *метод контекстуального анализа*, *методы сравнительного анализа и обобщения данных*.

Ход и результаты исследования

Типология публичных выступлений современного испанского монарха с точки зрения компонентов прагматической рамки. В соответствии с теорией речевых жанров публичные речи Филиппа VI относятся к *первичным жанрам устной монологической речи*. В зависимости от выполняемых королем функций их можно разделить на *ритуальные* (коронационная речь, рождественское послание, обращения к парламенту, выступления на торжественных мероприятиях) и *неритуальные информативные* (обращения к согражданам в других государствах, выступления по особым случаям и в международных организациях). По временному объему информации публичные речи относятся к *среднему жанру* (терминология А.П. Чудинова), поскольку их длительность в среднем не превышает 15–20 минут.

По манере презентации выступления Филиппа VI представляют собой *выступления с опорой на текст*, а по цели высказывания – *протоколно-этикетные* (рождественские послания, выступления на открытии сессии Парламента, выступления на торжественных мероприятиях или в международных организациях) и *убеждающие* (выступления по особым случаям).

В рамках настоящей статьи публичные речи современного испанского монарха Филиппа VI рассматриваются в соответствии с компонентами прагматической рамки (в первую очередь характеристиками целевой аудитории, тематикой сообщения и социально-политическим контекстом), которые определяют их *типологию*, включающую две основные (ориентированные на внутреннего и внешнего адресата) разновидности. В основе подобного подразделения лежит идея о том, что адресат выступает в качестве целевого звена коммуникативной модели и представляет собой «объект, ради/вокруг/для которого в конечном итоге осуществляется дискурсивная деятельность» [21. С. 175].

В соответствии с вышеперечисленными позициями *публичные речи перед национальной аудиторией* затрагивают самую широкую тематику и острые проблемы внутринациональной жизни. В качестве адресата выступают все граждане, находящиеся как в стране, так и за рубежом. Основные коммуникативные цели, преследуемые оратором, заключаются в духовном объединении граждан, продвижении государственной идеологии и укреплении авторитета монархии.

К *ритуальным публичным обращениям* Филиппа VI относятся ориентированные на национальную аудиторию и сопровождающие ее в повседневной жизни выступления – коронационная речь, рождественские послания, выступления перед парламентом, обращения к дипломатическому корпусу, а также по случаю празднования Военной Пасхи и в День Вооруженных сил.

Инаугурационную или коронационную (интронизационную) речь относят к торжественной эпидейктической риторике [22]. В качестве адресата данного сообщения выступает в первую очередь коллективная национальная аудитория. В нем отсутствуют полемичные высказывания и ярко выраженная эмоциональная оценка происходящих событий. Инаугурационная (коронационная) речь выполняет декларативную (провозглашение принципов правления), инспиративную (воодушевление нации на основе общих духовных ценностей), интегративную (консолидация нации) и перформативную (демонстрация способности выполнять символическую роль лидера нации) функции. Ее форма и наполнение свидетельствуют о высокой степени ритуальности рассматриваемого жанра, в котором фатика преобладает над информативностью [5].

Коронационная речь Филиппа VI (19 июня 2014 г.) представляет собой однократное коммуникативное событие, имеющее первостепенное значение для национальной аудитории, строго формальную фиксацию, наивысшую символическую нагруженность, а также тематическую и прагматическую специфику. Ее главная коммуникативная цель заключалась в провозглашении необходимости сохранения принципов конституционного правления и начала нового периода в истории Испании (*una Monarquía renovada para un tiempo nuevo*), оказавшейся в условиях острого социально-политического кризиса и требующей от представителей верховной власти соблюдения законов [23].

Рождественское послание испанского монарха, представляющее собой ориентированный на массового адресата монологический жанр политического дискурса, сочетающий в себе признаки обращения (как акта побудительного воздействия) и поздравления (этикетный речевой жанр), является традиционным актом политической коммуникации (с 1975 г.), во время которого глава государства обращается с поздравлением к нации, подводит итоги уходящего года, определяет основные векторы дальнейшего развития страны и делает прогнозы на будущее (ретроспективный и перспективный взгляд). Основные коммуникативные цели рождественского послания заключаются в трансляции идеологии (национального объединения, коллективного созидания и поступательного движения вперед) и усилении положительного эмоционального состояния коллективного адресата [8. С. 171].

Данное обращение следует расценивать как прототипический образец ритуальной политической коммуникации, поскольку оно носит циклический характер, локализовано во времени (ежегодно транслируется по телевидению 24 декабря) и имеет закрепленную ритуальную атрибутику (рождественские ель и вертеп, флаг Испании и Евросоюза, семейные фотографии и др.) [18].

Выступления перед парламентом являются ритуальным актом институциональной коммуникации в силу своего символического (королевская семья выступает символом единства и стабильного развития государства) и циклического характера (речь монарха традиционно завершает церемонию открытия сессии). Основными коммуникативными целями являются обозначение роли института монархии в жизни современного испанского общества, описание внутри- и внешнеполитической ситуации государства и обозначение задач, стоящих перед парламентом как высшим органом управления.

Выступления по случаю Военной Пасхи и в День Вооруженных сил являются ритуальным актом политической коммуникации, имеющим циклический характер (произносятся ежегодно 6 января и 30 мая), и содержат несколько обязательных компонентов: упоминание повода празднования, слова благодарности военным за верную службу, высокую оценку их усилий в борьбе с терроризмом и продвижении государственных интересов на международной арене, а также обозначение ключевых для испанского общества ценностей. Основные коммуникативные цели этих обращений заключаются в трансляции образа сильного государства и признания заслуг военных перед Отечеством. Внешняя атрибутика речей (военная форма монарха, присутствие членов Королевской семьи, председателя правительства, министра обороны и министра внутренних дел) подчеркивает торжественность и важность момента, а традиционный призыв к чествованию страны (*¡Viva España!*) в конце каждого выступления является их отличительной композиционной чертой.

Выступления на торжественных мероприятиях (на церемониях вручения национальных премий) являются примером активного участия Филиппа VI и других членов королевской семьи в жизни страны. Адресатом

выступает определенный сегмент национальной аудитории (в зависимости от мероприятия) – представители широких социальных слоев, удостоенные наград за выдающиеся заслуги перед испанским обществом; коммуникативная цель оратора – подчеркивание общественной значимости героизма и творческих усилий сограждан и демонстрация глубокой признательности за их самоотверженный труд на благо общества и государства.

Выступления Филиппа VI перед согражданами в других государствах являются обязательной частью официальных визитов королевской четы. Их адресат – проживающие за границей граждане Испании. Основная коммуникативная цель обращений монарха заключается в продвижении идеи единства, а особое внимание уделяется необходимости развития тесного международного сотрудничества и вкладу испанской нации в достижения мирового сообщества. Стержневой элемент подобных выступлений – апелляция к национальному этосу (в его культурном и аксиологических аспектах).

Примечательно, что типология публичных выступлений Филиппа VI была расширена с 2017 г. за счет **выступлений по особым случаям** в связи с необходимостью монархии оперативно реагировать на проблемные явления социально-экономического и политического характера, проявлять эмоциональную поддержку аудитории и снижать градус напряженности во взаимоотношениях власти и социума. К ним относятся обращения экстраординарного характера, произнесенные в связи с особо важными национальными и глобальными событиями. Адресатом выступает широкая национальная аудитория, поскольку затрагиваемые в сообщениях вопросы касаются всех без исключения граждан. Коммуникативная цель оратора заключается в привлечении внимания адресата к текущим проблемам социально-экономического и политического характера, убеждении в правильности предлагаемых путей их решения и оказании эмоциональной поддержки соотечественникам.

Ярким примером таковых за последние годы являются знаковые сообщения Филиппа VI – речь в связи с каталонским кризисом (03.10.2017), пандемией коронавируса (18.03.2020), на церемониях поминовения жертв коронавируса (16.07.2020) и терроризма (01.06.2021, 11.03.2021, 10.07.2022), а также в связи с извержением вулкана на острове Пальма (20.09.2021).

Публичные речи перед международной аудиторией представляют собой важный инструмент укрепления имиджа Испании на международной арене как надежного партнера и защитника демократических ценностей. В качестве адресата выступают международные организации и институты, иностранные политические и государственные лидеры, дипломатические представители и широкая международная общественность. Основными коммуникативными целями данного вида выступлений являются изложение доктринальных принципов и демонстрация приоритетов государства, среди которых главная роль принадлежит идее приверженности принятому мировым сообществом курсу.

Таким образом, корпус текстов публичных речей испанского монарха можно разделить на две группы и рассматривать их в тесной связи с характеристиками адресата (международной или национальной аудиторией). **Публичные речи внутренней адресации** в первую очередь служат для объединения граждан на основе единых духовных и государственных ценностей, при этом их косвенная задача заключается в закреплении в массовом сознании идеи о необходимости существования института монархии, выступающего связующим звеном между социумом и властными структурами. **Публичные речи внешней адресации** предназначены в первую очередь для международной аудитории, в качестве которой выступают главы других стран, международные организации, представители международной общественности, и служат для демонстрации приверженности страны принятому мировым сообществом курсу и ее участия в вопросах глобального характера.

Особенности публичных выступлений испанского монарха Филиппа VI с точки зрения теории речевых актов. Анализ результатов исследования речевых актов, представленных в **коронационной речи** Филиппа VI (19 июня 2014 г.), показывает, что основным используемым в ней типом является репрезентатив в своей констативной разновидности, фиксирующей положение дел в настоящем и прошлом: *Éstas son, Señorías, mis convicciones sobre la Corona que, desde hoy, encarno: una Monarquía renovada para un tiempo nuevo. Таковы, дамы и господа, мои убеждения о Короне, которую я воплощаю с сегодняшнего дня: обновленная монархия для нового времени.*

С учетом приобретаемого с этого момента статуса первого лица в государстве особую роль в речи играет констатация личной позиции оратора: *A lo largo de mi vida como Príncipe de Asturias, de Girona y de Viana, mi fidelidad a la Constitución ha sido permanente, como irrenunciable ha sido –y es– mi compromiso con los valores en los que descansa nuestra convivencia democrática. Así fui educado desde niño... На протяжении всей моей жизни в качестве принца Астурии, Жироны и Вианы моя верность Конституции была неизменной, как и моя приверженность ценностям, на которых зиждется наше демократическое сосуществование. Таким образом меня воспитывали с детства...*

Кроме того, коронационная речь содержит эвидентивную разновидность репрезентативного речевого акта, реализуемую при помощи глаголов в настоящем или одном из прошедших времен (Presente, Pretérito perfecto compuesto, Pretérito perfecto simple, Pretérito imperfecto) изъявительного наклонения и транслирующую определенное видение оратора: *Esa generación <...> construyó los cimientos de un edificio político que logró superar diferencias que parecían insalvables, conseguir la reconciliación de los españoles, reconocer a España en su pluralidad y recuperar para nuestra Nación su lugar en el mundo. Это поколение <...> заложило фундамент политического здания, которому удалось преодолеть разногласия, казавшиеся непреодолимыми, добиться примирения между испанцами, признать Испанию во всем ее многообразии и восстановить место нашей страны в мире.*

В первом выступлении в статусе короля в обязательном порядке имеет место заявление своей позиции в виде комиссива, эксплицированного с помощью лексико-аналитической конструкции *saber + infinitivo* и предваряемого выражением-интенсификатором отсутствия сомнения: *No tengan dudas, Señorías, de que sabré hacer honor al juramento que acabo de pronunciar; y de que, en el desempeño de mis responsabilidades, encontrarán en mí a un Jefe del Estado leal y dispuesto a escuchar, a comprender, a advertir y a aconsejar; y también a defender siempre los intereses generales. Не сомневайтесь, уважаемые дамы и господа, в том, что я сумею сдержать только что произнесенную мною клятву, а также в том, что при исполнении моих обязанностей я буду выступать в качестве преданного вам главы государства, готового слушать, понимать, предостерегать и направлять, а также всегда отстаивать общие интересы.*

Принимая во внимание государственную важность этого институционального события, монарх использует косвенный декларатив, сочетающий регламентирующий и дескриптивный характер: *Hoу puedo afirmar ante estas Cámaras –y lo celebro– que comienza el reinado de un Rey constitucional. Un Rey que accede a la primera magistratura del Estado de acuerdo con una Constitución... Un Rey que debe atenerse al ejercicio de las funciones que constitucionalmente le han sido encomendadas... Сегодня я могу заявить перед двумя палатами парламента, – и я торжественно объявляю об этом – что начнется правление конституционного короля. Короля, принимающего верховную власть в государстве в соответствии с Конституцией... Короля, который должен выполнять функции, возложенные на него Конституцией...*

В данном выступлении прямая директивная интенция в форме глагольного императива выражена однократно и направлена в рамках интегративной стратегии на обобщенного референта первого лица множественного числа: *Trabajemos todos juntos, Señorías, cada uno con su propia personalidad y enriqueciendo la colectiva; hagámoslo con lealtad... Давайте работать вместе, уважаемые дамы и господа, каждый по-своему и обогащая всех; давайте делать это с преданностью...*

Вместе с тем в своей косвенной форме директив традиционно реализуется за счет употребления глаголов и конструкций облигаторной модальности (*deber, haber de + infinitivo, caber + infinitivo*), наречий с семантикой необходимости (*imprescindible*), однако при этом обращает на себя внимание еще один прием употребления перформативных глаголов с семантикой надежды и пожелания в первом лице множественного числа (*desear, aspirar, querer*), транслирующих в рамках стратегии обобщения (переход ролевого дейксиса от «я» к «мы») косвенное указание, которое одновременно можно рассматривать и как имплицитный промиссив направления личных усилий со стороны короля: *Deseamos una España en la que los ciudadanos recuperen y mantengan la confianza en sus instituciones... Мы хотим такую Испанию, в которой граждане вновь приобретут и будут сохранять доверие к государственным институтам...*

Кроме того, в контексте, заданном существительными *proyecto, reto, tarea, desafío*, а также глаголом *exigir*, в коронационной речи испанского короля имеет место полиинтенциональный репрезентативный речевой акт, реализующий имплицитный директив, который в то же время звучит как декларация, поддержанная торжественностью момента, статусом первого лица, а также настоящим временем глагола бытийной семантики *ser*: *Porque una nación no es sólo su historia, es también un proyecto integrador, sentido y compartido por todos, que mire hacia el futuro. Потому что нация – это не только ее история, это еще и общий проект, осязаемый и разделяемый всеми, устремленный в будущее.*

В силу уникальности данного институционального события в коронационной речи логично представлен экспрессив, в данном случае также транслирующий личные эмоции адресанта: *Una gran nación, Señorías, en la que creo, a la que quiero y a la que admiro... Yo me siento orgulloso de los españoles... Великая нация, уважаемые дамы и господа, в которую я верю, которую люблю и которой восхищаюсь... Я горжусь испанцами...*

Языковая экспрессия в интронизационной речи Филиппа VI проявляется в основном посредством лексических единиц эмоциональной семантики, непосредственно спроецированных на адресанта (*querer, admirar, sinceramente, honestamente, profunda emoción, cariño, orgulloso*). Неотъемлемым компонентом экспрессива в коронационной речи является эксплицитно выраженная благодарность посредством прямого речевого акта с помощью перформативного глагола *agradecer* и этикетных формул *rendir un homenaje de gratitud y respeto; rendir agradecimiento; dedicar un emocionado tributo de gratitud* с последующим изложением ее причины. В косвенном акте благодарности в речи представлен глагол *deber* («быть должным»).

В выступлениях на **ритуальных мероприятиях** институционального характера (*на открытии сессии парламента, по случаю Военной Пасхи, в День Вооруженных сил, перед дипломатическим корпусом*) в целом реализуются четыре типа речевых актов – *репрезентативы, директивы, экспрессивы, комиссивы*, которые демонстрируют некоторые особенности в зависимости от государственного статуса аудитории и значимости события.

В частности, репрезентатив в данном типе выступлений имеет целью отражение положения дел в стране и мире и в основном реализуется такими разновидностями, как *мнение, утверждение и сообщение*, чья тематика зависит от события. Так, например, репрезентативы, в рамках которых дается характеристика аудитории (парламента, военных), избилуют существительными и прилагательными позитивной оценки (*honor, responsabilidad, valor, sacrificio, compromiso, inmediatez, eficacia, vocación, diligencia, entrega, voluntad, determinación, eficaz, coordinado, valioso, solidario, leal* и др.): *Sé que os mueve el honor de servir a España y a nuestros ciudadanos. Я знаю, что вами движет честь служить Испании и нашим гражданам* (06.01.2022).

Кроме того, в рамках репрезентатива реализуются сообщения, посвященные перечислению важных фактов национального и глобального масштаба, насыщенные лексическими единицами событийной семантики (*lucha,*

terrorismo, drama, misión, emergencia, esfuerzo, desplegar, arriesgar, servir, iniciar, humanitario, especial и др.): Al abrir la Legislatura iniciamos un nuevo periodo político en el que <...> Sus Señorías decidirán sobre cómo mejorar las condiciones de vida <...> de nuestros ciudadanos. Открыв сессию законодательного собрания, мы начинаем новый политический период, в котором <...> вы будете решать, как улучшить условия жизни <...> наших граждан (03.02.2020).

Кроме того, обращает на себя внимание, что репрезентатив в королевском дискурсе на ритуальных мероприятиях институционального характера в основном представлен констативами и эвидентивами, отсылающими к историческому прошлому или выступающими в качестве аргументов и дополнений к излагаемой позиции.

Особенностью комиссива в данном типе речей является констатация поддержки со стороны Короны посредством употребления глагола *contar* (*con*) в настоящем времени при отсутствии перформативных глаголов обещания, что позволяет говорить о его косвенной форме. Одновременно акт обещания часто поддержан структурой пропозициональной семантики, включающей глагол *saber* («знать») в настоящем времени и наречие *bien* («хорошо»): *Sabéis bien que contáis con el permanente apoyo de la Corona y de la sociedad española. Вы хорошо знаете, что имеете постоянную поддержку со стороны Короны и испанского общества (06.01.2022).*

В данном типе речей не представлен декларатив, а директив реализуется в косвенной форме в виде пожелания (существительное *deseo* («желание»), глаголы *pedir* и *desear* – «просить», «желать»): *Uno mi deseo al suyo: Que esta legislatura sea provechosa para los ciudadanos y los intereses generales de España... Я присоединяюсь к вашему желанию: чтобы эта сессия законодательного собрания была во благо граждан и общих интересов Испании... (03.02.2020).*

При сравнении с коронационной речью 2014 г. формулы благодарности и поздравления, произносимые испанским монархом в последние годы, помимо традиционной перформативной модели (*muchas gracias*) в обязательном порядке включают лексемы-интенсификаторы *grande*, *profundo*, *emocionado* (*agradecer profundamente, honrar con gran emoción*), прилагательные в превосходной степени (*nuestra felicitación más cálida y afectuosa, nuestra más sincera enhorabuena*), а их синтаксическая структура обычно содержит два эмоционально-оценочных элемента (*nuestro afecto y admiración, aprecio y gratitud* и др.).

На всех торжественных мероприятиях институционального характера обязательна экспликация отношения к национальной аудитории при помощи лексических единиц оценочной семантики (*orgullo, orgulloso, respeto, consideración, reconocimiento*), которые передают эмоции адресанта. Кроме того, в некоторых выступлениях (*no случаю Военной Пасхи, в День Вооруженных сил*) экспрессив включает лозунг-здравицу «¡Viva España!».

Логично предположить, что наиболее ярко *экспрессив* во всех своих этикетных разновидностях – *приветствия, поздравления, похвалы и пожелания* – представлен в речах **на торжественных мероприятиях** по случаю награждения национальной премией.

Такого рода выступления насыщены репрезентативами, в которых также отдается предпочтение констативам и эвидентивам, отсылающим к биографии номинантов и перечислению их профессиональных заслуг.

Поздравление в данных выступлениях обычно реализуется в конце в рамках этикетной конвенции *recibir nuestra más sincera enhorabuena*, тогда как основное внимание уделяется репрезентативному речевому акту, совмещенному с похвалой и благодарностью.

Лаудативные формулы в данном коммуникативном типе представляют собой широкий спектр лексических единиц положительной оценки (*solidaridad, concordia, cooperación, pasión, brillantez, esfuerzo, coraje, tesón, integridad, ambición* и др.), выступающих характеристиками действий и заслуг награжденных лиц.

Эмоции адресанта передают традиционную гамму чувств, выраженную стереотипными формулами *un verdadero placer, una gran alegría, la más cordial bienvenida*, представляющими сочетания существительного с обязательным атрибутом-интенсификатором (в том числе и в превосходной степени).

Этикетная формула пожелания или призыва (перформативные глаголы *desear, animar*) на подобных мероприятиях обычно направлена в адрес номинантов и национальной аудитории (в том числе и дочерей монарха), которую можно квалифицировать как назидание или косвенный директив: *A vosotras y a todos los jóvenes de vuestra generación, os animo a miraros aún más en ellos, en sus obras, en sus esfuerzos y aspiraciones, en su generosidad y en su gratitud. Я призываю вас и всех молодых людей вашего поколения чаще смотреть на них, на их достижения, на их усилия и устремления, на их щедрость и благодарность* (28.10.2022).

Речевые акты, представленные в **рождественском обращении** испанского монарха, традиционно включают *репрезентатив, экспрессив, комиссив* и *директив*.

Как показывает исследование, репрезентативные речевые акты в этих выступлениях чаще всего представляют собой констативы, при этом за последние годы констатируется не только событийный проблемный контекст, но и вызываемый им эмоциональный фон:

Todo el nuevo escenario que vivimos –la guerra, la situación económica y social, la inestabilidad y las tensiones en las relaciones internacionales– está causando en nuestra sociedad <...> una gran preocupación e incertidumbre. Весь новый сценарий, который мы переживаем, – война, экономическая и социальная ситуация, нестабильность и напряженность в международных отношениях – вызывает в нашем обществе <...> большую тревогу и неуверенность... (24.12.2022).

Текст рождественских сообщений насыщен также эвидентивами, относящимися к конкретному политическому и социально-экономическому контексту: *Por una parte, nuestra economía ha vuelto a crecer y a recuperar la gran mayoría de los puestos de trabajo... С одной стороны, наша экономика возобновила свой рост и восстановила подавляющее большинство рабочих мест...* (24.12.2021).

При этом высказывания с футуральной перспективой всегда усилены формулами уверенности (*estar seguro, no tener duda*): *Pero yo estoy seguro de que vamos a salir adelante... España saldrá adelante. Но я уверен, что мы справимся... Испания справится* (24.12.2020).

В рождественских обращениях монарха обязательно представлен директив. В рамках директивного намерения, всегда направленного на обобщенного референта, оратор выбирает косвенные способы языковой манифестации данной интенции: глаголы в форме кондиционала (*deberíamos*), лексические единицы облигаторной модальности (*necesitar, deber, tener que + infinitivo, haber que + infinitivo*), целевой семантики (*tarea, desafío*), а также семантики пожелания (*desear, querer*): *Creo que, en estos momentos, todos deberíamos realizar un ejercicio de responsabilidad... Я считаю, что в настоящее время мы все должны взять на себя ответственность...* (24.12.2022).

К разряду имплицитного указания можно отнести репрезентатив, подержанный структурой пропозициональной семантики *conocer bien*, в рамках которого формулируются требуемые качества и задачи: *Debemos seguir compartiendo objetivos... Con confianza en nuestro país, en una España que conozco bien, valiente y abierta al mundo: la España que busca la serenidad, la paz, la tranquilidad... Мы должны продолжать разделять цели... Мы должны верить в нашу страну, в Испанию, которую я хорошо знаю, смелую и открытую миру: в Испанию, которая ищет равновесия, мира, спокойствия...* (24.12.2022).

В качестве завуалированной формы директива можно рассматривать прием показа отрицательной перспективы, задающий нужное оратору направление и побуждающий слушателя принять верное решение: *El momento es difícil, desde luego, pero detenernos hoy es quedarnos atrás... Мы переживаем, безусловно, сложный период, но остановиться сегодня – значит отстать...* (24.12.2021).

Обращает на себя внимание, что в рождественских речах монарха приняты вступительные констативы лаудативной семантики, предворяющие директивную установку: *Somos una de las grandes naciones del mundo, con muchos siglos de historia, y los españoles tenemos que seguir decidiendo todos juntos nuestro destino, nuestro futuro... Мы – одна из великих наций мира, с многовековой историей, и мы, испанцы, должны продолжать вместе решать свою судьбу, наше будущее...* (24.12.2022).

В состав экспрессивов в рождественских речах входят представленные в начальном и финальном предложениях этикетные формулы поздравления и пожелания, которые носят стандартизованный характер без какой-либо детализации. Большой акцент приобретает речевой акт похвалы, нацеленный

на положительную эмоциональную реакцию слушателя. При этом позитивная оценка, представленная в экспрессивах и направленная на обобщенного адресата (национальная или международная аудитория), получает детальную разработанность за счет обилия прилагательных бенефактивной семантики (*valiente, responsable, solidario, creativo, fuerte* и др.), а также лексических единиц, выделяющих качества референта (*vitalidad, energia, valor, voluntad, decisión, carácter* и др.): *La España responsable, creativa, vital y solidaria. Ответственная, креативная, активная и солидарная Испания* (24.12.2022).

Интересно, что комиссив в речах монарха часто реализован как констатив и усилен вводящим данный речевой акт глаголом пропозиционального состояния *saber* («знать»): <...> *sabéis que tenéis nuestra solidaridad y que contáis con el trabajo y el compromiso de todas las Administraciones... <...> вы знаете, что у вас есть наша поддержка, а также вы имеете в своем распоряжении работу и обязательства всех административных органов власти...* (24.12.2021).

Выступления Филиппа VI перед согражданами в других государствах представляют собой малый жанр публичного дискурса монарха и в целом реализуют речевой тип приветствия, которое является основным актом стратегии сближения и сигналом социальной солидарности. Его формы составляют иллокутивный каркас данных речей и реализуются с учетом особенностей социального пространства при помощи формальных конвенциональных формул без временной привязки и без обращений в рамках экспрессива (*saludo, quiero referirme, me quiero dirigir*), за которыми следуют этикетные модели благодарности и пожелания в форме призыва, выраженные перформативными глаголами (*agradecer, animar* и др.): *Agradecemos vuestro compromiso y dedicación. Мы благодарны вам за вашу приверженность и преданность* (07.02.2023).

В таких текстах представлен также речевой акт репрезентатива в его констативной и эвидентивной разновидностях.

Коммуникативная цель королевских публичных **речей по особым случаям** заключается преимущественно в оценке события и проявлении эмоциональной поддержки сограждан, что выражается в наиболее широкой представленности в них экспрессива, прежде всего, в его ритуальных дискурсивных формулах траурной тематики во время и после пандемии COVID-2019. В таких выступлениях экспрессив логично сопряжен с репрезентативным и комиссивным речевыми актами. Первой речью данного типа является *обращение по случаю каталонского кризиса* (3 октября 2017 г.), в которой оценочная составляющая ярко проявлена при помощи репрезентативов, констатирующих создавшееся неприемлемое положение дел (*inaceptable, inadmisible*) и традиционно выраженных при помощи глагола пропозиционального состояния *saber* иногда в сочетании с наречием *bien* (*muy bien*).

Декларативный речевой акт использован единично (при упоминании обязанностей, возложенных на власть) и может быть расценен как косвенная директива, поданная в контексте констатации кризиса: <...> *ante esta*

situación de extrema gravedad, que requiere el firme compromiso de todos con los intereses generales, es responsabilidad de los legítimos poderes del Estado asegurar el orden constitucional y el normal funcionamiento de las instituciones, la vigencia del Estado de Derecho y el autogobierno de Cataluña, basado en la Constitución y en su Estatuto de Autonomía. <...> В этой чрезвычайно серьезной ситуации, требующей от всех твердой приверженности общим интересам, обязанностью законных властей государства является обеспечение конституционного порядка и нормального функционирования институтов, сохранение принципов верховенства права и самоуправления в Каталонии в соответствии с Конституцией и Статутом автономии (03.10.2017).

Еще одним ярким примером данного типа является одна из первых речей, посвященных памяти жертв коронавируса (16 июля 2020 г.), в которой используются стереотипные эмоционально маркированные высказывания, реализующиеся за счет приема повтора языковых единиц, транслирующих состояние адресанта, употребления прилагательных в превосходной степени, лексемы-интенсификатора *todo*: *Quiero... transmitir a sus familiares nuestro profundo pesar y consuelo más sincero; todo nuestro afecto y el abrazo más emocionado. No están solos en su dolor; es un dolor que compartimos; su duelo es el nuestro... Я хочу... передать членам вашей семьи нашу глубокую скорбь и самое искреннее утешение; всю нашу любовь и поддержку. Вы не одиноки в своей боли; эту боль мы разделяем с вами; ваша боль – это наша боль... (16.07.2020).*

В данных речах, имеющих исключительно патетический характер, у конвенциональных формул выражения чувств и признательности (*el gran honor, un recuerdo especial, nuestro cariño y afecto, nuestro apoyo*) при помощи лексем-интенсификаторов параметрической семантики (*infinito, profundo, grande, mayor, inmenso, total, todo, muy, sentido, emocionado, de corazón*) максимально повышен градус эмоционального воздействия. В речах по особым случаям монарх подчеркнуто использует формулы заверения личного участия в будущем времени как маркер *социальной эмпатии* в рамках косвенного комиссива, подкрепленного прямой директивой на отсутствие сомнений (*no dudar* в императиве): *En ese camino, no lo dudéis, nos tendréis siempre a la Reina y a mí, siempre a vuestro lado. На этом пути, не сомневайтесь, мы с королевой всегда будем рядом с вами (12.03.2022).*

Иллокутивный базис речей данного коммуникативного типа составляют репрезентатив в констативной и эвидентивной разновидностях: *Hay momentos en la Historia de los pueblos en los que la realidad nos pone a prueba de una manera difícil, dolorosa y a veces extrema... В истории народов есть моменты, когда действительность испытывает нас мучительным, а иногда и экстремальным образом... (18.03.2020).*

При этом можно говорить о том, что в некоторых случаях констативный репрезентатив выступает косвенной формой комиссива: *<...> tenéis nuestra mayor admiración y respeto, nuestro total apoyo. <...> пользуйтесь нашим величайшим восхищением и уважением, нашей полной поддержкой (18.03.2020).*

Дедуктивный репрезентатив, синтаксически оформленный как структура условной семантики, в дискурсе по особым случаям единичен.

В этих речах ярко представлены футуральные формы глаголов, которые вместе с выражениями уверенности берут на себя роль комиссива, совмещенного с функцией заверения. В данном случае можно говорить о многоуровневой интенциональной структуре будущего времени, которое сочетает репрезентативную, комиссивную и частично – декларативную иллокуции в рамках эпистемического суждения: *Volveremos a la normalidad. Sin duda. Y lo haremos más temprano que tarde... España recuperará su pulso, su vitalidad, su fuerza... Este virus no nos vencerá. Мы вернемся к нормальной жизни. Вне всякого сомнения. И мы сделаем это раньше, чем позже... Испания вновь обретет свой ритм, свою жизнестойкость, свою силу... Этот вирус не победит нас...* (18.03.2020).

Функция заверения ярко проявлена в данных речах в силу остроты кризисного контекста, в котором разворачивается ситуация, и потому – их особого значения в такие моменты для нации. В этом случае заверение сродни убеждению и обычно реализуется при помощи императивной формы глагола *saber*, приобретающего перформативный статус в виде прямого директива, а также настоящего времени глагола *poder* (мочь), образующего эпистемиологическое суждение вместе с выражением уверенности (*estar seguro*): *<...> sabed que aquí en La Palma, con nosotros, <...> están todos los españoles. знайте, что здесь, в Ла-Пальме, с нами... все испанцы* (12.03.2022). *Podéis estar seguros de que seguiremos avanzando juntos... Вы можете быть уверены в том, что мы будем продвигаться вперед вместе...* (12.03.2022).

Директив в этих выступлениях представлен в косвенной форме и выражен при помощи глаголов и глагольных конструкций облигаторной модальности (*necesitar, deber, tener que + infinitivo, haber que + infinitivo*), лексем целевой семантики (*tarea, desafío, objetivo*): *Ahora debemos dejar de lado nuestras diferencias. Debemos unirnos en torno a un mismo objetivo: superar esta grave situación. Y tenemos que hacerlo juntos... Сейчас мы должны оставить в стороне наши разногласия. Мы должны объединиться вокруг единой цели: преодолеть эту серьезную ситуацию. И мы должны это делать вместе...* (12.03.2022).

Исключительно высокая эмоциональная модальность выступлений по особым случаям, в каждом из которых превалируют выражения положительной оценочной и эмотивной семантики, свидетельствует, что речевые акты в данном типе выступлений выполняют модально-оценочную функцию.

Выводы

Публичные речи испанского монарха Филиппа VI являются продуманными речевыми произведениями, регламентированными исторической традицией и соответствующими стандарту общения с целевой аудиторией и характеру события. В соответствии с тематикой сообщения и типом адресата –

национальной и международной аудиторией – к **первой группе** (национальная аудитория) относятся:

- **ритуальные выступления** (коронационная речь, рождественские обращения, выступления перед парламентом, по случаю празднования Военной Пасхи и Дня Вооруженных сил, выступления перед дипломатическим корпусом, на приемах перед главами других государств);

- **выступления на торжественных мероприятиях** (на церемониях вручения национальных премий);

- **выступления перед согражданами в других государствах;**

- **выступления по особым случаям** (каталонский кризис 2017 г., пандемия коронавируса, извержение вулкана на острове Пальма в 2021 г., поминовение жертв терроризма 2021–2022 гг.).

Ко **второй группе** (международная аудитория) следует отнести **выступления на международных площадках перед официальными представителями государств и международной общественности** (на Генеральной Ассамблее ООН, перед Европарламентом, Советом Европы и пр.).

Однако часто сложно определить жанровую принадлежность публичной речи испанского монарха. В частности, выступления по особым случаям (например, речь по случаю каталонского кризиса от 3 октября 2017 г., речь в связи с пандемией коронавируса от 1 марта 2020 г., речь памяти жертв коронавируса от 16 июля 2020 г.) обладают чертами *информативных* (описание текущей ситуации), *оценочных* (негативная оценка происходящих событий в Каталонии, высокая оценка труда медицинских работников) и *императивных* (призыв к объединению и совместному решению вопроса путем диалога) жанров.

В ракурсе **теории речевых актов** выступления монарха как главы государства следует рассматривать как необходимый для конструирования социальных смыслов и управления общественным сознанием инструмент идеологического воздействия. Настоящее исследование показывает, что основными речевыми актами, в рамках которых осуществляется трансляция убеждений и установок оратора, являются констативные и эвидентивные **репрезентативы**, выполняющие роль иллюкутивного каркаса всех типов королевских речей, что полностью коррелирует с функциями речевых жанров и коммуникативным заданием говорящего. Обращает на себя внимание, что в последнее время (в частности, с 2017 г.) в речах монарха значительное место отводится констативам проблемного событийного контекста и его оценки, а также негативного эмоционального фона. При этом репрезентативный речевой акт, который в основном реализуется такими разновидностями, как *мнение*, *утверждение* и *сообщение*, иногда бывает совмещен с другими разнохарактерными интенциями оратора (в частности, комиссивом, директивом), образующими особые конфигурации в зависимости от тематики события и типа адресата, что позволяет говорить о его многоуровневом интенциональном поле.

Директивная иллюкуция, обязательно присутствующая во всех речах монарха, обнаруживает наибольшее разнообразие сочетаний с другими интенци-

ями и формами выражения (лексическими, грамматическими и синтаксическими). В рамках директивного намерения оратор выбирает как прямые, так и косвенные способы языковой манифестации данной интенции, всегда направленной на обобщенного референта первого лица множественного числа (*мы*). Прямое указание в форме глагольного императива встречается в единичных случаях; в косвенной форме директивная интенция традиционно реализуется за счет употребления лексических единиц облигаторной модальности, семантики необходимости, надежды и пожелания. Наивысший социальный статус адресанта дает возможность реализовать имплицитный директив в рамках репрезентативного речевого акта, который в то же время звучит как декларация, подержанная сугубой торжественностью и уникальностью события.

Комиссивный речевой акт в речах монарха практически всегда реализован в косвенной форме как репрезентативный констатив и одновременно часто поддержан лексическими единицами пропозиционального состояния. Его особенностью в публичном дискурсе Филиппа VI является также отсутствие перформативных глаголов обещания. В рамках комиссива в публичных выступлениях испанского короля реализуется функция заверения, представляющая собой речевое социальное действие, ярко проявленное в речах по особым случаям в силу остроты кризисного контекста, в котором разворачивается ситуация, и потому – их особого значения в такие моменты для нации.

Декларативный речевой акт в публичном институциональном дискурсе монарха представлен единично (в коронационной речи 2014 г. и речи по поводу каталонского кризиса 2017 г.) в косвенной форме.

Экспрессивы присутствуют в публичных выступлениях монарха во всех своих этикетных разновидностях, сопровождающих торжественный дискурс, и в первую очередь включают лаудативные формулы, которые представляют собой широкий спектр лексических единиц бенефактивной оценки, характеризующих действия и заслуги как конкретного, так и обобщенного адресата. Кроме того, в последние годы экспрессивы используются для трансляции личных эмоций адресанта и передают традиционную гамму чувств (гордость, сожаление, боль, неприятие) в обязательном сопровождении с лексемой-интенсификатором. Проблемные события последних лет (с 2020 г.) явно обозначили роль экспрессивного речевого акта во всех публичных выступлениях Филиппа VI, который включает теперь такой элемент ритуального дискурса, как формулы поминовения. Однако наиболее ярко экспрессив в форме благодарности с максимально повышенным градусом эмоционального воздействия представлен в *речах по особым случаям*.

Список источников

1. *Русакова О.Ф.* Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Известия УрГУ. 2008. № 61. С. 114–122.
2. *Согомонян В.Э.* Что такое дискурс власти? // 21-й век. 2012. № 1 (21). С. 34–51.
3. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

4. *Седов К.Ф.* Жанры речи в становлении дискурсивного мышления языковой личности // *Русский язык в контексте культуры*. Екатеринбург, 1999. С. 86–99.
5. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.
6. *Алешина Е.Ю.* Жанровая градация политического дискурса // *Российский гуманитарный журнал*. 2016. № 3. С. 293–301.
7. *Сладкевич Ж.Р.* Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2000–2005 гг.) // *Политическая наука*. 2016. № 3. С. 168–193.
8. *Фадеева Г.М.* Рождественское телеобращение главы государства как медиасобытие // *Вестник МГЛУ. Языкознание*. 2016. Вып. 7 (746). С. 273–285.
9. *Gaspar A., Ibeas N.* El discurso institucional en tiempos de crisis: análisis del Mensaje de Navidad de Su Majestad el Rey // *ZER. Revista de estudios de Comunicación*. 2015. № 20 (30). P. 31–48.
10. *Medina López J.* Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975–2013) // *Pragmática Sociocultural*. 2016. № 4 (1). P. 25–73.
11. *Чудинов А.П.* Современная политическая коммуникация. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2009. 292 с.
12. *Раевская М.М.* Дискурс власти в современном мире: социально-ориентированная коммуникация испанской монархии // *Вестник Московского университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. № 4. С. 95–108.
13. *Золян С.Т.* Язык политики или язык в политической функции? // *Полития*. 2018. № 3 (90). С. 31–49.
14. *Searle J.R., Vanderveken D.* Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 240 p.
15. *Голиков Л.М.* Декларативный речевой акт как форма регламентации в российском пенитенциарном законе начала XIX столетия // *Научный диалог*. 2018. № 4. С. 43–53.
16. *Безменова Л.Э., Этштейн О.В.* Политический потенциал речевых актов (на материале победных речей президентов США) // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2019. № 2 (89). С. 85–96.
17. *García-Ramos A.* Los mensajes navideños de la monarquía española en el siglo XXI: ¿un reflejo de los principales problemas del país? // *Sociologiadados. Revista de investigación social*. 2016. № 2. P. 15–50.
18. *Раевская М.М., Селиванова И.В.* Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 18 (1). С. 57–70.
19. *Алексеева Т.А.* Институт главы государства в Испании: формирование и эволюция доктрины в национальном правоповедении // *Вестник РУДН. Серия : Юридические науки*. 2017. № 2. С. 173–199.
20. *Ventero Velasco M.* Los mensajes de Navidad del Rey. Madrid : La Ley, 2010. 438 p.
21. *Грушевская Е.С.* Институциональный дискурс как пространство реализации категории адресатности // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2017. № 2. С. 173–178.
22. *Маркова О.А., Харламова Т.В.* Лингвокультурологический анализ речей российских и американских президентов // *Политическая лингвистика*. 2005. № 16. С. 82–97.
23. *Zarzalejos J.A.* Felipe VI: un rey en la adversidad. Barcelona : Planeta, 2021. 352 p.

References

1. Rusakova, O.F. (2008) Politicheskaya diskursologiya: aktual'nost' issledovaniya i teoretiko-metodologicheskie osnovaniya [Political Discoursology: Relevance of Research and Theoretical and Methodological Foundations]. *Izvestiya UrGU*. 61. pp. 114–122.

2. Sogomonyan, V.E. (2012) Chto takoe diskurs vlasti? [What is the discourse of power?]. *21-y vek*. 1 (21). pp. 34–51.
3. Bakhtin, M.M. (1979) Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of creative discourse]. Moscow: Iskusstvo.
4. Sedov, K.F. (1999) Zhanry rechi v stanovlenii diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti [Speech genres in the formation of discursive thought of language personality]. In: *Russkiy yazyk v kontekste kul'tury* [Russian language in a cultural context]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 86–99.
5. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.
6. Aleshina, E.Yu. (2016) Zhanrovaya gradatsiya politicheskogo diskursa [Genre gradation of political discourse]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 3. pp. 293–301.
7. Sladkevich, Zh.R. (2016) Organizatsiya semioticheskogo prostranstva novogodnego pozdravleniya prezidenta (na materiale novogodnikh obrashcheniy prezidentov Rossii, Belarusi i Pol'shi za 2000–2005 gg.) [Organization of the semiotic space of the president's New Year greetings (based on the New Year messages of the presidents of Russia, Belarus and Poland in 2000–2015)]. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 168–193.
8. Fadeeva, G.M. (2016) Rozhdestvenskoe teleobrashchenie glavy gosudarstva kak mediasobytiye [Head of State Christmas address as a media event]. *Vestnik MGLU. Yazykoznanie*. 7 (746). pp. 273–285.
9. Gaspar, A. & Ibeas, N. (2015) El discurso institucional en tiempos de crisis: análisis del Mensaje de Navidad de Su Majestad el Rey. *ZER. Revista de estudios de Comunicación*. 20 (30). pp. 31–48.
10. Medina López, J. (2016) Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975–2013). *Pragmática Sociocultural*. 4 (1). pp. 25–73.
11. Chudinov, A.P. (2009) *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern political communication]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
12. Raevskaya, M.M. (2021) Diskurs vlasti v sovremennom mire: sotsial'no-orientirovannaya kommunikatsiya ispanskoy monarkhii [The Discourse of Power in the Modern World: Socially Oriented Communication of the Spanish Monarchy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 4. pp. 95–108.
13. Zolyan, S.T. (2018) *Yazyk politiki ili yazyk v politicheskoy funktsii?* [Language of Politics or Language in Political Function?]. *Politiya*. 3 (90). pp. 31–49.
14. Searle, J.R. & Vanderveken, D. (1984) *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Golikov, L.M. (2018) Deklarativnyĭ rechevoi akt kak forma reglamentatsii v rossiiskom penitentsiarnom zakone nachala XIX stoletiya [Declarative Speech Act as Form of Regulation in Russian Penitentiary Law of the Early 19th Century]. *Nauchnyĭ dialog*. 4. pp. 43–53.
16. Bezmenova, L.E. & Epshtein, O.V. (2019) Politicheskii potentsial rechevykh aktov (na materiale pobednykh recheĭ prezidentov SShA) [Political potential of speech acts (on the material of victory speeches of the US presidents)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (89). S. 85–96.
17. García-Ramos, A. (2016) Los mensajes navideños de la monarquía española en el siglo XXI: ¿un reflejo de los principales problemas del país? *Sociologados. Revista de investigación social*. 2. pp. 15–50.
18. Raevskaya, M.M. & Selivanova, I.V. (2020) Rozhdestvenskie rechi ispanских monarkhov kak ritual'nyy zhanr institutsional'nogo diskursa v sopostavitel'nom aspekte [The Spanish King's Christmas Messages as a Ritual Genre of Institutional Discourse: A Comparative Study]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 18 (1). pp. 57–70.
19. Alekseeva, T.A. (2017) Institut glavy gosudarstva v Ispanii: formirovanie i evolyutsiya doktriny v natsional'nom pravovedenii [Institute of the Head of State in Spain: Formation and

Evolution of the concept in the national jurisprudence]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2. pp. 173–199.

20. Ventero Velasco, M. (2010) *Los mensajes de Navidad del Rey*. Madrid: La Ley.

21. Grushevskaya, E.S. (2017) *Institutsional'nyy diskurs kak prostranstvo realizatsii kategorii adresatnosti* [Institutional discourse as the space of addressee category realization]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2. pp. 173–178.

22. Markova, O.A. & Kharlamova, T.V. (2005) *Lingvokul'turologicheskiy analiz rechey rossiyskikh i amerikanskikh prezidentov* [Linguoculturological analysis of speeches of Russian and American presidents]. *Politicheskaya lingvistika*. 16. pp. 82–97.

23. Zarzalejos, J.A. (2021) *Felipe VI: un rey en la adversidad*. Barcelona: Planeta.

Информация об авторах:

Раевская М.М. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой испанского языка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: mraevskaya@gmail.com

Селиванова И.В. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков НИУ ВШЭ (Москва, Россия). E-mail: iselivanova@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.M. Raevskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Spanish Language Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mraevskaya@gmail.com

I.V. Selivanova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: iselivanova@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.07.2023;
одобрена после рецензирования 30.03.2024; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 03.07.2023;
approved after reviewing 30.03.2024; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья
УДК 81-13
doi: 10.17223/19986645/90/7

Языковой и культурный союз: методика обнаружения регулярных соответствий

Андрей Николаевич Соболев¹

¹ *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия,
andrey.n.sobolev@mail.ru*

Аннотация. Обосновывается необходимость нового подхода к изучению языкового и культурного союза как группы неблизкородственных языков и культур, связанных регулярными, закономерными отношениями. На примере Балканско-Карпатского региона рассматриваются проблемы традиционного подхода, делается вывод о необходимости создания новой теории конвергентной группы языков и культур на основе аутентичного, количественно и качественно релевантного первичного материала и с применением новейших цифровых технологий. В завершение предлагается оригинальная методика установления регулярных, закономерных соответствий между языками и культурами, образующими союз.

Ключевые слова: языковая и культурная конвергенция, языковые и культурные контакты, языковой союз, культурный союз, этнолингвистические атласы

Для цитирования: Соболев А.Н. Языковой и культурный союз: методика обнаружения регулярных соответствий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 147–158. doi: 10.17223/19986645/90/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/7

Sprachbund and Kulturbund: Methodology for regular correspondences

Andrey N. Sobolev¹

¹ *Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg,
Russian Federation, andrey.n.sobolev@mail.ru*

Abstract. The article aims to address the theoretical question concerning the rigorous proof, through methods of the humanities, of the existence in human history of a special type of convergent development of idioethnic languages and cultures, along with the observed outcome of such development – linguistic and cultural unions as distinct language groups (distinct from language families) and specific cultural associations. The Balkan linguistic union is recognized as a prototypical case of a convergent group of languages, although among Balkanists there is still no consensus either on the inventory of so-called Balkan linguistic features (Balkanisms) or on their areal and intrasystemic distribution. The completion of the ideographic, descriptive stage of Balkan

studies in the 20th and 21st centuries has allowed for a transition from making brief inventories of “most important similarities” and lists of hundreds of interlanguage parallels to overcoming research atomism and establishing rules for the distribution of inter-Balkan similarities and differences in diachrony and diastatic variation, forming a conception of the complexity of the Balkan linguistic area and its numerous major and minor components, of the areal distribution of similarities and differences among Balkan languages. In this process, the shortcomings of nomothetic explanatory approaches to linguistic union in general have become evident, leading to aporias regarding the number of languages necessary and sufficient for recognizing a certain group as a union, and the impossibility of establishing its (geographical) boundaries. Attempts to reduce the “Balkan linguistic type” to general communicative characteristics of oral speech, analyticity, redundancy, ambivalence, and ultimately to hierarchies of borrowing, have also proved to be of little utility. Searches for donor languages of linguistic Balkanization (acquisition of so-called Balkanisms – convergent features recognized as union-forming) have not yielded convincing results. In the 2020s, in Russia, it became possible to formulate a new definition of linguistic and cultural union: its diagnostic signs should be considered as regular, systematic functional correspondences between languages and cultures (analogous to the presence of regular phonetic correspondences between languages as a diagnostic sign in the theory of language relatedness). Regular functional correspondences between languages and cultures are non-random coincidences in sets/inventories of broadly understood functions (distribution rules, meanings) of units and categories of different languages and cultures. The article proposes an algorithm for their detection. At least two idioethnic languages/dialects belonging to at least three different language families and prevalent in one geographical area are selected. Speakers of these idioethnic languages/dialects are considered as carriers of the corresponding cultures. A holistic approach to language and culture is applied: the inventory (core, central, or basic) of units and categories of each language and culture of all structural levels is established. Rules of functional distribution of units in each language and culture are determined. Isofunctionality of the core function of a unit and the core meaning of a category of language and culture in non-related languages is established. Correspondences between distribution rules of units (operation rules of categories) of language and culture in non-related languages are sought. Inventories of categorical units and functional amplitudes are mapped for languages included in the survey grid, aiming to detect areal structures. Linguistic and cultural unions are not speculative constructs of linguists and anthropologists, but an ontological reality.

Keywords: linguistic and cultural convergence, linguistic and cultural contacts, linguistic union (Sprachbund), cultural union (Kulturbund), ethnolinguistic atlases

For citation: Sobolev, A.N. (2024) Sprachbund and Kulturbund: Methodology for regular correspondences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 147–158. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/7

Статья имеет целью решение теоретического вопроса о строгом доказательстве методами гуманитарных наук существования в истории человечества особого типа конвергентного развития идиоэтнических языков и культур и наблюдаемого результата такого развития – языковых и культурных союзов как особых языковых групп (отличных от языковых семей) и особых объединений культур. Языковые союзы – одна из центральных для российской гуманитарной науки тем [1, 2], но в отличие от языковых семей существование таких союзов не считается строго доказанным.

В России, в немалой степени в силу отсутствия социальных условий для массовой пиджинизации и формирования креольских языков на территории нашей страны и стран Юго-Восточной Европы, аналогичных тем, которые имели место в истории взаимодействия западноевропейских и неевропейских этносов Нового времени, интерес исследователей языковой и культурной *конвергенции* неизбежно должен концентрироваться на изучении таких аспектов языкового и культурного взаимодействия, как формирование, внутреннее членение и функционирование языковых и культурных союзов. При этом отсутствие строгого определения и неопровержимых доказательств существования языковых союзов затрудняет саму постановку задачи для экспериментальной проверки всех научных гипотез о причинах, ходе, механизмах и результатах языковой и культурной конвергенции в мире в целом и в отдельных его регионах в частности. Невозможным также оказывается целенаправленное, теоретически ориентированное собирание аутентичного, количественно и качественно релевантного, доказательного первичного материала по языкам и культурам народов мира.

Балканско-Карпатский ареал – географическая область, культурный и социально-политический регион в юго-восточной части Европы, население которого объединяют многовековая общая история и длительное широко распространенное многоязычие. В настоящее время глубокое этнокультурное взаимодействие и языковые контакты здесь продолжают существовать несмотря на существование государственных границ, которые неоднократно менялись, в том числе в недавнем прошлом после югославских войн начала 1990-х гг. Балканский регион находился в центре теоретических дискуссий о принципах выделения и свойствах языковых союзов с начала XX в., а Балканский языковой союз (БЯС) признан прототипическим случаем конвергентной группы языков, хотя среди балканистов до сих пор нет единого мнения ни об инвентаре так называемых балканских языковых черт (балканизмов), ни об их ареальной и внутрисистемной дистрибуции. Балканские лингвистические особенности неодинаково проявляются в различных вариантах каждого отдельного языка, а балканское многоязычие функционирует по-разному в отдельных крупных регионах и небольших районах (краинах). Несмотря на сложное соотношение накладывающихся друг на друга микроареалов и их гетерогенность, есть все же веские основания рассматривать Балканы как отдельный целостный лингвистический ареал – языковой союз. Кроме того, сравнение отдельных балканских языков с родственными им языками, распространенными за пределами региона, обнаруживает наличие уникальных языковых инноваций именно на Балканах.

К началу 1990-х гг. в СССР были созданы предпосылки для интенсивного развития теории языкового союза на примере и материале именно балканских языков, прежде всего – в связи с подготовкой в ЛО ИЯ АН СССР (ныне – ИЛИ РАН) фундаментального издания «Основы балканского языкознания» под редакцией чл.-корр. АН СССР А.В. Десницкой (свет увидели два тома, в 1990 и 1998 гг.) и в связи с необходимостью критически осмыс-

лить результаты работы в структурно-типологическом направлении, реализованные в Институте славяноведения РАН [3]. Не ограничивая «поля исследований проблематикой «балканского языкового союза» как языковой общности типологического характера, существование которого принимается в качестве аксиомы» [4. С. 5], российские балканисты обрели в 1990-е гг. возможность накапливать собственные аутентичные качественно и количественно релевантные первичные данные по всем основным языкам и культурам Балканско-Карпатского региона в ходе лингвистических и культурно-антропологических экспедиций и, несмотря на известную технологическую отсталость, преодолели наметившуюся в конце XX в. «скудость материальной базы балканского языкознания» (Норберт Рейтер). Завершение идеографического, описательного этапа развития балканистики в XX–XXI вв. позволило перейти от перечисления кратких инвентарей «наиболее важных сходств» [5, 6] и списков в сотни межъязыковых параллелей [7, 8] к преодолению исследовательского атомизма и установлению *правил* дистрибуции межбалканских сходств и различий в диахронии и диастратии, к формированию представления о сложности балканского лингвистического ареала и множестве его крупных и мелких составляющих, об ареальном распределении сходств и различий между балканскими языками [9, 10], к составлению словарей общебалканских лексем. При освещении «неопределенного множества аспектов языковой жизни народов Балканского полуострова» с наступлением цифровой эпохи стало возможным представить и все этнолингвистическое разнообразие региона, в том числе в его динамике [11].

На этом фоне ярко проявились недостатки номотетических объясняющих подходов к языковому союзу вообще, приводящих к апориям о количестве языков, необходимых и достаточных для признания некоторой группы союзом, и к невозможности установить его (географические) границы. Также малополезны оказались попытки свести «балканский языковой тип» к общим коммуникативным характеристикам устной речи, аналитизму, редундантности, амбивалентности, наконец – к иерархиям заимствования [12]. Показательно, что также и поиски языков-доноров лингвистической балканизации (т.е. обретения в ходе совместного развития в Балканско-Карпатском регионе так называемых балканизмов – конвергентных черт, признаваемых союзообразующими) не дали убедительных результатов. Тем не менее агностический подход к этому вопросу, предлагаемый рядом специалистов по балканским языкам (П. Хр. Илиевски, В. Фридман, Б. Джозеф [13]), не имеет эвристической ценности, а выявление источников конкретных союзообразующих признаков должно оставаться одной из целей балканского языкознания. Следует отметить, что в отличие от теории языкового союза как теория языкового родства, так и теория языковых контактов (интерпретация как влияний, так и процессов пиджинизации и образования креольских языков) приводят к выстраиванию *иерархических отношений* между языками (донор – реципиент), культурами (полная – неполная), группами людей, прежде всего – этническими. Все эти подходы оказываются «ирре-

левантны для определения специфики» [14] балканской языковой общности. Тем не менее в XXI в. было «пролито больше света на конкретные исторические причины конвергентного развития языков Балканского полуострова» [4]. В частности, существенный сдвиг в этой области связан с реализацией не узкоспециализированного и методологически ограниченного, а широкого интегрирующего, холистического подхода к языку и культуре, объединяющего усилия лингвистов, этнографов и антропологов, к изучению особенностей балканского равновесного и доминантного билингвизма (романско-славянского, славянско-албанского, албанско-греческого, романско-албанского и др.) в зонах интенсивных контактов, равно как и исследование языковых ситуаций в Балканско-Карпатском регионе [15].

В результате, в 20-е гг. XXI в. в России сложились все условия для решения задач, «связанных с типологическим определением характера балканской языковой общности или балканского «языкового союза», которые «до сих пор не ставились на уровне сопоставления исторически сложившихся языковых систем... Теоретическая важность решения этой задачи усугубляется еще и тем, что сама идея «языкового союза» была впервые высказана применительно к языкам балканского региона и на каком-либо ином лингвистическом материале подтверждения и обоснования до сих пор не получила» [4. С. 4–5]. По результатам работ последних лет стало возможным сформулировать центральную проблему конвергентного языкознания, преодолеть существенное теоретическое ограничение, состоящее в том, что «определение языкового союза носит весьма общий, приблизительный, «рабочий» характер» (Д. И. Эйдельман, Т.В. Цивьян), а существование языковых союзов не считается строго доказанным.

Согласно классическому определению Н.С. Трубецкого, языковой союз – это группа неблизкородственных языков, обнаруживающих существенное сходство в синтаксисе, морфологии, иногда – внешнее сходство в фонетике и обладающих общим фондом культурных слов, но не связанных системой звуковых соответствий и исконной элементарной лексикой. Таковы, например, балканские языки [16]. Признаками именно балканского языкового союза (так называемыми лингвистическими балканизмами) обычно считаются гласный среднего ряда среднего подъема, постпозитивный артикль, удвоение дополнения, совпадение средств выражения роли бенефактива и посессора, утрата инфинитива и замена его конъюнктивом, образование формы будущего времени с помощью показателя, восходящего к глаголу «хотеть», общность фразеологии, общность лексики палеобалканского, греческого, латинского, славянского и турецкого происхождения. По аналогии с языковыми можно полагать существующими и культурные союзы [17].

Согласно новому определению языкового и культурного союза, т.е. конвергентной группы языков и культур [15, 18], его диагностическими признаками следует считать закономерные, регулярные функциональные соответствия между языками и культурами (по аналогии с наличием закономерных звуковых соответствий между языками как диагностическим признаком в

теории языкового родства). Функциональными соответствиями следует признать таковые в инвентарях широко понимаемых функций (правил дистрибуции и значений) единиц и категорий разных языков, предположительно входящих в языковой союз. Таким образом решается вопрос о том, являются ли языковые и культурные союзы умозрачительными конструктами лингвистов и антропологов или онтологической данностью, т.е. существующими в реальности группами языков и культур, связанных закономерными отношениями.

Прочный фундамент для разрешения этих теоретических проблем в области исторического языкознания и культурной антропологии в целом и балканской лингвокультурной антропогеографии в частности заложен результатами двух проектов. Наряду с продолжающимся аналоговым «Малым диалектологическим атласом балканских языков» [9] новую возможность эксплицировать достаточное количество регулярных функциональных соответствий между языками Балканско-Карпатского региона предоставляет цифровой российско-французский «Atlas of the Balkan Linguistic Area, ABLA» (<https://abla.cnrs.fr>) [10]. В последнем реализована разработка оригинальной цифровой базы данных контактноязыковых явлений, размещение ее в Интернете и заполнение ее первичными данными, засвидетельствованными в балканских языках. ABLA включает около 100 фонетико-фонологических, морфологических, морфосинтаксических, синтаксических, семантических и лексических признаков, а также социолингвистических характеристик (<https://abla.cnrs.fr/features>). Все признаки нанесены на географическую карту, охватывающую более 60 населенных пунктов; каждая карта сопровождается исследовательским комментарием. Многочисленные и сложные процессы конвергенции представлены в ABLA на материале, существенно превосходящем тот, что в настоящее время доступен в научной литературе. Атлас стал первой размещенной в Интернете базой данных балканского языкового ареала и одновременно служит моделью для документирования языков и цифрового картографирования языковых ареалов (англ. «linguistic area», рус. «языковые союзы») по всему миру. Результат работы, основанный на международном обмене технологиями, знаниями и данными, открыл возможности для доказательства гипотез о существовании языковых союзов вообще как конвергентных групп неблизкородственных языков; об их диагностических признаках; о существовании языковых союзов в Евразии и в частности в Балканско-Карпатском регионе Европы. Единая теоретическая база позволяет впервые создать программы комплексного исследования языковой и культурной конвергенции в ряде ключевых субрегионов Евразии.

В общетеоретическом плане проблему языкового и культурного союза предлагается решить путем доказательства гипотезы о регулярных функциональных соответствиях между языками и культурами как их диагностическом признаке. Речь идет о неслучайных совпадениях в наборах/инвентарях широко понимаемых функций (правил дистрибуции, значений) единиц и ка-

тегорий разных языков и культур. В ареально-типологическом плане проблему предлагается решить путем обнаружения регулярных, закономерных межъязыковых и межкультурных соответствий между языками ряда ареалов Европы, Евразии и мира, предположительно языковой союз формирующими или формировавшими в прошлом. При этом языки и культуры, бытующие в одном ареале и тем самым объединяемые в одну собственно географическую, ареальную группу, могут конвергировать (все или их часть) в особую ареально-типологическую группу, т.е. образовывать языковой союз; можно допустить и распад языкового союза на собственно географическую группу языков.

Одна из основных проблем в контактной лингвистике – вопрос о возможности установления корреляций и даже закономерных отношений обусловленности: а) между внешними, т.е. социо- и антропологическими, параметрами конкретной контактной ситуации; б) материальными и структурными особенностями контактирующих языков; в) самими процессами языковой вариативности и изменения в контакте; г) собственно лингвистическими последствиями, результатами контакта, далеко не всегда опознаваемыми на фоне результатов внутренне обусловленного, самостоятельного развития. В ходе многолетнего синхронического изучения Балканского языкового союза типологически уникальных особенностей балканского билингвизма и ситуаций языкового контакта не обнаружено, а установить обусловленность конвергентного развития балканских языков наблюдаемыми характеристиками билингвизма и языковых ситуаций оказалось невозможным [15]. Выяснилось, что языковая ситуация сама по себе не обладает прогностической силой по отношению к ожидаемым (возможным или обязательным) в ней языковым изменениям, тогда как большей предсказательной силой обладают ареальные структуры (положение идиома в кругу соседних предопределяет его внутрilingвистические свойства, ср. предсказующую силу места элемента в таблице Менделеева), а характеристики самих этнолингвистических групп могут быть амбивалентны. Это полезные, но остающиеся дескриптивными, а не объясняющими категории. При этом членение языкового союза на ядро и периферию в настоящий момент явно преждевременно. В силу этого основные теоретические усилия должны быть направлены на определение конвергентной языковой и культурной группы (языкового и культурного союза) и на разработку новой методики определения закономерных функциональных соответствий между языками и культурами, т.е. установления диагностических признаков союза. В качестве таковой предлагается следующее.

1. Отбирается как минимум по два идиоэтнических языка/диалекта, принадлежащих как минимум к трем разным языковым семьям и бытующих в одном географическом ареале, для которого целесообразно проверить гипотезу о существовании (в настоящем или прошлом) языкового и культурного союза, т.е. группы неблизкородственных языков, предположительно объединенных закономерными отношениями, не объясняемыми прямым влиянием. При этом желательно, чтобы языки и культуры, входящие в сетку

пунктов обследования, не находились в очевидных отношениях доминанции по отношению друг к другу, как минимум социолингвистически.

2. Носители данных идиоэтнических языков/диалектов рассматриваются как носители соответствующих культур: понятие «культурный союз» вводится по аналогии с понятием языковой союз – «группа традиционных идиоэтнических культур, предположительно объединяемых закономерными функциональными соответствиями». При этом наиболее целесообразным представляется изучение тех аспектов идиоэтнической культуры, которые менее всего обусловлены прагматикой и более всего опосредованы языком, в первую очередь – его семантическим уровнем. Главные социальные паттерны вроде брачных стратегий этнической группы, традиционных верований, занятий, сезонных и трудовых миграций следует, несомненно, учесть.

3. Применяется холистический подход к языку и культуре: устанавливается инвентарь (ядерных, центральных, или базовых) единиц и категорий каждого языка и культуры всех структурных уровней (например, инвентарь гласных, согласных фонем; инвентарь грамматических единиц и категорий; значимая с точки зрения идиоэтнической культуры лексема, выражающая значение «X» в качестве главного (значение «X» как ядерное, концептуальное для идиоэтнической культуры); инвентарь системно-релевантных календарных обрядов, обрядов перехода, обрядовых предметов, персонажей, локусов. Этот инвентарь составляет программу исследования, результаты применения которой – надежные *первичные данные* – комментированным списком вносятся в цифровую базу данных с картографической функцией. Следует сказать, что нам хорошо известно о наличии обоснованных сомнений в возможности единой лингвистической типологии, например для фонетико-фонологического и морфосинтаксического уровней языка, но это лишь делает особенно актуальной проверку выдвигаемой гипотезы.

4. Устанавливаются правила функциональной дистрибуции единиц инвентаря в каждом языке и культуре (например, правила функциональной дистрибуции гласных, включая ударенность, позицию в словоформе, роль в морфонологических альтернативах, формировании грамматических оппозиций; семантическая амплитуда, или релевантный для исследования спектр значений лексемы, выражающей значение «X» в качестве главного; полный спектр функций ритуала – «зачем», его персонажное – «кто» и прагматическое – «что» наполнение, календарная приуроченность – «когда»; полный спектр функций обрядового персонажа, ритуального предмета).

5. Устанавливается *изофункциональность* ядерной функции единицы и ядра значения категории языка и культуры в неблизкородственных языках (например, форма простого прошедшего времени «аорист» в качестве ядерного значения имеет «действие типа X на временной оси»; лексема выражает значение «X» в качестве главного; «инфинитив» – глагольное дополнение прототипического модального глагола; календарный обряд X – маркер начала нового астрономического, ритуального, хозяйственного и прочего периода; ритуал Y маркирует начало/этап свадебного обряда; «неве-

ста» – женщина в день «свадьбы» и проч.). При этом взаимная идентификация единиц и категорий разных языков и культур в качестве изофункциональных и изосемантических, признание их в качестве эквивалентов может осуществляться как самими носителями языков и культур, так и исследователями с различным результатом. В целом, однако, целесообразно принять положение о принципиальной «переводимости» языков и культур.

6. Осуществляется поиск соответствий между правилами дистрибуции единиц (правилами функционирования категорий) языка и культуры в неблизкородственных языках (например, гласный «шва» вступает в альтернацию с гласным /a/ при выражении категории определенности/неопределенности; аорист выступает в протасисе реальных условных предложений; лексема со значением «X» также имеет значение «Y»; ритуальное размешивание гостем углей в очаге маркирует начало совместного празднования Рождества или начало свадебного обряда и т.д. При этом, по всей видимости, прагматически и семантически немотивированные функциональные параллели имеют большую доказательную силу, нежели такие, которые имеют прозрачную обусловленность и мотивацию, а также типологически частотные.

7. Инвентари категориальных единиц и функциональные амплитуды картографируются для языков, включенных в сетку пунктов обследования, с целью обнаружения *ареальных структур*. При этом с обязательным учетом миграций показательными можно считать случаи, когда географически близкие друг к другу неблизкородственные идиомы будут демонстрировать схождения, тогда как удаленные от предполагаемых центров взаимодействия – нет.

8. Результаты интерпретируются в контексте существующих и возможных новых больших и малых лингвистических и культурно-антропологических нарративов.

В работе целесообразно использовать цифровую интерактивную платформу с картографической функцией, т.е. собственно лингвистический, этнолингвистический и этнологический атлас. Опирающийся на лучшие мировые научные практики формирования и публикации многоязыковых цифровых лингвистических атласов и баз данных, таких как широко известные проекты WALS (<https://wals.info>), APiCS (<https://apics-online.info>), DiACL (<https://diac1.ht.lu.se>) и разработки с ведущим участием России МДАБЯ [9]¹ и ABLA (<https://abla.cnrs.fr>), опыт показывает, что цифровое лингвистическое и этнологическое картографирование – центральный инструмент изучения любых языковых и культурных союзов и что оптимальным форматом всего исследовательского инструментария при изучении языковых союзов должен быть комплексный многостраничный интернет-ресурс (веб-сайт). Такие ресурсы позволяют реализовать централизованное хранение введённых данных в рамках подлежащей реляционной базы данных, удалённый

¹ В ИЛИ РАН в Санкт-Петербурге в 2024 г. начаты работы по цифровизации МДАБЯ.

безопасный контролируемый доступ к вводу и редактированию данных посредством интеграции системы регистрации и учёта пользователей ресурса наряду с рядом специализированных пользовательских интерфейсов, обеспечивающих рабочее взаимодействие с данными, а также представление в интерактивных картографических, табличных, текстовых и медиаформатах данных с учётом необходимости взаимосвязанной имплементации и репрезентации таких их основных типов, как исследуемые языки и диалекты, вопросы, ответы, примеры, глоссы, перевод, локации, этноязыковые группы и т.д., а также с обеспечением таких неотъемлемых функций, как навигация по сайту, поиск, фильтрация и сравнение данных, их цитирование и экспорт.

Представленный алгоритм создан в ходе теоретического и экспериментального изучения прототипического языкового союза – Балканского. Более широкое применение описываемого подхода возможно *mutatis mutandis*. Речь идет не об априорном постулировании союзов вроде «Кавказского», а об ареально-типологическом исследовании конвергентных процессов и их результатов в избранных ареалах, в которых возможно обнаружение языковых и культурных союзов.

Список источников

1. Алексеев М.Е. Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). М. : Институт языкознания РАН, 2005. 203 с.
2. Деревянко А.П. и др. Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1–2. М. : Наука, 2006.
3. Цивьян Т.В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М. : Наука, 1979. 298 с.
4. Десницкая А.В. Предисловие // Основы балканского языкознания. Т. 1. Л. : Наука. С. 3–10.
5. Kopitar J. Albanische, walachische und bulgarische Sprache // Jahrbücher der Literatur. 1829. Bd 46. S. 59–106.
6. Miklosich F. Die slavischen Elemente im Rumunischen. Wien : Akademie der Wissenschaften, 1861.
7. Sandfeld K. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris : Édouard Champion, 1930.
8. Асенова П. Балканско езикознание: основни проблеми на балканския езиков съюз. София : БАН, 1989.
9. Малый диалектологический атлас балканских языков : в 8 т. Мюнхен ; Санкт-Петербург : Verlag Otto Sagner; Наука, 2003–2018.
10. Adamou E. Atlas of the Balkan Linguistic Area Online. 2023. URL: <https://abla.cnrs.fr> (дата обращения: 13.05.2024).
11. Gorlov N.G., Morozova M.S., Sobolev A.N. Ethnolinguistic groups of Southeastern Europe: Ways of presentation // Indo-European Linguistics and Classical Philology XXVII (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 26–28 June, 2023 / ed. by N.N. Kazansky. St. Petersburg : Institute for Linguistic Studies, RAS, 2023. P. 326–344.
12. Matras Y. The borrowability of grammatical categories. Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective. Berlin : Mouton de Gruyter, 2007. P. 31–74.
13. Friedman V. The Balkan Languages. Cambridge : Cambridge University Press.

14. Sobolev A.N. Areal typology and Balkan (morpho-)syntax. // *Balkan syntax and universal principles of grammar*. Berlin ; New York : de Gruyter Mouton, 2019. P. 49–69.

15. *Between Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact* / ed. by A.N. Sobolev. Berlin ; New York : de Gruyter, 2021. [Paper back edition 2022].

16. Trubetzkoy N.S. Proposition 16. In *Actes du Premier Congrès International de Linguistes du 10–15 avril, 1928*. Leiden : Sijthoff, 1928. P. 17–18.

17. Burkhart D. Kulturraum Balkan // *Handbuch Balkan*. Wiesbaden : Harrassowitz, 2014. S. 521–539.

18. Соболев А.Н. Языковой союз: новое определение // *Indo-European Linguistics and Classical Philology XXVIII* (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 17–19 June, 2024 / ed. by N.N. Kazansky. St. Petersburg : Institute for Linguistic Studies, RAS, 2024. P. 1366–1376.

References

1. Alekseev, M.E. (2005) *Yazykovye soyuzy Evrazii i etnokul'turnoe vzaimodeystvie (istoriya i sovremennost')* [Linguistic unions of Eurasia and ethnocultural interaction (history and modernity)]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

2. Derevyanko, A.P. et al. (2006) *Etnokul'turnoe vzaimodeystvie v Evrazii* [Ethnocultural interaction in Eurasia]. Books 1–2. Moscow: Nauka.

3. Tsiv'yan, T.V. (1979) *Sintaksicheskaya struktura balkanskogo yazykovogo soyuza* [Syntactic structure of the Balkan linguistic union]. Moscow: Nauka.

4. Desnitskaya, A.V. (1998) Predislovie [Preface]. In: *Osnovy balkanskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Balkan linguistics]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 3–10.

5. Kopitar, J. (1829) Albanische, walachische und bulgarische Sprache. *Jahrbücher der Literatur*. 46. pp. 59–106.

6. Miklosich, F. (1861) *Die slavischen Elemente im Rumunischen*. Wien: Akademie der Wissenschaften.

7. Sandfeld, K. (1930) *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*. Paris: Édouard Champion.

8. Asenova, P. (1989) *Balkansko ezikoznanie: osnovni problemi na balkanskiya ezikov s'yuž* [Balkan linguistics: main problems in the Balkan linguistic union]. Sofiya: BAN.

9. Sobolev, A.N. (ed.) (2003–2018) *Malyy dialektologicheskii atlas balkanskikh yazykov: v 8 t.* [Small dialectological atlas of the Balkan languages: in 8 volumes]. Munich; St. Peterburg: Verlag Otto Sagner; Nauka.

10. Adamou, E. (2023) *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*. [Online] Available from: <https://abla.cnrs.fr> (Accessed: 13.05.2024).

11. Gorlov, N.G., Morozova, M.S. & Sobolev, A.N. (2023) Ethnolinguistic groups of Southeastern Europe: Ways of presentation. *Indo-European Linguistics and Classical Philology XXVII* (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 26–28 June 2023. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. pp. 326–344.

12. Matras, Y. (2007) *The borrowability of grammatical categories. Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 31–74.

13. Friedman, V. (2002) *The Balkan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.

14. Sobolev, A.N. (2019) Areal typology and Balkan (morpho-)syntax. In: *Balkan syntax and universal principles of grammar*. Berlin; New York: de Gruyter Mouton. pp. 49–69.

15. Sobolev, A.N. (ed.) (2022) *Between Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact*. Berlin; New York: de Gruyter.

16. Trubetzkoy, N.S. (1928) Proposition 16. In: *Actes du Premier Congrès International de Linguistes du 10–15 avril, 1928*. Leiden: Sijthoff. pp. 17–18.

17. Burkhart, D. (2014) Kulturraum Balkan. In: *Handbuch Balkan*. Wiesbaden: Harrassowitz. pp. 521–539.

18. Sobolev, A.N. (2024) [Linguistic union: a new definition]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology XXVIII* (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg. 17–19 June 2024. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. pp. 1366–1376. (In Russian).

Информация об авторе:

Соболев А.Н. – д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: andrey.n.sobolev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.N. Sobolev, Dr. Sci. (Philology), professor, chief research fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: andrey.n.sobolev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.03.2024;
одобрена после рецензирования 03.07.2024; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 09.03.2024;
approved after reviewing 03.07.2024; accepted for publication 12.07.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/19986645/90/8

Япония и Алтай: дискурсы ориентализма в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» (1903–1904)

Павел Викторович Алексеев¹, Валерия Сергеевна Шарыпова²

^{1, 2} Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

¹ pavel.alekseev.gasu@gmail.com

² sharypova_v@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются дискурсы ориентализма в воскресном иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь», выходявшем под редакцией Г.Н. Потанина в течение 1903–1904 гг. На материале статей «Сибирской жизни», воскресного приложения, биографии и творческого наследия Потанина, эпистолярного наследия, воспоминаний и других трудов современников авторы реконструируют специфические нарративные стратегии выпусков иллюстрированного приложения, рассмотренных в семиотическом отношении как единый текст, объединенный сложной и отчасти противоречивой задачей обсуждения инородческого вопроса Сибири в связи с трагическими событиями Русско-японской войны 1904–1905 гг. Образы Японии и Алтая раскрываются не только как лидирующие топосы иллюстрированного приложения, но и как ключ к пониманию цивилизационных идей позднего областничества.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, сибирское областничество, ориентализм, Русско-японская война, «Сибирская жизнь», «Байкал», иллюстрированное приложение

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01272, <https://rscf.ru/project/22-28-01272/>

Для цитирования: Алексеев П.В., Шарыпова В.С. Япония и Алтай: дискурсы ориентализма в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» (1903–1904) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 159–182. doi: 10.17223/19986645/90/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/90/8

Japan and Altai: Discourses of Orientalism in the illustrated supplement to the newspaper *Sibirskaya Zhizn'* (1903–1904)

Pavel V. Alekseev¹, Valeria S. Sharypova²

^{1,2} Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ pavel.alekseev.gasu@gmail.com

² sharypova_v@bk.ru

Abstract. This article is dedicated to the examination of Orientalism discourses in the Sunday illustrated supplement of the newspaper *Sibirskaya Zhizn'* [Siberian Life] edited by the ideologist of Siberian regionalism Grigory Potanin and published in 1903 and 1904. Drawing from the materials of *Sibirskaya Zhizn'* articles, the Sunday supplement, Potanin's biography and creative legacy, as well as his epistolary heritage, reminiscences, and other works by his contemporaries, the authors reconstruct the specific narrative strategies employed in the issues of the illustrated supplement. These strategies revolved around the idea that the political events of the Russo-Japanese War of 1904–1905 as well as the British expedition to Tibet and the emergence of Burkhansim in the Altai actively discussed in Russian and Siberian newspapers served merely as a backdrop for more substantial regional questions, formulated in a popular scientific format. Discourses on the Altai and Japan were pivotal in shaping this publishing project. From a semiotic perspective, the issues of the illustrated supplement are considered as a unified text, bound by the intricate and somewhat contradictory task of discussing the foreigner question in Siberia in connection with the tragic events of the Russo-Japanese War. Potanin, as the editor, crafted a distinctive composition for the issues, where textual and visual elements intentionally entered into complex semiotic relationships: drawings and photographs did not always directly correspond to the adjacent articles, but almost always established an indirect connection, signaling the existence of a subtext – a “hidden” message for participants in the regionalist discourse. The formula “text – image – image caption – image commentary” allowed for overcoming the limited format of the publication and engaging the interested reader in polemical discourses of Siberian regionalism. The textual and visual unity of the illustrated supplement is realized on three levels: (1) the unity of individual articles and illustrations, (2) the unity of each issue, and (3) the unity of all supplement issues linked by a shared discourse, within which we can find minus-devices (e.g., lack of direct connection with political events) that constructed a highly intricate structure of a mature regionalist project. Materials concerning the natives of Siberia and the inhabitants of Japan (as well as, contextually, China, Tibet, and Mongolia) in the illustrated supplement of the newspaper *Sibirskaya Zhizn'* were a synthesis of Orientalism discourses, which, on the eve and during the Russo-Japanese War of 1904–1905, transmitted specific regional narratives about internal and external Eastern “Others”. Thanks to Potanin's editorial work, the fates of these Eastern “Others” were directly linked for the supplement's readers to Siberia, its colonial past, semi-colonial present, and hypothetical post-colonial future.

Keywords: Grigory Potanin, Siberian regionalism, Orientalism, Russo-Japanese War, *Sibirskaya Zhizn'*, Baikal, illustrated supplement

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-01272, <https://rscf.ru/project/22-28-01272/>

For citation: Alekseev, P.V. & Sharypova, V.S. (2024) Japan and Altai: Discourses of Orientalism in the illustrated supplement to the newspaper *Sibirskaya Zhizn'* (1903–1904). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 159–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/8

Личность и творчество идеолога сибирского областничества Г.Н. Потанина изучены в настоящее время достаточно хорошо, однако интерес к его наследию не ослабевает, а только усиливается со временем, и на это есть несколько объективных причин. Во-первых, разнообразные научные, публицистические и эгодокументальные тексты Потанина представляют большой интерес в связи с изучением дискурсивных практик имперской и пост-имперской культуры Российского государства второй половины XIX – начала XX в.: появление Транссибирской магистрали, волнения в Китае, Русско-японская война, революционные события и, наконец, Первая мировая война – все это резко обострило противоречия, которые напрямую связаны с проблематикой империй и имперских практик внутри России и за ее пределами. В этой связи реконструируемая позиция лидера сибирского областничества помогает понять разные аспекты эволюции русского изобретения «Востока» как внутри, так и за пределами метрополии, в том числе позволяет поставить вопрос о необходимости выделения «сибирского ориентализма» как отдельного объекта исследования. В настоящее время эти проблемы поставлены только отчасти в работах М.К. Чуркина, Н.Е. Никоновой, Нормана Перейры, Дэвида Схиммельпеннинка, Роберта Джераси и др. [1–5].

Во-вторых, тексты Потанина и других областников могут быть полезны при реконструкции сибирской рецепции восточной политики Российской империи, в особенности в периоды обострения международных отношений на Дальнем Востоке и на Балканском полуострове: Японо-китайская война (1894–1895), участие России в подавлении Боксерского восстания в Китае (1900–1901), Русско-японская война (1904–1905), аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгерской империей (1908), аннексия Кореи Японией (1910) и др. Областнический дискурс не был единственным значимым дискурсом о Западе и Востоке в Сибири, например, проправительственные, «централистские» взгляды на западно-восточную дихотомию, имперские практики, порождавшие идеи «Желтороссии» И. Левитова [6], идеи объединения Тибета с Монголией под покровительством России А. Доржиева [7. С. 97; 8] и проект прямого присоединения к России «монголо-тибето-китайского Востока» П. Бадмаева [9. С. 67] также имеют прямое отношение к дискурсам ориентализма. Однако самые тиражные частные газеты и наиболее влиятельные идеологи, связанные с формированием «сибирской точки зрения» на внутренние и внешние вызовы, безусловно, имели отношение к областничеству и его специфическому пониманию роли Сибири не только в

России, но и за рубежом. В-третьих, изучение художественных, публицистических и идеологических дискурсов русской колонизации Сибири и русско-инородческих отношений непременно требует всестороннего рассмотрения наследия Потанина и других лиц, вовлеченных в обсуждение и деятельное преобразование судеб аборигенного населения Сибири от Казахских степей до Полярного круга.

В указанном контексте один из наименее исследованных эпизодов деятельности Г.Н. Потанина связан с проектом издания в Томске в течение 1903–1904 гг. воскресного иллюстрированного приложения к газете «Сибирская жизнь». Благодаря работам историков сибирской периодической печати реконструированы основные эпизоды сотрудничества Г.Н. Потанина и П.И. Макушина, условия издания, причины прекращения выпуска [10–12], однако в имагологическом и ориенталистском отношении номера иллюстрированного приложения остаются белым пятном. Это представляется большим упущением, поскольку в приложении прямо или косвенно нашел отражение целый комплекс важных событий, напрямую связанных с интересами областнических акторов, в частности Русско-японская война на дальневосточных рубежах империи, Британская экспедиция в Тибет 1903–1904 гг. и активизация процессов национального самоопределения инородческого населения Западной Сибири (появление бурханизма). В контексте революционных событий и полемики с «Восточным обозрением» в 1905 г. вполне понятно потанинское стремление четко определить современное состояние областнической идеологии – это обусловило публикацию Потаниным серии статей, а затем и отдельного их издания [13].

Особенность подачи ориентального материала в иллюстрированном приложении заключалась в том, что политические события, активно обсуждавшиеся в газетах, служили здесь только фоном для более серьезных областнических вопросов, сформулированных в научно-популярной форме. Однако появление этих научно-популярных текстов на протяжении короткого времени существования приложения было обусловлено самыми актуальными международными событиями, связанными с интересами Сибири (или интересами авторов потанинского круга). Так, в 1904 г. по понятным причинам лидировала японская тематика, в контексте которой возникали сопутствующие темы Китая, Монголии и Алтая (о чем далее скажем более подробно). Материал «Как живут в Лхассе» [14], подписанный псевдонимом Андра Р. (вероятно, так подписался монголовед А.Д. Руднев) и датированный 1901 г., опубликован в августе 1904 г. также не случайно – именно в этот период завершилась боевая часть британского колониального вторжения в Тибет под руководством полковника Ф. Янгхазбенда, в результате чего резиденция далай-ламы была блокирована, а духовный лидер буддистов Тхуптэн Гьяцо был вынужден бежать в Монголию – это стало широко обсуждаемым международным событием [15]. В подтексте статьи – личный интерес Г.Н. Потанина к тибетско-китайской и монгольской тематике, а также своеобразная фиксация провала миссии Агвана Доржиева по сближению Тибета и Российской империи.

Участие Г.Н. Потанина в издании иллюстрированного воскресного приложения к самой тиражной частной томской газете «Сибирская жизнь» необходимо рассматривать в широком контексте: с одной стороны, в связи с его азиатскими экспедициями и многолетней работой над «восточной гипотезой», начавшейся публикацией о монгольском следе в генезисе русских былин 1880 г. и завершившейся фундаментальным 893-страничным трудом «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» 1899 г., который содержал большое количество иллюстраций. Стремление Потанина придать сибирскому публицистическому дискурсу научно-популярный и художественный характер, преодолевая тем самым ограниченную форму злободневных газетных публикаций, также вполне понятно.

Сплав научного и публицистического начал – отличительная черта многих областнических авторов, однако появление более современных форм взаимодействия с публикой соответствовало логике не только распространения сибирского патриотического нарратива среди молодежи, все больше и больше вовлекаемой в иные политико-идеологические дискурсы, но также эволюции отечественной периодики: иллюстрированные издания могли значительно поднимать свой тираж [16. С. 235] и в целом дольше циркулировать в обществе за счет преодоления «однодневности». В этом отношении интересны примеры издательских проектов П.И. Макушина, получившего разрешение добавить в «Сибирскую жизнь» иллюстрации, «относящиеся к событиям русской и иностранной жизни» [17. С. 1], о чем издатель сообщал в объявлении о подписке в начале 1903 г., а также иллюстрированных проектов В.А. Долгорукова: «Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России», «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (после 1901 г. – «Сибирский наблюдатель»), «Бубенцы».

Специфику создания, отбора и компоновки материала Г.Н. Потаниным в ходе работы над воскресным иллюстрированным приложением, принадлежавшим П.И. Макушину, невозможно понять без привлечения сюжета его несостоявшегося редакторства в газете «Байкал», который развивался с начала марта 1901 г. до конца января 1902 г. и зафиксирован в переписке Г.Н. Потанина с М.Г. Васильевой, А.В. Адриановым, Е.Н. Вагнер, М.В. Загоскиным, С.Ф. Ольденбургом, Н.М. Мендельсоном и И.И. Поповым (а также в редакторских воспоминаниях последнего). Этот контекст позволяет установить важные особенности работы Потанина накануне и во время трагических событий 1904–1905 гг.: личную заинтересованность в проекте (улучшение своего материального благосостояния и развитие отношений с М.Г. Васильевой с января 1901 г.) и отдельных публикациях на интересующие его темы, стремление выйти за границы традиционных газетных жанров, привлекая как можно больше беллетристики, «мемуаров, писем и воспоминаний» (письмо М.В. Загоскину, август 1901 г. [18. Т. 5. С. 39]) и материалы профессионального востоковедческого характера (см., например, просьбу к С.Ф. Ольденбургу присылать в «Байкал» списки свежих книг по буддизму [18. Т. 5. С. 40]), стремление сформировать круг единомышленников во-

круг издания [19. С. 35], контекстуальная связь инородческой темы с внешне-политическими событиями на Востоке без прямых оценок российской политики, максимально широкий охват восточной тематики, а также непереносимое присутствие большого количества иллюстративного материала. Все это так или иначе витало в воздухе во время обсуждений будущего содержания «Байкала» и позднее нашло воплощение в приложении к «Сибирской жизни», поэтому можно уверенно говорить о том, что в период с 1901 по 1904 г. разные издательские проекты Потанина были объединены замыслом, целями и средствами их воплощения.

Кяхтинская газета «Байкал», находившаяся в финансовом кризисе, была куплена редактором-издателем «Восточного обозрения» И.И. Поповым в 1901 г.¹ Судя по всему, выгодно² приобретая убыточную газету, изначально Попов руководствовался больше экономическими соображениями, чем какими-то конкретными издательскими планами: в 1900 г. на волне всеобщего интереса к Ихэтуаньскому (Боксерскому) восстанию в Китае тираж «Восточного обозрения» и, как следствие, доходы редакции сильно увеличились. Это позволило завести подконтрольную типографию, перейти на ежедневный формат и задуматься над другими проектами. Изначально кяхтинская газета была больше ориентирована на востоковедческий контент, сообщая подробную информацию о русско-монгольских и русско-китайских связях, но Попов в целях развития полемического дискурса «Восточного обозрения» [20. С. 101] решил сначала передать ее социал-демократу В.Е. Мандельбергу, а затем (после протеста редакции) ссыльному народнику Я.В. Стефановичу. Вероятнее всего, именно Стефанович, а не Потанин, как указали Н.В. Васенькин и Н.В. Серебренников [21. С. 152], выступил редактором первого иркутского номера «Байкала» от 25 апреля 1901 г., который привел в ужас номинального редактора Багашева [20. С. 101]³, вследствие чего издание газеты было резко остановлено.

В марте 1901 г. Г.Н. Потанин из Петербурга писал Е.Н. Вагнер: «...подал в Главное управление по делам печати прошение г. Багашева, издателя газеты «Байкал», об утверждении меня редактором этой газеты, а вместе с тем и свое заявление, что я согласен принять на себя редактирование ее» [18.

¹ В мемуарах И.И. Попов указывает, что приобретение «Байкала» у И.В. Багашева произошло «в 1902 или в 1903 г.» [20. С. 100], однако в действительности контроль над изданием был получен намного раньше, поскольку иркутский номер «Байкала» (единственный за 1901 и 1902 гг.) со ссылкой на новый состав редакции и новую локацию вышел 25 апреля 1901 г.

² Видимо, стоимость «Байкала» на тот момент была такой низкой, что это позволило А.В. Адрианову в письме от 7 декабря 1901 г. предлагать Г.Н. Потанину самому купить газету, ссылаясь на то, что И.В. Багашев вообще отдал бы ее «без денег», и печатать в иркутской типографии П.И. Макушина [21. С. 157].

³ Содержание номера было довольно провокационным по отношению к прежним читателям: редакторская передовица и фельетон прямо указывали на жалкое провинциальное положение Кяхты, а большая статья о регламентации проституции была слишком смелой даже для иркутских читателей.

Т. 5. С. 30]. Очевидно, Попов рассматривал не только его в качестве редактора, поскольку уже с 1900 г. вопреки представлениям «старых областников» в «Восточном обозрении» явно наметилась тенденция к преобладанию общих и внешнеполитических вопросов над «местными» [20. С. 101]. Для Потанина, который никак не отреагировал на интервенцию российских войск в Маньчжурию летом и осенью 1900 г. в ответ на Ихэтуаньское антиколониальное движение, это, очевидно, было неприемлемо. Поэтому характеристика Потанина как неблагонадежного, данная Особым отделом Департамента полиции в ответ на запрос иркутских властей [22. С. 132], и неприятие новых условий существования ядринцевской газеты¹ не позволили Потанину стать не только редактором, но даже сотрудником «Байкала»². Вероятно, по этим же соображениям в 1903–1904 гг. во всех выпусках иллюстрированного приложения к «Сибирской жизни» в Томске редактором-издателем значился не Потанин, а Макушин.

В этот период собственный печатный орган для Потанина был делом, с одной стороны, сугубо личным (стабильный редакторский заработок в 50 рублей позволил бы ему обеспечить семейное счастье с М.Г. Васильевой), с другой стороны, он был важен для судьбы всего областнического проекта. А.В. Адрианов прямо указывал Потанину на то, что в настоящий момент у них нет «своей газеты», поэтому «Байкал необходим» [21. С. 154]: надо превратить его «целиком в строго выдержанный по направлению орган, чтоб это была твердыня чисто сибирских желаний, стремлений, чтоб на нем воспитывалась наша молодежь, чтоб в нем находили свою опору колеблющиеся старики» [21. С. 158]. Собирая богатый иллюстративный материал для «Байкала» и привлекая к сотрудничеству потенциальных авторов (например, красноярцев А.М. Матова и Н.Г. Шапошникова), Адрианов не оставляет эту идею и в 1902 г., убеждая Потанина в том, что назрела необходимость издавать собственный областнический журнал в Томске.

¹ М.В. Шиловский, основываясь на письме Г.Н. Потанина Н.М. Мендельсону от 4 октября 1901 г., делает не вполне корректный вывод, что члены редакции и главный редактор «Восточного обозрения» высказались «против замыслов Потанина» [22. С. 132]: ни в тексте письма о взаимоотношениях с Т.М. Фарафоновой, ни в мемуарах И.И. Попова такой информации нет.

² В письме М.Г. Васильевой от 19 марта 1901 г., еще до приезда в Иркутск, Потанин вполне осознает сложность предстоящей затеи: «Под свежим впечатлением события 4-го марта группа литераторов написала протест против действий полиции, под которым и я подписался. Хотя письмо это не было напечатано в русских газетах, но оно разошлось в рукописных списках в столичной публике и попало в немецкие газеты за границей. Есть опасение, что участие мое в этом протесте будет принято во внимание при решении вопроса о допущении меня к редакторским занятиям в «Байкале». Если департамент полиции не найдет возможным допустить меня к этим занятиям, то, может быть, мне удастся устроиться в «Байкале»; издатель может не согласиться допустить меня к занятиям в качестве негласного редактора» [19. С. 22]. Отклонение кандидатуры Потанина произошло, главным образом, по указанным причинам.

В этой связи интересно проследить хронологию плавного перехода издательского замысла от иркутского «Байкала» к томскому иллюстрированному приложению к «Сибирской жизни». Самое раннее упоминание этого проекта обнаруживается в письме Потанина к Васильевой от 19 июня 1903 г. Потанин сообщает, что с 1 мая 1903 г. занят вместе с А.М. Головачевым подготовкой к изданию «воскресных прибавлений» к «Сибирской жизни», параллельно сотрудничая с обновленной редакцией «Сибирского вестника»:

Еженедельно мы собирались в квартире Елиз[аветы] Петр[овны] Макушиной, пока она не уехала за границу; приходил сюда и ее отец П[етр] И[ванович]. Вот вчетвером мы формировали недельный номер, выбирали картинки, назначали, кому написать текст. Эта работа меня увлекает, потому что ею отчасти выполняется моя мечта создать орган, в котором отражалась бы артистическая жизнь Томска. <...> В этом издании предполагаем давать портреты известных сибиряков и посторонних лиц, послуживших Сибири, их биографии, снимки с картин художников, сюжеты которых взяты из сибирской природы или сибирской жизни, виды Сибири, типы сибирского населения, образцы внешнего быта в Сибири, а также картины и сцены из жизни города Томска, так как это умственная столица Сибири [19. С. 79].

Потанин умалчивает, что еще в декабре 1902 г. идею создания собственного областнического журнала в Томске ему настоятельно внушал А.В. Адрианов, предполагая главным содержанием сделать «хронику внутренней жизни страны» от «Урала до Порт-Артура», основываясь не только на корреспонденциях, но и на личных путевых впечатлениях предполагаемого редактора – Г.Н. Потанина:

Я представлял себе дело так, что именно Вы должны будете совершить, по крайней мере, полугодовое путешествие на этом протяжении и остановиться в Семипалатинске, Омске, Тобольске, Тюмени, Кургане, Барнауле, Бийске, Томске, Красноярске, Енисейске, Иркутске, Троицкосавске, Урге, Чите, Якутске, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Порт-Артуре, Пекине и Тяньцзине, остановиться с тем, чтобы в общих чертах ознакомиться с нуждами и особенностями районов, познакомиться с наличными культурными силами и отобрать из них всё лучшее для журнала, в качестве сотрудников. Личное знакомство и связи, которых совершенно недостает всем нашим изданиям, имеют огромное значение, как для продуктивности и содержательности работы, ее цельности, так и для внешнего успеха [21. С. 166].

Список городов и цели их предполагаемого посещения позволяют предположить, что концептуально это было бы второе «Восточное обозрение», сосредоточенное на самых актуальных внутренних и внешних ориентальных интересах областничества, только обновленное, с более качественной сетью собственных корреспондентов. Далее Адрианов дает подробный финансовый расклад этого предприятия и просит Потанина начать активные переговоры с возможными компаньонами и издателями. Хотя ответное письмо Потанина нам неизвестно, можно предположить, что появление иллюстрированного приложения в том виде, в каком оно увидело свет в мае

1903 г., является прямым продолжением интеллектуальных усилий Потанина и Адрианова по созданию «Байкала». Однако необходимо заметить, что ни сети собственных корреспондентов, ни большого количества беллетристики в иллюстрированном приложении к «Сибирской жизни» не будет – четырехстраничные выпуски содержательно будут уступать материалам другого томского издания – «Сибирского наблюдателя». В то же время нельзя забывать о том, что перед Потаниным в этот период стояли цели, которые корректировались в контексте крайне важных событий, происходивших как в его личной жизни, так и в жизни страны. Тесное переплетение этих факторов привело к тому, что проблематика инородческого вопроса, напрямую связанного с теми задачами издания, которые Потанин описывал Васильевой в письме от 19 июня 1903 г. и которые обозначил в первом выпуске от 4 мая 1903 г. в пояснении к фотографиям алтайских инородцев, была объединена с проблематикой внешнеполитических событий, касающихся Японии и Китая, – вопреки его критике такой же тенденции «Восточного обозрения». Вполне возможно также, что дрейф в сторону внешнеполитической повестки был продиктован не только военным временем, но также влиянием владельца издания, вопреки первоначальным планам Потанина.

Рассмотрим синтез этих тем, формирующий специфические ориенталистские дискурсы приложения, более подробно. В контексте инородческого вопроса прежде всего обращает на себя внимание явное преобладание темы Алтая и его индигенного населения: статьи Г.Н. Потанина, написанные специально для публикации в приложении, о китайских и монгольских темах географически также связаны с Алтаем – Алтайским горным округом Томской губернии, граничащем с монгольскими степями и Цинской империей. Эта тема формирует кольцевую композицию выпусков приложения, если рассматривать их в семиотическом отношении как единое целое: первый номер 1903 г. и последний номер 1904 г. содержат текстовую и иллюстративную информацию именно об инородческом населении Алтая. В целом преобладание алтайского топоса объясняется двумя причинами: во-первых, общим представлением областников (опирающемся на авторитетное мнение Н.М. Ядринцева) о том, что Алтай – это «метрополия сибирских тюрков», где лучше всего следует искать родство «сибирских инородцев с племенами средней Азии и Монголии» [23. С. 3], поскольку именно там население наименее затронуто инокультурным влиянием; а во-вторых, концепция Алтая (более точный локус – усадьба художника-инородца Г.И. Гуркина в «Чемальском тупике») как место любовной идиллии с М.Г. Васильевой начинает формироваться в сознании Г.Н. Потанина как раз в период болезненного разрыва с «Восточным обозрением» из-за «Байкала», о чем свидетельствует письмо из Красноярска от 22 февраля 1902 г. В дальнейшем Алтай так и останется в их переписке лейтмотивом «счастливого места», при этом включая в свою концептосферу, как это ни странно, не только азиатские, но и европейские коды [24. С. 286–289].

Кроме того, именно Алтай в 1904 г. будет очень плотно связан с темой Русско-японской войны¹, поскольку внезапное религиозно-националистическое «брожение» среди алтайских «калмыков» спровоцировало слухи о том, что это инспирировано Японией в целях дестабилизации русско-инородческих отношений в Сибири. В июне 1904 г. «Сибирская жизнь» не осталась в стороне от этих дискурсов, невольно нагнетая панические настроения непроверенной информацией:

Мирная жизнь алтайцев-кочевников сейчас нарушена появлением какого-то загадочного шарлатана, выдающего себя за пророка. <...> Про себя же этот новоявленный пророк говорит, что он по происхождению «японской крови» «Япон-готай», т.е. дядя японскому императору. Последнее обстоятельство заставляет сомневаться в местном происхождении шарлатана, тем более легендарный Ойрот в преданиях алтайцев ничего общего с династией японского императора не имеет [25. С. 3].

В более выдержанной статье В.Ф. Булгакова (псевд. – «Вал. Буля») от 17 июня 1904 г. «С Алтая» связь этих событий с войной устанавливается только опосредованно. В день выхода статьи Г.Н. Потанин написал письмо ее автору, в котором попросил во время этнографической экспедиции в Чемам обратить внимание на алтайские предания об Ойрот-хане и выяснить, наблюдается ли большой интерес «к газетным известиям о войне у местного и туземного населения» [18. Т. 5. С. 69]. Опасения Потанина были отнюдь не напрасны, поскольку несколько дней спустя, 21 июня 1904 г., общественные страхи спровоцировали массовое избиение алтайцев в долине Теренг отрядами под руководством бийского исправника В.И. Тукмачева. К иллюстрированному приложению от 18 июля 1904 г. Г.Н. Потанин успел подготовить большую успокоительную статью «Средне-азиатский мессианизм», в которой на историко-культурном материале доказывалась идея автохтонного происхождения мифа об Ойрот-хане, а напугавшие русскую публику моления алтайцев определялись как естественный процесс развития религиозного самосознания. Эти утопические мечты, по мнению лидера областничества, легко устраниются появлением «светских школ» [26. С. 4].

На примере статьи Потанина можно проанализировать интересную особенность использования иллюстративного материала в воскресном приложении: рисунки и фотографии не всегда прямо соответствовали статье, расположенной рядом, однако почти всегда можно установить косвенную связь, сигнализирующую о наличии подтекста – «свернутого» сообщения, которое могло быть без труда реконструировано всеми участниками областного дискурса. Таким образом, Потанин не просто иллюстрировал текстовую информацию, размещая фотографии и картинки «где придется», а формировал специфическую композицию выпусков, в которых текстовый и

¹ Связь алтайцев с японцами осталась и в более поздних дискурсах об Алтае: в 1937 г. Г.И. Чорос-Гуркин будет расстрелян по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии.

визуальный компонент заведомо вступали в сложные семиотические отношения. Формула «*текст – изображение – подпись к изображению – комментарий к изображению*» позволяла Потанину преодолеть ограниченный формат издания и вовлечь заинтересованного читателя в полемические дискурсы. Текстово-изобразительное единство иллюстрированного приложения при этом только самый низкий уровень интертекстуального единства, реализованного Потаниным в ролях автора и редактора: над этим располагалось единство каждого номера, а еще выше – единство всех номеров приложения, связанного единым дискурсом, в котором системы приемов и минус-приемов (например, отсутствие прямой злободневности) формировали сложнейшую по своей организации конструкцию зрелого областнического проекта.

Например, фотографическая иллюстрация «Китайские львы», располагающаяся на странице с упомянутой статьей Потанина об азиатском мессианизме, изображала сценку из костюмированного праздника в Харбине, а ориенталистское пояснение к фотографии гласило, что китайцы любят зрелища и процессии:

Косматые животные трясут своими огромными головами, страшно рычат, скрывая внутри себя жалкого полуголодного китайца, который едва может просуществовать на гроши, собираемые за представления. Вокруг собралась толпа, состоящая главным образом из солдат, с любопытством смотрящая на «китайские чудовища» [27. С. 4].

В этом контексте складывалась социальная и цивилизационная параллель между двумя типами угнетенных азиатов (алтайцев и китайцев), которые, будучи дикарями, любят костюмированные представления (бурханистские моления тоже могут быть вписаны в этот ряд). Однако если русские солдаты в Китае смотрят на азиатские чудачества с любопытством, свойственным представителям просвещенного мира, то на Алтае они испытывают страх и без разбора применяют насилие¹. Проблематика насилия в отношении азиатских субалтернов, естественная в контексте Русско-японской войны, приобретает на алтайском материале, таким образом, антиимперскую направленность, отражающую глубокие убеждения Г.Н. Потанина, основанные на областническом гуманизме и «восточной гипотезе»: еще в период подготовки материалов для «Байкала», в октябре 1901 г., он формулирует мысль, которая будет прослеживаться и в иллюстрированном приложении к «Сибирской жизни» – угнетенные инородцы, равно как и «босяки» в повестях А.М. Горького, должны изображаться «выше цивилизованного человека» [18. Т. 5. С. 43].

¹ Позднее, в письме В.Г. Короленко от 5 января 1905 г., Г.Н. Потанин прямо назовет главного организатора этого насилия – Алтайскую духовную миссию, ревностно воспринявшую появление нового языческого учения, которое мгновенно и очень успешно захватило умы большинства населения алтайских дючин, и подстрекавшую к «возмутительной расправе» [18. Т. 5. С. 73].

Код «угнетенного инородца» также хорошо просматривается в семиотической связке новеллы «Песнь о старых супругах» и комментированных фотографий черневых татар в VI приложении к № 35 «Сибирской жизни» от 15 февраля 1904 г. Новелла французского мастера колониального романа Пьера Лоти была заимствована из вышедшего в 1901 г. в Петербурге собрания его сочинений. Она повествовала о суровой жизни Тото-Сан и Кака-Сан, двух старых калек из Нагасаки, влачащих жалкое существование, но испытывающих друг к другу трогательные нежность и заботу:

Слепой Тото-Сан таскал за собою в маленьком ящике на колесах Кака-Сан, которая была разбита параличом <...> Их способ просить милостыню был скромн и порядочен; они не осаждали людей своим попрошайством, а просто и молча протягивали руки, несчастные сморщенные руки, на которых виднелись уже складки, как на мумиях <...> когда наступал вечер, приводя с собою холод и тьму под кедрами, когда священный ужас и тайна внезапно охватывали окрестности храмов и дороги, окаймленные чудищами, старые супруги как будто дряхлели и опускались [28. С. 3–4].

Далее следует описание смерти и погребения Кака-Сан во время их путешествия на богомолье «в храм богини Кваноны», и все, что осталось от несчастной японской старушки, которую так любил слепой супруг, другие богомольцы также попытались из санитарных соображений закопать:

Она натворила вещей в своем ящике крайне нечистоплотных, по весьма прости- тельной перед концом небрежности, и землекопы с отвращением предлагали по- кидать также в яму все эти вещи, выпачканные невероятной грязью: одеяло, ка- кие-то тряпицы, маленькие чашечки и фонарик [28. С. 4].

Обезумевший от горя Тото-Сан бросился на это тряпье, не позволяя отнять у него память о покойной супруге, но ситуацию спасла нищая старуха – она вызвалась постирать вещи в ручье. Две фотографии черневых татар, помещенные на странице с этими душещипательными описаниями, вполне иллюстрировали образы всех основных персонажей новеллы: на верхней фотографии крайне изможденные инородцы прочитываются как Тото-Сан, Кака-Сан (сидящая на ящике) и нищая старуха; на нижней фотографии словно бы изображены богомольцы, которые безучастно закопали старушку и готовы радостно отправиться дальше. Комментарии к рисункам также не оставляют сомнений в том, что редакция проводит параллели между несчастными существами «под кедрами», где бы эти кедры ни произрастали:

В лесной «черневой» части Кузнецкого и Бийского округов Томской губернии, по рекам Томи, Мрасу, Кондоме, Лебедю и др. проживают так называемые чер- невые татары <...> Занятия их составляют главным образом рыбная ловля, охота, промысел кедрового ореха <...> Живут они бедными «улусами» и кое-как снис- кивают свое незатейливое пропитание <...> Выбитым из колеи вследствие каких- либо особых случайностей приходится нищенствовать и за сбором они идут в бо- лее культурные места, где можно рассчитывать на более обильное подаяние, ка- ковы города Кузнецк и Бийск <...> Черневые инородцы малорослы, малосильны,

суровая окружающая природа наложила на них отпечаток робости, подавленности, а в их положении нищих они производят самое жалкое впечатление [29. С. 4].

Злободневную тему связи отечественных инородцев и Японии развивает в апрельских номерах иллюстрированного приложения 1904 г. Н.Я. Новомбергский, издавший незадолго до того книгу «Остров Сахалин» (1903), обличительный характер которой привел к невозможности для него далее занимать государственные должности. Его статья «Инородцы острова Сахалина» рисует картину тягостного сосуществования ссыльных поселенцев («невольных колонизаторов») и разных инородческих племен, на «прокормление» которых государство тратит миллионы рублей вместо того, чтобы приспособиться к использованию его естественных богатств. Вместе с тем в описаниях инородцев, сопровождаемых фотографиями из коллекций А.А. фон Фрикена и Такеси Иканавы, автор допускает иронию, представляя некоторые обычаи туземного населения в забавном свете:

Семейная жизнь гиляков носит следы взаимной любви супругов и уважения к старшим. Жена покупается за небольшой калым, почему нередко она приобретается в детском возрасте, когда стоит подешевле. Встречается многоженство <...> Неверность наказывается смертью. В родстве сохранились черты когда-то бывшего группового брака, в силу которого муж имел право на сестер своей жены, равно как последняя принадлежала всем его братьям. Вся тяжесть домашних работ безраздельно падает на женщину [30. С. 1–2].

Ирония видна и в сравнении влияния русских и японцев на одежду местного населения: если от русских инородцы приняли арестантское сукно, то от японцев – хорошую матерью. Основная мысль статьи, легко реконструируемая из связей изображений и текста, заключается в том, что инородческий вопрос на Сахалине стоит крайне остро, и при этом, несмотря на тридцатилетнее владение островом, русские оказывают либо негативное, либо совсем ничтожное влияние на жизнь диких племен – вывод вполне традиционный для областнического дискурса. Таким образом, связка изображения и текста – ориенталистский прием отстранения, позволяющий представить иначе позиции сибирских инородцев и японцев в дихотомии «свой–чужой». Она расширяла тематику инородческого дискурса, а разнообразные аспекты имперских и антиимперских нарративов формировали сложную и противоречивую картину взаимодействия русских с внутренними и внешними ориентализованными «Другими».

Характер этих и других материалов об инородцах в соответствии с областническими установками был, главным образом, связан с популяризацией знаний о коренном населении Сибири, его культуре и продвижении его политических и экономических интересов. Это было важно и для поддержания актуальности инородческого вопроса, и для формирования востребованного экзотического контента, и для эстетического развития сибирского читателя, включенного таким образом «в диалог русской и инородческой культур, который помогал становлению многонационального сибирского

общества и способствовал эстетическому развитию читателей» [11. С. 81]. Развитие смешанных (не исключительно текстовых) средств воздействия на публику стало очевидным трендом культурных и политических акторов на рубеже XIX и XX вв.

Иллюстративный материал об инородцах в этой связи представлялся областникам одним из самых эффективных средств зримого контакта с их культурой, особенно если он был представлен публике не только в виде публикаций, но и в виде живого диалога культур. Именно так обстояло дело в послевоенный период с двумя вечерами, презентующими томской публике инородческую культуру Сибири при непосредственном участии Г.Н. Потанина (он делал контекстные публикации в «Сибирской жизни» и непосредственно участвовал в организации): Доклад А.В. Анохина в Томском отделении Русского музыкального общества 22 марта 1908 г. и «Сибирский вечер» 20 февраля 1909 г. В письме С.Ф. Ольденбургу от 24 апреля 1908 г., Потанин сделал акцент на успехе изобразительного кода музыкального вечера: «Сначала алтаец Гуркин устроил выставку алтайских пейзажей масляными красками и сцен алтайской жизни; продал картины на 2000 с лишком рублей. Успех неожиданный!»¹ [18. Т. 5. С. 93]. А в объявлении о предстоящем 20 февраля 1909 г. костюмированном «Сибирском вечере», где распорядителем значился Г.Н. Потанин, а в программе были шаманские камлания и продажа фотографий, «рисующих быт сибирских народностей», жирным шрифтом выделена информация о том, что фотографии шамана наличествуют «в большом числе». Своеобразной рекламой этих иллюстраций (как и вечера в целом) служила статья Потанина «Алтайский кам (по поводу сибирского вечера)», опубликованная на с. 3 этого же номера «Сибирской жизни».

В течение 1903 г. в иллюстрированное приложение практически не проникали темы международной политики, редакторские усилия были сосредоточены на внутрисибирских вопросах. Однако в конце января 1904 г. война с Японией внесла существенные коррективы. Спрос на «Сибирскую жизнь» и ее приложение резко вырос, поскольку это был самый авторитетный и самый тиражный неофициальный источник информации о Русско-японской войне не только в Томске, но и по всей Сибири: официальные издания Томска, Красноярска и Иркутска в сравнении с «Сибирской жизнью» содержали небольшой новостной и аналитический материал, а другие частные газеты имели гораздо меньший тираж. Вторая по значимости частная газета Томска «Сибирский вестник», в которой также сотрудничал Потанин, смогла на волне дальневосточных событий увеличить свой тираж к 1905 г. с 2000 до

¹ Успех алтайского шамана Мампя, представленного томской публике 20 февраля 1909 г. (подробнее об этом см. в статье «Пребывание кама в Томске» [31. С. 3]) будет позднее закреплён в шоу, организованном С.И. Гуркиным в Политехническом музее Москвы в 1914 г., где в контексте камланий шамана Болчока успешно представлены картины с видами Алтая Г.И. Гуркина [32. С. 3].

7500 экземпляров, но все равно это было вдвое меньше тиража «Сибирской жизни».

Основные новостные материалы, касающиеся событий дальневосточного конфликта, – это перепечатки материалов прогрессивной газеты «Русское слово», издававшейся в Москве под редакцией В.М. Дорошевича и имевшей собственного военного корреспондента на Дальнем Востоке – В.И. Немировича-Данченко, и порт-артурской газеты «Новый край». Однако дискурсы ориентализма «Сибирской жизни» состояли не только из новостных, но и из аналитических материалов, у которых была важная особенность: Н.В. Жиликова обратила внимание на то, что в «Сибирской жизни» в канун Русско-японской войны «в 1903–1904 гг. появился новый корреспондент – русскоязычный японец Фусата-Сузуки. Его статьи знакомили сибиряков с бытом, традициями и обычаями Японии» [33. С. 58].

Эта информация крайне интересна тем, что дискурсы о Японии системно формировались японцем, а не отечественными ориенталистами, однако данные томского исследователя о нарративах Фусаты-Сузуки требуют важнейших уточнений. Дело в том, что Фусата-Сузуки (другие варианты подписи – Ф.С., Фусата Сузуки, Фусата-Сузукисан) появился в «Сибирской жизни» с указанием на то, что это специальный корреспондент, не в 1903 г., а значительно раньше: первая статья за подписью «Фусата-Сузуки» вышла 29 января 1902 г. и была посвящена бюджету Японии на 1902 г. (по материалам газеты «Осака Асахи») – за день до подписания союзного соглашения между Японией и Великобританией. Как показали дальнейшие события, это соглашение имело большое стратегическое значение для Японии в период подготовки будущей войны, поэтому не удивительно, что практически сразу после его обнародования в газетах разных стран, в том числе и в России, возникло бурное обсуждение истинных целей и возможных последствий такого неожиданного союза двух империй [34, 35]. В Томске в период войны газетная «японская тема» была актуальна также в связи с присутствием в городе большого количества японцев: по данным В.Г. Дацышена, Томск служил своего рода перевалочной базой для групп японцев, которых депортировали из Сибири или, наоборот, везли в Сибирь в качестве военнопленных и эти группы подолгу задерживались [36. С. 243–246].

Новостная информация о соглашении появилась в «Сибирской жизни» № 29 от 5 февраля 1902 г. после получения соответствующих телеграмм, и крайне важно понять, что практически с самого начала редакция заняла критическую позицию, в отличие от ряда изданий центральной российской прессы, представляя этот союз необдуманном для Японии и опасным для России – и эту позицию артикулировал японец, подвергшийся культурному влиянию России. Уже в следующем номере, в контексте статьи Фусата-Сузуки «Современное экономическое положение Японии», статья «Россия и Япония», помещенная без подписи в рубрику «Заграничная хроника», прямо указывала на столкновение интересов двух стран в Маньчжурии и Корее (соперничество за порт Мозанпо). Контекстуально это формировало

представление о том, что союз Японии и Британии вносит дестабилизирующий, угрожающий фактор в дальневосточные политические процессы России. Такие нарративы от лица «русскоязычного японца», передающего свежие новости из японских газет, безусловно, крайне интересовали публику.

Поэтому не удивительно, что 20 февраля 1902 г. редакция «Сибирской жизни», предчувствуя, что вероятный военный конфликт на Дальнем Востоке вновь после событий 1900 г. в Китае серьезнейшим образом отразится на жителях Сибири (дефицит импортных товаров, мобилизация, усиление цензуры и др.) анонсировала открытие специального отдела о Дальнем Востоке, в котором «время от времени» будут даваться «заметки о Дальнем Востоке, почерпнутые непосредственно из японских газет нашим сотрудником г. Фусата-Сузуки» [37. С. 1]. Материалы с подписью «прогрессивного» японца выходили практически еженедельно (порой даже ежедневно), представляя читателям уникальную возможность погрузиться в подробные сведения о быте, культуре, современном состоянии и истории этой страны в дискурсах гуманизма и цивилизаторства. Последний материал с подписью «Фусата-Сузуки» вышел 23 января 1904 г. – за 4 дня до нападения японских вооруженных сил на крейсер «Паллада» и броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан» на внешнем рейде Порт-Артура, послужившего фактическим началом необъявленной войны. Таким образом, если Фусата-Сузуки и продолжал поставлять материалы в «Сибирскую жизнь», как это указывает Н.В. Жиликова, то с 1904 г. они уже не были и не могли быть аффилированы с ним по требованиям военной цензуры. Однако в «Сибирском наблюдателе», выходившем под редакцией В.А. Долгорукова, научно-популярные и художественные материалы японца выходили и в 1904 и в 1905 гг. Отсутствие материалов этого автора в потанинском приложении может быть объяснено редакторской позицией – нежеланием перегружать приложение общественно-политической злободневностью.

В течение 1904 г., когда исход столкновения был еще не вполне ясен, а в центральной российской прессе царили ультрапатриотические настроения, недооценивающие противника (японцев текстово и в многочисленных карикатурах представляли развратными «карликами», «обезьянами», «макаками», которых ничего не стоит разогнать), «Сибирская жизнь» формировала более сложный нарратив о Японии, ее внутренних противоречивых мнениях и о японском империализме, который был не столько основан на врожденных чертах ориентализованной японской нации, сколько бпривнесен извне в результате трансфера немецких и американских империалистических дискурсов [38. С. 2]. С другой стороны, и российский империализм со ссылкой на центральную прессу получал вполне логичные объяснения и оправдания как миролюбивый и прагматичный: вскоре после начала войны в перепечатанном фельетоне Дорошевича из «Русского слова» утверждалось, что стремительное проникновение Российской империи в сторону Кореи и Маньчжурии, вопреки очевидным интересам Японии, было вызвано законным стремлением защитить свои дальневосточные и сибирские владе-

ния [39. С. 2]. Таким образом, сибиряки, которые в ближайшее время подвергнутся мобилизации, должны осознать, что воюют далеко за пределами отечества не только за общеимперские интересы, но и за безопасность и спокойствие Сибири. Это соответствовало областническим устремлениям только отчасти.

Дело в том, что начиная с № 29 от 6 февраля 1904 г. в основных выпусках «Сибирской жизни» впервые появляется иллюстративный материал о Японии¹, характер которого входил в определенное противоречие материалу иллюстрированного приложения в течение 1904 г.: если потанинское приложение на первый план выдвигало позитивную культурологическую проблематику (на фоне сложного положения российских сил на фронте это несло антиимперский посыл), то фотографии и рисунки «Сибирской жизни» скорее поддерживали имперский дискурс, несмотря на общее прогрессивное направление издания. В 1905 г. рисунки и фотографии «Сибирской жизни», иллюстрирующие могилы русских офицеров на берегу чужого моря, будут помогать конструировать уже антиимперские и антиправительственные идеи. Однако в 1904 г. это могло послужить одной из причин если не конфликта Потанина и Макушина, то по крайней мере решения последнего прекратить выпуски издания, чей гуманистический по отношению к японцам посыл будет ярко контрастировать с окружающей реальностью.

Первый после начала войны номер иллюстрированного приложения от 1 февраля 1904 г. открывается фотографиями благообразных японских девушек и видов «священной горы Фуджи-Яма», разбавляющими окончание статьи Потанина (подписана «Г.П.») об образах сибиряков в русской литературе. В обществе царит гнетущая атмосфера, сибиряки с нетерпением ждут вестей с Дальнего Востока, а иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни» приступает к публикации огромного, растянувшегося на три выпуска материала о Японии, – статьи некоего Н. С-ъ² «Страна восходящего солнца», в которой Япония – это «замечательная», «сказочная страна», «могущественная держава», обратившая на себя внимание всего мира [40. С. 2–3]:

¹ Большая часть рисунков и фотографий, опубликованных в «Сибирской жизни» в течение 1904–1905 гг., была напрямую связана именно с Русско-японской войной. Всего, кроме указанного номера, иллюстративный материал о войне обнаруживается в следующих выпусках: в 1904 г. – № 65, 104, 114, 138, 149, 160, 171, 182, 183, 194, 202, 204, 215, 227, 238, 250, 261, 272, 278.; в 1905 г. – № 1, 6, 12, 18, 24, 29, 41, 51, 57, 63, 68, 74, 80, 92, 97, 107, 111, 117, 122, 128, 134, 139, 145, 151, 156, 161, 167, 172, 178, 183, 188, 199.

² В настоящее время не удается без сомнений атрибутировать псевдоним «Н. С-ъ», однако можно предположить, что это не встречавшийся ранее вариант псевдонима «Н. Степняк», которым подписывался Н.Ф. Олигер. Осенью 1903 г. Н. Степняк уже публиковал большой ориенталистский материал в «Сибирской жизни» – «Квантунские наброски», указывая, что пишет из Порт-Артура. В потанинском приложении с подписью «Н. Степняк» публиковался только художественный материал: фельетон «Нервы» и рассказ «Удачная охота».

В предлагаемых очерках мы займемся этой злободневной темой – Японией. Конечно, в узких рамках газетной статьи невозможно дать сколько-нибудь полного и всестороннего освещения предмета, – но тем не менее, насколько это будет в наших силах, мы постараемся набросать наиболее характерные и выпуклые черты жизни и нравов этой замечательной страны <...> Страна Восходящего солнца глубоко интересна для изучения не только в силу случайных, временных обстоятельств; нам полезно было бы знать о ней больше и в том случае, если бы политический горизонт востока был ясен и чист» [40. С. 2].

В то же время явное противоречие основному дискурсу о Японии как вероломном агрессоре не мешает выстраивать ориенталистский дискурс вокруг проблемы «подражательности» и «примитивности» японской культуры, основываясь на трудах европейских ориенталистов. Так, не только фотографии, но и большая часть информации о Японии были заимствованы автором статьи из книги австрийского путешественника Эрнста фон Гессе-Вартега «Япония и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии», вышедшей в Петербурге в 1902 г. с предисловием и комментариями отечественного путешественника и публициста Д.И. Шрейдера. Несмотря на явное стремление смягчить тон источника, в отношении образов японских девушек, статья сохраняет одну из ключевых идеологем западноевропейского ориентализма: Восток привлекателен до тех пор, пока не начинает примерять на себя европейские одежды. В этот момент происходит грустный переход «от прекрасного к безобразному» [41. С. 52]:

Женщины, милovidные японские женщины, теряют в европейских платьях все свое обаяние. Изящная, грациозная «мусмэ» превращается в неуклюжую дурнушку с угловатыми очертаниями, толстой талией, безобразной походкой [40. С. 3].

Соответственно, и наоборот: когда автор описывает их традиционные одеяния, в тексте возникает предсказуемый эротический код, общий для бесчисленных (колониальных в своей основе) нарративов о вожделенных женщинах Востока (см., например: [42. Р. 267]). Референции к баннам и гаремным сюжетам, основанным на экзотическом понимании нравственности и стыдливости, а также рассуждения о полном отсутствии понятия любви у японцев помогают автору иллюстрированного приложения в конечном итоге закрепить цивилизационную дистанцию, которую не в силах разрушить никакое европейское влияние. Несоответствие расовых черт японцев (и других азиатов) европейскому костному является особой сферой имперской имагологии, поскольку семиотически восточная женщина замещает в этих дискурсах само понятие колонии как объекта воображения, оценки и присвоения, тогда как японский мужчина несет в себе семантику «угрозы» (подтекстово – «желтой опасности»). Семантика угрозы, исходящей от японских мужчин, прочитывалась только подтекстово и не являлась магистральной темой статей иллюстрированного приложения. Как заметили Н.Е. Никонова и М. Абудуваили, в томской прессе 1903–1905 гг. это был основной тренд, осознанно противопоставленный западноевропейскому ориентализму [2. С. 237].

Однако относительно других сфер восточной культуры (литература, искусство, общественные отношения, технологии, пресса и т.д.) автор допускает прямо противоположные рассуждения: архаичные черты под влиянием более развитой европейской цивилизации постепенно уйдут в прошлое. Например, врожденное чувство прекрасного позволяет японцам воспринимать творения Л.Н. Толстого, и значит у них появятся свои достойные авторы. Пока же, пишет Н. С-ъ, со ссылкой на Гессе-Вартега и Б. Чемберлена¹, «в японской литературе отсутствует гений, идея, логика, глубина, широта и разносторонность», а «преобладающее большинство японских романов представляют собою не больше, как бабьи сказки или разные приключения» [40. С. 3]. Приближение японской литературы к европейским канонам поднимет ее статус и позволит, таким образом, не столько сделать ее европейской, сколько заменить архаичные формы модерными, т.е. сделать более удобными для европейского восприятия.

Интересно, что стремление Н. С-ъ смягчить тон в отношении разных проявлений японской цивилизации согласуется с мнением редактора и комментатора книги Гессе-Вартега Д.И. Шрейдера, бывшего корреспондента прогрессивных «Русских ведомостей», автора фундаментальных книг о Дальнем Востоке и отдельных фотографий, помещенных в этот русский перевод, – в предисловии и в отдельных комментариях Шрейдер прямо заявляет свое несогласие с негативными оценками японской культуры. На следующей странице, после цитаты с резкой оценкой Чемберлена, автор статьи в иллюстрированном приложении мог увидеть примечание Д.И. Шрейдера, в котором он упрекает подобный стереотипный взгляд, основанный на «личной, эгоистичной неудовлетворенности» [41. С. 127], фактически утверждая, что Япония является не объектом, а субъектом модернизации.

Отношение японцев к европейской культуре, таким образом, имеет одновременно антиколониальный характер и признаки сознательного выбора: их европеизация избирательна по причине справедливого недоверия к «данайцам нового времени» [41. С. V], и именно эта избирательность при сохранении лучших национальных черт является причиной их стремительных успехов, которые не видны в имперскую оптику. Эта формула Шрейдера вполне согласуется не только с областническими формулами одновременного сохранения культурного богатства народов Сибири и приобщения их к общечеловеческим ценностям западной цивилизации: инородцы Сибири, так же как японцы, имеют право на то, чтобы их воспринимали всерьез, их интересы учитывались, а их культурное наследие не подвергалось насмешкам, как примитивное и варварское, а изучалось и популяризировано.

¹ Оба цитируемых автором фрагмента располагаются на соседних страницах книги Гессе-Вартеги, что не позволяет говорить о том, что при написании статьи он непосредственно использовал знаменитый труд япониста Бэзила Чемберлена, изданный в Йокотаме, «Things Japanese; being notes on various subjects connected with Japan for the use of travellers and others» (1891).

лось. Проблема в том, что в отличие от японцев, сибирские «Другие» не демонстрируют признаков культурного и национального самосознания, а сибирские носители цивилизационного начала не вполне осознают свою миссию по отношению к Востоку, на какой бы части имажинативной карты мира он не был обнаружен.

В заключение необходимо подчеркнуть, что материалы об инородцах Сибири и жителях Японии (а также контекстуально и Китая, Тибета, Монголии) в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» в рецептивном и концептуальном отношениях были синтезом ориенталистских дискурсов, которые накануне и в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. транслировали специфические областнические нарративы о внутренних и внешних восточных «Других». Благодаря редакторской работе Г.Н. Потанина для читателей приложения судьбы этих восточных «Других» были непосредственно связаны с Сибирью, ее колониальным прошлым, полуколониальным настоящим и гипотетическим постколониальным будущим. Именно этот идейно-тематический комплекс позволяет нам говорить о том, что в период работы Г.Н. Потанина над материалами иллюстрированного приложения в рамках дискурсов позднего областничества происходило формирование специфического дискурсивного поля «сибирского ориентализма» – сложного, не лишённого противоречий комплекса высказываний о Сибири в отношении ее к внутреннему и внешнему Востоку.

Список источников

1. Чуркин М.К. Коренное население Сибири и Степного края как «субалтерны» империи в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2019. Т. 27. С. 27–35.
2. Никонова Н.Е., Абудуваили М. Образы Японии в периодике регионов Российской империи рубежа XIX–XX вв.: переводная литература как имагологический инструмент // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 230–246.
3. Pereira N.G.O. Regional Consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. March 1988. Vol. 30, № 1. P. 112–133
4. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 419 с.
5. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 548 с.
6. Левитов И. Желтороссия, как буферная колония. СПб. : Типография Г.А. Бернштейна, 1905. 120 с.
7. Цыремпилов Н.В. Буддизм в христианской империи: Трансформации бурятской буддийской сангхи в имперской России // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 88–99.
8. Схиммельпенник Ван Дер Ойе Д. Императорская Россия: Большая игра в Тибете? // Родина. 2012. № 11. С. 136–139.
9. Россия и Китай: четыре века взаимодействия: История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М. : Весь Мир, 2013. 704 с.

10. Ваганова И.В. Г.Н. Потанин и газета «Сибирская жизнь»: грани сотрудничества // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14) С. 83–86.
11. Жилякова Н.В., Шевцов В.В. «Знакомить читателей с бытом сибирского населения»: роль иллюстраций в осуществлении диалога культур («Сибирская Жизнь», 1903 год) // Диалог культур в медиапространстве: материалы Международного научного онлайн-семинара, СКФУ, 23 апреля 2021 г. / отв. ред. О.А. Ганжара, И.А. Орден. Ставрополь, 2021. С. 79–81.
12. Жилякова Н.В. Глава 5. «Сибирская жизнь» (1887–1919): четверть века под цензурным прицелом // «Секретно. Конфиденциально»: цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск, 2022. С. 188–236.
13. Потанин Г. Областная тенденция в Сибири. Томск : Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.
14. Андра Р. Как живут в Лхассе // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 166. 1 авг.
15. Mehra P. In the Eyes of Its Beholders: The Younghusband Expedition (1903/04) and Contemporary Media // Modern Asian Studies. 2005. № 39 (3). P. 725–739.
16. Жилякова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 444 с.
17. [Объявление] // Сибирская жизнь. 1903. № 4. 5 янв.
18. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 272 с.
19. Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / сост. Н.В. Васенькин, Г.И. Колосова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
20. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
21. Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с.
22. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.
23. Ядринцев Н.М. Об алтайцах и черневых татарах. СПб. : Типография В. Безобразова и К, 1881. 27 с.
24. Шастина Т.П. «Гений местности» – Г.Н. Потанин об усадьбе художника Г.И. Гуркина на Алтае // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 276–297.
25. Еще из рассказов об Ойроте // Сибирская жизнь. 1904. № 132. 20 июня.
26. Потанин Г. Средне-азиатский мессианизм // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 155. 18 июля.
27. К рисункам.: Китайские львы // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 155. 18 июля.
28. Лоти П. Песнь о старых супругах // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 35. 15 февр.
29. К рисункам // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 35. 15 февр.
30. Новомбергский Н. Инородцы острова Сахалина // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 77. 11 марта.
31. Пребывание кама в Томске // Сибирская жизнь. 1909. № 46. 28 февраля.
32. Сибиряки в Москве // Сибирская жизнь. 1914. № 66. 28 марта.
33. Жилякова Н.В. Особенности освещения международной жизни в дореволюционной журналистике Сибири // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20–21 октября 2015 г. М., 2015. С. 56–60.

34. Цыганова И.В. Англо-японский союзный договор 1902 г. в оценках русской периодической печати // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания : материалы Международной научной конференции, Чебоксары, 23–24 апреля 2021 г. Чебоксары, 2021. С. 64–70.
35. Проконин Ф.И. Британская пресса об Англо-японском союзе 1902 года // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 3 (53). С. 106–113.
36. Дацьшен В.Г. Депортированные и военнопленные японцы в Сибири в 1904–1905 гг. // Япония: ежегодник. 2007. № 36. С. 240–249.
37. На Дальнем Востоке // Сибирская жизнь. 1902. № 42. 20 февр.
38. Японский империализм // Сибирская жизнь. 1904. № 77. 11 апр.
39. Война // Сибирская жизнь. 1904. № 25. 31 янв.
40. Н. С-ъ. Страна восходящего солнца // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 26. 1 февраля.
41. Гессе-Вартег фон Э. Япония и японцы: жизнь, нравы и обычаи современной Японии. СПб. : А.Ф. Девриен, 1902. 284 с.
42. Driss H. Closed to Oriental Heroines: Ethos of the Colonial Text // Middle East Studies Association Bulletin. 2003. № 36(2). P. 164–188.

References

1. Churkin, M.K. (2019) The indigenous population of Siberia and the Steppe region as “subalterns” of the empire in the socio-political discourse of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 27. pp. 27–35. (In Russian).
2. Nikonova, N.E. & Abuduvaili, M. (2021) Images of Japan in The Periodicals of the Russian Empire Regions at the Turn of the 20th Century: Translated Literature as an Imagological Tool. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 73. pp. 230–246. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/73/13
3. Pereira, N.G.O. (1988) Regional Consciousness in Siberia before and after October 1917. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. March. 30 (1). pp. 112–133
4. Schimmelpennink van der Oye, D. (2009) Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiey [Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
5. Gerasi, R. (2013) *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Levitov, I. (1905) *Zheltorossiya, kak bufernaya koloniya* [Yellowrussia as a buffer colony]. St. Petersburg: Tipografiya inzh. G.A. Bernshteyna.
7. Tsyrempilov, N.V. (2011) Buddhism in the Christian Empire: Transformations of the Buryat Buddhist Sangha in Imperial Russia. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 1. pp. 88–99. (In Russian).
8. Schimmelpennink van der Oye, D. (2012) Imperatorskaya Rossiya: Bol’shaya igra v Tibete? [Imperial Russia: Great Game in Tibet?]. *Rodina*. 11. pp. 136–139.
9. Lukin, A.V. (ed.) (2013) *Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy* [Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects for the development of Russian-Chinese relations]. Moscow: Ves’ Mir.
10. Vaganova, I.V. (2011) G.N. Potanin and the newspaper “Sibirskaya Zhizn”: facets of cooperation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 83–86. (In Russian).
11. Zhilyakova, N.V. & Shevtsov, V.V. (2021) [“To acquaint readers with the life of the Siberian population”: the role of illustrations in the implementation of a dialogue of cultures

(“Sibirskaya Zhizn”, 1903)]. In: Ganzhar, O.A. & Orden, I.A. (eds) *Dialog kul'tur v mediaprostranstve* [Dialogue of cultures in the media space]. Proceedings of the International Online Seminar. NCFU. 23 April 2021). Stavropol: NCFU. pp. 79–81. (In Russian).

12. Zhilyakova, N.V. (2022) Glava 5. “Sibirskaya zhizn” (1887–1919): chetvert' veka pod tsenzurnym pritselom [Chapter 5. “Sibirskaya Zhizn” (1887–1919): a quarter of a century under censorship]. In: “*Sekretno. Konfidentsial'no*”: *tsenzurnaya istoriya zhurnalistiki Tomskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [“Secret. Confidential”: censorship history of journalism in Tomsk Province (second half of the 19th century – beginning of the 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 188–236.

13. Potanin, G. (1907) *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [Regionalist trend in Siberia]. Tomsk: Parovaya tipografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.

14. Andra, R. (1904) Kak zhivut v Lkhasse [How they live in Lhasa]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn”*. 166. 1 August.

15. Mehra, P. (2005) In the Eyes of Its Beholders: The Younghusband Expedition (1903–04) and Contemporary Media. *Modern Asian Studies*. 39 (3). pp. 725–739.

16. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism of the city of Tomsk (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.

17. *Sibirskaya zhizn*. (1903) [Ob’yavlenie] [Announcement]. 4. 5 January.

18. Grumm-Grzhimaylo, A.G., Koval, S.F. & Yanovskiy, N.N. (eds) (1991) *Pis'ma G.N. Potanina: v 5 t.* [G. N. Potanin's Letters: in 5 vols]. Irkutsk: ISU.

19. Potanin, G.N. & Vasil'eva, M.G. (2004) “*Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoey lyubov'yu*”: *Perepiska* [“I want to serve you, to dress you with my love”: Correspondence]. Tomsk: Tomsk State University.

20. Popov, I.I. (1989) *Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora* [Forgotten Irkutsk pages: Notes from the editor]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

21. Adrianov, A.V. (2007) “*Dorogoy Grigoriy Nikolaevich...*”: *Pis'ma G.N. Potaninu* [“Dear Grigory Nikolaevich...”: Letters to G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University.

22. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastничество v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: Sova.

23. Yadrintsev, N.M. (1881) *Ob altayskikh i chernykh tatarakh* [About the Altaians and Black Tatars]. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i K.

24. Shastina, T.P. (2020) The “Genius Loci”: Grigory Potanin on Artist Grigory Gurkin's Manor in Altai. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 66. pp. 276–297. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/66/15

25. *Sibirskaya zhizn*. (1904) Eshche iz rasskazov ob Oyrote [More stories about Oiro]. 132. 20 June.

26. Potanin, G. (1904) Sredne-aziatskiy messianizm [Central Asian messianism]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn”*. 155. 18 July.

27. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn”*. (1904) K risunkam. Kitayskie l'vy [To the drawings. Chinese lions]. 155. 18 July.

28. Loti, P. (1904) Pesn' o starykh suprugakh [Song of the Old Spouses]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn”*. 35. 15 February.

29. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn”*. (1904) K risunkam [To the drawings]. 35. 15 February.

30. Novombergskiy, N. (1904) Inorodtsy ostrova Sakhalina [Foreigners of Sakhalin Island]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn”*. 77. 11 March.

31. *Sibirskaya zhizn*. (1909) Prebyvanie kama v Tomске [Shaman's stay in Tomsk]. 46. 28 February.

32. *Sibirskaya zhizn*. (1914) Sibiryaki v Moskve [Siberians in Moscow]. 66. 28 March.

33. Zhilyakova, N.V. (2015) [Peculiarities of covering international life in pre-revolutionary journalism in Siberia]. *Sredstva massovoy kommunikatsii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy* [Mass communications in a multipolar world: problems and prospects]. Conference Proceedings. Moscow. 20–21 October 2015. Moscow: RUDN. pp. 56–60. (In Russian).

34. Tsyganova, I.V. (2021) Anglo-yaponskiy soyuznyy dogovor 1902 g. v otsenkakh russkoy periodicheskoy pechati [The Anglo-Japanese Union Treaty of 1902 in the assessments of Russian periodicals]. *Mezhdistsiplinarnyy potentsial ustnoy istorii i novye puti razvitiya istoricheskogo znaniya* [Interdisciplinary potential of oral history and new ways of developing historical knowledge]. Proceedings of the International Conference. Cheboksary. 23–24 April 2021. Cheboksary: Izdatel'skiy dom "Sreda". pp. 64–70. (In Russian).

35. Prokonin, F.I. (2022) British press on the Anglo-Japanese Alliance of 1902. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (53). pp. 106–113. (In Russian).

36. Datsyshen, V.G. (2007) Deportirovannye i voennoplennyye yaponsy v Sibiri v 1904–1905 gg. [Japanese deportees and prisoners of war in Siberia in 1904–1905]. *Yaponiya. Ezhegodnik*. 36. pp. 240–249.

37. *Sibirskaya zhizn'*. (1902) Na Dal'nem Vostoke [In the Far East]. 42. 20 February.

38. *Sibirskaya zhizn'*. (1904) Yaponskiy imperializm [Japanese Imperialism]. 77. 11 April.

39. *Sibirskaya zhizn'*. (1904) Voyna [War]. 25. 31 January.

40. N. S-?. (1904) Strana voskhodyashchego solntsa [Land of the Rising Sun]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete "Sibirskaya zhizn'"*. 26. 1 February.

41. von Gesse-Varteg, E. (1902) *Yaponiya i yaponsy. Zhizn', nrvy i obychai sovremennoy Yaponii* [Japan and the Japanese. Life, morals and customs of modern Japan]. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.

42. Driss, H. (2003) Closed to Oriental Heroines: Ethos of the Colonial Text. *Middle East Studies Association Bulletin*. 36 (2). pp. 164–188.

Информация об авторах:

Алексеев П.В. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Шарыпова В.С. – научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия), магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sharypova_v@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.V. Alekseev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian Language and Literature, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

V.S. Sharypova, research fellow, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation); master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sharypova_v@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.10.2023;
одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 23.10.2023;
approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья

УДК 82

doi: 10.17223/19986645/90/9

Сюжет путешествия в повести А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Статья 1. Внутренний диалог лирического героя как способ преодоления онтологической дезориентации

Екатерина Дмитриевна Буханова^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия*
^{1,2} *Ekaterinabuhh@mail.ru*

Аннотация. Статья является первой из двух публикаций, посвящённых повести-путешествию А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). В центре внимания оказываются «перипатетические» диалоги, которые герой-рассказчик ведёт со своим другом доктором Д. Беседы персонажей интерпретируются как факт реальной коммуникации, как раздвоение сознания героя, как метафора диалогического мышления писателя. К концу повести экологический, этологический модусы диалогов сменяются онтологическим, гносеологическим.

Ключевые слова: А.Г. Битов, «Оглашенные», «Птицы, или Оглашение человека», сюжет путешествия, диалог

Для цитирования: Буханова Е.Д. Сюжет путешествия в повести А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Статья 1. Внутренний диалог лирического героя как способ преодоления онтологической дезориентации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 183–206. doi: 10.17223/19986645/90/9

Original article

doi: 10.17223/19986645/90/9

The plot of the journey in Andrei Bitov's story *Birds, or The Catechesis of Man* (1971, 1975). Article One. A lyrical hero's inner dialogue as a way to overcome ontological disorientation

Ekaterina D. Buhanova^{1,2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation*

^{1,2} *Ekaterinabuhh@mail.ru*

Abstract. This article is the first of two publications devoted to the poetics of Andrei Bitov's travel story *Birds, or The Catechesis of Man* (1971, 1975) – the first part

of the tetralogy novel *The Catechumens* (1970–2018). The aim of the article is to consider the line of internal dialogue conducted by the lyrical hero as a way he found to overcome ontological disorientation. Semiotic, narratological, intertextual, and cultural methods were chosen as the main research methods. A review of the works of literary predecessors shows the need to expand the analysis of the story in question as a history of mental wandering. A general description of the story's problems reveals the multi-component nature of its semantic structure, which includes the plot of the journey, the natural-philosophical digressions of the narrator, and the plot of the mental split of the lyrical hero. The theoretical basis of the study is justified as corresponding to the latest sociocultural trends. The title of the story is interpreted as a metaphor for the spiritual path. In the analytical section of the article, the focus is on the line of "peripatetic" dialogues that the hero-narrator conducts with his friend Doctor D. The characters' conversations are interpreted as a fact of real communication, as a split consciousness of the lyrical hero, and as a metaphor for the writer's dialogical thinking. In Bitov's story, three dialogues between the narrator and the doctor are consistently highlighted. The first of them, starting in the lecture hall and in the laboratory at the biostation and continuing in the Curonian dunes, reveals a focus on zoology, ecology and ethology as the spheres of D.'s scientific interests and gives an idea of man as a "biological creature". The second and third conversations, localized on the Baltic coast, concentrate respectively on the mystery of the origin of the Universe and on the question of man's place in the landscape of existence. The mask of a layman adopted by the "student" narrator is considered as a variant of "Socratic" "wise ignorance" (according to Mikhail Bakhtin). The evolution of the problematics of dialogues is revealed: ecological, ethological modes at the beginning of the story and ontological, epistemological at the end. It is concluded that the soteriological meaning of the dialogue lies in overcoming the ontological disorientation of man as a reconciliation of the worldviews of the scientist and the artist, the philosopher and the layman, the ethologist and the Christian, in the convergence of antinomian ideas about man as an "ecological sinner" and as a co-creator of the Cosmos itself. The dynamics of the image of consciousness of the lyrical hero are stated. By the end of the story he comes to the understanding that the natural scientific picture of the world only confirms the image of the Logos as a plan for the world, primary in relation to it. It is argued that, by the end of the story, the hero's thinking undergoes the transformation that is extremely achievable for him at this moment, and approaches the reconciliation of the antinomies of the empirical and intuitionistic, natural and civilizational, cosmogonic and eschatological.

Keywords: Andrei Bitov, *The Catechumens*, *Birds*, or *The Catechesis of Man*, plot of journey, dialogue

For citation: Buhanova, E.D. (2024) The plot of the journey in Andrei Bitov's story *Birds*, or *The Catechesis of Man* (1971, 1975). Article One. A lyrical hero's inner dialogue as a way to overcome ontological disorientation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 183–206. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/9

Статья посвящена творчеству современного российского автора А.Г. Битова (1937–2018). В начале своего писательского пути, во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., Битов экспериментировал с игровой поэтикой (в очерках будущего сборника «Аптекарский проспект, б»), повести «Одна страна» и др.) и осваивал исповедальную эстетику в ранней психологической прозе (в лирических новеллах, вошедших в сборники «Больш-

шой шар» и «Аптекарский остров», в повестях-путешествиях). На пересечении этих линий росла зрелая философско-аналитическая проза Битова 1960–1980 гг.: путешествия non-fiction («Колесо», «Наш человек в Хиве», «Уроки Армении», «Грузинский альбом» и др.), романы «Пушкинский дом» и «Улетающий Монахов».

Метатекстуальная, имагологическая, философская проблематика углублялась по мере его работы над романами «Оглашенные» и «Преподаватель симметрии», начатыми в 1971 г. и завершёнными в 2010-х гг. В 1990–2010 гг. интеллектуально-культурные поиски Битова продолжались и в литературно-критической и эссеистской прозе, вошедшей в сборники «Неизбежность ненаписанного», «Статьи из романа», «Пятое измерение» и др. Это позволяет исследователям по-разному оценивать мировоззренческую доминанту художественной прозы Битова: реализм [1, 2], постмодернизм [3, 4], экзистенциальная [5, 6] или онтологическая [7, 8] поэтика.

Несмотря на постоянный интерес современного литературоведения к творчеству Битова, на настоящий момент нет полной классификации и исследования в прозе Битова сюжета путешествия, который он сам трактовал как универсальную модель – «познание в движении», «освобождение», переход от жизни к письму, к созданию «образа жизни» [9].

Роман «Оглашенные» (1970–2018) первоначально был составлен Битовым в 1995 г. из трёх ранее написанных им повестей, дополненных элементами, связующими их в единый роман. Книга получила авторский жанровый подзаголовок «роман-странствие», подчёркивающий семантику «прежде всего духовного странничества» [3]. В 2011 г. текст «Оглашенных» был дополнен четвёртой частью и в 2018 г. опубликован как «тетраптих». Таким образом, свой окончательный завершённый вид роман в повестях принял почти через 50 лет после начала работы над ним. Четыре повести разной жанровой природы связаны здесь единой наррацией лирического героя, расширяющего границы индивидуального опыта в поиске новых сюжетов:

1. Первая часть – вариация перипатетического диалога «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). На балтийской биостанции герой общается к быту учёных-орнитологов и ведёт с одним из них, доктором Д., этологические споры. В основу повести легли реальные впечатления Битова об очередной (седьмой) поездке на биостанцию на Куршской косе, к своему другу орнитологу Виктору Дольнику. Однако на первый план выходит метафорический сюжет пути к духовному перерождению – через проверку научной картины мира и открытие внерациональных форм мышления.

2. Вторая часть – травестия ментального путешествия «Человек в пейзаже» (1983). Место действия отсылает к реальному локусу – подмосковному Коломенскому, однако в сюжете доминируют фантазмагорические мотивы. Лирический герой обретает нового учителя – художника-философа Павла Петровича – и бродяжничает с ним, внимая его лекции о феноменологии искусства и о миссии человека как созерцателя Творения.

3. Третья часть – стилизация античной мениппеи «Ожидание обезьян» (1993). Поездка рассказчика в Абхазию к обезьяньему питомнику оборачивается маргинальными похождениями в составе «интернациональной» компании, сопоставимыми с приключениями героев Петрония и Апулея. «Учителя» рассказчика из предыдущих повестей сходятся на общей локации для моделирования универсальной картины мира, адекватной условиям постсоветской реальности. Вернувшегося домой, в Москву, автора от описания путешествия отвлекает историческая драма – распад советской Империи; однако визионерский опыт убеждает его в том, что на всё Божья воля.

4. Четвёртая часть – поминальное голошение-эпилог «Последний из оглашенных» (2012). Герой-повествователь в последний раз встречается со своим наставником-художником, вспоминает павших друзей – «солдат Империи» [10. С. 333] и завершает роман.

Таким образом, во всех частях романа сюжет реального путешествия преобразуется в сюжет ментальный. Настоящая статья является первой из двух публикаций, посвящённых поэтике повести «Птицы, или Оглашение человека». Внимание фокусируется на линии философских диалогов, которые приехавший на Куршскую косу автобиографический герой повести ведёт со своим другом – директором расположенной на Косе биостанции. Повесть «Птицы...» единственная в романе выпадает из «мениппейного» ряда: в ней изображается беседа героя-рассказчика, профана (но не маргинала), с учёным и задаётся оригинальный философический пафос, профанируемый в последующих повестях.

Для уточнения собственного ракурса исследования остановимся на наиболее существенных трактовках повести от 1980-х до 2020-х гг. Л. Аннинский уже в конце 1980-х гг. назвал повесть «ностальгией» по пойманной Битовым ранее в «Уроках Армении» (1969) ясности бытия, на месте которой к 1970-м гг. образовалась «экологическая, гносеологическая, философская воронка» [1. С. 26–27] – отзвук социокультурной ситуации нарастающего разочарования и скепсиса. В 1990-е гг. Э. Чансес в одной из первых посвящённых Битову монографий («Andrei Bitov: The Ecology of Inspiration», 1993, русский перевод 2006) рассмотрела повесть как органический элемент сборника «Дни человека» 1976 г., в который, помимо повести «Птицы...», вошли роман «Роль» («Улетающий Монахов») и несколько глав романа «Пушкинский дом». Исследователь сосредоточилась на заявленном в повести вопросе о возможности понимания *Другого* и на проблеме пограничного положения человека в бытии [2. С. 168–170].

Книга Чансес дала представление о битовской прозе как об «экологической», однако вскоре после её создания Битов переместил повесть «Птицы...» в роман «Оглашенные». Новый контекст определил перенос акцента с антропологической парадигмы (письмо как способ моделирования и осмысления жизненного пути человека) – на универсальную (поиск места человека в онтологии, рефлексия его способности слышать голос бытия).

В 2000-е гг. интерес к «Птицам...» не ослабел, и произведение получило новые трактовки. М.А. Гурьянова в диссертации 2008 г. о прозе Битова 1960–

1970-х гг. рассмотрела повесть точно, а также в рамках сборника «Дни человека» как «романа-черновика». Исследователь указала на эссеизм повести, её парадоксализм и энциклопедизм, на перемежение сюжета сократических диалогов рефлексией «запутавшегося в “вечных вопросах”, не-пишущего писателя» [11. С. 134–137]. Однако определение жанра произведения как «эссе» обусловило недостаток внимания к фабульному компоненту в структуре повести. М.Д. Андрианова, в диссертации 2011 г. рассмотревшая роман «Оглашенные» как «роман-исповедь, роман-мистерию», в повести «Птицы» выделила сюжет познания героем повести универсальных законов мироздания, образы героев как «новых перипатетиков», ставящих естественно-научные вопросы в их связи с философией, этикой, и проблему самоидентификации человека: человек – «тупиковая ветвь эволюции» или созерцатель Творения? [12. С. 137–171]. Однако фокусирование внимания сразу на четырёх главных романах Битова не позволило Андриановой остановиться подробно на сюжете странствия в первой части романа «Оглашенные».

Таким образом, эволюция трактовки повести «Птицы...» от 1980-х к 2020-м гг. заключалась в переходе исследовательского фокуса от генерализирующих факторов (социокультурный контекст творчества писателя, поиск доминант его поэтики в целом, анализ повести как части книг, в которые она была включена) ко всё более тонким художественным подробностям, которые, однако, не были прочитаны как элементы целостной истории о странствии, реальном, ментальном, философском. В то же время выделяется мнение автора трудов по философии и мифологии путешествия И. Сиды, определившего «антропологический статус» Битова как «геопоэта», «живого воплощения теории путешествий» [13. С. 191].

Отталкиваясь от концепций предшественников, в анализе повести «Птицы» мы прежде всего сосредотачиваемся на исследовании сюжета путешествия как динамики отдельных локусов и на семантике хронотопов, «через ворота» которых, по М.М. Бахтину, совершается «всякое вступление в сферу смыслов» [14. С. 406]. Однако в этом произведении эмпирическая картина мира фиксирует текучесть движущейся реальности, воссоздаётся в сюжете письма и в метафорическом сюжете странствия как пути духовного перерождения. Дискретность пространства, реализующаяся в мифологизации отдельных локусов, оттеняет единство времени. Таким образом, морфология повести «Птицы» созвучна лотмановскому пониманию художественного произведения, в соответствии с которым «структура <...> текста становится моделью структуры пространства вселенной, а внутренняя синтагматика элементов <...> языком пространственного моделирования» [15. С. 266] (Ю.М. Лотман указывал, что «язык пространственных отношений <...> принадлежит к первичным <...>. Даже временное моделирование часто представляет собой вторичную надстройку над пространственным языком» [16. С. 293]).

Кроме того, в «Птицах» рассказчик называет собственное высказывание о путешествии «разговорами двух перипатетиков» [10. С. 86], обращаясь к античному образу беседующих во время прогулки философов – учителя и

ученика. Слово «*λεριπαιθητικός*» может переводиться с древнегреческого языка или как прилагательное – «совершаемый во время прогулки», или как существительное – «перипатетик (ученик или последователь Аристотеля)» [17]. Такое авторское определение подчёркивает философичность содержания и соотнесённость пространственной и аксиологической модальностей в нарративе повести. Многоступенчатость разворачивающегося у Битова акта коммуникации (обмен мнениями героев и диалогизация авторского сознания в метатексте писателя-путешественника) можно возвести к концепции «двуголосого слова» Бахтина, прочитывавшего романы Ф.М. Достоевского как утверждающие возможность сосуществования двух точек зрения на бытие, двух голосов как «минимума бытия» [18].

В ситуации гиперреальности, плюрализма культур начала XXI в., когда «однополярный мир “единственно верных” учений, впечатлений <...> исчезает <...> множество противоположных оценок <...> соседствуют в Интернете <...> на соседних страницах» [19], философия Диалога Бахтина помогает человеку принять наличие Другого как благо, сохранить, обновить и осмыслить своё уникальное «я», ощутить свободу самовыражения, свою включённость в жизнь как в полифонию взаимопереходящих друг в друга голосов.

Мы прочитываем весь роман «Оглашенные» (законченный в 2010-е гг.) как *диалогический*, в понимании сюжета опираясь на данное Бахтиным определение «романного сюжета», служащего «изображению говорящих людей и их идеологических миров» [14. С. 177]. По Бахтину, «в романе осуществляется узвание в чужом языке своего языка, в чужом кругозоре – своего кругозора» [14. С. 177]. Центральная проблема повести «Птицы» – вопрос о сущности человека как уникального представителя живой природы, носителя многогранного творческого сознания, для которого сам факт присутствия в мире обуславливает необходимость не только непрерывно давать ответ бытию, но и вести непрекращающийся внутренний диалог, отвечать самому себе на вечные вопросы, примирять антиномические начала своей природы. Применение лотмановской концепции позволяет прочитывать сюжет странствия в «Птицах» как вариант преодоления разрыва между людьми, между человеком и природой, при котором контакт с «*другим*» ведёт не к «упрощению чувств», а к «усложнению <...> собственного мира», к осознанию самобытности своей культуры [20. С. 278].

Хронотоп путешествия в повести близок и к описанному Бахтиным «платоновскому» типу автобиографического хронотопа «со строгими формами мифологической метаморфозы» [14. С. 281]. Открытие Бахтиным морального содержания в самой идее хронотопа («в нравственной философии Бахтина отсчёт ведётся с позиции субъекта, придающего хронотопу ценностное измерение» [21. С. 111]) востребовано сегодня, в эпоху постмодернистского тотального релятивизма, симуляции, так как даёт обывателю виртуального мира представление о возможности укоренения в бытии, ориентацию на реальную, а не на воображаемую аксиологию (о чём свидетельствует возник-

новение геопоэтики). Прозревая *событие* (и *со-бытие*) в череде случайностей и *поступок* – в хаосе манипуляций и парадоксов, Бахтин обращал гуманитарное знание к его органическим истокам. Эти идеи уместно использовать при анализе творчества Битова, в котором за игровой постмодернистской оболочкой скрывается напряжённый поиск «дневной», здоровой реальности, *нормы* (см.: [7, 22]).

Таким образом, гуманистический пафос теоретических работ М. Бахтина и Ю. Лотмана, выбранных в качестве методологической базы исследования, ориентирует на прочтение повести Битова как воплощающей современную постантропоцентрическую картину мира, возвращающей человека в мир, но в новом, экологическом статусе. Вместе с тем такой инструментарий позволяет обнаружить в повести Битова традиционность семантической структуры (концептуальность фабулы и сюжета, архитектурность формы и ритма, категорию воли как критерий отношений автора со своим текстом) и художественной концепции («диалогизм», «двуголосое слово», значимость понимания Другого, миромоделирование), что показано в настоящем исследовании.

Сюжет повести Битова развивается на нескольких уровнях. Во-первых, на фабульном уровне сюжет странствия определяется фактами поездки героя-рассказчика на Куршскую косу. Событие путешествия как череда впечатлений и встреч предполагает накопление «документальных кадров», входящих в субъективный мир героя. Магистральная линия путешествия разветвляется на частные истории в процессе передвижений субъекта. Этот приём поэтики воплощает одну из центральных идей Битова: его герой обнаруживает изоморфную потребность в освоении мира через движение в пространстве как у людей (носителей массового и элитарного сознания – дачников и учёных), так и у животных (птиц – перелётных и осёдлых, зверей – по куршским дюнам снуют зайцы, неспешно ползут божьи коровки), у деревьев («танцующий лес» на Косе), песка (движущейся материи дюн), солнца, ветра, облаков и т.д. Так в повести формируется этологическая метафора процесса эволюции как глобального путешествия человечества и всего органического мира.

Во-вторых, сюжет письма (метасюжет) в повести связан с воссозданием событий прошлого как метафизического «путешествия во времени». Присутствие нарративных экспликаций сюжета странствия (паратекста, метатекстуальных и лирических вступлений и отступлений повествователя) позволило использовать в анализе повести понятие «путешествие-письмо». По мнению М. Гуреева, автора художественной биографии Битова, вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в 2023 г., сюжет путешествия-письма выражает миромоделирующую функцию творчества: «<...> автор <...> должен возвращаться назад, искать <...> атмосферу прошлой жизни. Но так как возврат в прошлое невозможен <...> а письмо <...> обязывает совершить это порой сентиментальное, порой драматическое путешествие, то приходится создавать минувшее <...> вновь проживать разрозненные как несмонтированные кадры <...> эпизоды <...>» [23. С. 125].

Внутренняя динамика (ментальное раздвоение) сознания героя указывает, что суть сюжета путешествия-письма – и в когнитивной эволюции героя-писателя: в процессе ментальной обработки и вербализации эмпирического опыта он приобретает философский рационалистический образ мыслей, начинает прозревать за бытом – бытие. Таким образом, путешествие как способ существования открывает перспективу расширения частного сознания, преодоления ограниченности индивидуального мировосприятия. Об этом свидетельствует перемежение в повести «Птицы» событий странствия лирическими отступлениями, восходящими от осмысления социокультурных и этологических проблем – к натурфилософским обобщениям. Это размышления:

1. О «сюрреалистической» неуловимости птиц.
2. О роли инстинктов в поведении человека.
3. Об экологии как науке «любителей», возвращающих миру забытые им истины.
4. О девальвации знания – вследствие его доступности – как характерной черте сознания современного человека.
5. Об эстетике босховского Ада как прозрении ужасного в бытовом.
6. О стремлении к биологическому равновесию как морали орнитологов.

Текст, включающий отстранения от основной истории, набран более мелким шрифтом. В сюжете путешествия такие фрагменты выполняют роль «остановок в пути», позволяющих писателю-путешественнику задействовать элементы культурной памяти, осмыслить значение происходящих событий и стратегию дальнейшего движения.

В-третьих, линия разговоров двух персонажей, находящаяся в фокусе внимания в настоящей статье, соответствует жанру «сократических диалогов» (по М.М. Бахтину) с центральным образом «беседующего человека», для которого характерно сочетание «народной маски дурака-непонимающего <...> с чертами мудреца высокого типа <...> амбивалентный образ мудрого незнания» [14. С. 467]. «Сократическая» структура диалогов героя-рассказчика с учёным, в которых рассказчик берёт на себя роль провокатора («не понимающего» и «выспрашивающего»), обуславливает главенство в повести *сюжета мысли*. Герои обсуждают эколого-этологические и онтологические проблемы:

1. Доверие животного человеку как фактор доместикации. Зависимость уровня морального поведения животных от степени их вооружённости и наличие антропологического следа в науке о животных.
2. Переживание человеком чувства времени и специфика научного мышления.
3. Переживание человеком пространства и антропный след в постижении основ мироздания. Оптимистическое понимание экологии как науки будущего.

К разговорам героя с доктором Д. примыкают ситуации его общения с персонажами-женщинами: разговор с сотрудницей Н. на биостанции; беседа с дочерью дома; завершающее повесть включение «чужого текста»,

написанного знакомой нарратора – школьницей Юлией. Объединяющая их проблема – человек в эпоху гиперинформации, которая должна способствовать освоению мира человеком и упрощать, а не затруднять ведение диалога культур (вороны и сороки, русского и иностранца, человека и животного).

Количество эссеистских отступлений и суммарная цифра диалогов героя с доктором и с женщинами – шесть – отсылают к античной пифагорейской философии («греческая эстетика есть эстетика шести правильных геометрических тел» [24. С. 562]), образцовой для мировой культуры.

Сюжет имплицитного раздвоения личности, имеющий большую традицию в мировой культуре (готическая повесть Р. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1885), роман Ч. Паланика «Бойцовский клуб» (1996), изданный через год после первой публикации романа «Оглашенные», и т.д.), у Битова служит решению прежде всего металитературных и философских проблем: внутренний спор лирического героя является символом диалогического способа мышления автора.

В целом в контексте романа «Оглашенные» беседы персонажей можно истолковать и как факт реальной коммуникации, и как раздвоение сознания лирического героя (экспликация личного ментального разлада героя-путешественника), и как метафору многогранности человеческого мышления. В любом случае это один из способов воплощения идеи *широкого внутреннего диалога*, реализуемой в художественном мире повести как в образе авторского сознания. В связи с этим диалоги персонажей рассматриваются нами как одна из существующих в повести динамических, перетекающих друг в друга нарративных форм, таких как индивидуальные натурфилософские размышления, анахронические отсылки к прошлому, геоэстетические описания, метатекстуальные аллюзии и т.д. Рассматривая в движении сюжета актантность интрадиетического персонажа как действующего лица, можно пользоваться терминами «лирический герой», «герой-путешественник», а анализируя метауровень художественного высказывания – понятиями «повествователь», «рассказчик», «нарратор».

В повести Битова выделяются три диалога рассказчика с доктором. Первый из них, начинающийся в лекционной аудитории и в лаборатории на биостанции и продолжающийся на куршских дюнах, сосредоточен на зоологии, экологии и этологии как сфере научных интересов Д. и даёт представление о *человеке* как «биологическом существе». Второй и третий разговоры, локализующиеся на балтийском побережье, концентрируются на загадке возникновения *Вселенной* и на вопросе о месте *человека* – в *пейзаже бытия*.

В общении с доктором и другими сотрудниками куршского орнитологического стационара герой повести Битова не высказывает собственного мнения, но вопрошает и слушает. Изначально принимаемая им роль профана соответствует описанной Бахтиным маске «дурака-непонимающего» [14. С. 467], поощряющего собеседников к выражению и развитию своих мыслей:

– Который год ты к нам ездешь, хоть бы одну птицу запомнил <...>. Ведь станция названа её именем!

– А как называется станция? – спросил я.

Я вышел. На доме было выведено *Fringilla* [10. С. 49];

– Вы говорите, – вцеплялся я, – что... <...> Нельзя ли в таком случае заключить так?..

– Да, пожалуй, так можно сказать, – неохотно соглашался доктор [10. С. 69].

Исследователи повести рассматривали напускной дилетантизм героя как способ преодолеть стереотипы мышления учёного, обезоружить самоуверенное научное сознание, носителем которого является доктор Д. [25. С. 127–128]. На наш взгляд, цель героя-писателя – не корректировка картины мира друга-биолога, но определение такой формулы, которая примирила бы их разнящиеся взгляды на мир, в равной степени имеющие право на существование. Способность к живому диалогу ориентирует в бытии человека как единственного представителя природного мира, обладающего противоречивой природой, подчиняющегося одновременно инстинкту, разуму и интуиции, принадлежащего разнонаправленным контекстам – натурфилософскому, социополитическому и историко-культурному. Персонажи рассуждают о сущности человека – «непослушное» ли он «дитя биосферы» [26. 352 с.] или подобие своего Создателя, обладающее уникальной способностью «оценить совершенство» Творения «в полной мере» [10. С. 76]. «Перипатетики» ищут такой ответ, который не противоречил бы современным философским теориям – ни антропному принципу, вписывающему человека в космос [27. Т. 4. С. 131], ни постантропоцентризму, перемещающему человека из центра мира – на его периферию [28. С. 84].

Таким образом, за самоумалением стоит философская позиция битовского героя как «ученика у бытия», не имеющего готовых ответов на онтологические вопросы. Это близко картине мира, выраженной А.П. Чеховым в философском рассказе «Студент» (1894), где воплощается идея связи всего со всем в бесконечности времени и пространства, дающей человеку радость в темноте и холоде бытия, помогающей преодолеть чувство одиночества и бездомности. За каждым из диалогов с доктором Д. следует авторефлексия героя – свидетельство укрепления его эпистемологической ориентации, упрочения мировоззренческих установок.

Ученическая открытость миру определяет напряжённость гносеологических поисков рассказчика, начинающих в расположенной на территории биостанции лекционной аудитории. «Учитель» (доктор Д.) рассказывает приехавшим на Косу студентам об изначально непритязательной биологической нише птицы. Своей понятной и простой природной чистотой *modus vivendi* птицы коррелирует со спецификой экологии как сферы научных интересов самого лектора – «ареала обитания» его мысли. Лирический герой акцентирует в рассуждениях учёного глобальную мысль о том, насколько широко разрастается изначально необходимый минимум хабитуса любого живого существа (в том числе птицы) в процессе его жизни – так, что рамки отведённой ему природной ниши начинают давить: «...объём <...> был

<...> сжат со всех сторон формулами её бытия <...> и где-то <...> позади осталось радостное библейское начало: воздух, вода, пища» [10. С. 19–20].

Рассказчик обращает внимание на то, что его друг-учёный, посвятивший жизнь орнитологии, сам стал внешне – походкой и взглядом – похож на предмет своего изучения – птицу. Его замечание созвучно рассуждениям современного философа А.В. Маркова (предмет исследования «поглощает» учёного и начинает сам определять знание о себе [29. С. 128]) и социологов науки Б. Латура и С. Вулгара, описавших быт естественно-научных лабораторий и отметивших способность к деконструкции реальности как отличительную черту носителей научной картины мира, у которых «...имеет место инверсия: объект становится причиной, по которой утверждение было сформулировано в первую очередь» (перевод с английского наш. – Е.Б.) [30. Р. 177].

По Битову, схема доктора Д. визуализирует попытки классической науки загнать живую жизнь в строгие рамки закономерностей и обращает к экологии как новейшей области естествознания, ставящей целью сохранение феноменологии самой жизни – во всём разнообразии её сущностных проявлений. По мысли орнитолога, путь современного исследователя должен определяться прежде всего заботой о сохранении экологических первопричин бытия, а не нанизыванием всё новых «прогрессивных» «надстроек».

Восприятие героем лекции доктора Д. – инициальная точка их диалога как идейного взаимообогащения. В своём докладе учёный деконструирует самообман имперского мышления людей, притесняющих природу «достижениями прогресса». Вслед за ним лирический герой начинает видеть в *диалоге* с животным как с «*Другим*» возможности для расширения экзистенциального контекста жизни человека, преодоления мировоззренческих заблуждений. Эта позиция близка концепции современного французского философа, автора теории индивидуации и учения об эволюции техники Ж. Симондона, писавшего о том, «как европейская рациональность справлялась с существованием зверя, который может оказаться не менее разумен, чем человек» [29. С. 130–131].

«Способность человека знать иную природу кажется мне катастрофически малой, но нет ничего благороднее и необходимее... чем это буксующее усилие», – рассуждает герой Битова [10. С. 23]. Диалоги с учёным подводят его к пониманию сущности человека как «сентиментального путешественника», призванного, подобно герою Л. Стерна Йорику, познавать «своё» через «чужое», постигать инвариант инобытия и вписываться в мир «других», преодолевая эгоцентризм, возвышаясь над собственным «я». Результатом этого духовного труда становится не открытие универсальных онтологических закономерностей (они, по Битову, неуловимы) и даже не проникновение в тайну альтернативного миропонимания (остающуюся неразгаданной при иллюзии сближения), но возможность обновлённого осмысления собственного существования.

Экологическая мысль собеседников перетекает в этологическую: доктор убеждён, что одно из проявлений отдаления современного обывателя от

природы – отрицание им эволюционной теории и факта происхождения человека от обезьяны. Человек игнорирует «симптомы» такого родства, проявляющиеся в его собственном поведении. Подчёркивая своё превосходство над приматами, он не подозревает, что такое поведение выявляет его неготовность спорить с научно доказанными фактами (ср.: «Человеку обидно, что он всеми своими корнями уходит в мир животных, и везде, где это удаётся “забыть”, он забывает с удовольствием» – Дольник В. «Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей» [26. С. 132]).

Внемя рассуждениям доктора Д., рассказчик приходит к выводу, что смелость экологов заключается в модернизации ментального ландшафта человечества через переориентацию научного поиска на элементарные бытийные закономерности, которые преодолены только мнимо, а на самом деле лежат в основе всех жизненных процессов: «Посмотреть под ноги, а затем в небо – вот первый научный метод» [10. С. 32]. Герой представляет себе кумира доктора – австрийского зоолога К. Лоренца, исследовавшего связь между степенью вооружённости и «моралью» у животных, – одиноким путником, метафизически бредущим в веках с поднятым к небу взглядом и «считающим ворон» [10. С. 32]. Таким образом, в рецепции рассказчика Лоренц ассоциируется с культурным героем – космогонической фигурой, носителем архаического сознания, консолидирующим природные и культурные силы во имя борьбы с хаосом и гармонизации мира [31. С. 566–568]. Фраза «считающим ворон» двусмысленна. В отличие от ворона как персонажа мифов разных народов, неизменно несущего смертельную, демоническую семантику, ворона не имеет хтонических характеристик и фигурирует преимущественно в античной мифологии – как птица, которая «сопровождает богов и героев, связанных с небом и солнцем, с культом земледелия, с войной и подземным царством» [31. С. 204]. В то же время фразеологический контекст («считать ворон» – быть рассеянным) напоминает о том, что принцип мышления настоящего учёного – сосредоточенность на предмете.

Продолжая свой первый диалог, персонажи выводят его из академической аудитории в свободный куршский пейзаж – на побережье и в лес. Здесь их размышления получают новый поворот (буквально, как писал Ю. Лотман, «внутренняя синтагматика элементов» определяется «языком пространственного моделирования»). Доктор Д. во время прогулки по Куршской косе, обозревая реальные, а не схематичные ареалы обитания животных, противопоставляет компромиссному мировоззрению человека чёткость нравственных устоев животных, пропорциональную жёсткости защиты ими границ личных охотничьих территорий: сильно вооружённые виды животных рыцарски благородны в проявлениях агрессии – не добивают признавшего своё поражение противника, а слабо вооружённые – примитивно-безжалостны. В ответ на замечание лирического героя о «гуманности» этой «волчьей морали» [10. С. 36] доктор осаждает его и отстаивает самостояние животного мира, широту органической природы, выходящей за границы любых навязанных человеком оценок.

Так, орнитолог считает жанр басни, эксплуатирующий зоообразы для иллюстрации предсказуемого и прямолинейного дидактического содержания, «холопским» [10. С. 36], грешащим проецированием на животных человеческих качеств. В этом Битов превосхищает современного мыслителя, создателя «не-философии» Ф. Ларуэля, заявившего, что «философы сконструировали “вселенную” как “пространство” <...> но это было превращение нашего опыта в какую-то басню <...> а не решение действительных философских проблем» [29. С. 133]. Доктор Д. интерпретирует басню как попытку человека профанировать истину (в данном случае – правду о животном мире), опустить её до своего, понятного уровня; однако его собеседник-литератор «не поспекает» за прогрессивностью идей учёного, не может столь радикально отойти от привычного ему стиля мышления:

- Головокружительная идея! – воскликнул я, подхватив то, что мне было в ней нужно. – Всю жизнь не терпел голубей...
- У вас нет никакого морального права их осуждать, – мрачно сказал доктор.
- Они не подлежат нашей нравственной оценке [10. С. 33].

Доктор Д. заявляет, что не считает оружие массового поражения (атомную бомбу) «человеческим» аналогом «хищнических» атрибутов у животных, но считает таковыми механизмы регуляции численности вида – естественные, генетически обусловленные способы сохранения жизни лишь для такого количества сородичей, которое может быть обеспечено имеющимся количеством ресурсов. Причина такой научной оценки – в «уникальности» психологии человека. Животные, в отличие от людей, не способны массово уничтожать друг друга по тем причинам, которые не касаются непосредственно их возможности удовлетворения базовых физиологических потребностей. Внутривидовая агрессия зверей не может быть рационально мотивирована, идейно обоснована: она инстинктивна и потому чиста.

Во втором диалоге на балтийском побережье собеседники обращаются уже к «вечным» проблемам мироздания – что есть человек, что есть Вселенная. По мнению Д., человек – «биологическое существо» [10. С. 41], но влияние цивилизации искажает его врождённую нравственность. По ходу разговора в словах доктора начинает всё лучше прочитываться симпатия к законам мира животных и порицание двойных стандартов человеческой морали. В процессе общения учёного с другом-гуманитарием всё более явно обозначается ранее скрываемая им симпатия к ненаучному ходу рассуждений собеседника, поэтизирующего биологический мир: «Больно ли насекомому? думает ли птица? <...> прекратилась ли эволюция и почему?» [10. С. 59–60]. Такая интерпретация воплощает понимание Битовым художественного мышления В.Р. Дольника, прототипа доктора Д.: «Вместо дописывания докторской Дольник писал “маленькие трагедии”: “Мог ли летать птеродактиль?”, например» [32. С. 155].

В отличие от героя, восторженно «взвешивающего» естественно-научные факты на «весах» антропоцентричности, доктор Д. уверен в самоценности органического мира. Вопрос героя-«ученика» о сущности человека учёный комментирует феноменологически («Человек равен самому себе»), а вопрос о Боге – атеистически («Думаю, что его не было» [10. С. 60]). Существование или несуществование Творца для него не этическая или философская, а научная проблема, поэтому, рассуждая об этом, он обращает мысленный взор в прошлое – к загадке возникновения жизни.

Приверженность теории абиогенеза (обоснованного процесса перехода неживой материи в живую) характеризует доктора Д. как носителя научной картины мира, тогда как его собеседник, герой-повествователь, склонен к мифологизации реальности. В попытке экзистенциальной адаптации герой мечется между полюсами религиозных и житейских взглядов на жизнь, равно удалёнными от научного мировоззрения. Его размышления одновременно о существовании Бога и о тайне производства конфет «подушечка» [10. С. 60] выдают в нём «сентиментального путешественника», в выстраивании экологических отношений с бытием ориентирующегося не на воспроизведение мировоззренческих стереотипов, а на сохранение гармонии собственного частного мира – со всеми его бытовыми подробностями и психологическими нюансами.

Восприняв образ мышления друга-орнитолога, герой начинает сравнивать жизнь человека с существованием птицы: каждое мгновение её свободного полёта оплачено неизбежностью суровой повседневности и драматическим подчинением биологическим законам (борьба с паразитами, перевозимание физической боли, поддержание высокой температуры тела, бесконечная охота за пищей). Как и жизнь птицы, жизнь человека протекает в непрестанной борьбе за существование и при ближайшем рассмотрении кажется возможной не благодаря, а вопреки законам мироздания. (Биограф Битова Гуреев определяет самоощущение писателя в конце 1970-х – начале 1980-х гг. как близкое состоянию птицы чувство свободы и загнанности в тупик одновременно: «Расконвоированный советский странник мечется между городами и островами <...> выбивается из сил, как птица, которая может жить только в движении <...>» [23. С. 231–232].) По Битову, трансгredientный, планетарный взгляд (с позиции «птицы») убеждает героя в функционировании на Земле гуманного антропного принципа, гарантирующего человеку удовлетворение его базовых потребностей: «...кислород разведён ровно в той мере, которою мы можем дышать <...> с грехом пополам хватает пресной воды <...>» [10. С. 61].

Переживания героя соответствуют фокусу современных естественно-научных исследований. Так, советский и российский учёный Л.И. Розенталь, в круг интересов которого входили разномасштабные физические явления – от ядер атомов до Метагалактики, писал о том, что при увеличении массы электрона не смогли бы возникнуть звёзды типа Солнца [33. С. 32], «в случае стабильности би-протона <...> звёзды бы быстро угасли» [33. С. 33–34], а «нестабильность

дейтона разрушила бы всю цепь нуклеосинтеза» [33. С. 33]. Квантовая физика также заявляет о том, что «...небольшое изменение фундаментальных постоянных <...> сводится к исчезновению одного или нескольких основных элементов Вселенной: ядер, атомов, звёзд и галактик» [34]. Мельчайшее отклонение космоса от его настоящего состояния поставило бы под вопрос само существование жизни на Земле. Это убеждает в провиденциальности присутствия человека в мире, в несомненности наличия в этом присутствии глобального позитивного смысла. Точные науки конца XX в. свидетельствуют о том, что жизнь каждого из людей санкционирована миллионом космических совпадений и глубоко связана как с мельчайшими частицами материи, так и с целостным макрокосмосом универсума.

Волнующая лирического героя повести экзистенциальная проблема универсальна по своей сути: Вселенная даровала человеку обязательство жизни, но не объяснение того, что ему делать с ней. Человек же, в отличие от любого другого организма, по сути своей не склонен удовлетвориться «жизнью ради жизни» и стремится не только физически, но и метафизически обосновать своё бытие. Наказание за дерзкие претензии – трагичность обрётённого знания: внеэмпирический опыт открывает человеку взгляд на собственную экзистенцию как на онтологическую бездну, ничто. Повесть «Птицы...» даёт вариант космологического прочтения экзистенциалистской категории «заброшенности-в-мир» [35. С. 331]. Битов показывает, что покровительство галактических явлений не гарантирует наличия в жизни человека духовного смысла. Претензии на счастье, благополучие, комфорт также осознаются как ложные, и это внушает человеку ощущение ужаса от невозможности спасения.

По Битову, в отдельных точках-разломах сквозь квазигармоническую оболочку сущего просвечивает его настоящее нутро, открывающее ищущему опору познающему субъекту трагическую истину: мир ничего не должен человеку, он отстранился от своего подопечного, обеспечив лишь место в пространственно-временном континууме. Такой метафизической точкой-разломом, ведущей в бездну, герою видится взгляд птицы – чайки, пойманной юннатом-энтузиастом на Косе. Для неё утрата свободы означает гибель. Её «дикий, ужасный, красный» [10. С. 62], «бешеный, исполненный смертельного ужаса глаз» [10. С. 64] причастен первозданному хаосу, он предчувствует-предвозвещает смерть – свою и всего сущего, чем обесценивает любые попытки осознанного человеческого жизнестроительства.

Эта сцена представляется родственной описанному Битовым в новелле «Последний медведь» (1970) из повести «Грузинский альбом» состоянию «оловянного безумия», охватившему запертого в клетке зоопарка медведя. Экологическая интерпретация образов тоскующих животных позволяет говорить о свободной воле как о высшей ценности для любого живого существа. В то же время, этологическая трактовка сюжета характеризует человека как такого же пленника собственной экзистенции.

Доступный человеку способ освобождения даёт позиция эстетического остранения, т.е. отказа от претензий к бытию (ср.: остранение как нарративный приём удивления, отчуждения [36. С. 15–16]). Рассказчик использует приём остранения, описывая пленённую чайку как «одна-птицу», апокалиптического тетраморфа [10. С. 64–65]. Однако эстетической аксиологии более близки не эсхатологические интуиции героя, а позитивное мировоззрение доктора и других сотрудников куршской биостанции, чья способность понимать *птицу* как *птицу*, не нарушать онтологического круговорота, возвращать бытию взятое у него восхищает героя. Геопозтолог И. Сид назвал умение битовских персонажей-учёных «органично преосуществлять природные циклы» «орнитологией духа» [13. С. 194]. Приобщение к такой экологически ориентированной картине мира, достижение подлинного, созерцательного остранения – цель ментального путешествия лирического героя.

К началу третьей «перипатетической» прогулки по побережью герой-писатель, приобщившийся к объёмным когнитивным методикам своего друга-учёного, переосмысляет своё амплуа дилетанта: «<...> я уже пользовался многими преподанными мне понятиями как своими» [10. С. 69]. В свою очередь, мировоззрение доктора, соблазняемого идеями друга-гуманитария, становится более компромиссным: «Его императив слабел» [10. С. 70].

В результате ассимиляции их изначально полярных картин мира появляются нестандартные, неклассические исторические гипотезы. Увлекательностью и антропологическим модусом они приближаются к научно-популярному дискурсу, но опора на этологические познания доктора Д. закрепляет их как рационалистические. Так, искушаемый другом-гуманитарием зоолог выдвигает смелые теории о современной филателии как потомке первобытного собирательства [10. С. 69], о завоеваниях Македонского как проявлении внутривидовой агрессии и о биологической избыточности этих завоеваний как причине распада его империи [10. С. 70–71]. По мнению доктора, более продуманную завоевательную стратегию продемонстрировали викинги: они также обладали достаточными ресурсами для захвата Европы, но не обольстились чужими территориями, остались в границах своего привычного ареала [10. С. 71]. Однако, как и татаро-монголы, они «увязли», «обрусели» на территории России [10. С. 72].

В свою очередь, лирический герой обретает в совместном научно-художественном мифотворчестве способ объяснения мировой истории и жизни в целом, и внутреннее «море» его философских исканий ненадолго «успокаивается и замирает» [10. С. 72]. Однако внезапное обнаружение на пути «тёмно-вишнёвого <...> ящика из-под шведского пива с тремя <...> коронами» [10. С. 73] задаёт новый виток его переживаний – о целесообразности присутствия в природе наносящего ей вред человека. Этот вопрос преломлён в данной сцене уже не под космологическим или метафизическим, а под ультимативно-апокалипсическим углом. Поворот собеседников в этот момент обратно к станции указывает на то, что их дальнейший маршрут – как физический, так и ментальный – является буквальным и метафорическим

«повторением пройденного», интеллектуальной и этической «контрольной работой» для героя-путешественника как «ученика у бытия».

Доктор Д. сопротивляется попыткам рассказчика подвести его к обоснованию экологического смысла антропогенеза либо к констатации того, что смысла в антропогенезе не было, нет и не будет и, следовательно, самым осознанным и благородным поступком человека на Земле стало бы самовольное самоустранение. Герой сопоставляет такую ситуацию с поведением аквариумных рыбок-самцов, экспериментально описанным Лоренцом в книге «Так называемое зло. К естественной истории агрессии» (1963). С точки зрения этологии, конфликтующие рыбки – воплощение механистически физиологической природы живого – не доброй и не злой, но лишь нацеленной на отстаивание своего «места под солнцем».

Герой говорит о легкомыслии человека, загрязняющего Землю – свой космический дом. С точки зрения этологии, ориентированный не на сытость, а на пресыщение «*homo sapiens sapiens*» ведёт себя хуже любого своего предка и любого животного. Герой Битова апеллирует к теории английского демографа XVIII–XIX вв. Т.Р. Мальтуса, предупреждавшего о том, что неспособность людей рационализировать процесс воспроизводства своего рода приведёт к нехватке ограниченных жизненных ресурсов. Доктор возражает собеседнику, критикуя мальтузианство как устаревшую теорию, пытавшуюся «измерять пространство временем» [10. С. 75].

Кульминационный момент диалогов персонажей и всей повести – провокационный вопрос рассказчика учёному о том, не кажется ли ему целесообразным такой сценарий, при котором человек, провозгласивший себя «венцом творения», уничтожающий собственную биологическую нишу и приближающий не библейский, но реальный экологический Апокалипсис, покинул бы планету, например, в результате собственных экспериментов с оружием массового поражения. Директор биостанции, изменяя научному подходу, оправдывает существование человека как единственного созерцателя Творения, глазами которого на себя смотрит само Бытие: «Вопрос этот лишён смысла. Тогда некому было бы посмотреть на это счастье <...> только человек способен оценить совершенство в полной мере» [10. С. 76].

Таким образом, в диалогах с доктором герой добивается успеха, используя «сократическое» искусство «майевтики» [37. С. 475]. Учёный, несмотря на трезвую оценку ущерба, наносимого людьми природе, готов простить человеку его экологические грехи. По убеждению доктора Д., выделяющая человека среди других животных способность «знать о своей смертности, любить в подлинном смысле этого слова <...> удивляться <...> познавать, опредмечивать <...> идеи, воспроизводить существующее и создавать нечто новое» [27. Т. 4. С. 344] позволяет видеть в нём единственного подлинного созерцателя жизни, сотворца самого Космоса, «трансцендентального субъекта» [38. Т. 3. С. 367] реальности.

В гуманистическом откровении Д. – беззаветная любовь человека к жизни, выходящая за рамки как холодного рацио, так и биологических инстинктов. По Битову, выражающая себя в сложной взаимосвязи физических

и метафизических факторов благосклонность к людям самого бытия взаимна. Повесть «Птицы...» даёт положительный ответ на библейский вопрос, взятый Битовым в качестве эпиграфа к параллельно писавшемуся им роману «Улетающий Монахов» (1960–1982 гг.): «Хочет ли человек жить и любит ли долгоденствие, чтобы видеть благо?» (Пс. 33:13). В «Птицах» каждое упоминание персонажами имени Мальтуса (чьи идеи были рациональны и оправданны, но предполагали сокращение рождаемости, лишали «*потенциальных*» людей *потенциальной* возможности жить), сопровождается «скрежетом зубов» – жестом, который в Библии символизирует мучения грешников в аду (Мф. 8:12). Общность такого жеста подтверждает возможность трактовки образов героя-рассказчика и доктора Д. как одного персонажа, воплощающего в повести разные ипостаси лирического сознания:

– Мальтус... – сказал я. У меня на зубах заскрипел песок [10. С. 70];

– Опять вы о Мальтусе! – И доктор снова поскрипел песком на зубах [10. С. 75].

В данном случае в образе песка, часто упоминаемом в повести Битова, можно усмотреть аллюзию на «прах предков» из философии космиста Н.Ф. Фёдорова. Он утверждал право на жизнь всех поколений как участников «всеобщего дела» и возможность воскрешения всех людей, когда-либо живших на земле. С точки зрения Федорова, лишение потомков права на жизнь обесмысливает жертву праотцов, обеспечивших продолжение рода человеческого [39. Т. 1. С. 44].

Признание доктора Д. воплощает кульминационную ступень диалогов «перипатетиков», после которой любые слова излишни. Однако в силу несовершенства своей человеческой природы персонажи оказываются не в силах остановиться и, возвращаясь домой, продолжают «договариваться о перспективах человечества» [10. С. 77] вместо того, чтобы молчанием совпасть с тишиной дюн. Само обсуждение права человека на жизнь доктор осознаёт как оскорбление «первозданной природы» Косы [10. С. 78], а рассказчик – как грех. Однако именно в этот момент герой-повествователь приходит к принятию собственной человеческой сущности. Изначально символизировавший внутренний конфликт рассказчика ящик из-под пива – трофей инстинкта собирательства – теперь начинает символизировать его «намерение жить» [10. С. 78]. В контексте зрелого творчества Битова отсылающая к пушкинской строке формула «предположение жить» выражает представление о нераздельности конечного земного бытия художника – и метафизического бессмертия его творчества [40].

Мистическое переживание (сон) лирического героя в ночь после откровения доктора (его признания в лояльности к безответственному человеку) можно истолковать как его последнюю реплику в «перипатетическом» диалоге. Эта сцена в финале повести воплощает обновлённое мировоззрение

героя, которому уже не нужна ответная реакция собеседника (он не рассказывает доктору о своём сне). В момент ночного видения подсознание автобиографического героя интерпретирует антиномию жизни-смерти в соответствии с христианской образностью: атомный взрыв имеет во сне вид Всемирного потопа, предсмертие переживается как приближение Божьего суда, в самом себе герой признаёт «пожизненно оглашенного» [10. С. 81], которого эсхатологическая ситуация подводит к первой в жизни настоящей, самозабвенной молитве. Таким образом, взаимовлияние «перипатетиков», возникшее во время их бесед и прогулок по Куршской косе, по Битову, не предполагает полной ассимиляции их картин мира.

Не случайно последнее монологическое высказывание доктора Д. предлагает иной, рациональный, вариант сотериологического сценария для человечества. Учёный позитивно мифологизирует экологию как передовую науку, заранее тревожащую коллективное сознание и загодя предупреждающую развитие действительно безвыходной, реалистически-апокалиптической ситуации. По мнению орнитолога, предостережение свыше приходит человеку не как сверхъестественное откровение, а как результат «генетического программирования» людей самой планетой: «Раз уж Земля наша всё ещё велика <...> то не есть ли её катастрофическое уменьшение в нашем сознании <...> лишь форма её защиты <...> сигнал, включённый много раньше необратимой опасности, дабы мы успели вынуть...» [10. С. 83]. Герой-рассказчик пересказывает рассуждение Д. от первого лица (т.е. отчуждается от его мысли) и выделяет в нём для себя только одну идею, согласующуюся с его собственной философско-эстетической концепцией: «...мысль о том, что <...> представление о реальности может оказаться быстрее реальности» [10. С. 84]. Естественно-научный взгляд на устройство мира подтверждает открытый античной философией и воспринятый христианством образ Логоса как замысла о мире, первичного по отношению к нему.

Диалог «перипатетиков» заканчивается в точке максимально возможного результата ментального странствия лирического героя: к концу повести он приближается в своём мышлении к примирению антиномией эмпирического и интуитивистского, природного и цивилизационного, космогонического и эсхатологического характера. Борьба идей внутри героя, его философский спор с самим собой (частью которого являются перипатетические беседы с доктором Д.) – это его индивидуальный путь преодоления онтологической дезориентации, связанной с неоднозначностью положения человека в мире, с необходимостью антроподицеи. Обозначенный в повести сценарий спасения предполагает отказ человека от амбиций доминирования над природой. Таким образом, первая часть тетралогии «Оглашенные» актуализирует этологическую базу существования человека в природном мире и констатирует гносеологический кризис лирического сознания, свидетельствующий о необходимости продолжения путешествия. Сотериологический смысл диалога заключается в преодолении онтологической дезориентации

человека как примирения картин мира учёного и художника, философа и профана, этолога и христианина.

Список источников

1. *Аннинский Л.* Странный странник // Портрет поздней империи: Андрей Битов / авт.-сост. Е. Чигрин. М. : АСТ, 2020. С. 14–30.
2. *Чансес Э.* Андрей Битов: экология вдохновения [пер. с англ. И. Ларионова]. СПб. : Академический проект, 2006. 317 с.
3. *Скоропанова И.С.* Русский экологический постмодернизм: роман Андрея Битова «Оглашенные» // Русская постмодернистская литература. URL: <http://niv.ru/doc/poetics/rus-postmodern-literature/106.htm>
4. *Баринова Е.Е.* Метатекст в постмодернистском литературном нарративе: А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 248 с.
5. *Рыбальченко Т.Л.* Проблема границы существования в прозе А. Битова и В. Набокова («Оглашенные» и «Ultima Thule») // Европейские исследования в Сибири : материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронтир», 6–8 февраля 2001 г. Томск, 2001. Вып. 3. С. 187–202.
6. *Гулицус Н.С.* Художественная мистификация как приём текстопорождения в русской прозе 1980–1990-х гг. (А. Битов, М. Харитонов, Ю. Буйда) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 204 с.
7. *Рыбальченко Т.Л.* Онтологические аспекты проблематики новых новелл романа А. Битова «Преподаватель симметрии» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1 (13). С. 84–101.
8. *Рыбальченко Т.Л.* Иронико-философская проза в современном литературном процессе // Проблемы метода и жанра : межвузовский сборник статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 190–208.
9. *Битов А.* Интервью для журнала «Со-Общение». 2006. № 7–8. URL: http://litternet.lgb.ru/=/Sid/conversations/sid_soob2006-0708_bitov.htm
10. *Битов А.Г.* Оглашенные: роман в четырёх частях. М. : Вече, 2018. С. 333.
11. *Гурьянова М.А.* Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова: 1960–1970-е годы : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 202 с.
12. *Андрианова М.Д.* Авторские стратегии в романной прозе А. Битова : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 222 с.
13. *Сид И.* Геопозт, или По дороге на Лхасу // Битов, или Новые сведения о человеке: [сборник] / сост. А. Бердичевская. М., 2020. С. 190–195.
14. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
15. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с.
16. *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. : Просвещение, 1988. 352 с.
17. *Древнегреческо-русский словарь Дворецкого.* URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-49988.htm>
18. *Новиков В.* Михаил Бахтин: синтез филологии и философии // Канал Культура. ACADEMIA. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PLNfJN2R-Ys>
19. *Рытова Т.* О функционировании и трансформациях литературы в эпоху IT-технологий и интернет-культуры // Онлайн-журнал «Речь». URL: https://речь.com/rytova_o_functionation_and_transformation_literature
20. *Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб. : Искусство-СПб, 2005. 621 с.
21. *Сычёв А.А.* Нравственные измерения хронотопа // Литературоведческий журнал. 2021. № 4 (54). С. 100–119.

22. Берг М.Ю. Антиподы: писатель дневной и ночной // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 223–231.
23. Гуреев М. Андрей Битов: Мираж сюжета. М. : Молодая гвардия, 2023. 350 с.
24. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Ранняя классика. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2000. 624 с.
25. Яценко С.А. Изображение научного и художественного типов сознания в «Оглашенных» Андрея Битова (к вопросу о соотношении художественной формы и проблематики) // Актуальные проблемы литературоведения и журналистики : материалы региональной конференции молодых ученых, 24 марта 2000 г. Томск, 2001. С. 126–129.
26. Дольник В. Непослушное дитя биосферы: Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб. : Петроглиф, 2009. 352 с.
27. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 4 / науч.-ред. совет.: В.С. Стёпин (пред.) [и др.]. М. : Мысль, 2010. 743 с.
28. Ростова Н.Н. Проблема человека в современной философии. М. : Проспект, 2023. 176 с.
29. Марков А.В. Теории современного искусства. М. : РИПОЛ классик, 2021. 238 с.
30. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1979. 272 p.
31. Мифы народов мира / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Сов. энцикл., 1980. 1147 с.
32. Битов Андрей. БАГАЖЪ: книга о друзьях. М. : ArsisBooks, 2012. 176 с.
33. Розенталь И.Л. Вселенная и частицы // Новое в жизни, науке, технике. Космонавтика, астрономия. М. : Знание, 1990. № 11. 64 с.
34. Ланцев И.А. Человек в мироздании. Концептуальный подход на основе квантовой парадигмы // ISPC. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-mirozdanii-kontseptualnyu-podhod-na-osnove-kvantovoy-paradigmy>
35. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М. : Политиздат, 1990. 396 с.
36. Шкловский В. О теории прозы. М. : Сов. писатель, 1983. 383 с.
37. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3 / науч.-ред. совет.: В.С. Стёпин (пред.) [и др.]. М. : Мысль, 2010. 692 с.
38. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 3 / [под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана; ред. тома Т.И. Ойзерман]. М. : Мысль, 1964. 799 с.
39. Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. Т. I. М. : Прогресс, 1995. 518 с.
40. Предположение жить. 1836 / сост. Андрей Битов. М. : Независимая газета, 1999. 917 с.

References

1. Anninskiy, L. (2020) *Strannyi strannik* [Strange wanderer]. In: Chigrin, E. (ed.) *Portrait pozdney imperii: Andrey Bitov* [Portrait of the Late Empire: Andrei Bitov]. Moscow: AST.
2. Chances, E. (2006) *Andrey Bitov: ekologiya vdokhnoveniya* [Andrei Bitov: the ecology of inspiration]. Translated from English. St. Petersburg, Academic project.
3. Skoropanova, I.S. (n.d.) *Russkiy ekologicheskiy postmodernizm: roman Andrey Bitova "Oglashennyye"* [Russian ecological postmodernism: Andrei Bitov's novel "The Catechumens"]. In: Skoropanova, I.S. *Russkaya postmodernistskaya literatura* [Russian postmodern literature]. [Online] Available from: <http://niv.ru/doc/poetics/rus-postmodern-literature/106.htm>
4. Barinova, E.E. (2008) *Metatekst v postmodernistskom literaturnom narrative: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov* [Metatext in postmodern literary narrative: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
5. Rybal'chenko, T.L. (2001) [The problem of the boundary of existence in the prose of A. Bitov and V. Nabokov ("The Catechumens" and "Ultima Thule")]. *Evropeyskie*

issledovaniya v Sibiri [European research in Siberia]. *Amerikanskiy i sibirskiy frontir* [American and Siberian frontier]. Proceedings of the International Conference. 6–8 February 2001. Vol. 3. Tomsk. pp. 187–202. (In Russian).

6. Gulius, N.S. (2006) *Khudozhestvennaya mistifikatsiya kak priem tekstoporozhdeniya v russkoy proze 1980-1990-kh gg.* (A. Bitov, M. Kharitonov, Yu. Buyda) [Artistic mystification as a technique of text generation in Russian prose of the 1980s–1990s. (A. Bitov, M. Kharitonov, Y. Buida)]. Philology Cand. Diss Tomsk.

7. Rybal'chenko, T.L. (2011) *Ontologicheskie aspekty problematiki novykh novell romana A. Bitova "Prepodavatel' simmetrii"* [Ontological aspects of the problems of new short stories of A. Bitov's novel "Teacher of Symmetry"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (13). pp. 84–101.

8. Rybal'chenko, T.L. (1991) *Ironiko-filosofskaya proza v sovremennom literaturnom protsesse* [Ironic-philosophical prose in the modern literary process]. In: *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 190–208.

9. Bitov, A. (2006) *Interv'yu dlya zhurnala "So-OBshchenie"* [Interview for the magazine "So-COMMUNICATION"]. 7–8. [Online] Available from: http://liter-net.lgb.ru/=Sid/conversations/sid_soob2006-0708_bitov.htm

10. Bitov, A.G. (2018) *Oglashennyye: roman v chetyryokh chastyakh* [The Catechumens: a novel in four parts]. Moscow: Veche.

11. Gur'yanova, M.A. (2008) *Zhanrovye protsessy v proze A.G. Bitova: 1960–1970-e gody* [Genre processes in the prose of A.G. Bitov: 1960–1970s]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

12. Andrianova, M.D. (2011) *Avtorskie strategii v romannoym proze A. Bitova* [Author's strategies in the novel prose of A. Bitov]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

13. Sid, I. (2020) *Geopoet, ili Po doroge na Lkhasu* [Geopoet, or On the way to Lhasa]. In: Berdichevskaya, A. (ed.) *Bitov, ili Noveye svedeniya o cheloveke* [Bitov, or New information about a person]. Moscow, Eksmo.

14. Bakhtin, M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

15. Lotman, Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow: Art.

16. Lotman, Yu.M. (1988) *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [In the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow: Prosveshchenie.

17. Classes.ru. (n.d.) *Drevnegrechesko-russkiy slovar' Dvoret'skogo* [Dvoret'sky's Ancient Greek-Russian Dictionary]. *Classes*. [Online] Available from: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-49988.htm>

18. Novikov, V. (n.d.) *Mikhail Bakhtin: sintez filologii i filosofii* [Mikhail Bakhtin: synthesis of philology and philosophy]. Youtube. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=PLNfJN2R-Ys>

19. Rytova, T. (n.d.) *O funktsionirovani i transformatsiyakh literatury v epokhu IT-tekhnologiy i internet-kul'tury* [On the functioning and transformation of literature in the era of IT-technologies and Internet culture]. [Online] Available from: xn--e1avwu.com

20. Lotman, Yu.M. (2005) *Vospitanie dushi* [Education of the soul]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.

21. Sychyov, A.A. (2021) *Nravstvennyye izmereniya khronotopa* [Moral measurements of the chronotope]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 4 (54). pp. 100–119.

22. Berg, M.Yu. (1997) *Antipody: pisatel' dnevnoy i nochnoy* [Antipodes: a writer of day and night]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 28. pp. 223–231.

23. Gureev, M. (2023) *Andrey Bitov: Mirazh syuzheta* [Andrei Bitov: Mirage of the plot]. Moscow: Molodaya gvardiya.

24. Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki. Rannyyaya klassika* [History of ancient aesthetics. Early classic]. Moscow: AST, Kharkiv: Folio.

25. Yatsenko, S.A. (2001) [Image of scientific and artistic types of consciousness in Andrei Bitov's "Catechumens" (on the question of the relationship between artistic form and problems)]. *Aktual'nye problemy literaturovedeniya i zhurnalistiki* [Current issues of literary criticism and journalism]. Conference Proceedings. 24 March 2000. Tomsk. pp. 126–129. (In Russian).

26. Dol'nik, V. (2009) *Neposlušное дитя биосферы. Besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptits, zverey i detey* [Naughty child of the biosphere. Conversations about human behavior in the company of birds, animals and children]. St. Petersburg: Petroglif.

27. Styopin, V.S. et al. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.

28. Rostova, N.N. (2023) *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii* [The problem of man in modern philosophy]. Moscow: Prospekt.

29. Markov, A.V. (2021) *Teorii sovremenogo iskusstva* [Theories of contemporary art]. Moscow: RIPOL klassik.

30. Latour, B. & Woolgar, S. (1979) *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

31. Tokarev, S.A. [ch. ed.]. (1980) *Mify narodov mira* [Myths of the nations of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

32. Bitov, A. (2012) *BAGAZh*": kniga o druž'yakh [BAGGAGE: a book about friends]. Moscow: ArsisBooks.

33. Rozental', I.L. (1990) Vseennaya i chastitsy [Universe and particles]. In: *Novoe v zhizni, nauke, tekhnike. Kosmonavtika, astronomiya* [New in life, science, technology. Cosmonautics, astronomy]. 11. Moscow: Knowledge.

34. Lantsev, I.A. (2008) *Chelovek v mirozdanii. Kontseptual'nyy podkhod na osnove kvantovoy paradigmy* [Man in the universe. Conceptual approach based on the quantum paradigm]. *ISPC*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-mirozdanii-kontseptualnyy-podhod-na-osnove-quantovoy-paradigmy>

35. Sartre, J.-P. (1990) *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is humanism]. In: *Sumerki bogov* [Twilight of the gods]. Translated from French. Moscow: Politizdat. pp. 319–344.

36. Shklovskiy, V. (1983) *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow: Sovetskii pisatel'.

37. Styopin, V.S. et al. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.

38. Kant, I. (1964) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.

39. Fyodorov, N.F. (1995) *Sobr. soch.: v 4-kh t.* [Collected works: in 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Progress.

40. Bitov, A., (1999) *Predpolozhenie zhit'. 1836* [Assumption to live. 1836]. Moscow: Nezavisimaya gaz.

Информация об авторе:

Буханова Е.Д. – аспирант кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ст. преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия). E-mail: Ekaterinabuhh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.D. Buhanova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Ekaterinabuhh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2023;
одобрена после рецензирования 09.11.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 11.10.2023;
approved after reviewing 09.11.2023; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/19986645/90/10

Традиции английского сенсационного романа в творчестве Л.Н. Толстого. Статья 1. Роман М.Э. Брэддон «Аврора Флойд» и его роль в создании «Войны и мира»

Ирина Федоровна Гнусова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. Впервые обозначена важная роль сенсационного романа в создании «Войны и мира». На основе сопоставительного анализа с романом М.Э. Брэддон «Аврора Флойд» доказывается, что популярный жанр помог Толстому придать динамику и напряженность сюжету, усложнить образы героев, усилить их психологическую достоверность. Рассматриваются мотивы «разгадывания тайны», инцеста и двоебрачия, которые использует Толстой при создании образов; анализируются «сенсационные» элементы главного сюжетного «узла» – соблазнения Наташи Анатолем.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, М.Э. Брэддон, сенсационный роман, мелодрама, мотив двоебрачия, мотив инцеста

Для цитирования: Гнусова И.Ф. Традиции английского сенсационного романа в творчестве Л.Н. Толстого. Статья 1. Роман М.Э. Брэддон «Аврора Флойд» и его роль в создании «Войны и мира» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 207–231. doi: 10.17223/19986645/90/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/10

Traditions of the English sensation novel in Leo Tolstoy's works. Article One. Mary Elizabeth Braddon's *Aurora Floyd* and its role in the creation of *War and Peace*

Irina F. Gnyusova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, irbor2004@mail.ru*

Abstract. The article aims to prove that Leo Tolstoy used the traditions of the English sensation novel in developing the characters and plot of *War and Peace*. The diaries and letters show that he was actively interested in the writings of Mary Elizabeth Braddon during the period of work on the first parts of the novel, particularly emphasising her *Aurora Floyd*. Working on the complex genre construction of *War and Peace*, in

which historiosophic speculations had to be balanced by a fascinating novel plot, Tolstoy needed examples of how to create “the interest of the combination of events” (a quote from his diary). On the basis of a comparative analysis with the *Aurora Floyd* novel, it is shown that it was the sensation novel that helped Tolstoy to give dynamics and tension to the plot, to complicate the characters’ images, to strengthen their psychological credibility. The article traces how Tolstoy used the motif of “solving the mystery” from Braddon’s novel, developing the character of H el ene. By doing so, he deepened the contrast between the character’s popularity in the world and her inner emptiness. At the same time, the writer created the effect of playing with stereotypes, which is also characteristic of Braddon, and made the outwardly beautiful, “light” female image absolutely immoral. The techniques of the sensation novel that allow Tolstoy to show the vicious nature of the Kuragin family, which is emphasised through the motifs of incest and bigamy. The author of the article proves that Braddon’s innovation – first of all, her audacious demonstration of the passionate, impetuous character of Aurora Floyd in interaction with male characters – helps Tolstoy in forming the character of Natasha Rostova: he deliberately makes her actions go beyond the standards. The characters of the aristocrat Bulstrode and Prince Bolkonsky are resembling: the writers equally demonstrate how the noble pride of the characters covers their spiritual limitations and adherence to stereotypes. The article pays special attention to the influence that the sensation novel had on the development of the main plot “node” of *War and Peace*. In the scenes of Natasha’s infatuation with Anatole, Tolstoy created a dense sensual atmosphere of “intoxication”, used erotic overtones in the descriptions, reinforcing the immorality of the events with the motif of bigamy and theatrical metaphors. The writer, with a degree of self-irony, used other plot elements of “sensation” – such as, for example, the imaginary death of Andrei Bolkonsky. By mentioning the fairy-tale of Bluebeard, the writer paid tribute to the principle of the “skeleton in the closet”, which was the key for the sensation novel. The article concludes that Tolstoy’s keen interest in Braddon’s writings was one of the important factors in shaping his epic novel. Thanks to the traditions of the sensation novel, *War and Peace* remains not only a testament to Tolstoy’s supreme artistry, but also one of the most fascinating works of world literature.

Keywords: Leo Tolstoy, Mary Elizabeth Braddon, sensation novel, melodrama, motif of bigamy, motif of incest

For citation: Gnyusova, I.F. (2024) Traditions of the English sensation novel in Leo Tolstoy’s works. Article One. Mary Elizabeth Braddon’s *Aurora Floyd* and its role in the creation of *War and Peace*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 207–231. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/10

По своей жанровой природе «Война и мир» Л.Н. Толстого представляет собой одно из самых сложных произведений мировой литературы. На это указывал сам писатель, предпочитая называть его «книгой» или «сочинением» [1. Т. 6. С. 6–16]. Е.Ю. Полтавец в своем недавнем исследовании дает краткий обзор продолжающихся по сей день попыток дать наиболее адекватное жанровое определение «Войне и миру»: вместо советской дефиниции «роман-эпопея», не принятой за рубежом¹, предлагаются термины «эпи-

¹ Авторитетная энциклопедия «Британника», например, однозначно определяет «Войну и мир» как «historical novel», см.: [2].

ческий роман» и «романический эпос» [3. С. 22–24]. При этом общепризнано, что творение Толстого вобрало в себя традиции самых разных литературных жанров: в монографии В.Е. Хализева и С.И. Кормилова, например, указывается, что в «Войне и мире» «сливаются свойства эпопеи, семейной хроники и романа: исторического, социально-бытового, психологического»¹ [5. С. 104]. К этому синтезу представляется необходимым добавить еще один неочевидный жанр – английского сенсационного романа.

Главной «точкой соприкосновения» между «Войной и миром» и *sensation novel* служит время: 1860-е гг. были пиком популярности сенсационной литературы в Великобритании. История жанра начинается с выхода в 1860 г. «Женщины в белом» Уилки Коллинза и подкрепляется романами «Ист-Линн» миссис Генри Вуд и «Тайна леди Одли» Мэри Элизабет Брэддон – последний и станет каноническим сенсационным романом в истории литературы. Массив произведений, условно принадлежащих жанру «сенсации», чрезвычайно разнороден, но главной жанровой чертой явилось шокирующее для викторианского общества сочетание двух факторов: скандальных событий, среди которых могли быть «убийство, супружеская измена, двоебрачие, мошенничество, безумие и сексуальные отклонения» [6], и домашнего, чаще всего семейного хронотопа. Тайнственные, жуткие, нередко безнравственные деяния в сенсационном романе совершаются, как указывает Мэтью Рубери, «внешне нравственными и честными людьми в знакомой домашней обстановке» [6], происходят в стенах respectable английского дома – и именно это вызвало бурю негодования в критике того времени.

В современном российском литературоведении сенсационный роман известен преимущественно специалистам по викторианской прозе, и это удивительно: вплоть до 1970-х им почти не интересовались и в англоязычной науке. Р. Фантина и К. Харрисон указывают, что «на протяжении многих десятилетий... критики считали сенсационную литературу “внебрачным ребенком” классического викторианского реализма – тем, что можно прочесть ради любопытства, но, конечно, не стоит воспринимать всерьез» [7. Р. X]. Только активизация внимания к «культурной и гендерной интерпретации романов» наконец поставила под сомнение «различие между высоким и низким искусством» [7. Р. X], и авторы романых «сенсаций» заняли свое место в английском литературном процессе.

Сегодня уже не подвергается сомнению, что «понимание викторианской литературы в целом, безусловно, требует понимания литературы сенсационной» [8. Р. 4]. Более того, по мнению Ричарда Немесвари, именно скандал с возникновением «моды» на сенсационную литературу помог критикам XIX в. определить канон реалистического романа: «Поняв, что такое сенсационная литература, викторианские читатели узнали, что такое реалистическая литература (и наоборот), а значит, смогли участвовать в построении

¹ О традициях жанров исторического и семейного романа см. также в нашей работе: [4].

требуемого горизонта ожиданий» [9. Р. 19]. Приемы сенсационного романа оказались важны и для литературного процесса в целом: тот же Немесвари указывает на Томаса Харди как на писателя, который «совершенно четко осознавал, что его стиль зависит от смешения реалистического и сенсационного» [9. Р. 26]. Влияния скандального жанра не избежали и другие авторы-реалисты. «В теории сенсационность привычно осуждалась, но на практике даже Тrollop и Элиот начали включать в свои произведения о повседневной жизни вполне узнаваемые сенсационные элементы, – пишет Уинифред Хьюз. – Жанр сенсации с его грубой и хаотичной формой предлагал нечто существенное, чего не хватало реализму» [10. Р. 70].

Можно предположить, что Толстой тоже обнаруживает в сенсационном романе это «существенное», когда в начале работы над «Войной и миром» приходит в настоящий восторг от знакомства с романами Мэри Элизабет Брэддон (1835–1915) – наиболее известного и самого скандального «сенсационного» автора, которая стала «катализатором дебатов о сенсационной литературе» [11. Р. 123] после выхода ее пары «романов о двоебрачии» («bigamy novels») – «Тайны леди Одли» (1862) и «Авроры Флойд» (1863). Последний роман и упоминает Толстой, когда 7 декабря 1864 г. пишет жене из Москвы: «Вчера утром читал английской роман автора Авроры Флойд. Я купил 10 частей этих английских не читанных еще мною романов и мечтаю о том, чтобы читать их с тобою» [1. Т. 83. С. 85]. В яснополянской библиотеке действительно хранится восемь романов Брэддон¹, на форзаце одного из которых («Only a clod») Толстой оставил запись, не относящуюся к издаванию².

То, что Брэддон названа у Толстого «автором Авроры Флойд», позволяет предположить, что это был первый роман писательницы, с которым он познакомился. Однако возможна и другая причина: «Аврора Флойд» произвела на Толстого большее впечатление, чем знаменитая «Тайна леди Одли», издание которой на английском языке также есть в библиотеке писателя. Это подтверждают воспоминания Т.А. Кузминской: в главе «Охота» она описывает времяпрепровождение семьи Толстых в Ясной Поляне осенью 1863 г. и в числе прочего упоминает о том, что Лев Николаевич иногда читал им вслух:

¹ Эдвина Крузе в своей статье обращает внимание на то, что этот список может быть неполным: «Я подозреваю, что несколько романов пропали после того, как Толстой отправил их своему брату Сергею, который жил неподалеку» [12. Р. 163–164]. Она указывает на письмо, датированное серединой мая 1868 г.: «Посылаю 2-ю часть Braddon» [1. Т. 61. С. 201], а также на отсутствие в библиотеке Толстого сборника рассказов Брэддон «In Great Waters, and Other Tales» (1877), которую он упоминает в письме к Л.П. Никифорову в 1891 г.: «Пошлю вам на-днях книжечку рассказов мелких Braddon. Они и все не дурны, а один очень хорош. Я не посылаю сейчас, п[отому] ч[то] книжка у брата, и нынче я пишу ему, чтоб прислал мне» [1. Т. 66. С. 30].

² Он записал по-английски схематичное название исторического романа (или имя его главного героя) Альфреда де Виньи «Сен-Мар, или Заговор времён Людовика XIII»: «St. Mars Alfred de Vigny».

Помню, как он читал переводной английский роман мистрисс Брэддон – «Аврора Флойд». Этот роман ему нравился, и он часто прерывал чтение восклицаниями:

– Экие мастера писать эти англичане! Все эти мелкие подробности рисуют жизнь! Таня, а ты узнаешь себя в этом романе? – спросил меня Лев Николаевич.

– В Авроре?

– Ну да, конечно.

– Я не хочу быть такой. Это неправда, – закричала я краснея, – и никогда не буду ею.

– Нет, без шуток, это ты, – продолжал Лев Николаевич полушутя, полусерьезно.

– Mais c'est vrai, Leon (Да, это правда, Левочка (фр.)), – говорила тетенька. – Les traits du caractere sont les memes (Черты характера – те же (фр.)).

Это огорчило меня еще больше. Лев Николаевич засмеялся и продолжал читать.

<...> Сюжет романа следующий: Аврора, дочь богатых и гордых родителей, влюбилась в своего берейтора и отдалась ему, что составило несчастье ее жизни и ее родителей. Берейтор ярко очерчен в романе: чувственный, низменный, красивый и смело подлый. Конца романа я не помню. Впоследствии я старалась достать этот роман, чтобы видеть, какие именно черты характера Авроры схожи с чертами характера Наташи в «Войне и мире». Я помню хорошо, что я и Соня это заметили. Но достать этот роман я не могла в переводе [13].

На этот отрывок, прямо указывающий на героиню Брэддон как литературный прототип Наташи Ростовой, обратил внимание уже В.Б. Шкловский в монографии «Матерьял и стиль в романе Льва Толстого “Война и мир”» (1928). Он кратко называет «некоторые сюжетные совпадения» между произведениями Брэддон и Толстого: схожесть романов Авроры и берейтора Коньерса; переключку между связанными родством парами Наташа – Соня и Аврора – Люси; наконец, то, что «Аврора Флойд так же, как и Наташа, отказывает своим женихам и, наконец, выходит замуж за того, кто дольше всех ее любит» [14. С. 229]. Отмечает он и общую для юных героинь «детскую некрасивость» [14. С. 229]. Выше В.Б. Шкловский указывает на традиционность фабульных построений «Войны и мира», которая обусловлена, по его мнению, тем, что «Толстой находится в сфере определенной традиции – английского романа» [14. С. 224]. Все переключки с сюжетом и характерами Брэддон возникают, таким образом, именно благодаря «соответствию жанровой традиции» [14. С. 230], в суть которой, однако, исследователь не углубляется.

Более подробно вопрос о роли романа «Аврора Флойд» при создании «Войны и мира» разбирает Е.Н. Строганова в статье «Л.Н. Толстой и английские писательницы»¹ (2019). Она так же, как и В.Б. Шкловский, отмечает портретное сходство Авроры и Наташи Ростовой, но привлекает при

¹ Отметим, что нам представляется методически неверной постановка в один ряд имен Ш. Бронте, Дж. Элиот, М.Э. Брэддон и Э. Вуд как «популярных писательниц», хотя исследователь отчасти оправдывает это, рассматривая их произведения с точки зрения

этом черновые варианты «Войны и мира», подчеркивал, что Толстой в них – до знакомства с романом Брэддон – еще не обозначал цвет глаз героини: «черноглазая». Исследователь также указывает и на общую «расстановку женских персонажей» [15. С. 218] двух произведений, но более подробно останавливается на характере и привычках героинь «Авроры Флойд». Обращает внимание Е.Н. Строганова и на «определенное сходство» характера и поведения мужских персонажей романа, а также на близость сюжетных коллизий романа Брэддон главному «узлу» [1. Т. 61. С. 180] «Войны и мира» – увлечению Наташи Анатолем и последующему отношению к этому поступку князя Андрея и Пьера.

В итоге исследователь делает вывод, что роман «Аврора Флойд» «с полным правом может быть включен в число произведений, повлиявших на становление сюжетно-образной системы “Войны и мира”» [15. С. 220–221]. Однако финальный акцент статьи смещен на то, что «главные героини Брэддон отвечают традиционным представлениям о женственности» [15. С. 220], и именно это, по мысли Е.Н. Строгановой, обусловило интерес Толстого к произведениям английской писательницы.

Примечательно, что никто из отечественных исследователей¹ не рассматривает связь романа Брэддон с «Войной и миром» в свете традиций сенсационного романа, тогда как для западных ученых эти традиции совершенно очевидны. На сайте журнала «Tableau» Отделения гуманитарных наук Чикагского университета можно найти статью «Зачем читать “Войну и мир”?», в которой профессор Уильям Никелл, в частности, заявляет: «Потому что это увлекательно². Толстой писал “Войну и мир” в период, когда он читал английские сенсационные романы, полные воровства, убийств и соблазнений, а также прелюбодеяний, двоебрачия, безумия и инцестов» [17]. Об этом же уверенно говорит в своей статье американский исследователь русской литературы Эдвина Крузе. Она убеждена, что «восприятие английского романа Толстым в 1860-х – начале 1870-х гг. невозможно представить без включения сенсационного романа» [12. Р. 161], и в этой связи указывает на причины внимания Толстого к романам Брэддон: «Толстой восхищался тем, как скрупулезно Брэддон выстраивала свое повествование. Ее стремление к новаторству – читатель Брэддон жаждал тайн, опасностей и неожиданностей – возможно, перекликалось с поисками формы, которые вел сам Толстой в “Войне и мире”» [12. Р. 171].

«расстановки гендерных акцентов» [15. С. 220], на чем и строится гипотеза статьи о причинах симпатии Толстого к одним романам и полного игнорирования других.

¹ В их числе отметим также С.Э. Нуралову, которая в обзорном исследовании «Лев Толстой и викторианский роман» (2010) посвящает один из разделов М.Э. Брэддон, находя интересные переклички между «Войной и миром» и романом «Only a clod» («Только мужлан»): [16. С. 66–75].

² В оригинале «because it is entertaining»: буквально «потому что это развлекательно», или «потому что это развлечет вас».

Такой подход представляется абсолютно верным, тем более что подтверждение ему есть в дневнике самого Толстого. В сентябре 1865 г., с большим трудом дописывая вторую часть первого тома «Войны и мира», он знакомится с романом Энтони Тrollope «Бертрамы», который вызывает его восхищение и одновременно – отчаяние в собственных силах¹. Вследствие этого Толстой предпринимает попытку разобраться в себе («знать свое – или, скорее, что не мое, вот главное искусство» [1. Т. 48. С. 64]) и создает краткую типологию романного повествования, записывая в дневнике: «Есть поэзия романиста: 1) в интересе сочетания событий – Braddon, мои казаки, будущее; 2) в картине нравов, построенных на историческом событии – Одиссея, Илиада, 1805 год; 3) в красоте и веселости положений – Пиквик – Отъезжее поле, и 4) в характерах людей – Гамлет – мои будущие» [1. Т. 48. С. 64].

Типология эта чрезвычайно любопытна и может стать предметом специального исследования², однако для нас интересно, что Толстой начинает ее не с того, чем непосредственно занят в тот момент: под заглавием «1805 год» были опубликованы первые части «Войны и мира», и очевидно, что писатель уже соотносит свое произведение с эпопеями Гомера. Но под первым пунктом Толстой обозначает все-таки тип произведений, основанных на «интересе сочетания событий», и единственным примером его становится творчество М.Э. Брэддон. Второй пример – гипотетический: специалисты склонны рассматривать его как единое целое – «Казаки будущие». Именно так цитирует эту запись А.Е. Грузинский в статье «История писания и печатания “Казаков”» [1. Т. 6. С. 271]. А.С. Петровский в комментарии к дневникам Толстого поясняет, что «Толстой не оставлял мысли о написании второй части, к которой сохранились черновые конспективные наброски» [1. Т. 48. С. 478].

Наброски эти показывают, что у писателя действительно был материал для драматически захватывающего продолжения повести: так, в одном из них Марьяна замужем за молодым казаком, но муж добровольно уступает ее Оленину. Марьяна не рада этому, но постепенно начинает любить героя. Далее события развиваются стремительно, в пересказе А.Е. Грузинского они таковы: «Тут неожиданное возвращение Урвана катастрофически создает поворот в душе Марьяны; она бросается мужу в ноги, боится, что Оленин выдаст его; казак скрывается, но скоро захвачен; хлопоты Оленина о помиловании опоздали, и совершается казнь. Раскаяние Марьяны заставляет ее убить Оленина при первой его попытке увидаться, и она выдает себя властям» [1. Т. 6. С. 291].

¹ Подробнее об этом см.: [18].

² Почти вся типология, за исключением эпоса Гомера, построена на соотношении произведений самого Толстого с английской литературой – творчеством Брэддон, Диккенса, Шекспира. Это подтверждает мысль В.Б. Шкловского о том, что Толстой, работая над «Войной и миром», находился «в сфере... традиции... английского романа» [14. С. 224].

«Казачьи» Толстого, даже в столь романтизированном варианте, это, конечно, не сенсационный роман – хотя бы потому, что в них велика роль «экзотического» кавказского хронотопа. Но некоторые традиционные для жанра сюжетные элементы здесь налицо: фактическое двоебрачие героини, а также убийство ею собственного мужа. А.Е. Грузинский, впрочем, оговаривается, что слово «солдат», которым обрывается конспект, допускает другое толкование: «Оленин убит не ею, а влюбленным в нее солдатом, молчаливым свидетелем всего романа, и Марьяна лишь приняла вину на себя» [1. Т. 6. С. 291]. В этом случае потенциально возможно еще и включение в сюжет детективного элемента, также характерного для сенсационного романа, – в той же «Авроре Флориде» героиня подозревается в убийстве первого мужа, но истинным преступником оказывается его слуга.

Важно одно: какими бы ни были будущие «Казачьи» в представлении Толстого, вместе с именем Брэддон они однозначно встраиваются в концепцию сенсационного романа. То, что Толстой называет «интересом сочетания событий», по общему мнению критиков, и было главным жанровым признаком, отличающим «сенсации» от традиционных романов: действия в них всегда важнее характеров. Как указывают Р. Фантина и К. Харрисон, нередко сенсационные романы называли «движимыми сюжетом» («plot-driven») в противоположность реалистическим романам, «движимым характерами» («character-driven») [7. Р. XII].

То, что Толстой делает тип повествования, близкий сенсационному роману, первым пунктом своей классификации, показывает, сколь важна и интересна была для него эта традиция в период разработки «Войны и мира». Как пишет Б.М. Эйхенбаум, «по дневникам 1865 г. видно, что именно в этот момент ломался и строился заново весь план и весь жанр романа» [19. С. 490]. Изначально, как полагает исследователь, Толстой планировал написать «совсем не “исторический”, а семейный роман» [19. С. 477]; затем, в 1864 г., писатель переходит от семейного романа «к военно-семейной хронике»; за ним последовал кризис 1865 г.: «...роман разрастался и принимал новые формы, о которых в начале работы Толстой и не думал» [19. С. 492]. Выйти из этого кризиса писателю помогает, по убеждению Б.М. Эйхенбаума, именно английская литература: «Чтение английских романов (Треллоуп и Брэддон)... сказалось и на характере и на развитии фабулы. Война использована как элемент авантюрной фабулы совершенно в духе английского семейного романа...» [19. С. 496].

Б.М. Эйхенбаум, по всей видимости, не был знаком с творчеством Брэддон, поскольку ее романы с большой натяжкой можно отнести к семейным¹.

¹ За это ошибочное представление об английском романе как исключительно «семейном» критикует Б.М. Эйхенбаум и Эдвина Крузе в статье об «Анне Карениной». Она пишет, что к середине 1860-х гг. основная масса английских романов стала совсем другой: «...вдохновленные французским романом или Диккенсом, заимствованные из сценической мелодрамы или “выхваченные из ежедневных сенсационных новостей”, [они]

Однако он точно указывает на «элементы авантюрной фабулы», в которых остро нуждался Толстой для продолжения работы над своим масштабным замыслом. Безусловно, такие элементы присутствовали и в классическом семейном романе – оттуда, например, писатель заимствует сюжетный ход с попыткой побега молодой героини из семьи с целью тайного замужества¹. Но если в системе семейного романа подобный поступок осуждается и подается как назидательный пример, то авторы сенсационного романа настаивают на другом: сколь бы тяжким ни был проступок героини, она не виновата. Уинифред Хьюз иронически замечает, что это и возмущало критиков больше всего – «счастливый конец и возрождение, дарованные этим героиням вопреки мелодраматическим условностям» [10. Р. 30]. Так и Аврора Флойд, бежавшая из парижской школы для тайного брака с берейтором, а затем поневоле ставшая двоемужницей и готовая платить своему первому мужу за сохранение тайны, провозглашается Брэддон всего лишь «несчастной девочкой, чьим самым страшным грехом было принять плохого человека за хорошего» [20. Vol. 3].

Толстой использует в «Войне и мире» сразу несколько принципов сенсационного романа, отраженных в романах Брэддон. Часть из них он применяет для разработки характеров. Так, в своих самых знаменитых романах английская писательница, по словам Карен Тейтем, «разрушает общепринятые представления о героинях» [21. Р. 504]: ее хрупкая, светловолосая и голубоглазая леди Одли оказывается убийцей, а гордая и вспыльчивая Аврора Флойд с густыми черными волосами, низким лбом и черными глазами («колоритная и, очевидно, криминальная внешность» [22. Р. 88], по словам Лин Пикетт) постепенно предстает перед читателем как героиня искренняя, чистосердечная и добрая.

Такая игра со стереотипами, приводящая к эффекту неожиданности, становится возможной благодаря важной составляющей сенсационного романа – мотиву тайны. В «парных» романах Брэддон тайна одна – первое замужество героинь. Но если в случае с леди Одли вместе с секретом из прошлого раскрывается и истинное лицо героини, совершившей ряд преступлений, то в «Авроре Флойд» тайна оказывается только сюжетным элементом. Фактически Брэддон создает эффект «мыльного пузыря»: ведь на протяжении половины романа Тольбот Бёльстрод², влюбленный в Аврору, мучительно пытается понять, что представляет собой героиня, и именно по этой причине отказывается от брака с ней. Тайна, раскрытая в конце, заключается, по словам Карен Тейтем, «в том, что “темная” героиня на самом деле не несет в себе страшных секретов, что это представление было просто иллюзией, фикцией» [21. Р. 503–504].

отражали вуайеристский интерес читающей публики к скандалам, преступлениям и другим видам девиантного поведения» [12. Р. 161].

¹ Подр. об этом см.: [5. С. 87–99].

² Имена героев даны по переводу 1863 г.: [23].

Нечто подобное делает и Толстой, создавая образ Элен как яркой, светлой, буквально «блестящей» красавицы с ее «белою бальной робой», блеском «белизны плеч, глянцем волос и брильянтов» [1. Т. 9. С. 14], а также светлой сияющей улыбкой [1. Т. 9. С. 18]. Ее «светлая» красота как будто автоматически подразумевает и внутреннюю чистоту, неслучайно в самом начале романа оба героя-протагониста, князь Андрей и Пьер, глядя на Элен, дают ей однозначную оценку: «Очень хороша» [1. Т. 9. С. 18]. При этом Толстой сознательно вводит мотив загадочности в облик Элен, акцентируя ее постоянное молчание. Этот мотив достигает апогея в мучительных размышлениях Пьера, когда его подталкивают к женитьбе: как и Бельстрод, он силится разрешить загадку героини, и притом разрешить радикально, определив для себя однозначно, добра она или зла, нравственна или порочна: «Надо же, наконец, понять ее и дать себе отчет: кто она? Ошибался ли я прежде или теперь ошибаюсь?» [1. Т. 9. С. 255]. И если вначале сближения Пьер думает, что «она глупа», и «что-то гадкое есть в том чувстве, которое она возбудила» [1. Т. 9. С. 253] в нем, то полтора месяца спустя герой убеждает себя в обратном: «Нет, она не глупа; нет, она прекрасная девушка! – говорил он сам себе иногда. – Никогда ни в чем она не ошибается, никогда она ничего не сказала глупого. Она мало говорит, но то, что она скажет, всегда просто и ясно. Так она не глупа. Никогда она не смущалась и не смущается. Так она не дурная женщина!» [1. Т. 9. С. 255].

Точно такой же путь «разгадывания» Авроры проходит и Бельстрод после знакомства с героиней: если вначале герой с презрением думает о ней как о «жалкой девушке», выказывающей неподобающие порядочной женщине пристрастия, то вскоре он начинает пристально наблюдать за каждым движением гордой, но печальной красавицы: «Что это значит?.. Она влюбилась в кого-нибудь, за кого отец запретил ей выйти замуж?.. Вряд ли это возможно. Женщина с такой головой и шеей, как у нее, скорее должна быть честолюбивой – честолюбивой и мстительной, а не склонной к нежной страсти» [20. Vol. 1]. К концу вечера Бельстрод склонен видеть в героине порок, хотя и признается себе в ее притягательности: «Она как все прекрасное, и странное, и порочное, и неженственное, и завораживающее; она именно такое существо, в которое мог бы влюбиться любой дурак» [20. Vol. 1]. Но по дороге домой герой, как и Пьер, начинает убеждать себя в ошибке, вспоминая о любви животных к Авроре: «Интересно, может, эти существа мудрее нас? – подумал он. – Может, они распознают в этой девушке какие-то более высокие качества, чем можем постичь мы?.. Если бы эта ужасная женщина с ее неженскими вкусами и таинственными склонностями была подлой, или трусливой, или лживой, или нечистой, не думаю, что мастиф любил бы ее так... Осмелюсь предположить, что эта мисс Флорид – доброе, великодушное создание, из тех, кого легкомысленные люди называли бы славной девушкой» [20. V. I].

Бреддон и Толстой, конечно, по-разному используют этот метод «разгадывания тайны». В «Авроре Флорид» он призван еще больше заинтриговать читателя, который, как и Бельстрод, остается в неведении почти до конца

романа. Для читателей «Войны и мира» все ясно еще в момент сомнений Пьера: Толстой недвусмысленно делает акцент на телесности Элен. Да и сам Пьер совсем недолго пребывает в заблуждении. Однако далее писатель использует мотив загадочности Элен в сатирических целях, когда описывает, как в Петербурге она приобретает репутацию «прелестной женщины, столь же умной, сколько прекрасной» [1. Т. 10. С. 179]. И Пьер снова пытается разгадать эту загадку – впрочем, для него она уже низведена до уровня фокуса: «На этих вечерах он испытывал чувство подобное тому, которое должен испытывать фокусник, ожидая всякий раз, что вот-вот обман его откроется» [1. Т. 10. С. 179]. Но никто, кроме Пьера и читателей романа, не видит истинной сути Элен: «Все восхищались каждым ее словом и отыскивали в нем глубокий смысл, которого она сама и не подозревала» [1. Т. 10. С. 179].

При этом Толстой прямо следует за Брэддон, делая сияющую красоту героини вместилищем немислимого порока: он соединяет образ Элен с мотивами инцеста и двоебрачия. Порочная связь героини с родным братом в окончательном тексте романа дана как слух: «Мне говорили, что ее брат Анатолий был влюблен в нее, и она влюблена в него, что была целая история и что от этого услали Анатолия» [1. Т. 9. С. 253], – думает Пьер. Однако в набросках к «Войне и мира» об инцесте говорится вполне определенно: «Анатолий с отцом. Попугая выучил матерно и целует сестру. Его гонят...» [1. Т. 13. С. 29].

Сюжет с двоебрачием Элен, которое гиперболизировано Толстым до полигамии, тоже дан скорее как намек или возможная перспектива, хотя Толстой ясно показывает, что героиня, будучи замужем, состоит в связи одновременно со «стариком-вельможей» [1. Т. 11. С. 285] и «молодым иностранным принцем» [1. Т. 11. С. 281]. Пока свет спорит, кого из новоявленных женихов предпочесть замужней графине Безуховой, дипломат Билибин мысленно признает, что было истинным желанием Элен: «Молодец-женщина!.. Она хотела бы быть женою всех троих в одно и то же время» [1. Т. 11. С. 288]. Очевидно, что Толстой вновь использует сенсационный прием в своих целях: двоебрачие Элен, показанное как вполне реальная возможность, становится еще одним сатирическим (на грани гротеска) способом показать порочность высшего света. Скандальный образ реальной двоемужницы ему не нужен – и поэтому сразу после полукомедийных дебатов о выборе мужа Толстой избавляется от героини. Эта внезапная и, по слухам, «нехорошая» смерть возвращает линию Элен в русло традиционного моралистического романа, где порок обязательно должен быть наказан.

Вокруг образа Наташи Ростовой Толстой не создает ореола тайны – напротив, для других героев она, как пишет С.Г. Бочаров, «словно олицетворенный ответ на всяческие вопросы, живое их разрешение» [24. С. 56]. Однако писатель придает Наташе ту же притягательную силу, что и у Авроры Флойд. «Обворожительна» – наиболее частая характеристика Наташи в «Войне и мире». Именно это единственное слово с трудом подбирает и Пьер, пытаясь ответить на вопрос княжны Марьи «Что это за девушка?» [1.

Т. 10. С. 311]. Тот же эпитет – bewitching, «завораживающая, обворожительная» – мысленно употребляет Бэльстрод, не в силах отвести глаз от Авроры. Эффект «околдовывания», к которому сводится этимология обоих эпитетов, происходит, с одной стороны, от максимальной нестандартности, непохожести обеих героинь на свое окружение («Эта девушка так мила, так особенна... Это здесь редкость», – думает Болконский на балу) [1. Т. 10. С. 205–206], а с другой – обусловлен их естественностью, инстинктивной близостью каким-то исконным, природным и национальным началам, самой «живой жизни». И Аврора и Наташа внутренне свободны: об этом в отношении героини Толстого много пишет С.Г. Бочаров: «Наташа мгновенно распутывает, просветляет, сотворяет в любую минуту вокруг себя открытую, вольную атмосферу, определяемую словами: все можно» [24. С. 60]. Так и Аврора с детства «говорила, что хотела; думала, выражалась, поступала, как хотела; училась, чему хотела; и выросла живым, пылким существом, ласковым и великодушным, как ее мать, но с каким-то оттенком природного огня» [20. Vol. 1].

Страстность, пылкость, иногда приводящая к вспышкам бурной радости или гнева, – еще одна общая доминанта характеров обеих героинь. Особенно очевидна она в Авроре, поведение которой нередко выходит за рамки дозволенного. Так выстроена шокировавшая викторианскую публику сцена в сарае, когда героиня в гневе бьет конюха хлыстом за жестокость к ее собаке:

Будучи выше конюха на полтора фуга, она стояла над ним, величественная в своей страсти: щеки ее были белыми от ярости, глаза пылали гневом, шляпа сбилась, черные волосы рассыпались по плечам. <...>

– Как ты посмел! – вскричала Аврора, – Как ты посмел его обидеть? Мой бедный пес! Мой бедный хромой, слабый пес! Как ты посмел это сделать? Ты трусливый мерзавец! Ты...

Она выпустила его воротник, который держала правой рукой, и обрушила на его неуклюжие плечи ливень ударов своим тонким хлыстом...

– Как ты посмел! – повторяла она снова и снова, и ее белые щеки покраснели от усилия держать мужчину одной рукой. Ее спутанные волосы... упали на талию, а хлыст был сломан в полудожине мест [20. Vol. 1].

Не менее откровенна сцена тайного свидания Авроры с ее первым мужем, когда она приносит ему деньги – плату за молчание. «Я ненавижу вас!» – кричит Аврора, а после иронического вопроса Коньерса «Вы бы хотели зарезать меня, или застрелить, или задушить, пока я стою здесь, не так ли?» – героиня с презрением восклицает: «Да!» [20. Vol. 2].

Тот же выход за рамки приличий, хотя и не в столь мелодраматической аранжировке, неоднократно демонстрирует и Наташа. Однако Толстой каждый раз показывает, что поведение героини, даже самое эпатажное, естественно в контексте ее характера и ситуации – и героиня права, когда дает волю чувствам. Таков, например, праведный гнев Наташи, когда она кричит на мать, пораженная ее нежеланием освободить подводы для раненых:

Наташа, с изуродованным злобой лицом, как буря ворвалась в комнату и быстрыми шагами подошла к матери.

– Это гадость! Это мерзость! – закричала она. – Это не может быть, чтобы вы приказали. [1. Т. 11. С. 316].

Еще более показательна сцена счастливого завершения охоты: «...Наташа, не переводя духа, радостно и восторженно визжала так пронзительно, что в ушах звенело. Она этим визгом выражала всё то, что выражали и другие охотники своим одновременным разговором. И визг этот был так странен, что она сама должна бы была стыдиться этого дикого визга и все бы должны были удивиться ему, ежели бы это было в другое время» [1. Т. 10. С. 261–262].

Однако Толстой показывает и границы, в которых возможно такое естественное поведение Наташи. Это происходит в следующем эпизоде, сразу после пляски героини и разговора о ее женихе: «...другой, новый строй мыслей и чувств поднялся в ней. Что значила улыбка Николая, когда он сказал: “уж выбран”? <...> Он как будто думает, что мой Болконский не одобрил бы, не понял бы этой нашей радости. Нет, он бы всё понял» [1. Т. 10. С. 268]. Сомнение Наташи обоснованно: в строгом мире Болконских такие вольности недопустимы. Дополнительно акцентирует это нарушение границ приличия юмористическая сцена в начале эпизода, когда дворовые женщины смотрят на Наташу-наездницу как на чудо:

– Аринка, глянь-ка, на боцькю сидит! Сама сидит, а подол болтается... Вишь рожок!

– Батюшки-светы, ножик-то...

– Вишь татарка!

– Как же ты не перекувыркнулась-то? – говорила самая смелая, прямо уж обращаясь к Наташе. [1. Т. 10. С. 263].

Ловкость Наташи как наездницы тоже можно счесть отсылкой к образу Авроры – страстной любительницы лошадей и скачек. Схожий прием Толстой позже использует для создания образа Анны Карениной во второй части романа: ее смелая езда верхом станет воплощением нового свободного – и одновременно выходящего за рамки приличий – положения героини¹.

Чрезвычайно интересные переключки можно обнаружить и при сопоставлении образов Тольбота Бельстрода и Андрея Болконского. Наиболее очевидна, конечно, общая для героев родовая, аристократическая гордость, доходящая у Бельстрода до крайности (он долго не может выбрать себе

¹ «В первую минуту ей показалось неприлично, что Анна ездит верхом. С представлением о верховой езде для дамы в понятии Дарьи Александровны соединялось представление молодого легкого кокетства, которое, по ее мнению, не шло к положению Анны; но когда она рассмотрела ее вблизи, она тотчас же примирилась с ее верховой ездой. Несмотря на элегантность, все было так просто, спокойно и достойно и в позе, и в одежде, и в движениях Анны, что ничего не могло быть естественней» [1. Т. 19. С. 185].

жены, поскольку не находит «женщины такой безупречной душевной чистоты, которая позволила бы ей сделаться матерью благородного рода и воспитать сыновей, которые сделали бы честь имени Бельстрод» [20. Vol. 1]). Однако это сходство можно считать, скорее, типологическим, поскольку основные черты семьи Болконских были набросаны Толстым, очевидно, еще до знакомства с «Авророй Флорид». Гораздо интереснее переключка психологического состояния и внутренней эволюции героев, которая могла появиться уже под влиянием чтения Брэддон.

Так, в начале романа Бельстрод, как и Болконский, изображен человеком, который «слишком устал от себя и от света, чтобы заботиться о том, куда ведут его друзья и товарищи» [20. Vol. 1]. Сравним начало «Войны и мира»: «Ему, видимо, все бывшие в гостинной не только были знакомы, но уж надоело ему так, что и смотреть на них и слушать их ему было очень скучно» [1. Т. 9. С. 17]. Встреча с Авророй, однако, пробуждает в Бельстроде внутреннее беспокойство, смутные желания любви и счастья: «Он желал, чтобы какое-нибудь доброе и чистое создание влюбилось в него... Он желал какой-нибудь внезапной вспышки невинного чувства, которое дало бы ему право сказать: “Я любим!”» [20. Vol. 1]. В этом внутреннем монологе обращает на себя внимание упоминание героем своего возраста: «Я вздрагиваю, когда вспомню, что в марте мне исполнится тридцать три года, а я никогда не был любим»¹ [20. Vol. 1], – налицо параллель со знаменитой репликой Болконского после встречи с Наташей в Отрадном: «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год» [1. Т. 10. С. 158].

Схожим образом реагируют герои и на разрыв с возлюбленной. Карен Тейтем обращает внимание на то, что Бельстрод, покидая Аврору, отказавшуюся раскрыть ему свой секрет, произвольно желает ее смерти: «Он подумал, что лучше бы оставил ее лежащей в гробу, неподвижную и прекрасную» [20. Vol. 1]. По мнению исследователя, это своеобразный способ героя защитить себя от «потери смыслов», бессилие от неспособности понять героиню [21. Р. 520], а также, добавим от себя, возможный способ оправдать собственную жестокость к ней. Более того, узнав о помолвке Авроры с его другом Джоном Меллишем, Бельстрод открыто выражает сожаление от того, что героиня не умерла от разлуки с ним. Он «прочел о ее замужестве в той самой колонке газеты, в которой предполагал увидеть сообщение о ее смерти. ... Она, которая, по всем правилам драмы, должна была умереть... вышла замуж за йоркширского землевладельца и... будет жить долго и счастливо. Он скомкал “Таймс” и с яростью и обидой отшвырнул его от себя. “А я-то думал, что она любит меня!”» [20. Vol. 1]. Эми Робертсон ука-

¹ Любопытны также рассуждения Бельстрода о воспитании детей, которые напоминают о занятиях старого князя Болконского с дочерью: «Интересно, будут ли дети любить меня? Скорее всего, нет. Я заморожу их детскую привязанность латинской грамматикой; они будут дрожать, проходя мимо двери моего кабинета, и испуганно понижать голос до шепота, когда папа может их услышать» [20. Vol. 1].

зывает, что Брэддон в своих романах открыто иронизирует над мелодраматическими стереотипами: «...она демонстрирует, как Аврора отказывается в полной мере соответствовать роли трагической героини» [25. Р. 162]. Бельстрод, однако, показан в романе как человек, находящийся во власти таких стереотипов: в равной степени к ним относятся и его подозрения Авроры в тайной порочности, и ожидание ее смерти от любви и раскаяния.

Этот иронический ход отчасти задействует и Толстой при создании образа Болконского. Как и Брэддон, он показывает, что герой не проявляет должной душевной чуткости – и тоже мыслит романтическими стереотипами. Наказать соперника Болконскому кажется важнее всего, тогда как болезнь Наташи, очевидно, представляется ему естественной и потому не трогает его. Более того, в рассуждениях героя, полных одновременно отвращения и самоиронии, также присутствует намек на возможную смерть Наташи от разлуки с ним: «Как же! я верил в какую-то идеальную любовь, которая должна была мне сохранить ее верность за целый год моего отсутствия! Как нежный голубок басни, она должна была зачахнуть в разлуке со мной. А все это гораздо проще... Все это ужасно просто, гадко!» [1. Т. 11. С. 204]. Болконский, впрочем, тоже переживает в этот момент очередной виток «потери смыслов», причем в гораздо большем масштабе, чем герой Брэддон, и смерть ему самому представляется желанным освобождением: «Умереть, чтобы меня убили завтра, чтобы меня не было... чтобы все это было, а меня не было» [1. Т. 11. С. 204].

Ситуация соблазнения Наташи Анатодем и ее попытка бежать с ним – главный и наиболее явный сюжетный элемент, который свидетельствует о связи «Войны и мира» с традицией сенсационного романа, жанр которого «обязательно включал обильное количество соблазнений, двоебрачий и даже проституции, предпочтительно в связи с героиней» [10. Р. 29]. Центральное место, которое писатель отводит этому эпизоду, конечно, несопоставимо с замыслом «Авроры Флойд»: Брэддон использует тайное замужество героини лишь как сюжетную завязку, создающую основную интригу романного действия. В начале читатель получает лишь смутный намек на некое несчастье, случившееся с Авророй в юности, а ближе к концу героиня произносит обширный монолог, в котором признается в содеянном. Такой схематизм в изображении роковой ошибки или непростительного сумасбродства юной девушки достаточно типичен для европейского романа. Толстой первым в мировой литературе столь подробно и психологически достоверно описывает сам процесс соблазнения героини, чуть не приведший к ее побегу из дома. И это описание включает анализ не только мотивов поведения и душевных движений обоих героев, но и чувственной стороны процесса их сближения – именно в этом Толстой совершенно очевидно следует за авторами «сенсаций».

Хотя в романе Брэддон рассказ об увлечении Авроры дан ретроспективно, писательница все же расставляет нужные акценты, описывая поразительно красивую внешность ее соблазнителя – берейтора Коньерса. Именно о ней как о причине своего безумного поступка говорит позже сама героиня:

«Это было лишь сентиментальное увлечение школьницы его щегольскими манерами, лишь легкомысленное восхищение его красивым лицом. Я вышла за него, потому что у него были темно-синие глаза, длинные ресницы, белые зубы и каштановые волосы» [20. Vol. 3]. Абсолютно те же характеристики, вплоть до «сентиментальности» во взгляде, включает Брэддон в описание внешности Коньерса, когда он впервые появляется в романе:

Посмотрите на него сейчас, когда он остановился отдохнуть, прислонившись к стволу дерева, и с наслаждением курит свою большую сигару. Он размышляет. Его синие глаза кажутся еще темнее из-за окаймляющих их густых черных ресниц, они полузакрываются и имеют мечтательное, слегка сентиментальное выражение, из-за которого можно предположить, что он размышляет о красоте летнего заката. Он думает о своих потерях в Кубке Честера, о зарплате, которую он получит от Джона Меллиша... Вы отдаете ему должное за мысли, соответствующие его темным фиалковым глазам, изысканной лепке рта и подбородка; вы наделяете его умом, столь же совершенным, как его лицо и фигура, и отшатываетесь, обнаружив, какой вульгарный, простой меч может скрываться под этими прекрасными ножнами. [20. Vol. 2].

Уинифред Хьюз, указывая на этот отрывок, утверждает, что «природа ее [Авроры] влечения к Джеймсу Коньерсу очевидна» [10. P. 129]. Толстой в этом смысле еще более откровенен: он, например, совершенно не стремится завуалировать намерения Анатоля. Зная, что их брак вряд ли признают законным, герой видит в Наташе, как справедливо говорит Андрей Болконский, только «хорошенькую и свеженькую девочку» [1. Т. 11. С. 212]. Чувственную природу влечения Анатоля писатель подчеркивает зеркальностью эпизодов: так, возражая на доводы Долохова, который уговаривает приятеля отказаться от авантюры с побегом, Курагин восклицает: «Какая ножка, любимый друг, какой взгляд! Богиня!!» [1. Т. 10. С. 353]. Это фривольное упоминание о «ножке» героини вызывает в памяти читателя другой эпизод соблазнения, имевший место во время сватовства Анатоля к княжне Марье. В нем объектом интереса героя становится молодая компаньонка княжны Амели Бурьен, которая и сама, как иронично показывает Толстой, страстно жаждет стать жертвой соблазнения. Бурьен мечтает стать героиней когда-то слышанной ею истории, «как соблазненной девушке представлялась ее бедная мать, sa pauvre mère, и упрекала ее за то, что она без брака отдалась мужчине» [1. Т. 9. С. 277]. И хотя за соблазнением в воображении Бурьен должна последовать свадьба, чего не предполагает Анатолий, «они совершенно поняли друг друга в отношении первой части романа» [1. Т. 9. С. 280]: «...он начинал испытывать к хорошенькой и вызывающей Bourienne... страстное, зверское чувство» [1. Т. 9. С. 277]. Итогом этого взаимного желания и становится очень откровенная и в то же время потрясающе комическая сцена у фортепиано.

Общество после чаю перешло в диванную, и княжну попросили поиграть на клавинохордах. Анатолий облокотился перед ней подле m-lle Bourienne, и глаза его, смеясь и радуясь, смотрели на княжну Марью. Княжна Марья с мучительным и

радостным волнением чувствовала на себе его взгляд. Любимая соната переносила ее в самый задушевно-поэтический мир, а чувствуемый на себе взгляд придавал этому миру еще большую поэтичность. Взгляд же Анатоля, хотя и был устремлен на нее, относился не к ней, а к движениям ножки m-lle Bourienne, которую он в это время трогал своею ногою под фортепиано. M-lle Bourienne смотрела тоже на княжну, и в ее прекрасных глазах было тоже новое для княжны Марьи выражение испуганной радости и надежды.

«Как она меня любит! – думала княжна Марья. – Как я счастлива теперь и как могу быть счастлива с таким другом и таким мужем!..» [1. Т. 9. С. 277–278].

Комизм этого эпизода основан, конечно, на контрасте между совершенной невинностью и наивностью княжны Марьи и, напротив, искусственностью других участников безмолвного общения. В этом отношении сцена у фортепиано перекликается с приведенным выше рассуждением Брэддон о характере Коньерса: княжна Марья также наделяет Анатоля «умом, столь же совершенным, как его лицо и фигура»: «Красивое, открытое лицо человека, который, может быть, будет ее мужем, поглощало всё ее внимание. Он ей казался добр, храбр, решителен, мужествен и великодушен. Она была убеждена в этом» [1. Т. 9. С. 276].

Толстой щадит княжну Марью: она не выходит за Анатоля и не узнаёт, что ум его так же вульгарен, как и у соблазнителя Авроры. Однако то, что было комедией в сценах соблазнения Анатодем Бурьен, оказывается в высшей степени драматично в эпизоде с Наташей. Писатель максимально сгущает атмосферу вовлечения героини в чуждый ей мир низменных интересов и страстей: в главах о посещении оперы и дома Элен, как в калейдоскопе, повторяются одни и те же яркие и подчеркнуто чувственные впечатления: голая, с голыми руками и голой грудью Элен; неотступный взгляд и улыбка Анатоля; голые ноги танцовщиков; темнота, жар, страх. Неслучайно Курагин в момент знакомства приглашает Наташу на «карусель в костюмах» [1. Т. 10. С. 331]: фактически все происходящее с героиней в эти дни – ужасная, нескончаемая карусель, с которой она не может сойти. Состояние «опьянения», в которое она приходит в опере, длится и длится, Наташа словно сходит с ума – она сама ощущает это в гостях у Элен: «Она только чувствовала себя опять вполне безвозвратно в том странном, безумном мире... в котором нельзя было знать, что хорошо, что дурно, что разумно и что безумно» [1. Т. 10. С. 341]. Примерно так же постфактум описывает свое состояние во время побега с Коньерсом Аврора: «Я не могу объяснить себе свое безумие. Я могу только вспоминать то ужасное время и удивляться, почему я обезумела» [20. Vol. 3].

Толстой, впрочем, дает и некоторые рациональные указания на то, почему его героиня так легко поддается влиянию Курагиных и сближается с Анатодем. Главы, в которых описывается период ожидания Болконского, демонстрируют нарастание напряжения в Наташе с ее «избытком», «чрезмерностью» [24. С. 65] жизненной силы – причем напряжения не только морального, но и физического. Это очевидно уже в описании Святков в доме Ростовых, когда Наташа физически жаждет присутствия рядом князя Андрея:

...Наташа остановилась подле матери, оглядываясь кругом, как будто она искала чего-то.

– Мама! – проговорила она. – Дайте мне его, дайте, мама, скорее, скорее, – и опять она с трудом удержала рыдания. [1. Т. 10. С. 276].

Это же страстное желание заполнить пустоту, острое ощущение отсутствия человека, на которого Наташа могла бы излить свою жизненную и любовную силу, повторяется и перед самой поездкой в оперу: «Боже мой, ежели бы он был тут; тогда бы я не так как прежде, с какой-то глупой робостью перед чем-то, а по-новому, просто, обняла бы его, прижалась бы к нему, заставила бы его смотреть на меня теми искательными, любопытными глазами, которыми он так часто смотрел на меня...» [1. Т. 10. С. 322]. Анатолий является как заполнение этой пустоты, и это вполне естественно для Наташи, о чем писал еще А.В. Чичерин: «Так глубоко полюбившая Болконского, она не ограждена ничем от проникновения несовместимых с этой любовью, противоположных, но так же всецело овладевающих ею чувств» [26. С. 202].

Этим и объясняется то, что Наташа не понимает исключительной телесности Анатолия, чувственной природы его «любви» к ней. Она ощущает только его чрезмерную близость – в том числе и в буквальном, физическом проявлении. Именно поэтому Наташа видит в основном глаза героя, как это происходит во время поцелуя в доме у Элен: «Блестящие, большие, мужские глаза его так близки были от ее глаз, что она не видела ничего кроме этих глаз» [1. Т. 10. С. 342]. Неслучайно в опере во время первой встречи Наташа чувствует, что ей «тесно и тяжело»¹ [1. Т. 10. С. 331] в присутствии Анатолия – как будто отсутствие между ними «преграды стыдливости» приближает его к ней и физически, как будто они уже «близки, как она никогда не была с мужчиной» [1. Т. 10. С. 332].

Эротизм сцен общения Наташи с Анатолием несомненен, но Толстой усиливает эффект скандальности, беря на вооружение еще несколько классических приемов сенсационного романа. Главный из них, конечно, мотив двоебрачия. Причем он дается здесь и как сюжетный ход: герой собирается венчаться с Наташей, будучи женат («Ну уж два раза нельзя! А? – сказал Анатолий, добродушно смеясь» [1. Т. 10. С. 336]), и как еще один «симптом» Наташиного «опьянения» своей новой свободой. Сравнивая Анатолия с Болконским, Наташа уверенно говорит себе, что любит обоих, и в конце концов признается в безумном желании: «“Отчего же бы это не могло быть вместе?” иногда, в совершенном затмении, думала она. Тогда только я бы была совсем счастлива...» [1. Т. 10. С. 345].

Совершенно неслучаен и театральный мотив, пронизывающий сюжетный «узел» «Войны и мира»: сенсационный роман во многом происходит из сенсационной драмы, и язык театра был очень близок Брэддон, которая сама играла на сцене до начала литературной карьеры. Театральные метафоры

¹ В другом варианте «тесно, жарко и тяжело» [1. Т. 13. С. 334].

сопровождает все действие «Авроры Флойд», нередко дополняясь авторскими отступлениями: «Наши современные трагедии, похоже, происходят за закрытыми дверями, причем в тех местах, где мы меньше всего ожидаем ужасных сцен» [20. Vol. 2].

Это противопоставление актуально и для эпизода в опере, с которого начинается «опьянение» Наташи: подлинная драма происходит в этот момент не на сцене, а в ложе Элен, куда переходит героиня. Дополнительно акцентирует это прием остранения, с помощью которого Толстой делает разыгрываемый на сцене спектакль карикатурно-нелепым. Действие на сцене – своего рода проекция на поведение Элен и Анатоля с Наташей: симпатия одной и высокая любовь другого так же ложны, «вычурно-фальшивы и ненатуральны» [1. Т. 10. С. 326], как и попытки актеров изобразить накал чувств. Отчасти об этой же неестественности театральных драм в сравнении с жизнью пишет и Брэддон в своем отступлении: «Как тихи трагедии реальной жизни! ... Я с трудом могу представить себе Отелло и Яго, спорящих о честности бедной Дездемоны, на дворе собора Святого Павла или даже на рыночной площади провинциального городка...» [20. Vol. 2].

Однако Толстой не завершает на этом театральную параллель эпизода и дает еще один, сниженный ее вариант – в домашнем представлении m-lle Georges. Оно выглядит так же ненатурально, как и сцены в опере, но сверх того актриса играет подчеркнуто мелодраматично: «Она местами возвышала голос, местами шептала, торжественно поднимая голову, местами останавливалась и хрипела, выкатывая глаза» [1. Т. 10. С. 340]. Характерен и выбор сюжета для этого домашнего моноспектакля: речь в нем идет о «преступной любви к своему сыну» [1. Т. 10. С. 340]. В черновых рукописях Толстой прямо указывает, что m-lle Georges читала отрывки из трагедии Расина «Федра», однако умолчание об этом в итоговом варианте придает развлечению у Элен большую двусмысленность. С одной стороны, такой спектакль становится похож на сенсационную драму, с другой – появляется еще один намек на мотив инцеста, который Толстой связывает с образами брата и сестры Курагиных (в «Федре» речь все-таки идет о запретной любви к пасынку, а не сыну).

Это сгущение театральности, сопровождающей сближение Наташи с Анатодем, влияет и на героиню: она тоже начинает мыслить мелодраматическими стереотипами. «Как только я увидела его, я почувствовала, что он мой властелин, и я раба его, и что я не могу не любить его. Да, раба! Что он мне велит, то я и сделаю», – твердит Наташа Соне [1. Т. 10. С. 347]. Таким же театральным жестом, желанием продолжить роль трагической героини фактически является и попытка Наташи отравиться мышьяком. Но полнота жизни, глубокая укорененность в ней, та жизненная сила и страстность, которой всегда отличалась героиня, вовремя останавливают ее: «Проглотив его немного, она так испугалась, что разбудила Соню...» [1. Т. 10. С. 368]. Наташа, как и Аврора, не может стать героиней трагедии: даже много месяцев болезни после расставания с женихом не убивают ни ту, ни другую. Иронически комментируя выздоровление Авроры, Брэддон вновь противопоставляет

жизнь и театральные условности: «Поскольку люди... в реальной жизни не много мудрее тех, которых представляют на сцене, червям очень редко достается обед из мужчин и женщин, умерших от любви» [20. Vol. 1].

Помимо «узла» со сближением Наташи и Анатоля Толстой включает в «Войну и мир» и другие сюжетные элементы, характерные для сенсационного романа, – однако они уже не несут столь значимой смысловой нагрузки. Такова, например, интрига с мнимой смертью Андрея Болконского во время Аустерлицкого сражения. В сенсационном романе этот сюжетный ход мог бы иметь далеко идущие последствия – как, например, мнимая гибель Джеймса Коньера в Пруссии, о которой Аврора читает в газете: после этого она и соглашается снова выйти замуж. Но в «Войне и мире» письмо от Кутузова, в котором он сообщает старому князю о героической смерти его сына, почти ничего не меняет в жизни семьи Болконских, и лишь дополнительно подчеркивает ключевые черты характеров княжны Марьи и ее отца. Толстой, впрочем, не удерживается от создания легкого мелодраматического эффекта: из-за пропавшего письма (еще один «сенсационный» элемент) родные не узнают о приезде Болконского заранее, и он неожиданно появляется в момент тяжелых родов жены, едва успевая увидеть ее живой.

Заметим, что появление «сенсационных» элементов в этом эпизоде могло быть вызвано чисто техническими причинами. Известно признание Толстого в одном из писем: «В Аустерлицком сражении... мне нужно было, чтобы был убит блестящий молодой человек; в дальнейшем ходе моего романа мне нужно было только старика Болконского с дочерью; но так как неловко описывать ничем не связанное с романом лицо, я решил сделать блестящего молодого человека сыном старого Болконского. Потом он меня заинтересовал, для него представлялась роль в дальнейшем ходе романа, и я его помиловал, только сильно ранив его вместо смерти» [1. Т. 61. С. 80]. При этом в черновых набросках видно, что появившийся у старика Болконского сын почти сразу приезжает к отцу вместе с молодой женой. Когда Толстой решает «помиловать» князя Андрея и находит продолжение его сюжетной линии в связи с образом Наташи (возможно, под влиянием романа Брэддон), маленькая княгиня становится лишним персонажем.

Очевидно, что Толстой осознавал мелодраматичность сюжетного хода, соединяющего неожиданное «воскресение» героя и смерть его жены – предваряющуюся, кстати, предчувствиями, предсказаниями и вещими снами Лизы Болконской. Поэтому, описывая возвращение князя Андрея в Петербург, Толстой с оттенком самоиронии пишет о том, что Болконского воспринимали как «почти новое лицо с ореолом романтической истории о его мнимой смерти и трагической кончине жены» [1. Т. 10. С. 163].

Еще один любопытный «сенсационный» штрих образу Болконского Толстой придает в начале третьего тома. В рассеянности после ссоры с отцом, готовясь уезжать на войну, князь Андрей идет к сыну, сажает его на колени и начинает «сказывать ему сказку о Синей Бороде» [1. Т. 11. С. 36]. Выбор известного сюжета об убийце своих жен явно неслучаен. Это может быть и

отсылкой к образу старого князя, о котором думает в этот момент Болконский: его жена, очевидно, давно умерла, а теперь он мучает дочь мнимым намерением жениться на «Бурьенке». Однако, вероятнее всего, сказочная аналогия относится к самому князю Андрею. Его жена умирает во время родов в глуши, куда ее против воли привозит муж, ненавидящий и презирающий свою избранницу. А невеста чуть не погибает, нравственно и физически, будучи оставлена на год в тяжелом и бессмысленном ожидании, без любви и поддержки. Возможно, что князь Андрей подсознательно чувствует свою вину – в следующих эпизодах он все время будет возвращаться мыслями к образу Наташи.

Определенное следование традициям сенсационного романа можно увидеть и в создании образов двойников. Повторяемость, «удвоение» как сюжетных ходов, так и характеров персонажей, преимущественно отрицательных, – достаточно распространенная черта «сенсации». В «Авроре Флойд» по такому принципу «удвоения» создаются образы Джеймса Коньерса и его слуги, бывшего конюха Стива Гэргэвиза: оба в разное время работали в конюшнях Авроры, оба строят против нее козни, обоих ненавидит героиня. В «Войне и мире» персонажей-двойников также немало: Борис Друбецкой, например, является сниженным вариантом Андрея Болконского; Жюли Карагина – карикатурой на княжну Марью; Анатолий и Элен – мужской и женский вариант одного и того же типа «подлой, бессердечной породы» [1. Т. 10. С. 368]; еще одним женским вариантом Анатолия становится «вызывающая» и «самодовольная» Бурьен. Есть у Толстого «удвоение» и более глобального свойства: С.Г. Бочаров считает, что Курагин-младший дан в романе как своеобразный двойник французского императора: «Так же как Анатолий, Наполеон лишен способности понимать, что мир существует не для того, чтобы удовлетворялись его желания» [24. С. 103].

Перед тем как подвести итоги, укажем на любопытное наблюдение, сделанное Эдвиной Крузе. Она обращает внимание на список книг, который составляет Толстой через много лет после завершения работы над «Войной и миром». В черновике письма от 1887 г., отбирая произведения для народного чтения, он рекомендует «перевод, сокращение и упрощение хороших классических романов Дикенса, Жоржа Элиота, Гюго, Вуд, Брэддон и даже хороших романов Вуд, Вальтер Скотт Бульвера, Вуд, Брэддон и др.» [1. Т. 64. С. 30]. Восстановленная черновая запись показывает, что произведения Брэддон сначала вычеркиваются Толстым из перечня «хороших классических романов», но потом вполне уверенно попадают в список просто «хороших романов» (в отличие, например, от творчества миссис Генри Вуд, которая вычеркивается дважды). Нельзя не согласиться с Эдвиной Крузе в том, что это «свидетельство в пользу... Брэддон, которая так мало известна в толстоведении» [12. Р. 172].

Проведенное исследование показало, что скандально известные романы Мэри Элизабет Брэддон оказались важным и нужным для Толстого материалом. Работая над сложносоставной жанровой конструкцией «Войны и мира», в которой историософские рассуждения и батальные сцены должны

были уравниваться увлекательным романским сюжетом, Толстой нуждался в примерах. У него уже был опыт использования жанровых приемов английского семейного романа при создании «Семейного счастья», однако этого было явно недостаточно для столь масштабного замысла с большим количеством героев и переплетающихся сюжетных линий. Отчасти писатель задействует опыт Теккерея, который в «Ярмарке тщеславия» организует повествование «гнездовым» способом, показывая судьбу двух родовых объединений на фоне той же войны с Наполеоном¹. Однако именно сенсационный роман дает Толстому недостающие детали: он помогает придать динамику и напряженность сюжету, усложнить образы героев, усилить их психологическую достоверность. Образцом для этого и стало творчество Брэддон – прежде всего, ее роман «Аврора Флойд».

Следуя традициям Брэддон, Толстой использует при создании своих характеров мотивы «разгадывания тайны», инцеста, двоебрачия и мнимой смерти, вводит театральные метафоры, с иронией показывает приверженность героев мелодраматическим стереотипам. Новаторство Брэддон – прежде всего, ее смелая демонстрация страстного, пылкого характера Авроры Флойд во взаимодействии с мужскими персонажами – помогает Толстому в формировании центрального образа Наташи Ростовской. Большое влияние сенсационный роман оказывает и на разработку главного сюжетного «узла» «Войны и мира»: это проявляется в создании плотной чувственной атмосферы «опьянения», использовании эротического подтекста в описании чувств и поведения героев.

Горячий интерес Толстого к творчеству Брэддон стал, таким образом, одним из важных факторов формирования сюжета и характеров его романа-эпопеи. Во многом благодаря традициям сенсационного романа «Война и мир» остается сегодня не только свидетельством высочайшего мастерства Толстого в психологической разработке характеров и художественной подаче национальной истории, но и одним из самых увлекательных произведений мировой литературы.

Список источников

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л. : Худож. лит., 1928–1958.
2. Lohnes K. “War and Peace” // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/War-and-Peace> (дата обращения: 02.04.2024).
3. Полтавец Е.Ю. «Война и мир» Л.Н. Толстого: полижанровый контекст, эпос, миф и ритуал // Отечественная филология. 2023. № 4. С. 21–33.
4. Гнюсова И.Ф. Л.Н. Толстой и У.М. Теккерей: проблема жанровых поисков : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 184 с.
5. Хализев В.Е., Кормилов С.И. Роман Толстого «Война и мир». М. : Высш. шк., 1983. 112 с.
6. Rubery M. Sensation Fiction // Oxford Bibliographies. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199799558/obo-9780199799558-0062.xml> (дата обращения: 04.04.2024).

¹ Подробнее об этом см.: [5].

7. *Fantina R., Harrison K.* Introduction // *Victorian sensations : Essays on a scandalous genre.* The Ohio State University Press, 2006. P. IX–XXIII.
8. *Gilbert P.K.* Introduction // *A Companion to Sensation Fiction.* Wiley-Blackwell, 2011. P. 1–10.
9. *Nemesvari R.* “Judged by a purely literary standard”: Sensation Fiction, Horizons of Expectation, and the Generic Construction of Victorian Realism // *Victorian sensations : essays on a scandalous genre.* The Ohio State University Press, 2006. P. 15–28.
10. *Hughes W.* *The Maniac in the Cellar: Sensation Novels of the 1860s.* Princeton University Press, 1980. 222 p.
11. *Pykett L.* Mary Elizabeth Braddon // *A Companion to Sensation Fiction.* Wiley-Blackwell, 2011. P. 123–133.
12. *Cruise E.* Tracking the English novel in Anna Karenina: who wrote the English novel that Anna reads? // *Anniversary Essays on Tolstoy.* Cambridge University Press, 2010. P. 159–182.
13. *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: Воспоминания. Тула, 1960. 527 с. URL: http://az.lib.ru/k/kuzminskaja_t_a/text_moya_zhizn_doma_i_v_yasnoy_polyane.shtml (дата обращения: 05.04.2024).
14. *Шкловский В.Б.* Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М. : Федерация, 1928. 249 с.
15. *Строганова Е.Н.* Л.Н. Толстой и английские писательницы // *Studia Litterarum.* 2019. Т. 4, № 3. С. 210–225.
16. *Нуралова С.Э.* Лев Толстой и викторианский роман. Ереван : Изд. Дом Лусабац, 2010. 87 с.
17. *Why Read War and Peace? A literary scholar brings Tolstoy (back) to the masses // Tableau.* 2013. URL: <https://tableau.uchicago.edu/articles/2013/04/why-read-war-and-peace> (дата обращения: 01.04.2024).
18. *Гнюсова И.Ф.* «Убивающее мастерство»: роман Э. Троллопа «Бертрамы» в оценке Л.Н. Толстого // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2023. № 82. С. 271–287.
19. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. Кн. 2: Шестидесятые годы // *Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой : Исследования. Статьи.* СПб., 2009. С. 355–559.
20. *Braddon M.E.* *Aurora Floyd* : In 3 vol. London, 1863. Vol. 1. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/48020/pg48020-images.html>; Vol. 2. URL: <https://www.gutenberg.org/files/48021/48021-h/48021-h.htm>; Vol. 3. URL: <https://www.gutenberg.org/files/48022/48022-h/48022-h.htm> (дата обращения: 07.04.2024).
21. *Tatum K.E.* Bearing Her Secret: Mary Elizabeth Braddon’s “Aurora Floyd” // *The Journal of Popular Culture.* 2007. № 40 (3). P. 503–525.
22. *Pykett L.* Mary Elizabeth Braddon: The Secret Histories of Women // *The “Improper” Feminine: The Women’s Sensation Novel and the New Woman Writing.* London, 1992. P. 83–113.
23. *Аврора Флорид.* Роман мистрисс Браддон // *Собрание иностранных романов, повестей и рассказов.* 1863. Т. 2, кн. 4; Т. 3, кн. 5–6; Т. 4, кн. 7–8; Т. 5, кн. 9–10.
24. *Бочаров С.Г.* Роман Толстого «Война и мир». М. : Худож. лит., 1987. 158 с.
25. *Robertson A.J.* Mary Elizabeth Braddon’s “Aurora Floyd” // *A Companion to Sensation Fiction.* Wiley-Blackwell, 2011. P. 160–171.
26. *Чичерин А.В.* Возникновение романа-эпопеи. М. : Сов. писатель, 1958. 372 с.

References

1. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 volumes]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

2. Lohnes, K. (2024) "War and Peace". Encyclopedia Britannica. [Online] Available from: <https://www.britannica.com/topic/War-and-Peace> (Accessed: 2.04.2024).
3. Poltavets, E.Yu. (2023) "Voyna i mir" L.N. Tolstogo: polizhanrovyy kontekst, epos, mif i ritual ["War and Peace" by L.N. Tolstoy: a multi-genre context, epic, myth and ritual]. *Otechestvennaya filologiya*. 4. pp. 21–33.
4. Gnyusova, I.F. (2008) *L.N. Tolstoy i U.M. Tekkeray: problema zhanrovyykh poiskov* [L.N. Tolstoy and W.M. Thackeray: the problem of genre searches]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
5. Khalizev, V.E. & Kormilov, S.I. (1983) *Roman Tolstogo "Voyna i mir"* [Tolstoy's novel "War and Peace"]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Rubery, M. (2024) *Sensation Fiction*. Oxford Bibliographies. [Online] Available from: <https://www.oxfordbiblio-graphies.com/display/document/obo-9780199799558/obo-9780199799558-0062.xml> (Accessed: 4.04.2024).
7. Fantina, R. & Harrison, K. (2006) Introduction. In: *Victorian sensations: Essays on a scandalous genre*. The Ohio State University Press. pp. IX–XXIII.
8. Gilbert, P.K. (2011) Introduction. In: *A Companion to Sensation Fiction*. Wiley-Blackwell. pp. 1–10.
9. Nemesvari, R. (2006) "Judged by a purely literary standard": Sensation Fiction, Horizons of Expectation, and the Generic Construction of Victorian Realism. In: *Victorian sensations: essays on a scandalous genre*. The Ohio State University Press. pp. 15–28.
10. Hughes, W. (1980) *The Maniac in the Cellar: Sensation Novels of the 1860s*. Princeton University Press.
11. Pykett, L. (2011) Mary Elizabeth Braddon. In: *A Companion to Sensation Fiction*. Wiley-Blackwell. pp. 123–133.
12. Cruise, E. (2010) Tracking the English novel in Anna Karenina: who wrote the English novel that Anna reads? In: *Anniversary Essays on Tolstoy*. Cambridge University Press. pp. 159–182.
13. Kuzminskaya, T.A. (1960) *Moya zhizn' doma i v Yasnoy Polyane: Vospominaniya* [My Life at Home and in Yasnaya Polyana: Memories]. Tula. [Online] Available from: http://az.lib.ru/k/kuzminskaja_t_a/text_moya_zhizn_doma_i_v_yasnoy_polyane.shtml (Accessed: 5.04.2024).
14. Shklovskiy, V.B. (1928) *Mater'yal i stil' v romane L'va Tolstogo "Voyna i mir"* [Material and Style in Leo Tolstoy's Novel War and Peace]. Moscow: Federatsiya.
15. Stroganova, E.N. (2019) L.N. Tolstoy i angliyskie pisatel'nitsy [L. N. Tolstoy and English women writer]. *Studia Litterarum*. 4 (3). pp. 210–225.
16. Nuralova, S.E. (2010) *Lev Tolstoy i viktorianskiy roman* [Leo Tolstoy and the Victorian Novel]. Yerevan: Lusabats.
17. Tableau. (2013) *Why Read War and Peace? A literary scholar brings Tolstoy (back) to the masses*. [Online] Available from: <https://tableau.uchicago.edu/articles/2013/04/why-read-war-and-peace> (Accessed: 01.04.2024).
18. Gnyusova, I.F. (2023) "A killing excellence": Anthony Trollope's The Bertrams in Leo Tolstoy's evaluation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 271–287. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/12
19. Eykhenbaum, B.M. (2009) *Lev Tolstoy: Issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University. pp. 355–559.
20. Braddon, M.E. (1863) *Aurora Floyd: In 3 vol.* Vol. I. [Online] Available from: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/48020/pg48020-images.html>; Vol. II. [Online] Available from: <https://www.gutenberg.org/files/48021/48021-h/48021-h.htm>; Vol. III. [Online] Available from: <https://www.gutenberg.org/files/48022/48022-h/48022-h.htm> (Accessed: 7.04.2024).
21. Tatum, K.E. (2007) Bearing Her Secret: Mary Elizabeth Braddon's "Aurora Floyd". *The Journal of Popular Culture*. 40 (3). pp. 503–525.

22. Pykett, L. (1992) Mary Elizabeth Braddon: The Secret Histories of Women. In: *The "Improper" Feminine: The Women's Sensation Novel and the New Woman Writing*. Routledge. pp. 83–113.

23. Braddon, M.E. (1863) Aurora Floyd. Roman mistriss Braddon [Aurora Floyd. Mistress Braddon's Novel]. In: *Sobranie inostrannykh romanov, povestey i rasskazov* [Collection of Foreign Novels, Novels, and Stories]. Vols 2–5. St. Petersburg: E.N. Akhmatova.

24. Bocharov, S.G. (1987) *Roman Tolstogo "Voyna i mir"* [Tolstoy's Novel "War and Peace"]. Moscow: Khudozh. lit.

25. Robertson, A.J. (2011) Mary Elizabeth Braddon's "Aurora Floyd". In: *A Companion to Sensation Fiction*. Wiley-Blackwell. pp. 160–171.

26. Chicherin, A.V. (1958) *Vozniknovenie romana-epopei* [The Origin of the Epic Novel]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.04.2024;
одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 26.04.2024;
approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/90/11

**Православные акценты сюжетобразующего
концептуального поля романа Ф.М. Достоевского
«Преступление и наказание»
на уровне пространства и времени**

Екатерина Александровна Головачева¹

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия, eagolovacheva@tpu.ru*

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение особенностей объективации смысло- и сюжетобразующего концептуального поля (КП) «преступление / наказание» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на уровне пространства и времени и уточнение его роли в оформлении православного «кода» произведения. Последовательное изучение признаков КП «масштабность распространения кризиса» (характеризует пространство), «бегство» (обозначает реальное и желаемое перемещение героев в пространстве), «предопределенность конца» (характеризует осознание героями времени) в словесной ткани произведения позволяет рассмотреть аксиологические доминанты произведения и уточнить научные представления об особенностях образов персонажей романа.

Ключевые слова: хронотоп, роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», поэтика, концепт, художественная картина мира

Для цитирования: Головачева Е.А. Православные акценты сюжетобразующего концептуального поля романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на уровне пространства и времени // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 232–259. doi: 10.17223/19986645/90/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/11

**Orthodox features of the core conceptual field
in Fyodor Dostoyevsky's *Crime and Punishment*
at the level of space and time**

Ekaterina A. Golovacheva¹

¹ *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation,
eagolovacheva@tpu.ru*

Abstract. The article focuses on the features of the objectification and representation of the core conceptual field *crime/punishment* at the level of space and time in Fyodor Dostoyevsky's *Crime and Punishment*. The aim of this work is to clarify the

field's role in the design of the Orthodox "code" of the work. The frontal analysis of the text allowed identifying the signs of the conceptual field *crime/punishment*: the scale of the crisis spreading (characterizes space), escape (denotes the real and desired movement of objects in space), and predetermination of the limit (characterizes the hero's awareness of time). These signs form a semantic unity. The modulations of the word revealed during a detailed analysis of the episodes of the work, in which the *scale of the crisis spreading* sign is actualized, allowed Dostoevsky to depict the tragedy of criminal and immoral ideas, and crimes that go beyond St. Petersburg and are rapidly spreading. These modulations help to present at the symbolic level an apocalyptic picture of civilization's death. The objectification of the *predetermination of the limit* sign emphasize the relationship between the categories of crime and punishment – blind and fatalistic adherence to false beliefs leads Raskolnikov to life disorientation and illness. In the finale of the novel, the lexical nuances allow depicting the intensity of Raskolnikov's emotional experiences and show his need for self-rescue. The objectification of the *escape* sign emphasizes the psychological drama of the novel's heroes (Raskolnikov, Svidrigailov) and focuses the reader's attention on the tragic consequences that individualism, self-will, loss of conciliarity and fraternal unity lead to. Thus, the analysis of the Orthodox accents of the narrative-forming conceptual field at the level of space and time made it possible to identify important axiological features of *Crime and Punishment*, and clarify Dostoevsky's ideological position. It also helped to refine scientific ideas about the characters' features (Raskolnikov, Luzhin, Svidrigailov, Porfiry, Razumikhin, etc.), as well as about the finale of the novel. The nuances of the verbal design of the *crime/punishment* conceptual field's signs (scale of the crisis spreading, escape, predetermination of the limit) allow tracing the writer's thought about the depth of the crisis experienced by Russian society. They also help to identify the complex of the most important axiological and Orthodox features implemented in the text (conciliarity, compassion, saving humility, etc.).

Keywords: chronotope, Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*, poetics, concept, artistic worldview

For citation: Golovacheva, E.A. (2024) Orthodox features of the core conceptual field in Fyodor Dostoevsky's *Crime and Punishment* at the level of space and time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 232–259. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/11

Вопросу изучения православия как ценностной доминанты¹ творческого наследия Достоевского посвящено значительное количество исследований [1–12]. Основу художественной картины мира в романе «Преступление и наказание» организуют категории православия², важнейшими среди которых являются милосердие, братская любовь и сострадание, приоритет нравственного закона над юридическим, признание возможности нравственного возрождения преступившего и воскрешающей роли страдания в процессе признания и искупления вины [9, 11, 13–16]. Интерес к рассмотрению их особенностей в романе [3. С. 35–36; 17], связи с национальными чертами

¹ Во многих исследованиях подчеркивается, что православные идеи и почвеннические воззрения писателя являются основой художественной картины мира произведений Ф.М. Достоевского [1–12].

² Об этом см., например, в работах [9, 11, 13–16] и др.

русской культуры¹ обуславливает актуальность изучения модуляций романного слова и их роли в смысло- и формообразовании.

В основе настоящего исследования лежит концептологический² подход к изучению художественного текста, опирающийся на представление о тесной взаимосвязи между аксиологическими доминантами произведения (идеями), овнешняющим их авторским словом (стилем) и поэтикой³ [19. С. 86–91].

Смысловой уровень исследуемого романа структурирован идеей православия, которая получает лексическую репрезентацию за счет концептов «преступление» и «наказание» [19. С. 93–95], «семья» [20] и др. Тесная взаимосвязь категорий «преступление» и «наказание», проявляющаяся практически на каждой странице исследуемого произведения, формирует единое смысловое концептуальное поле (КП), соединяющее сюжетный, композиционный, образный, пространственно-временной уровни поэтики романа. Посредством указанного КП, воплощающего доминанты «Преступления и наказания», организуется романная картина мира, представляющая собой вариант национальной и авторской картины мира. Анализ заглавия романа, истории его создания и структуры также свидетельствует о том, что КП обеспечивает внутреннюю целостность произведения и передает важнейшие нюансы развития истории Раскольникова, а также позволяет последовательно акцентировать в слове⁴ важнейшие особенности романной идеи, реализовать ее во всей диалектической полноте, показать кризисное состояние общества, обозначить авторское понимание его причин, наметить пути выхода из него.

В рассматриваемом произведении Достоевский подвергает переосмыслению традиционные для русской языковой культуры представления, связанные с понятиями, оформляющими название произведения. Способы репрезентации КП в разных частях сюжета свидетельствуют о значительном его обогащении новыми аксиологическими (авторскими) признаками по отношению к традиционным в русской культуре [19. С. 160–164]. Посредством их последовательной объективации в романном слове актуализируются доминанты идейно-философского содержания «Преступления и наказания», уточняются важные детали образов действующих лиц, акцентируется православный «код» произведения.

¹ См., например, в работе [5] и др.

² Термины «концепт» и «художественный концепт» используются в значении базовой единицы национальной картины мира и смыслового уровня текста, которая обретает многообразное переосмысление, проявляется в авторском слове и представляет собой авторский инвариант картины мира, проявляясь на всех уровнях поэтики (подробнее об этом см., например, [18. С. 74–83]).

³ Методология концептологического анализа позволяет выявить область пересечения авторской и национальной картин мира, а также уточнить известные представления о поэтике романа на всех уровнях.

⁴ А также на всех уровнях поэтики (сюжет, композиция, система образов, хронотоп).

Анализ художественного целого предполагает рассмотрение специфики воспроизведения картины мира и аксиологии произведения на всех уровнях поэтики. Важнейшим из них является пространственно-временной, который формирует художественную картину мира, жанровое своеобразие [21. С. 234–407; 22. С. 134–164], смысл произведения [21. С. 234, 406] и имеет сюжетобrazующее значение [21. С. 398].

Отдельным аспектам изучения хронотопа в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» посвящены работы Л.П. Гроссмана [23], М.М. Бахтина [21, 24], Г. Волошина [25], С.Н. Дурьлина [26], А. Цейтлина [27], Г.М. Фридлендера [28], Д.С. Лихачева [29], Ф.И. Евнина [30], Ж. Катто [31], Д. Арбан [32], С.М. Соловьева [33], В.Н. Топорова [34–35], В.Я. Кирпотина [36], В.В. Кожина [37], К.В. Мочульского [38], Т.А. Касаткиной [39], Ю.И. Селезнева [40], А.Н. Кошечко [41] и др. Сложная структура и особые характеристики (концентрированность, уплотненность, скоротечность, динамичность, объемность, неограниченность, драматическая напряженность, поляризованность и т.д.¹) хронотопа в прозе писателя выполняют множество ролей: становятся катализатором трагедийного исхода сюжета и хаоса в произведениях Достоевского [42. С. 51–80; 18. С. 154–181]; создают «"поле" кризисного развития» [42. С. 51], «смысловую и пластическую ауру» [42. С. 52], являются факторами самосознания героев [42. С. 78] и определяют их поведение [34. С. 96]. В романе «Преступление и наказание» пространство и время отражают уникальные особенности поэтики произведения, поэтому рассмотрение способов объективации смысло- и сюжетобrazующего КП «преступление / наказание» на уровне хронотопа, выделение авторских признаков и уточнение их роли в актуализации идейно-философского содержания произведения представляется особенно актуальным².

Уже на этапе замысла романа проблемы «пожертвованного поколения»³, реалистичного изображения современной жизни и кризисного состояния городов на уровне пространственно-временной организации текста играли важную роль для писателя. Одним из самых ранних свидетельств поставленной художественной задачи является письмо Достоевского Каткову (1865):

Есть еще много следов в наших газетах о **необыкновенной шатости понятий, подвигающих на ужасные дела.** (Тот семинарист, который убил девушку

¹ Подробнее об этом см. в перечисленных исследованиях, а также в работе [42. С. 51–80] и др.

² Кроме того, данное исследование создает основу для рассмотрения особенностей воспроизведения смыслообразующих концептов в немецких переводческих интерпретациях романа «Преступление и наказание» и уточнения характерных черт рецепции данного произведения в немецкой словесной культуре.

³ См. об этом: [43. Т. 28. С. 207, 261, 272, 279–280, 298] (письма А. Майкову); [43. Т. 29(2). С. 78–79] (письма С. Х.Д. Алчевской); [43. Т. 30 (1). С. 22–24] (письма студентам Московского университета), [43. Т. 30 (1). С. 63] (письма Н.А. Любимову), [43. Т. 30 (1). С. 66] (письма К.П. Победоносцеву).

по уговору с ней в сарае и которого взяли через час за завтраком, и проч.). Одним словом, я убежден, **что сюжет мой отчасти оправдывает современность** [43. Т. 7. С. 311] (здесь и далее выделено нами. – Е.Г.).

Из данной переписки становится очевидным, что в начале творческого пути над «Преступлением и наказанием» Достоевский ставил перед собой задачу максимально реалистичного изображения повсеместных признаков глубокого кризиса ценностных основ православной культуры и масштабно-сти его распространения [44. С. 135–139]. Пространственная организация романа сконцентрирована в основном на определенных уголках Петербурга. В различных исследованиях отмечается трагичность в восприятии Достоевским своей эпохи, а изображение петербургских картин, наполненных атмосферой духоты, шума, вони, сутолоки, нищеты, задает определенный тон – город концентрирует в себе все болезненные социально-психологические процессы [28, 36, 40, 46–49]. Достоверность описания атмосферы неприглядного городского пространства, тесных улиц, на которых происходят бытовые драмы и будничные трагедии, подчеркивает тенденции к разобщенности, замкнутости, безнравственности, порочности и преступности общества [45. С. 330–333, 341–342].

На улице **жара** стояла **страшная**, к тому же **духота**, **толкотня**, **всюду известка**, **леса**, **кирпич**, **пыль** и **та особенная летняя вонь**, столь известная каждому **петербуржцу**... [43. Т. 6. С. 6].

Нестерпимая же вонь из **распивочных**, которых в этой части города особенное множество, и **пьяные**, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили **отвратительный и грустный колорит картины**... [43. Т. 6. С. 6].

Тут заинтересовало его **вдруг**: почему именно, во всех **больших городах**, человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно склонен жить и селиться **именно в таких частях города**, где нет ни садов, ни фонтанов, где **грязь и вонь**, и **всякая гадость** [43. Т. 6. С. 60].

О вполне реалистичном изображении города, который становится местом масштабного расслоения общества, нравственного кризиса, распространения новомодных идей и противоречащих религиозным принципам теорий [49], свидетельствуют статистические данные и факты, представленные в номерах «Ведомостей С.-Петербургской полиции», «Голоса»¹, а также приведенные в исследовании В.Н. Топорова [35, 50]. Герои «Преступления и наказания», таким образом, являются отражением многоликой толпы реального Петербурга того времени², в ограниченном пространстве которого

¹ Подробнее об этом см.: [45. С. 331, 333].

² В романе реальные картины Петербурга тесно переплетены с фантастическими, создается особое пространство романа, относящееся к «петербургскому тексту» русской литературы. Подробнее об этом см.: [13. С. 234–235; 50. С. 22–28].

переплетаются их судьбы и разворачиваются трагические события. На словесном уровне писатель подчеркивает, что пространство Петербурга не предполагает комфортных условий для проживания; атмосфера наполнена неприятными запахами (*та особенная летняя вонь; нестерпимая же вонь из распивочных; где грязь и вонь*), повсюду грязь (*всюду известка, леса, кирпич, пыль*). Довершают «отвратительный и грустный колорит картины» расположенные повсеместно пивные заведения (*«вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество»*) и количество их постояльцев (*пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время*). Таким образом, уже в экспозиции «Преступления и наказания» концентрация столь неприглядных описаний города подчеркивает довлеющее воздействие пространства на судьбы людей – роман изобилует мотивами сумасшествия, самоубийства, пьянства. Неустроенность быта, обнищание населения формируют чувство неуверенности в завтрашнем дне, что становится ключевым фактором распространения преступности.

Примечательно, что действие романа сосредоточено в Казанской части Петербурга¹. Данный факт символичен, поскольку название апеллирует к Казанскому собору, в котором находится икона Божьей матери². Таким образом, само это место в городе, в котором Раскольников задумывает и совершает преступление, на символическом уровне указывает на высшее покровительство и на возможность восстановления связи с Богом и воскрешения через покаяние [15. С. 118].

Проанализированные факты создания «Преступления и наказания» и некоторые фрагменты романа, относящиеся к описанию Петербурга, позволяют выдвинуть гипотезу о том, что подробное рассмотрение способов объективации³ КП на пространственно-временном уровне позволит уточнить научные представления об особенностях образов персонажей и аксиологических доминантах романа. В процессе фронтального анализа текста выявлено несколько основных признаков КП, формирующих определенное смысловое единство: *масштабность распространения кризиса*⁴ (характеризует пространство), *бегство*⁵ (обозначает реальное и желаемое перемещение героев в пространстве), *предопределенность конца*⁶ (характеризует осознание героем времени).

¹ В том числе и полицейская контора располагается в Казанской части.

² Подробнее об этом см.: [15. С. 118].

³ Подробно о признаках концептуального поля «преступление / наказание» см.: [19. С. 95–145].

⁴ Название признака дано на основе выделения смысловых доминант проанализированных фрагментов романа, характеризующих пространство и время.

⁵ Название признака дано на основе наиболее часто повторяющейся номинативной единицы и выделения смысловых доминант проанализированных фрагментов романа, характеризующих пространство и время.

⁶ Принцип номинации признака такой же, как и в п. 11.

Признак «масштабность распространения кризиса»

Поскольку в романе «Преступление и наказание» Достоевский ставит перед собой задачу изобразить разрушение патриархального мироустройства, показать общество в состоянии социального и нравственного кризиса, поэтому яркое проявление КП на уровне хронотопа получает признак «масштабность распространения кризиса». Его объективация реализуется с помощью базовых лексем-репрезентантов концепта «преступление», а также через описание особых свойств пространства и времени.

Признак КП *масштабность распространения кризиса* получает яркую актуализацию во второй части романа в словах господина Лужина. При посещении каморки Раскольникова он пытается произвести впечатление осведомленного и современного человека, принимающего в том числе и новомодные философские веяния. Он подмечает, что различные идеи и реформы уже давно вышли за пределы Петербурга и охватили пространство провинции:

Все эти наши новости, реформы, идеи – все это и до нас прикоснулось в провинции; но чтобы видеть яснее и видеть все, надобно быть в Петербурге [43. Т. 6. С. 115].

Существительные во множественном числе (*новости, реформы, идеи*) и выражения *все эти наши, все это* обобщают представления Лужина о современном прогрессе молодого поколения и увлечении их разнообразными теориями, которым он, как позже сообщается, «порадовался» [43. Т. 6. С. 115]. Указания на топоним (*в провинции, в Петербурге*) и расположение данных обозначений локусов в конце каждой части предложения, разделенного точкой с запятой, показывает пока еще существующую дистанцию по глубине проникновения разного рода безнравственных идей в центр России¹ и на периферию. Примечательно, что слова Лужина задевают Разумихина («Врешь ты, деловитости нет, – вцепился Разумихин» [43. Т. 6. С. 115]) и он вступает в полемику:

Идеи-то, пожалуй, и бродят, – обратился он к Петру Петровичу, – и желание добра есть, хоть и детское; и честность даже найдется, несмотря на то что тут видимо-невидимо привалило мошенников, а деловитости все-таки нет! [43. Т. 6. С. 115].

Символично в данном фрагменте, как и в предыдущем, использование повторяющегося существительного «идеи», которое в тексте романа после-

¹ В тексте романа также присутствуют отсылки на их распространение в столице России: «А что отвечал в Москве вот лектор-то ваш на вопрос, зачем он билеты подделывал: «Все богатеют разными способами, так и мне поскорей захотелось разбогатеть». Точных слов не помню, но смысл, что на даровщинку, поскорей, без труда!» [43. Т. 6. С. 115].

довательно заменяет в речи повествователя и персонажей слово «преступление»¹ и имеет негативный смысл, содержит отсылку к преступной идее Раскольникова [19. С. 97]. Противопоставление естественных человеческих ценностей (честность, добро) новомодным теориям подчеркнуто словами *добра, детское, честность*. Лексемы *даже, несмотря на* дополнительно акцентируют внимание читателя на том, что различные идеи воспринимаются обществом зачастую без переосмысления и учета определенных культурно-исторических особенностей России, а поэтому способны привести к негативным последствиям. Выражение *видимо-невидимо* подчеркивает масштаб распространения преступности (*привалило мошенников*) в Петербурге. Повторяющееся существительное *деловитость* (*деловитости все-таки нет, деловитости нет; деловитость приобретается трудно; деловитость в сапогах ходит* [43. Т. 6. С. 115]) раскрывают важную черту многих представителей молодого поколения, которые, не имея работы или дела, утратив веру и православные ориентиры, испытывают проблемы самоопределения и зачастую попадают под влияние эгоистичных теорий. Примечательно, что Раскольников также не отличается деловитостью в отличие от Разумихина. Последний, например, благодаря своей уживчивости, практичности и истинной «деловитости» (занятие переводами, умение позаботиться о ближних, договориться с людьми) справляется со сложными жизненными обстоятельствами, которые для Раскольникова оказываются непреодолимыми². Главному герою, напротив, присущи черты «лишнего человека»³: разочарование в жизни; одиночество; погруженность в свои мысли; периодически возникающая мизантропия [53. Т. 4. С. 323]; добровольный аскетизм (как маркер исключительности) и т.д. Очевидная разница характеров этих двух персонажей романа и изреченные Разумихиным слова по поводу «деловитости», таким образом, подчеркивают значимую позицию автора, считавшего, что истинное «дело» способно очистить разум и формировать человека [43. Т. 20. С. 180].

Интересно продолжение этого диалога. Рассуждения Лужина пародируют идеи утилитарной этики английских экономистов И. Бентама, Д.С. Милля, воззрения Н.Г. Чернышевского и др.:

... **распространены новые, полезные мысли, распространены** некоторые **новые, полезные** сочинения, **вместо прежних** мечтательных и романических; литература принимает более зрелый оттенок; **искоренено** и **осмеяно** много **вредных предубеждений**.: Одним словом, **мы безвозвратно отрезали себя от прошлого**, а это, по-моему, уж дело-с... [43. Т. 6. С. 115].

Трагедия уничтожения традиционных ценностей и замещения их вульгарным подражанием западным идеям подчеркнута глаголами *искоренено, осмеяно* и выражениями *вредных побуждений, безвозвратно отрезали себя*

¹ Подробно об этом см. [19. С. 97].

² Подробнее об этом [51. С. 44].

³ См., например: [52. С. 164–187].

от прошедшего. Такое словесное оформление мыслей Лужина маркирует категоричность взглядов многих сторонников «прогрессивных» идей того периода, которые рассматривают возможность изменения мира только путем полного разрыва с прошлым, уничтожения исконных православных традиций. Повтор прилагательного *новое* апеллирует к планируемому предприятию Раскольников, которое он также обозначает как *новый шаг* [43. Т. 6. С. 6], *новое собственное слово* [43. Т. 6. С. 6], *новый вопрос* [43. Т. 6. С. 86], *новый закон* [43. Т. 6. С. 200], аксиологически сближая, таким образом, воззрения Лужина (*новые, полезные мысли, новые, полезные сочинения*) с доступной идеей главного героя романа.

Изначальная восторженность Петра Петровича прогрессивностью Петербурга вступает в явный контраст с замечанием, произнесенным как бы вскользь в продолжающемся диалоге с Зосимовым и Разумихиным:

Не говорю уже о том, что **преступления** в низшем классе, в последние лет пять, увеличились; не говорю о повсеместных и непрерывных грабежах и пожарах; страннее всего то для меня, что **преступления** и в высших классах таким же образом увеличиваются и, так сказать, параллельно. Там, слышно, бывший студент на большой дороге почту разбил; там передовые, по общественному своему положению, люди **фальшивые бумажки делают**; там, в Москве, ловят целую компанию **подделывателей билетов** последнего займа с лотереей, – и в главных участниках один лектор всемирной истории; там **убивают** нашего секретаря за границей, по причине денежной и загадочной... И если теперь эта старуха процентщица **убита** одним из закладчиков, то и это, стало быть, был человек из общества более высшего, – ибо мужики не закладывают золотых вещей, – то чем же объяснить эту с одной стороны распущенность цивилизованной части нашего общества? [43. Т. 6. С. 117].

Представленный фрагмент изобилует номинативными лексемами КП, указывающими на различные преступные деяния¹, распространившиеся в Москве, Петербурге, за границей: преступления (*преступления* (2)), грабежи (*повсеместных и непрерывных грабежах*), разбой (*почту разбил*), фальшивомонетничество (*фальшивые бумажки делают, подделывателей билетов*); убийства (*убивают, убита*). Их масштабный характер подчеркнут за счет повторяющегося глагола *увеличились, увеличиваются*, а также прилагательного *повсеместных*. О скорости их распространения свидетельствуют временные указания: *последние лет пять, непрерывных, теперь*, а также повторы местоименного наречия *там*. Как видно из представленного фрагмента, пространство современных городов представляет собой картину общества, в котором страсть наживы является определяющим фактором поведения. Культ индивидуализма, затрагивающий все социальные слои, становится причиной забвения нравственных связей между людьми². Представителями такого рода «деловой» столицы являются большинство персонажей

¹ Слова, принадлежащие ядру и ближней периферии концепта «преступление».

² Подробнее об этом см.: [54, 55. С. 166–195; 56. С. 239–260; 57].

романа, которые наживаются на чужом несчастье: «промышленник и мошенник» Кох, купец Юшин, Луиза Ивановна, Лужин, Дарья Францевна, Алёна Ивановна.

Примечательно, что слова Лужина вызывают гнев Раскольникова: «А доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать...» [43. Т. 6. С. 118]. Недавнее изречение Лужина (*давеча*) связывается в его реплике с трагическими последствиями такового (*можно резать*). Фраза передает его собственный греховный опыт и причисляет Раскольникова к галерее всех тех персонажей, которые осуждаются в устах алчного и столь ненавистного ему «подлеца» Лужина. Неслучайно этот разговор вызывает в главном герое муки совести и чувство самонаказания, проявляющиеся даже на физическом уровне¹.

В четвертой части романа признак *масштабность распространения кризиса* актуализируется также в диалоге Раскольникова и Сонечки. Ради самооправдания своей идеи герой указывает на нравственный разврат, который охватил все общество, включая детей:

Неужели не видала ты здесь детей, по углам, которых матери милостыню высылают просить? Я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке. Там детям нельзя оставаться детьми. Там семилетний развратен и вор [43. Т. 6. С. 252].

Указательные местоименные наречия *здесь*, *там* (2), а также выражения *по углам*, *в какой обстановке* подчеркивают повсеместную бедность русских семей, становящуюся причиной разного рода безнравственных поступков: попрошайничества (*милостыню высылают просить*), разврата (*развратен*), воровства (*вор*). На уровне слова Достоевский показывает трагичную картину будущего, в которой дети лишены детства (*детям нельзя оставаться детьми*) и вряд ли смогут выстроить здоровое будущее (*они будущее человечество...* [43. Т. 6. С. 252]). Мрачная атмосфера изнурительной повседневной борьбы за существование способствует постепенной утрате веры в справедливость и божие покровительство и подталкивает к зарождению различных бесчеловечных теорий, жертвой которой становится отзывчивый и чуткий по своей натуре Раскольников.

В шестой части романа признак *масштабность распространения кризиса* актуализируется в речи Свидригайлова. Он четко подмечает нездоровую атмосферу Петербурга и её влияние на людей:

...я убежден, что в Петербурге много народу, ходя, говорят сами с собой. Это город полусумасшедших. <...> Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния! Между тем это административный центр всей России, и характер его должен отражаться на всем [43. Т. 6. С. 357].

¹ «Раскольников лежал бледный, с вздрагивающей верхней губой и трудно дышал» [43. Т. 6. С. 118].

Субстантивированное существительное *полусумасшедших* и выражение *много народу, ходя, говорят сами с собой* в словах Свидригайлова подчеркивают распространяющуюся в городе ментальную болезнь и безнравственную атмосферу, поражающую душу человека (*мрачных, резких и странных влияний на душу человека*). Также акцентировано внимание на значении и влиянии данного столичного центра на провинции и другие города – *характер его должен отражаться на всем*. Последняя фраза маркирует возможный масштаб распространения негативных, болезненных тенденций Петербурга за его пределы.

Отдельное внимание в речи Свидригайлова уделено различным видам и формам распространившихся в столице преступных деяний:

Народ пьянствует, молодежь образованная от бездействия перегорает в несбыточных снах и грезах, уродуется в теориях; откуда-то жида наехали, прячут деньги, а все остальное развратничает [43. Т. 6. С. 370].

Контингент города составляет интеллигенция (*молодежь образованная*), простые люди (*народ, все остальное*), иммигранты (*жида наехали*). Ряд маркированных глаголов подчеркивают их нравственную и физическую деградацию: *пьянствует, перегорает, уродуется, прячут деньги, развратничает*. Примечательно, что слова Свидригайлова очень точно характеризуют игрища, которые совершает Раскольников (*перегорает в несбыточных снах и грезах, уродуется в теориях*), что служит указанием на картину кризиса всего общества и трагедию каждого, утрату соборности и милосердия.

В репликах Свидригайлова особое значение придается двум факторам, оказывающим негативное действие на человека и подталкивающим его к безверию и утрате православных ориентиров: «климатические влияния» и разрушительные философские «теории»¹. Таким образом, слова Свидригайлова и осознанное понимание им трагедии разрушения традиционных ценностей в обществе служат отличительными маркерами, позволяющими выделить его среди других персонажей романа (Лужин, Алёна Ивановна и др.).

В эпилоге романа признак *масштабность распространения кризиса* проявляется в символическом сне Раскольникова, в котором болезнь, беснование и сумасшествие приобретают мировой масштаб:

Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тогда же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в

¹ По замечанию В.Б. Шкловского, рассуждения о Петербурге в тексте романа в целом являются отражением идей фульеристов, в которых город представляет собой позорное следствие безумного строя жизни. См.: [58. С. 211].

истине, как считали зараженные. **Никогда не считали** непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. **Целые селения, целые города** и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже **в походе**, **вдруг** начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. **В городах целый день** били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. <...> Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, – но **тотчас же начинали** что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. **Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало**. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спаслись **во всем мире** могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но **никто и нигде** не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса [43. Т. 6. С. 419–420].

Апокалиптическое¹ видение героя содержит описание гибели цивилизации. Выражения, маркирующие пространство всей Земли (*весь мир, из глубины Азии на Европу, целые селения, целые города, в походе, в городах, подвигалась дальше и дальше, во всем мире, все и всё, целый день*), указывают на распространение **болезней** (*неслыханной и невиданной моровой язве, трихины, бесноватыми и сумасшедшими, зараженные, заражались, сумасшествовали*), **преступлений** (*убивали друг друга, собирались друг на друга целыми армиями, бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга, дрались и резались*), **тревоги** (*были в тревоге*) и **страданий** (*мучился, бил себя в грудь, плакал, ломал себе руки*) в каждом уголке мироздания. Отрицания *никогда не (3), никто не, не знал(и) (3), никто и нигде, не считали (2), не понимали, не видал, не слышал* поддерживают картину всемирного хаоса. Внезапный характер наступления мировой трагедии и гибели человечества обозначен повторяющимися словами *вдруг, новые, начинали*. Таким образом, словесное оформление КП² на уровне хронотопа, даже на уровне символического сна Раскольникова, позволяет подчеркнуть тесную взаимосвязь понятий «преступление» и «наказание» и масштабные последствия («всё и все») индивидуализма, безверия и забвения нравственных и патриархальных ценностей (соборности, братства, милосердия, жертвенности и т.д.).

Модуляции слова, выявленные при подробном рассмотрении эпизодов произведения, в которых актуализируется признак КП *масштабность распространения кризиса* и расстановка фрагментов романа, в котором он по-

¹ Подробнее об этом см.: [59].

² В особенности обилие номинативных лексем, принадлежащих ядру концептуального поля.

лучил яркую объективацию, позволяют автору без лишней риторики изобразить трагедию выходящих за пределы Петербурга и быстро распространяющихся подобно болезни преступных и безнравственных идей, грехов и преступлений, а в финале на символическом уровне представить апокалиптическую картину гибели всей цивилизации.

Особенности оформления признака *масштабность распространения кризиса* подчеркивают важные черты персонажей романа. Слова Лужина, высказывающего свое отношение к «деловому» Петербургу, раскрывают его собственные недостатки: алчность, индивидуализм, поверхностность. Речь Свидригайлова, очень четко подмечающего пороки российских городов, а также содержащая скрытые указания на понимание сути трагедии Раскольникова, позволяет сформировать образ его идейного близнеца, глубоко осознающего проблемы общества и разочаровавшегося в жизни. Специфика романного слова, выявленная при рассмотрении признака *масштабность распространения кризиса*, помогает уточнить важные черты главного персонажа романа: состояние ценностной неустойчивости, утрату им веры. Показательно, что бесчеловечная теория Раскольникова зарождается в месте, где люди пытаются забыть свои беды и смыть грехи (в распивочной на Сенной). Кабаки и трактиры заменяют храмы и церкви, ночлежки – отчий дом и семейный уют. Подобные места Петербурга порождают собой преступный замысел героя, а картины искалеченных судеб, органично вписанные в пространство города¹, глубоко ранят чуткое сердце Раскольникова, усугубляя его болезненное состояние и подталкивая его к преступлению. Увиденный героем в финале романа сон становится результатом его нравственного пробуждения, указывая на постепенное возвращение к православным ориентирам и возможное воскресение в новую жизнь.

Признак «предопределенности конца»

Еще один рассматриваемый признак КП *предопределенность конца*, относящийся к темпоральным категориям и актуализирующий ощущение нарастающей катастрофы, предвещающей хаос, также позволяет уточнить некоторые доминанты идейно-философского содержания романа. Объективация признака реализуется через особое восприятие времени главным героем, связанное чертами его характера, а также душевными, нравственными и физическими переживаниями (проявление концепта «наказание»), отмеченными на уровне слова уже с момента замысла преступления.

Сюжетно-композиционная организация «Преступления и наказания» сосредоточена вокруг идеи Раскольникова разом разрешить все вековые проблемы общества. Уже в первой части романа одной из важных особен-

¹ Подробнее об этом см.: [20].

ностей восприятия героем времени состоит в том, что в моменты наивысшего эмоционального напряжения прошлое, настоящее и будущее концентрируются в его сознании в единое целое:

Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наиболее давнишние. Давно уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения [43. Т. 6. С. 39].

Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь... [43. Т. 6. С. 39].

Приведенные фрагменты демонстрируют связь прошлых переживаний Раскольникова (*давно, давным-давно, в последнее время*) с настоящими (*теперешняя, теперь*). Письмо матери побуждает в нём фаталистическое желание как можно скорее начать действия по реализации преступной идеи *неотразимо требуя разрешения, непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее, решиться, хоть на что-нибудь*. Особенности хронотопа и словесная объективация концепта «наказание» (*наболевшие, терзать и истерзали, тоска, замучил, тосковать, страдать*) подчеркивают попытку самообмана и своеволия, акцентируют внимание читателя на ложных убеждениях Раскольникова в предопределенность судьбы и в необходимость реализации замысла.

Во второй части романа после преступления особенности словесного оформления КП и признака *предопределенность конца* усиливают значимость проблемы выбора жизненных и ценностных ориентиров:

Он не знал, да и не думал о том, куда идти; он знал одно: «что всё это надо кончить сегодня же, за один раз, сейчас же; что домой он иначе не воротится, потому что не хочет так жить». Как кончить? Чем кончить? Об этом он не имел и понятия, да и думать не хотел. Он отгонял мысль: мысль терзала его. Он только чувствовал и знал, что надо, чтобы всё переменилось, так или этак, «хоть как бы то ни было», повторял он с отчаянною, неподвижною самоуверенностью и решимостью [43. Т. 6. С. 120–121].

Обилие риторических вопросов («*Как кончить? Чем кончить?*») и многократное употребление частицы «не» (*не думал; не воротится; не хочет так жить; не имел понятия; думать не хотел*) подчеркивают общую дезориентированность Раскольникова, потерю жизненных целей. Повтор глагола *кончить* и наличие временных маркеров *сегодня же, за один раз, сейчас же*, распространенных обстоятельств образа действия (*так или этак, хоть как бы то ни было*) указывают на желание героя поскорее избавиться от прошлого и вновь акцентируют внимание читателя на проблеме аксиоло-

гической оправданности выбора каждого следующего шага и личной ответственности за совершаемые поступки. Лексема *терзала* и фраза *с отчаянной, неподвижной самоуверенностью и решимостью*, выражающие концепт «наказание», маркируют ложность выбранного пути, который сравним с хождением по мытарствам¹. Неслучайно далее в романе путь Раскольникова и все его действия сравниваются Порфирием с кружением:

Видали бабочку перед свечкой? Ну, так вот он всё будет, всё будет около меня, как около свечки, кружиться; свобода не мила станет, станет задумываться, запутываться, сам себя кругом запугает, как в сетях, затревожит себя насмерть!. [43. Т. 6. С. 261–262].

Повторы выражения *все будет* и глаголов *запутываться*, *запугает*, а также возникающие в речи следователя образы бабочки, кружащейся перед свечкой, и расставленных сетей (*как в сетях*) указывают на то, что желание Раскольникова стремительно порвать с прошлым, разом «разрешить неразрешимые вопросы» и убежать от наказания ведут его к саморазоблачению и саморазрушению, усиливают муки совести (*затревожит себя насмерть*).

А. Цейтлин в качестве характерной черты в организации пространственно-временных отношений в произведениях Достоевского выделил динамичность повествования², «конденсацию времени» [27. С. 3–17]. Это особенно заметно в момент совершения преступления и в конце романа, когда ход времени отличается особой скоротечностью.

В шестой части романа перед явкой с повинной Раскольников встречается с матерью, сестрой и с Соней. Каждое из этих свиданий на словесном уровне отмечено фразами, указывающими на скорый финал истории Раскольникова:

Ему хотелось **кончить** все **до заката солнца** [43. Т. 6. С. 398].

Поздно, **пора**. Я **сейчас** иду предавать себя. Но я не знаю, для чего я иду предавать себя [43. Т. 6. С. 399].

Пора, очень пора [43. Т. 6. С. 400].

Он **вдруг** почувствовал **окончательно**, что нечего себе задавать вопросы [43. Т. 6. С. 404].

Повтор глагола *кончить* (а также присутствие наречия *окончательно*) подчеркивает внутреннее желание Раскольникова к скорейшему покаянию

¹ Более подробно об этом см.: [60. С. 97–117].

² Эту же особенность подчеркивал и Д.С. Мережковский, отмечая, что события романа «следуют одно за другим, всё быстрее и быстрее, всё неудержимее, гонят одно другое, теснятся, как будто нагромождаются, – на самом же деле, в строгом и стройном порядке, в подчинении главной единственной цели, сосредоточиваются в возможно большем количестве в возможно меньшее время» [61. С. 145].

и признанию в своем преступлении. Повторяющееся слово *пора* также маркирует наступающее (хотя еще и неосознанное (*я не знаю, для чего я иду*)), но подсказанное сердцем) время принятия судьбоносного решения – явки с повинной. В первой фразе в тексте романа вновь¹ возникает образ заходящего солнца, символизирующий время глубокого психологического перелома, обострения душевных переживаний, способствующих дальнейшему нравственному перерождению². Таким образом, детальной работой со словом Достоевский акцентирует внимание читателя на том, что наряду с фаталистической роковой стихией «саморазрушения» в поступках Раскольникова обнаруживается традиционная для русского национального характера потребность «самоспасения»³, которая проявляется в желании поскорее избавиться от терзающих его душу сомнений и безысходности.

Таким образом, признак КП *предопределенность конца* играет важную роль в формировании смыслового поля романа «Преступление и наказание»: актуализирует авторскую идею необходимости нести ответственность перед Богом за помыслы и совершаемые поступки, а также акцентирует мысль о невозможности добиться справедливости и счастья ценою несчастья или жизни другого человека. Способы объективации признака КП *предопределенность конца* подчеркивают взаимосвязь категорий преступления и наказания – слепое и фаталистическое следование ложным убеждениям (многократно подчеркнуто на уровне слова), приводит Раскольникова к жизненной дезориентации и болезни, проявляющейся на всех уровнях (многочисленные маркеры признака концепта «наказание» – «болезнь»). В финале романа нюансы лексического оформления признака КП *предопределенность конца* позволяют изобразить накал душевных переживаний главного героя и показать его потребность в самоспасении.

Признак «бегство»

Мотив пути, случайных встреч и перемещений героя по Петербургу имеет важное аксиологическое и сюжетобразующее значение в «Преступлении и наказании», – уже в начале повествования Раскольников проходит практически все основные места, в которых в дальнейшем герой и действующие персонажи романа будут пересекаться: каморка Раскольникова, квартира старухи, Сенная, К-н мост, Васильевский остров, съемная комната Мармеладова, жилище Разумихина. Случайные встречи, происходящие в перечисленных пространствах города, меняют самого героя и его судьбу. Однако помимо описания различных мест Петербурга в «Преступлении и

¹ Ср. ранее: «Солнце заходило. Какая-то особенная тоска начала сказываться ему...» [43. Т. 6. С. 327].

² См., например: [25. С. 197].

³ См.: [43. Т. 21. С. 20, 35].

наказании» неоднократно упоминается мотив¹ бегства за пределы привычного топоса. Этот факт заслуживает, на наш взгляд, отдельного внимания. Например, К.В. Мочульский связывает его в «Господине Прохарчине» с проблемой «одиначества человеческой души» и «замкнутости сознания» [63. С. 55]. Как было ранее подчеркнуто, в романе Петербург оказывается местом, которое является «соавтором» и «соучастником» преступных идей героев. Проявление признака *бегство*² указывает на желание героев покинуть этот город и тем самым изменить судьбу, уйти от наказания. Объективация указанного признака реализуется с помощью базовых лексем-репрезентантов концепта «наказание» и через описание типа движения Раскольникова – его бегства (реального, желаемого, предполагаемого или рекомендованного другими), связанного с последствиями совершенного им преступления.

Потребность бежать Раскольников впервые испытывает в первой части романа в момент убийства:

Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с полминуты, то он бы убежал от нее [43. Т. 6. С. 62].

Ему вдруг опять захотелось бросить всё и уйти. Но это было только мгновение; уходить было поздно. Он даже усмехнулся на себя, как вдруг другая тревожная мысль ударила ему в голову [43. Т. 6. С. 62].

Ему хотелось поскорее убежать отсюда [43. Т. 6. С. 65].

Боже мой! Надо бежать, бежать!» – пробормотал он и бросился в переднюю [43. Т. 6. С. 66].

Глаголы *бросить*, *бросился*, *уйти*, *уходить*, *убежать* (2), *бежать* (2) акцентируют внимание читателя на эмоциональных переживаниях Раскольникова: его страхе (наряду с повторяющимися словами *страшно*), желании побыстрее покинуть место преступления и избежать расплаты за свой грех. Временные указания (*вдруг* (2), *мгновение*, *было поздно*, *поскорее*) маркируют лихорадочность мыслей героя, а также усиливают нарастающее чувство тревоги. Словесное оформление фраз подчеркивает неосознанное, но ощущаемое на физическом уровне неприятие Раскольниковым действий по реализации преступной идеи, противоречащей его натуре.

Во второй части романа после осмысления себя в качестве преступившего Раскольников вновь размышляет о бегстве:

¹ О близости мотива и хронотопа см. в работах новосибирской филологической школы, например, [62].

² Признак базового концептуального поля «преступление / наказание» на уровне хронотопа.

А, вспомнил: **бежать!** скорее **бежать, непременно, непременно бежать!** <...> Да... **а куда?** <...> Я возьму деньги и **уйду**, и другую квартиру найму, они не съедут!.. <...> Лучше совсем **бежать... далеко... в Америку**, и **наплевать на них!** [43. Т. 6. С. 100].

Повтор глагола *бежать* (4) и наречия *непременно* (2) подчеркивает мысленные намерения Раскольников и одержимость желанием покинуть свою комнату, в которой возможна встреча со следователем и вообще с его близкими и знакомыми людьми, но при этом конечное место и цель бегства в начале фразы не указываются, лишь в конце называется определенный локус – *в Америку*. Примечательно, что мотив *бегства* в Америку прослеживается практически во всех романах писателя. Л.И. Сараскина подчеркивает, что «не столько действительно **бежать в Америку**, хотеть бежать в Америку – становится часто навязчивой идеей заблудших душ, их соблазном и искушением» [64. С. 47; 65. С. 133–146], а для Достоевского Америка казалась землёй чуждой, неизведанной, куда отправляют отъявленных злодеев и людей подозрительных [64. С. 37]¹. Несмотря на то, что писатель был знаком с книгой А. Токвиля «Демократия в Америке» (достаточно часто обсуждаемой в литературных кругах), нельзя сказать, что эта страна с её либеральными установками была близка и понятна ему: «Америка, где Достоевский, как известно, никогда не был, никогда же и не была предметом его мечтаний, куда бы он “рвался” или хотел “вырваться”» [64. С. 37]. Таким образом, важной особенностью индивидуально-авторского осмысления писателем топоса Америки является восприятие его в первую очередь как места «всеобщего разъединения и обособления» [64. С. 37]. В рассматриваемом эпизоде романа Америка символизирует некую далекую страну, в которой планируется полностью поменять привычное окружение, забыть о преступной теории и совершенном поступке (концепт «преступление»), перестать испытывать угрызения совести и приступы болезни (концепт «наказание»). С другой стороны, Америка в данном случае также символизирует место небытия, локуса, до которого так трудно добраться и в котором, как и в любой другой точке мироздания, невозможно убежать от самого себя, поскольку, поставив себя на место Бога², герой лишает себя такой возможности.

В четвертой части романа о значимой роли психологических переживаний в контексте наказания рассуждает и Порфирий Петрович:

И какое мне в том беспокойство, что он несвязанный **ходит по городу!** Да пусть, пусть его **погуляет пока**, пусть; я ведь и без того знаю, что он моя **жертвочка** и никуда **не убежит** от меня! Да и куда ему **убежать**, хе-хе! **За границу**, что ли? **За границу** поляк **убежит**, а не *он*, тем паче, что **я слежу**, да и **меры прийдут**. **В глубину отечества убежит**, что ли? Да ведь там мужики живут, настоящие, посконные, русские; этак ведь современно-то развитый человек **скорее**

¹ Примечательно, что мотив бегства в Америку является центральным также в «Дневнике писателя», но при этом отношение к этой стране отличается неоднозначностью. См., например: [66. С. 243–259].

² См., например: [39. С. 81–83; 67. С. 1058].

острог предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужички наши, жить, хе-хе! Но это всё вздор и наружное. Что такое: **убежит!** Это форменное; а главное-то не то; не по этому одному он **не убежит** от меня, что **некуда убежать**: он у меня психологически не убежит, хе-хе! Каково выраженьице-то! Он по закону природы у меня **не убежит**, хотя бы даже и было куда **убежать** [43. Т. 6. С. 261–262].

Признак КП «бегство» актуализируется с помощью многократно повторяющегося глагола *убежит / не убежит*. Противопоставление, подчеркнутое своеобразным синтаксическим рисунком (чередующиеся вопросы и восклицания), акцентирует внимание на тонкой психологической игре следователя, направленной на истязание «своей жертвочки»¹, а также на понимании им важной черты в психологии преступника – потребности в скитании и при этом невозможности физического бегства от мук совести². Образ «глубины отечества» в речи Порфирия связывается с русскими мужиками, которым еще чужды новомодные теории, которые не поймут подоплеку идеологического преступления, совершенного Раскольниковым, и осудят. Именно поэтому следователь указывает, что местом бегства для современного молодого идеолога мог бы стать только острог, в котором проще полностью изолировать себя от общества. Выражение *по закону природы* и повторы (*убежит, убежать*) в последнем предложении подчеркивают понимание Порфирием особых нравственных качеств Раскольникова – его особой чуткости, внутренней неосознанной потребности к возвращению к вере и принятию вины, которые позже на страницах романа будут неоднократно акцентированы на уровне слова³.

Мотив бегства в Америку вновь возникает в шестой части романа. На этот раз предложение уехать исходит из уст Свидригайлова:

...так **уезжайте** куда-нибудь **поскорее в Америку!** Бегите, молодой человек! Может, **есть еще время**. Я искренно говорю. Денег, что ли, нет? Я дам на дорогу [43. Т. 6. С. 373].

На словесном уровне призыв отправиться в далекую страну подчеркнут синонимичными глаголами *уезжайте поскорее* и *бегите*. Примечательно, что ранее Аркадий Иванович сам высказывал желание отправиться в Америку, чтобы разорвать с прошлым и обрести счастье со своей новоявленной невестой. Поэтому выражение *искренно говорю* указывает на его собственные размышления на этот счет. Таким образом, проводится параллель между двумя героями, для которых бегство из привычного круга в чужую страну может стать единственным способом избежать наказания и обрести возможное душевное спокойствие. В тексте романа этой идеи как своеобразной попытки самообмана не суждено реализоваться. Свидригайлов в конце концов понимает, что Америка не может стать истинным спасением

¹ Подробнее об этом см.: [19. С. 125].

² Там же.

³ Там же.

от полностью захвативших его греховных страстей (богоотступничество, прелюбодеяние и т.д.), и ему не уготована возможность возрождения в новую жизнь¹. Для Раскольникова же возможность иного спасительного пути открывается только через принятие наказания, возвращение к вере и любви.

Итак, благодаря актуализации признака КП *бегство* прослеживается принципиальный авторский взгляд на доминирующую роль наказания на пути к искуплению вины, а также выявляется связь с признаком КП «отчуждение»². В финале романа сознательный разрыв с обществом заканчивается гибелью одного героя (Свидригайлов), а вынужденное сближение с простыми каторжными мужиками – возможностью возрождения в новую жизнь (Раскольников).

Способы объективации признака КП *бегство* в проанализированных фрагментах и его последовательное проявление в различных частях «Преступления и наказания» позволяют изобразить трагедию индивидуализма, своеволия, утраты соборности и братского единения. Подробное рассмотрение нюансов словесного оформления эпизодов романа, в которых проявляется признак КП «*бегство*», помогает подчеркнуть важные черты персонажей романа: постоянное чувство страха, в котором пребывает Раскольников, и внутреннее сопротивление происходящему с ним, проявляющееся в желании бежать; неоднозначность образа Порфирия, который при чутком понимании психологической подоплеки преступления пытается манипулировать чувствами преступника; глубокое разочарование Свидригайлова в жизни и осознание им бессмысленности бегства как попытки самообмана.

Проведенный анализ показывает, что признак КП *бегство* выражает авторскую позицию несостоятельности и обманчивости идеи преодоления мук совести и избегания наказания путем отчуждения от привычного круга людей и бегства в чужую страну в погоне за химерами. Именно поэтому Америка своего рода символ чего-то губительного и чуждого для русского человека, метафорой гибели духовной и физической.

Таким образом, ключевыми особенностями хронотопа в романе «Преступление и наказание» являются следующие: динамичность повествования, насыщенность событиями в условиях ограниченности пространства, эсхатологическое восприятие времени Раскольниковым. Способы объективации признаков КП *масштабность распространения кризиса*, *предопределенность конца* и *бегство*, представленные на пространственно-временном уровне текста, указывают на важные для понимания идеи произведения аксиологические особенности; позволяют уточнить мировоззренческую позицию Достоевского; а также на всем протяжении романа акцентируют мысль писателя о глубине кризиса, переживаемого русским обществом, и о повсеместной утрате православных ценностей (соборности, милосердия, сострадания и т.д.). Последовательной работой со словом

¹ Именно поэтому вместо Америки Свидригайлов заканчивает жизнь самоубийством.

² Подробнее об этом см.: [19. С. 95–145].

Достоевский показывает печальные последствия распространения безнравственных идей и насаждаемой идеологии индивидуализма.

Проведенный анализ фрагментов романа, в которых ярко проявляются признаки КП *масштабность распространения кризиса, предопределенность конца и бегство*, позволяет уточнить особенности образов персонажей и подчеркнуть их черты: истинную деловитость Разумихина; алчность, индивидуализм и поверхностность Лужина; осознанное понимание трагедии разрушения традиционных ценностей Свидригайловым; амбивалентность образа Порфирия и т.д. Православные акценты признаков КП на уровне пространства и времени становятся важным элементом психологического анализа, позволяющим опосредованно, без лишней риторики, как и планировал писатель, изобразить мельчайшие нюансы переживания преступника и обозначить неизбежность высшего наказания. Векторное движение сюжета фиксирует цепочку эмоциональных переживаний героя и его желание стремительно приблизить будущее и «разрешить неразрешимые вопросы», что в конечном счете ведёт героя к черте и близкой катастрофе. Ступение пространственно-временных категорий создает впечатление фаталистического конца. Ложные представления Раскольникова о времени и пространстве, продиктованные страхом, создают образ неправильной, искажённой реальности. За счет этого акцентируются психологическая нестабильность и болезнь главного героя «Преступления и наказания».

Изучение словесной ткани романа и рассмотрение эпизодов, в которых проявляются признаки КП на уровне пространства и времени, позволяет внести дополнения в интерпретацию произведения, подчеркнуть важные православные акценты и авторскую идею о необходимости сохранения братского единения, милосердного, сострадательного отношения к ближним вопреки распространяющемуся культу индивидуализма; неизбежности ответственности каждого за преступления и трагедии, происходящие в обществе; спасительном смирении и прохождении через страдания на пути к воскресению.

Список источников

1. Бердяев Н.Н. Миросозерцание Достоевского. Прага : YMCA-Press, 1923. 238 с.
2. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 406 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М. : Сов. Россия, 1979. 320 с.
4. Беляева И.А. Фаустовский «сюжет» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. : в 2 кн. / отв. ред. М.Б. Лоскутникова. М., 2012. С. 65–80.
5. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.
6. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского (типология и поэтика). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 209 с.
7. Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (дата обращения: 05.10.2020). doi: 10.15393/j9.art.1998.2472

8. *Захаров В.Н.* Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (дата обращения: 04.12.2019). doi: 10.15393/j9.art.2001.2511

9. *Захаров В.Н.* «Православное воззрение»: идеи и идеал // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты / под ред. В.Н. Захарова. Т. 7. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 529–544.

10. *Тихомиров Б.Н.* «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб. : Серебряный век, 2012. 504 с.

11. *Сыромятников О.И.* Православие в художественном мире романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 283–289.

12. *Тарасова Н.А.* «Воскресение» и «воскрешение» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 190–216. doi: 10.15393/j9.art.2020.7962

13. *Тихомиров Б.Н.* Из наблюдений над романом «Преступление и наказание» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 232–246.

14. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского. «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб. : Серебряный век, 2005. 472 с.

15. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Серебряный век, 2016. 558 с.

16. *Тарасова Н.А.* Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского : Проблемы изучения. М. : Квадрига, 2015. 192 с.

17. *Тихомиров Б.Н.* Из творческой истории романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: (Соня Мармеладова и Порфирий Петрович) // Русская литература. 1986. № 2. С. 217–223.

18. *Булгакова Н.О.* Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Бесы» во французской словесной культуре : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 309 с.

19. *Головачева Е.А.* Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецкой словесной культуре : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 329 с.

20. *Головачева Е.А., Седельникова О.В.* Концепт «семья» в смысловой структуре и поэтике романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Учен. зап. ПетрГУ. 2020. Т. 42, № 3. С. 8–18.

21. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

22. *Бахтин М.М.* Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии 1992. № 1. С. 134–164.

23. *Гроссман Л.П.* Поэтика Достоевского. М. : ГАХН, 1925. 188 с.

24. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 416 с.

25. *Волошин Г.* Пространство и время у Достоевского // Slavia. 1933. № 1–2. С. 167–170.

26. *Дурьлин С.Н.* Об одном символе у Достоевского // Достоевский : сб. ст. М., 1928. С. 163–198.

27. *Цейтлин А.Г.* Время в романах Достоевского // Русский язык в школе. 1927. № 5. С. 3–17.

28. *Фридендер Г.М.* Достоевский и русский классический роман XIX века. «Преступление и наказание» // Г.М. Фридендер. Реализм Достоевского. М. ; Л., 1964. С. 110–218.

29. *Лихачев Д.С.* «Летописное время» у Достоевского // Литература – реальность – литература. Л., 1981. С. 97–116.

30. *Евнин Ф.И.* «Живопись» Достоевского // Изв. АН СССР. Отд.-ие лит. и яз. М., 1959. Т. 18, вып. 2. С. 131–148.
31. *Катто Ж.* Пространство и время в романах Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 41–53.
32. *Арбан Д.* «Порог» у Достоевского // Ф.М. Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 19–30.
33. *Соловьёв С.М.* Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Сов. писатель, 1979. 352 с.
34. *Топоров В.Н.* Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 91–109.
35. *Топоров В.Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание»); Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 193–368.
36. *Кирпотин В.Я.* Разочарование и крушение Родиона Раскольникова: (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание»). М.: Худож. лит., 1986. 414 с.
37. *Кожин В.В.* «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Три шедевра русской классики. М., 1971. С. 107–187.
38. *Мочульский К.В.* «Преступление и наказание» // Мочульский К.В. Достоевский: Жизнь и творчество. Москва; Берлин, 2017. С. 292–338.
39. *Касаткина Т.А.* Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2003. Т. 11. С. 81–89.
40. *Селезнёв Ю.И.* В мире Достоевского. М.: Современник, 1980. 375 с.
41. *Кошечко А.Н.* Поэтика художественного пространства романов Ф.М. Достоевского 1960-х годов («Преступление и наказание», «Идиот»): автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2003. 24 с.
42. *Хоц А.Н.* Структурные особенности пространства в прозе Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 51–80.
43. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. / [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука, 1972–1990.
44. *Карякин Ю.Ф.* Самообман Раскольникова. М.: Худ. лит., 1976. 158 с.
45. *Фридендер Г.М.* Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений: в 30 т. / [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1973. Т. 7: Преступление и наказание: Рукописные ред. / тексты подгот. и примеч. сост. Л.Д. Опульская и др. С. 330–342.
46. *Гус М.С.* Идеи и образы Ф.М. Достоевского. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1971. 592 с.
47. *Белов С.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий. Л.: Просвещение, 1979. 240 с.
48. *Альми И.Л.* О романтическом «пласте» в романе «Преступление и наказание» // Достоевский. Материалы и исследования / ред. Г.М. Фридендер. Л., 1991. Т. 9. С. 66–75.
49. *Лебедев Ю.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в школе. Кострома: Костромиздат, 1968. 93 с.
50. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: избр. тр. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.
51. *Викторович В.А.* «Были бы братья...»: М.М. Достоевский как прототип Разумихина // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 22. С. 41–55.
52. *Юзефович И.* Талуш и лишний человек: отмирающая группа, или вечные герои? // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. 2013. № 13. С. 164–187.

53. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений : в 9 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1962.
54. Карякин Ю.Ф. Правда посюстороннего мира : к 100-летию романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы философии. 1967. № 9. С. 147–158.
55. Карякин Ю.Ф. О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание» // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 166–195.
56. Карякин Ю.Ф. Перечитывая Достоевского... : к 150-летию со дня рождения // Новый мир. 1971. № 11. С. 239–260.
57. Реизов Б.Г. «Преступление и наказание» и проблемы европейской действительности // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. 30, № 5. С. 388–399.
58. Шкловский В.Б. За и против: Заметки о Достоевском. М. : Сов. писатель, 1957. 262 с.
59. Коган Г.Ф. Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений : в 30 т. / [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.] Л. : Наука, 1973. Т. 7. С. 399.
60. Ветловская В.Е. «Хождение души по мытарствам» в «Преступлении и наказании» Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб. : Наука, 2001. Т. 16. С. 97–117.
61. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М. : Наука, 2000. 589 с.
62. Ромодановская Е.К., Климова М.Н., Курьшева Л.А. и др. Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск : Гео, 2012. 311 с.
63. Мочульский К.В. Достоевский: Жизнь и творчество. Париж : YMCA PRESS, 1980. 565 с.
64. Сараскина Л.И. Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского // Русская почта: Журнал о русской литературе и культуре. 2008. № 1. С. 36–48.
65. Сараскина Л.И. Америка как миф и утопия: бегство в никуда // Испытание будущим: Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. М., 2010. С. 133–146.
66. Коротченко Т.В. Образ Америки в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 243–259.
67. Мосалева Г.В. «Нетерпеливый человек» Раскольников и таинственная Россия (о литургичности «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31, № 5. С. 1050–1060.

References

1. Berdyayev, N.N. (1923) *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Prague: YMCA-Press.
2. Losskiy, N.O. (1953) *Dostoevskiy i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and His Christian Worldview]. New York: Izd-vo im. Chekhova.
3. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
4. Belyaeva, I.A. (2012) Faustovskiy "syuzhet" v romane F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [Faust's "plot" in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. In: Loskutnikov, M.B. (ed.) *Rusistika i komparativistika: Sbornik nauchnykh statey: v 2 kn.* [Russian Studies and Comparative Studies: Collection of Articles in 2 Books]. Moscow: MSPU. pp. 65–80.
5. Esaulov, I.A. (1995) *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [the category of conciliarity in Russian literature]. Petrozavodsk: PetrSU.
6. Zakharov, V.N. (1985) *Sistema zhanrov Dostoevskogo (tipologiya i poetika)* [Dostoevsky's system of genres (typology and poetics)]. Leningrad: LSU.
7. Zakharov, V.N. (1998) *Pravoslavnye aspekty etnopoetiki russkoy literatury* [Orthodox aspects of ethnopoetics of Russian literature]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 5. [Online] Available from: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (Accessed: 05.10.2020). doi: 10.15393/j9.art.1998.2472

8. Zakharov, V.N. (2001) Khristianskiy realizm v russkoy literature (postanovka problemy) [Christian realism in Russian literature (statement of the problem)]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 6. [Online] Available from: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (Accessed: 04.12.2019). doi: 10.15393/j9.art.2001.2511
9. Zakharov, V.N. (2007) “Pravoslavnoe vozrenie”: idei i ideal [“Orthodox view”: ideas and ideal]. In: Dostoevskiy, F.M. *Poln. sobr. soch.: Kanonicheskie teksty* [Complete works: Canonical texts]. Vol. 7. Petrozavodsk: PetrSU. pp. 529–544.
10. Tikhomirov, B.N. (2012) “...Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom”: Stat'i i esse o Dostoevskom [“...I am engaged in this mystery, because I want to be a person”: Articles and essays about Dostoevsky]. St. Petersburg: Serebryanyy vek.
11. Syromyatnikov, O.I. (2008) Pravoslavie v khudozhestvennom mire romana F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” [Orthodoxy in the literary world of F.M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment”]. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo*. 6. pp. 283–289.
12. Tarasova, N.A. (2020) “Voskresenie” and “Voskreshenie” in Fedor Dostoevsky's Novel Crime and Punishment. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 18 (2). pp. 190–216. (In Russian). doi: 10.15393/j9.art. 2020.7962
13. Tikhomirov, B.N. (1996) Iz nablyudeniya nad romanom “Prestuplenie i nakazanie” [From observations on the novel “Crime and Punishment”]. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 13. St. Petersburg: Nauka. pp. 232–246.
14. Tikhomirov, B.N. (2005) “Lazar'! Gryadi von”. Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy [“Lazarus! Come out.” The novel by FM Dostoevsky. “Crime and Punishment” in a modern reading: A commentary book]. St. Petersburg: Serebryanyy vek.
15. Tikhomirov, B.N. (2016) “Lazar'! gryadi von. Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy [“Lazarus! Come out.” The novel by FM Dostoevsky. “Crime and Punishment” in a modern reading: A commentary book]. 2nd ed. St. Petersburg: Serebryanyy vek.
16. Tarasova, N.A. (2015) *Khristianskaya tema v romane “Prestuplenie i nakazanie” F.M. Dostoevskogo: Problemy izucheniya* [Christian Theme in the Novel “Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky: Problems of Study]. Moscow: Kvadriga.
17. Tikhomirov, B.N. (1986) Iz tvorcheskoy istorii romana F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie”: (Sonya Marmeladova i Porfiry Petrovich) [From the Creative History of the Novel “Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky: (Sonya Marmeladova and Porfiry Petrovich)]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 217–223.
18. Bulgakova, N.O. (2018) *Retseptsiya romana F.M. Dostoevskogo “Besy” vo frantsuzskoy slovesnoy kul'ture* [Reception of the Novel by F.M. Dostoevsky “Demons” in French Verbal Culture]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
19. Golovacheva, E.A. (2022) *Retseptsiya romana F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v nemetskoj slovesnoy kul'ture* [Reception of the novel by F.M. Dostoevsky “Crime and Punishment” in German verbal culture]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
20. Golovacheva, E.A. & Sedel'nikova, O.V. (2020) Kontsept “sem'ya” v smyslovoj strukture i poetike romana F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” [The concept “family” in the semantic structure and poetics of the novel by F.M. Dostoevsky “Crime and Punishment”]. *Uch. zap. PetrGU*. 42 (3). pp. 8–18.
21. Bakhtin, M.M. (1975) Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In: *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khud. lit. pp. 234–407.
22. Bakhtin, M.M. (1992) Dopolneniya i izmeneniya k “Rable” [Additions and amendments to Rabelais]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 134–164.

23. Grossman, L.P. (1925) *Poetika Dostoevskogo* [Dostoevsky's Poetics]. Moscow: GAKhN.
24. Bakhtin, M.M. (2017) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
25. Voloshin, G. (1933) Prostranstvo i vremya u Dostoevskogo [Space and Time in Dostoevsky]. *Slavia*. 1-2. pp. 167–170.
26. Durylin, S.N. (1928) Ob odnom simvole u Dostoevskogo [On One Symbol in Dostoevsky]. In: *Dostoevskiy: sb. st.* [Dostoevsky: Collection of Articles]. Moscow: [s.n.]. pp. 163–198.
27. Tseytlin, A.G. (1927) Vremya v romanakh Dostoevskogo [Time in Dostoevsky's Novels]. *Russkiy yazyk v shkole*. 5. pp. 3–17.
28. Fridlender, G.M. (1964) Dostoevskiy i russkiy klassicheskiy roman XIX veka. "Prestuplenie i nakazanie" [Dostoevsky and the Russian Classical Novel of the 19th Century. "Crime and Punishment"]. In: *Realizm Dostoevskogo* [Dostoevsky's Realism]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 110–218.
29. Likhachev, D.S. (1981) "Letopisnoe vremya" u Dostoevskogo ["Chronicle Time" in Dostoevsky]. In: *Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – Reality – Literature]. Leningrad: Sovetskii pisatel'. pp. 97–116.
30. Evnin, F.I. (1959) "Zhivopis'" Dostoevskogo [Dostoevsky's "Painting"]. *Izv. AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. XVIII (2). pp. 131–148.
31. Catteau, J. (1978) Prostranstvo i vremya v romanakh Dostoevskogo [Space and Time in Dostoevsky's Novels]. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 3. Leningrad: Nauka. pp. 41–53.
32. Arban, D. (1976) "Porog" u Dostoevskogo ["Threshold" in Dostoevsky]. In: *F.M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [FM Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 2. Leningrad: Nauka. pp. 19–30.
33. Solov'ev, S.M. (1979) *Izobrazitel'nye sredstva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [Visual Means in the Works of FM Dostoevsky]. Moscow: Sov. pisatel'.
34. Toporov, V.N. (1973) Poetika Dostoevskogo i arkhainnye skhemy mifologicheskogo myshleniya [Dostoevsky's poetics and archaic schemes of mythological thinking]. In: *Problemy poetiki i istorii literatury* [Problems of poetics and history of literature]. Saransk: Mordovia State University. pp. 91–109.
35. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoeic: Selected Works]. Moscow: Izd. gruppa "Progress", "Kul'tura". pp. 193–368.
36. Kirpotin, V.Ya. (1986) *Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol'nikova (Kniga o romane Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie")* [Disappointment and Downfall of Rodion Raskolnikov (A Book about Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment")]. Moscow: Khudozh. lit.
37. Kozhinov, V.V. (1971) "Prestuplenie i nakazanie" F.M. Dostoevskogo ["Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky]. In: *Tri shedevra russkoy klassiki* [Three masterpieces of Russian classics]. Moscow: Khud. lit. pp. 107–187.
38. Mochul'skiy, K.V. (2017) *Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky. Life and Works]. Moscow; Berlin: Direkt-Media. pp. 292–338.
39. Kasatkina, T.A. (2003) Kategoriya prostranstva v vospriyatii lichnosti tragicheskoy miroorientatsii (Raskol'nikov) [The Category of Space in the Perception of a Person with a Tragic World Orientation (Raskolnikov)]. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 11. St. Petersburg: Nauka. pp. 81–89.
40. Seleznev, Yu.I. (1980) *V mire Dostoevskogo* [In the World of Dostoevsky]. Moscow: Sovremennik.
41. Koshechko, A.N. (2003) *Poetika khudozhestvennogo prostranstva romanov F.M. Dostoevskogo 1960-kh godov ("Prestuplenie i nakazanie", "Idiot")* [Poetics of the

literary space of F.M. Dostoevsky's novels of the 1960s ("Crime and Punishment", "The Idiot"). Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

42. Khots, A.N. (1994) Strukturnye osobennosti prostranstva v proze Dostoevskogo [Structural features of space in Dostoevsky's prose]. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 11. St. Petersburg: Nauka. pp. 51–80.

43. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Complete works in thirty volumes]. Leningrad: Nauka.

44. Karyakin, Yu.F. (1976) *Samoobman Raskol'nikova* [Raskolnikov's self-deception]. Moscow: Khud. lit.

45. Fridlender, G.M. (1973) *F.M. Dostoevskiy. Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [F.M. Dostoevsky. Complete collected works: in 30 volumes]. Vol. 7. Leningrad: Nauka. pp. 330–342.

46. Gus, M.S. (1971) *Idei i obrazy F.M. Dostoevskogo* [Ideas and images of F.M. Dostoevsky]. 2nd ed. Moscow: Khud. lit.

47. Belov, S.V. (1979) *Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie": Kommentariy* [F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment": Commentary]. Leningrad: Prosveshchenie.

48. Al'mi, I.L. (1991) O romanticheskom "plaste" v romane "Prestuplenie i nakazanie" [On the Romantic "Layer" in the Novel "Crime and Punishment"]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 9. Leningrad: Nauka. pp. 66–75.

49. Lebedev, Yu.V. (1968) *Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v shkole* [Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in School]. Kostroma: Kostromizdat.

50. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannyye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.

51. Viktorovich, V.A. (2019) "Byli by brat'ya...": M.M. Dostoevskiy kak prototip Razumikhina ["If only there were brothers...": M.M. Dostoevsky as a prototype of Razumikhin]. In: *Dostoevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 22. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 41–55.

52. Yuzefovich, I. (2013) Talush i lishniy chelovek: otmirayushchaya gruppa, ili vechnye geroi? [Talush and the superfluous man: a dying group, or eternal heroes?]. *Tirosh. Trudy po iudaike, slavistike, orientalistike*. 13. pp. 164–187.

53. Dobrolyubov, N.A. (1962) *Sobr. soch.: v 9 t.* [Collected works: in 9 volumes]. Moscow; Leningrad: GIKhL.

54. Karyakin, Yu.F. (1967) Pravda posyustoronnego mira: k 100-letiyu romana F. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [The truth of this world: on the 100th anniversary of F. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 147–158.

55. Karyakin, Yu.F. (1971) O filosofsko-eticheskoy problematike romana "Prestuplenie i nakazanie" [On the Philosophical and Ethical Problematics of the Novel "Crime and Punishment"]. In: *Dostoevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. Leningrad: Nauka. pp. 166–195.

56. Karyakin, Yu.F. (1971) Perechityvaya Dostoevskogo ...: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya [Rereading Dostoevsky ...: on the 150th Anniversary of His Birth]. *Novyy mir*. 11. pp. 239–260.

57. Reizov, B.G. (1971) "Prestuplenie i nakazanie" i problemy evropeyskoy deystvitel'nosti ["Crime and Punishment" and the Problems of European Reality]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. XXX (5). pp. 388–399.

58. Shklovskiy, V.B. (1957) *Za i protiv. Zametki o Dostoevskom* [Pro et contra. Notes on Dostoevsky]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

59. Kogan, G.F. (1973) *F.M. Dostoevskiy. Poln. sobr. Soch.: v 30 t.* [F.M. Dostoevsky. Complete Works: in 30 volumes]. Vol. 7. Leningrad: Nauka. p. 399.

60. Vetlovskaya, V.E. (2001) "Khozhdenie dushi po mytarstvam" v "Prestuplenii i nakazanii" Dostoevskogo ["The Soul's Journey through Ordeals" in Dostoevsky's "Crime and

Punishment”]. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 16. St. Petersburg: Nauka. pp. 97–117.

61. Merezhkovskiy, D.S. (2000) *L. Tolstoy i Dostoevskiy* [L. Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow: Nauka.

62. Romodanovskaya, E.K. et al. (2012) *Syuzhetno-motivnye komplekсы russkoy literatury* [Plot and Motif Complexes of Russian Literature]. Novosibirsk: Geo.

63. Mochul'skiy, K.V. (1980) *Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky. Life and Works]. Paris: YMKA PRESS.

64. Saraskina, L.I. (2008) Amerika kak mif i utopiya v tvorchestve Dostoevskogo [America as a Myth and Utopia in Dostoevsky's Works]. *Russkaya pochta. Zhurnal o russkoy literature i kul'ture*. 1. pp. 36–48.

65. Saraskina, L.I. (2010) Amerika kak mif i utopiya: begstvo v nikuda [America as a Myth and Utopia: Flight to Nowhere]. In: *Ispytanie budushchim. F.M. Dostoevskiy kak uchastnik sovremennoy kul'tury* [Testing the Future. F.M. Dostoevsky as a Participant in Contemporary Culture]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 133–146.

66. Korotchenko, T.V. (2020) The Image of America in a Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 243–259. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/65/15

67. Mosaleva, G.V. (2021) “Neterpelivyy chelovek” Raskol'nikov i tainstvennaya Rossiya (o liturgichnosti “Prestupleniya i nnakazaniya” F.M. Dostoevskogo) [“The Impatient Man” Raskolnikov and Mysterious Russia (on the Liturgy Nature of F.M. Dostoevsky's “Crime and Punishment”)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya”*. 31 (5). pp. 1050–1060.

Информация об авторе:

Головачева Е.А. – канд. филол. наук, начальник Отдела развития онлайн-образования, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Golovacheva, Cand. Sci. (Philology), head of the Online Education Development Department, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.08.2023;
одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 16.08.2023;
approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья
УДК 82-1/29, 82-141
doi: 10.17223/19986645/90/12

О жанровой природе «Цветов зла» Шарля Бодлера

Светлана Глебовна Горбовская¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, vard_05@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос жанровой специфики сборника поэзии Ш. Бодлера «Цветы Зла». Новизна статьи связана с тем, что сборник поэзии Бодлера не привлекал внимание исследователей с точки зрения его принадлежности к жанру флорилегиума. Применяя историко-сопоставительный и аналитический методы изучения текста, автор статьи приходит к выводу, что «Цветы зла» Бодлера фигурально представляют собой многоуровневый флорилегиум (от антологического и ботанического до музыкального). Более того, Бодлер создает новый тип флорилегиума, названный в данной статье «антифлорилегиумом», который вызывает множественные интерпретации и подражания в последующей литературе (Золя, Гюисманс, Рембо, Мирбо, Метерлинк и т.д.).

Ключевые слова: цветы зла, Бодлер, флорилегиум, антология, поэтические жанры

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00317, <https://rscf.ru/project/23-28-00317/>

Для цитирования: Горбовская С.Г. О жанровой природе «Цветов зла» Шарля Бодлера // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 260–267. doi: 10.17223/19986645/90/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/12

On the genre nature of *Flowers of Evil* by Charles Baudelaire

Svetlana G. Gorbovskaya¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, vard_05@imail.ru

Abstract. The article deals with the issue of genre specificity of the collection of poetry by Charles Baudelaire *Flowers of Evil*, namely the genre of an anthology or florilegium. The novelty of the article is due to the fact that Baudelaire's collection of poetry has not attracted the attention of researchers in terms of its belonging to the florilegium genre, which is close to the genre of an encyclopedia or dictionary in terms of collecting certain information and systematizing it. However, Baudelaire himself, in an extended dedication to Théophile Gautier, calls *Flowers of Evil* a “dictionary of melancholy”. The study briefly overviews the history of florilegiums: from Greek anthologies

(*Garlands by Meleager of Gadara*), the first medieval florilegiums and “flowers of the life of the saints” to innovative anthologies of the 19th century. A classification of florilegiums is given. Using historical-comparative and analytical methods of studying the text, the author of the article comes to the conclusion that Baudelaire’s *Flowers of Evil* is a multi-level florilegium (from anthological and botanical to musical). In addition, the collection also contains an internal florilegium (the “Flowers of Evil” cycle), which turns the large anthology of *Flowers of Evil* into the misanthropic or box genre. The author of the article concludes that, focusing on the vices of his era, Baudelaire creates a new type of florilegium, called in this article “antiflorilegium”, which causes multiple interpretations and imitations in subsequent literature (Zola, Huysmans, Rimbaud, Mirbeau, Maeterlinck, and others).

Keywords: flowers of evil, Baudelaire, florilegium, anthology, poetic genres

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00317, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00317/>

For citation: Gorbovskaya, S.G. (2024) On the genre nature of *Flowers of Evil* by Charles Baudelaire. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 260–267. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/12

Жанровая сущность сборника поэзии Ш. Бодлера «Цветы зла» («Les Fleurs du Mal», 1857–1868) [1] является, на наш взгляд, парадоксом. С одной стороны, она лежит на поверхности, в самом заглавии, с другой стороны, исследователи видят в слове, определяющем жанр, исключительно образный символизм. Бодлер же подсказывает читателю в первом – расширенном – варианте посвящения Теофилю Готье, что имеет в виду под сборником своих стихов «печальный словарь меланхолии и преступлений» («се misérable dictionnaire de mélancolie et de crime» [1. P. 275])¹. Словарь – это систематизация тех или иных языковых или речевых явлений. Что же такое «цветы»? Это не только символ или прекрасное явление природы. Это еще и литературный жанр, очень близкий словарю или энциклопедии.

«Антология» в переводе с греческого означает «сборник цветов» (др.-греч. ἀνθολογία, дословно «собрание цветов, цветник») или – в латинском варианте – Florilegium (флорилегий, от слова florilegus – «собирающий цветочный нектар») [3. С. 42]. В немецком варианте подобные сборники называются Blütenlese (дословно – «цветочный сбор», переносно – «антология, избранные произведения») или Blumenblüte («цветочная пыльца» или «фрагменты»). Таким образом, Бодлер выбирает в качестве жанра нечто напоминающее словарь или каталог – старинный жанр «цветов».

Исторически флорилегиумы делятся на следующие основные группы или типы:

¹ Подробный разбор образов «Цветов зла» как «словаря» меланхолических аллегорий, метафор, метонимий, оксюморонов, гипербол и т.д. представлен в работе П. Дюфура (P. Dufour) «“Цветы зла”: словарь меланхолии» (*Les Fleurs du Mal: dictionnaire de mélancolie // Littérature*. 1988. № 72. P. 30–54) [2].

– жития святых, монашеских братств (с XII–XIII вв., например «Цветочки святого Франциска Ассизского» («Fioretti di San Francesco», конец XIV в.);

– сборник мотетов (церковно-лат. motetus, фр. motet – термин в полифонической вокальной музыке, встречающийся с XIII века) [4. С. 328–329] (собрания произведений П. де ла Круа, Ф. де Витри, Г. де Машо, Дж. Данстейбла, Г. Дюфаи, Й. Окегема, Ж. Депре, Я. Обрехта, О. Лассо и т. д.);

– перечень цветов и растений, представленных в виде рисунков (начиная с XVI–XVII вв.) [5. Р. 5–8] (например, И. Свиртс «Флорилегиум» (Florilegium, 1647), М. Сомерсет «Флорилегиум Бадминтона» (Badminton florilegium, 1705);

– сборники интересных мыслей, цитат, коротких произведений, в том числе поэзии (уходит корнями в греческую антологию, в «Венок» эпиграмм 46 древнегреческих поэтов Мелеагра Гадарского, 130 – 60/70 гг. до н. э.) [6–8] (например, составленный интеллектуалами Орлеанского собора «Florilegium Gallicum» (XII в.) сборник произведений Бозция, Горация, Овидия, Тибулла, Вергилия и т.д.; Иоанн Стобеус «Флорилегиум», 1536; «Florilegium poeticum ex Ovidio, Tibullo, Propertio, Martiali», 1744).

Д.С. Лихачев в монографии «Поэзия садов» (1982) упоминает похожие сборники под названиями «лимонисы», «лимонари», «огороды» и «вертограды» русского и польского происхождения. Например, сборник стихов «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (XVII в.); сборник Лазаря Барановича «Цветы святых оправ в венец Божией Матери» (1680) на русском и польском языках, изданный в Чернигове; «Вертоград духовный, различными цветами благоугоднаго учения украшенный» (1685) Гавриила Домецкого [9. С. 109–110].

Историю литературных флорилегиумов изучает в статье о книге «Цветочная пыльца» Новалиса А.В. Голубков («Флорилегия и рапсодия: к классической предыстории романтического фрагмента», 2015) [10. С. 53–57]. В данном исследовании внимание автора сосредоточено на фрагментах Новалиса. Его сборники «Цветочная пыльца» (1798) и «Предварительный набросок» (1797–1798) к Энциклопедии автор статьи определяет как несколько бессистемные, разрозненные и незавершенные. При этом в такой же незавершенности и бессистемности заключался новый революционный замысел. «Отрывочное, несвязное повествование идеально соответствовало мировоззренческим основам Новалиса и йенских романтиков» [10. С. 53].

Флорилегиум Бодлера также сложно назвать классическим. Это новаторская антология, рушащая – с точки зрения затрагиваемых тем – былые устои и традиции, но внутри, в рамках соблюдения точности самого жанра цветов, а также сонета или александрийского стиха (излюбленной формы стихов Бодлера), поэт остается верен необходимым нормам. Современники Бодлера, например критик Альсид Дюзолье (Alcide Dusolier), именуют его «истерическим Буало» («Boileau hystérique»), «ювелиром строф» («orfèvre des strophes») [1. Р. 24], ибо он строго соблюдает нормы стихосложения, но революционно сносит или изощренно искажает устоявшиеся в поэзии мотивы,

топосы, символообразующие системы, новаторски расширяет метафорические ряды.

«Цветы» Бодлера прежде всего относятся к четвертому из перечисленных выше типов флорилегиумов. Это сборник идей о боли, меланхолии, странном, необычном, видоизмененном, ужасе, грехе и т.д.: «...эта сатурнианская, оргиастическая и меланхоличная книга» («ce livre saturnien, orgiaque et mélancolique») («Эпиграф к осужденной книге»). Бодлер перечисляет практически все идеи, о которых намерен писать в «Цветках», в обращении «К читателю» («Au lecteur») или «Предисловии» («Préface»). «Цветы зла» он разделяет на разделы, в свою очередь определяющие темы, затрагиваемые в сборнике. Они напоминают фрагменты человеческого бытия: «Сплин и идеал», «Парижские картины», «Вино», «Цветы зла», «Бунт», «Смерть». Учитывая тот факт, что внутри книги есть раздел «Цветы зла», с жанровой точки зрения сборник представляет собой еще и мизанабим (или матрешку) (термин принадлежит А. Жиду). В большом флорилегиуме скрыт маленький флорилегиум (цветы в цветах).

Внутренний флорилегиум «Цветы зла» включает стихи «Эпиграф к осужденной книге» (речь идет о суде над «Цветами зла», стихотворение публикуется с 3-го издания 1868 г.), «Разрушение», «Мученица», «Окаенные женщины», «Две сестры», «Фонтан крови», «Аллегория», «Беатриче», «Путешествие на Киферу», «Амур и череп». Это острейшие с социально-психологической точки зрения той эпохи произведения сборника. Внутренние «Цветы зла», таким образом, напоминают центр или сердце большого флорилегиума.

Очевидно, что в «Цветках зла» Бодлера присутствует связь и с первым типом флорилегиумов. Поэт пишет своего рода «антицветочки» святых и монахов. Он пишет о житии человека, утратившего веру, о житии общества нового типа, погруженного в грех и антихристианство. Доказательством служат многочисленные поэтические образы его стихотворений: о сопоставлении современного человека с «сытым Авелем»; о попытке «реабилитировать» осуждаемого всем христианским человечеством Каина («Каин и Авель»); о сопоставлении перестраиваемого Парижа с грязным больным лебедем, помещенным в клетку зверинца («Лебедь»); о реалистически и натуралистически подробных портретах представителей разных слоев общества: от бедняков, нищих, проституток до поэтов, аристократов, художников и философов, которым уже сложно хоть чем-то помочь, их гибель, точнее их духовная гибель, неизбежна («Той, что слишком весела», «Смерть любовников», «Смерть художников», «Смерть бедняков», «Падаль» и др.).

Те же тезисы можно встретить у Бодлера в другой его антологии идей – в книге-дневнике 1864 г. «Мое обнаженное сердце» [11. Р. 99–135]: «Анализ антирелигии; пример: священная проституция» («Analyse des contre-religions; exemple: la prostitution sacrée»); «злость или ирония Провидения направлена против любви, этого признака первородного греха» («une malice ou une satire de la Providence contre l'amour, un signe du péché originel»); «О ненависти народа к красоте» («De la haine du peuple contre la beauté»);

«Слово Сен-Марка Жирардена подразумевает безмерную ненависть к возвышенному» («Le mot de Saint-Marc Girardin implique une immense haine contre le sublime»); «О ненависти молодежи к цитирующим. Цитирующий для них враг» («De la haine de la jeunesse contre les citeurs. Le citeur est pour eux un ennemi»); «Ужасы июня. Безумие народа и безумие буржуазии. Естественная любовь к преступлению» («Les horreurs de Juin [1848]. Folie du peuple et folie de la bourgeoisie. Amour naturel du crime») и т.д.

Художники, которые иллюстрировали «Цветы зла» Бодлера или вдохновлялись его произведением, приблизили сборник еще и к третьему типу флорилегиумов (ботаническому) благодаря удивительным цветам, которые они рисовали, представляя себе «словарь меланхолии и преступлений», созданный поэтом. Это необычные, странные цветы («bizarres fleurs») Фелициена Ропса («Цветы зла», 1866), Оделона Редона («Маленькие цветы», 1880; иллюстрации к «Цветам зла», 1890), Карлоса Швабе («Идеал», «Святой Петр», «Дон Жуан», «Восстание», 1900), Альберто Вагаса («Женщина с книгой Бодлера», 1922). Это изображения маленьких головок в виде цветов – искривленных и страшных, глаз-цветов, чудовищных дев-цветов, чертополоха, маков, скелета, повешенного на дереве, словно перезревший плод («Путешествие на Киферу») и т. д. Принадлежность «Цветов зла» к данному типу флорилегиума – прагматическая, связанная с восприятием текста со стороны и желанием дополнить его структуру фитонимическими иллюстративными образами.

То внимание, что Бодлер уделяет теме музыки (особенно духовной, церковной) в «Цветах зла», говорит о том, что он мог подразумевать связь своих «цветочков» и со вторым видом флорилегиумов – собранием мотетов, церковных песнопений. Музыкальный флорилениум «Цветов» представлен следующими стихами: «Соответствия», «Танцующая змея», «Осенняя песнь», «Послеполуденная песнь», «Осенний сонет», «Часы», «Литания Сатане» и некоторыми другими.

Эпицентр музыкального флорилегиума, на наш взгляд, сосредоточен в сонете «Соответствия». Бодлер сопоставляет два собора – церковь и лес символов, который предполагает и буквальный лес. Деревья этого леса представлены в виде опорных колонн церкви, а также в виде музыкального инструмента гобоя (фр. *hautbois*), в переводе с французского «высокого дерева» (предположительно под гобоем подразумеваются и трубы органа). Суггестивную «музыку» леса-собора поэт сопоставляет со звучанием бассетгорна в «Крейслериане» (1814–1815) Э.Т.А. Гофмана [12. С. 192–193]. У Бодлера она соединяется с ароматами церковных благовоний, у Гофмана – с запахом гвоздики. То есть музыка этого леса-собора неслышная, ее можно только представлять, догадываться о ней, как и о том, что сам сборник поэзии Бодлера есть сложнейшая, многогранная флорилегия.

Среди многочисленных работ о творчестве и жизни Ш. Бодлера практически невозможно найти исследование, посвященное «Цветам зла» как флорилегиуму. В основном название «Цветы зла» воспринимается интерпретаторами как сложнейший художественный образ: метафора (П. Брюнель)

[13], аллегория (В. Беньямин) [14], сравнение (Г.К. Косиков, Т.В. Соколова) [15, 16], символ (Т.В. Соколова) [16], оксюморон, метонимия (P. Dufour) [2] и т.д. О том, что Бодлер, а точнее Ипполит Бабу, предложивший автору данное название, подразумевал под ним наименование жанра, практически никто не писал. Однако стоит заметить, что «Цветы зла» действительно перешли рамки исключительно номинативные, стали намного шире, чем просто констатация жанра или названия сборника, они стали символом, и не только поэзии Бодлера, а всей эпохи «конца века».

Но стоит отметить, что современники поэта и их последователи, писатели и поэты, очень точно понимали жанровую особенность сборника. Флорилегическое восприятие «Цветов зла» встречается в творчестве Э. Золя, Ж.К. Гюисманса, А. Рембо, О. Мирбо, М. Метерлинка и др.

Золя, к примеру, создает образ сада Параду, повторяя, на наш взгляд, флорилегическую структуру сборника Бодлера. Это бесконечный «вертоград» или «кладбище цветов» (по которому движется аббат, искушаемый прекрасным демоном), перечисляющий человеческие грехи, пороки, болезни и т. д. Гюисманс описывает «коллекцию каладиумов», т.е. экзотических растений, сравнивает ее с книгой, повторяющей все тот же словарь греха и преступлений. Кроме того, он перечисляет старинные флорилегии, с которыми латентно сравнивает сборник «Цветы зла», именуя его «чудовищными цветами ума»: «Бодлер пошел намного дальше. Он спустился в бездну бездонного рудника, проник в штольни, брошенные или неведомые, достиг тех пределов души, где кроются чудовищные цветы ума» [17. С. 97]. Флорилегиеумом или вертоградом Мирбо является «Сад пыток» китайского Кантона. Метерлинк создает «Теплицу скуки» – антологию печали, тоски, человеческих трагедий.

Кардинально отличается от всех остальных шуточный «флорилегиеум» Рембо. Его поэма «Что говорят поэту о цветах» (1871), которая также является пародией на популярные в XIX в. сборники «Языка цветов» и «Что говорят цветы», пронизана тонкой иронией и критикой происходящего на тот момент в образной системе поэзии.

Антология, в которую вошел сам Бодлер и которая объединила многих французских поэтов 1860–1870 гг. – «Современный Парнас», – тоже в какой-то мере отголосок «Цветов зла».

Идея бодлеровского флорилегиеума (или даже антифлорилегиеума) стала настолько популярной, что даже в наши дни в русской современной литературе можно обнаружить такие книги. Стоит вспомнить хотя бы «Русские цветы зла» Виктора Ерофеева, антологию 1997 г. В нее вошли произведения Валерия Попова, Саши Соколова, Виктора Астафьева, Эдуарда Лимонова, Варлама Шаламова, Татьяны Толстой и многих других.

Итак, сборник «Цветов зла» Бодлера стал удивительным примером многомерной флорилегии. Она объединила все существующие виды данного жанра: ботанический, религиозно-философский, антологический (собрание литературных фрагментов), музыкальный. Кроме того, стала своего рода

примером нового жанра – жанра «флорилегиума наоборот», или антифлорилегиума.

Учитывая присутствие внутри большого сборника «малых» или центральных «Цветов зла», книгу можно отнести еще и к жанру мизанабима.

Сборник вызвал множественные волны подражаний, в которых фитонимическая и ботаническая составляющая «Цветов» проявлялась более отчетливо, чем у самого автора «Цветов зла» («кладбище цветов» Золя, «коллекция каладиумов» Гюисманса, «сад пыток» Мирбо).

Список источников

1. *Baudelaire Ch.* Les Fleurs du Mal / ed. de C. Pichois. Paris : Gallimard, Folio classique, 1972. 343 p.
2. *Dufour P.* Les Fleurs du Mal: dictionnaire de mélancolie // Littérature. 1988. № 72. P. 30–54.
3. *Антология* // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2001. 1596 с.
4. *Лебедев С.Н.* Мотет // Большая российская энциклопедия. М., 2013. Т. 21. С. 328–329.
5. *Blunt W.* The art of botanical illustration. London : Antique Collectors' Club Art Books, 1950. 267 p.
6. *Heß G.* Formen der Validierung in frühneuzeitlichen Florilegien // Eule oder Nachtigall? Tendenzen und Perspektiven kulturwissenschaftlicher Werteforschung / hrsg. von Marie Luisa Allemeyer u. a. Wallstein, Göttingen, 2007. 272 s.
7. *Sturlese L.* Philosophische Florilegien im mittelalterlichen Deutschland // Homo divinus: philosophische Projekte in Deutschland zwischen Meister Eckhart und Heinrich Seuse. Stuttgart : Kohlhammer, 2007. S. 155–168.
8. *Воротников Ю.Л.* Круг чтения наших предков. Переводные сборники изречений // Вестник Российской академии наук. 2002. Т. 72, № 1. С. 37–42.
9. *Лихачев Д.С.* Поэзия садов. Л. : Наука, 1982. 343 с.
10. *Голубков А.В.* Флорилегия и рапсодия: к классической предыстории романтического фрагмента // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 2. С. 53–57.
11. *Baudelaire Ch.* Mon cœur mis à nu // Œuvres posthumes. Paris : Mercure de France, 1908. P. 99–135.
12. *Соколова Т.В.* Гофман, Делакура, Бодлер // От романтизма к символизму. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. С. 189–200.
13. *Brunel P.* Les fleurs du mal. Entre «fleurir» et «défleurir». Paris : Edition du temps, 1998. 206 p.
14. *Беньямин В.* Бодлер, или Парижские улицы // Девять работ. М. : Рипол-Классик, 2019. С. 122–126.
15. *Косиков Г.К.* Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни» // Бодлер Ш. Цветы зла. М. : Высшая школа, 1993. С. 5–40.
16. *Соколова Т.В.* Шарль Бодлер // История западноевропейской литературы XIX века. СПб. ; М., 2003. С. 203–219.
17. *Гюисманс Ж.-К.* Наоборот. М. : FreeFly, 2005. 240 с.

References

1. Baudelaire, Ch. (1972) *Les Fleurs du Mal*. Paris: Gallimard, Folio classique.
2. Dufour, P. (1988) *Les Fleurs du Mal: dictionnaire de mélancolie. Littérature*. 72. pp. 30–54.
3. Nikol'yukin, A.N. (ed.) (2001) *Antologiya* [Anthology]. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: Intelvak.
4. Lebedev, S.N. (2013) *Motet* [Motet]. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Vol. 21. Moscow: Great Russian Encyclopedia. pp. 328–329.
5. Blunt, W. (1950) *The art of botanical illustration*. London: Antique Collectors' Club Art Books.
6. Heß, G. (2007) Formen der Validierung in frühneuzeitlichen Florilegien. In: Allemeyer, M.L. u. a. (hrsg.) *Eule oder Nachtigall? Tendenzen und Perspektiven kulturwissenschaftlicher Werteforschung*. Wallstein, Göttingen.
7. Sturlese, L. (2007) Philosophische Florilegien im mittelalterlichen Deutschland. In: *Homo divinus: philosophische Projekte in Deutschland zwischen Meister Eckhart und Heinrich Seuse*. Stuttgart: Kohlhammer. pp. 155–168.
8. Vorotnikov, Yu.L. (2002) *Krug chteniya nashikh predkov. Perevodnye sborniki izrecheniy* [Reading circle of our ancestors. Translated collections of sayings]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk*. 72 (1). pp. 37–42.
9. Likhachev, D.S. (1982) *Poeziya sadov* [Poetry of gardens]. Leningrad: Nauka.
10. Golubkov, A.V. (2015) Florilegiya i rapsodiya: k klassicheskoy predystorii romanticheskogo fragmenta [Florilegia and rhapsody: towards the classical prehistory of the romantic fragment]. *Vestnik KGU*. 2. pp. 53–57.
11. Baudelaire, Ch. (1908) *Mon cœur mis à nu*. In: *Œuvres posthumes*. Paris: Mercure de France. pp. 99–135.
12. Sokolova, T.V. (2005) Gofman, Delakrua, Bodler [Hoffmann, Delacroix, Baudelaire]. In: *Ot romantizma k simvolizmu* [From Romanticism to Symbolism]. St. Petersburg: SpbSU. pp. 189–200.
13. Brunel, P. (1998) *Les fleurs du mal. Entre "fleurir" et "défleurir"*. Paris: Edition du temps.
14. Benjamin, W. (2019) *Bodler, ili Parizhskie ulitsy* [Baudelaire, or Parisian Streets]. In: *Devyat' rabot* [Nine Works]. Translated from German. Moscow: Ripol-Klassik. pp. 122–126.
15. Kosikov, G.K. (1993) *Sharl' Bodler mezhdru "vostorgom zhizni" i "uzhasom zhizni"* [Charles Baudelaire between the "delight of life" and the "horror of life"]. In: Baudelaire, Ch. *Tsvety zla* [Flowers of Evil]. Translated from French by G. Kosikov. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 5–40.
16. Sokolova, T.V. (2003) *Sharl' Bodler* [Charles Baudelaire]. In: *Istoriya zapadnoevropeyskoy literatury XIX veka* [History of Western European Literature of the 19th Century]. St. Petersburg: SPbSU; Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya". pp. 203–219.
17. Huysmans, J.-K. (2005) *Naoborot* [Against Nature]. Translated from French. Moscow: FreeFly.

Информация об авторе:

Горбовская С.Г. – д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vard_05@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.G. Gorbovsckaya, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vard_05@imail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2023;
одобрена после рецензирования 14.08.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 21.06.2023;
approved after reviewing 14.08.2023; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья
УДК 821.161.1-82-14
doi: 10.17223/19986645/90/13

«Алматинский» текст в творчестве Бахытжана Канапьянова

Зифа Какбаевна Темиргазина¹

¹ Павлодарский педагогический университет им. Маргулана,
Павлодар, Казахстан, temirgazina_zifa@pspu.kz

Аннотация. Представлен образ Алматы как сложное многоуровневое семиотическое явление в творчестве казахского русскоязычного поэта Б. Канапьянова. «Алматинский» текст рассматривается как имя, как пространство и как время (Ю.М. Лотман). В этих семиотических подсистемах проявляется транскультурность художественного мировоззрения автора. В них репрезентированы мифопоэтика имени города, пространственные оппозиции и локусы, хронологические характеристики города, значимые с авторской точки зрения.

Ключевые слова: городской текст, хронотоп, локус, «алматинский» текст, Бахытжан Канапьянов, мифопоэтика города, яблоко-символ

Благодарности: исследование финансируется Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан, грант ИРН № AP23487222 «Транскультурная русскоязычная литература Казахстана как часть мирового литературного мейнстрима».

Для цитирования: Темиргазина З.К. «Алматинский» текст в творчестве Бахытжана Канапьянова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 268–285. doi: 10.17223/19986645/90/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/13

“Almaty” text in the works of Bakhytzhan Kanapyanov

Zifa K. Temirgazina¹

¹ Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan, temirgazina_zifa@pspu.kz

Abstract. Urban studies in literary criticism have been developing since the end of the twentieth century in the direction developed in the works of Yuri Lotman, Vladimir Toporov, and others. The city is considered as a super-textual semiotic phenomenon, consisting of several subsystems: the city as a name, the city as space and the city as time. The city has its own “language” and has the ability to generate certain meanings and images. In the works of individual writers, a certain image of the city is modeled, which becomes part of the idea of a particular city existing in culture and literature.

Researchers studied the “Almaty” text in the works of Dina Rubina, Yuriy Dombrovsky. In this work, I discuss the “Almaty” text created in works by the Kazakh Russian-speaking poet Bakhytzhан Канарьянов; this text implicitly includes transcultural meanings. The toponym *Almaty* has great cultural significance and generates a mythopoetic halo around the name of the city. Based on the semantics of the word *alma* (literally ‘apple’), historical facts, and with the help of allusions, the poet creates a mythopoetics of the city. It includes myths and legends about the apple of knowledge, about halves of an apple as people, about Newton’s apple, about Almaty as the ancestral home of apples and the birthplace of the Aport apple. The author complements the mythopoetic aura of the “Almaty” text with the idea of the apple as the ancestor of humanity. The urban space of Almaty is formed by several semiotically significant loci of the eastern city from Канарьянов’s point of view: ditches, Green Bazaar, blue spruces, Medeo. In the poet’s depiction, Almaty is a multi-confessional, multicultural city, so sacred Muslim and Christian symbols (crosses and mazars) coexist here. Since Almaty is surrounded by mountains, the city and the mountains form a single topos. The mountains are the outer boundary of the city. Despite the city’s inclusion in the mountainous landscape, the mountains pose a constant threat to its existence – avalanches can destroy it. The poet talks about the eternal struggle between the natural elements and man. Канарьянов’s “Almaty” text is realized in the oppositions “city – steppe”, “city – village”, “closed topos – open space”, “natural – artificial”, conveying the transcultural specificity of his artistic worldview. The rhythm of the city as time is determined by the time of day and the seasons. The poet’s favorite time of day is night; for him Almaty is “the city of green nights”. Thus, in his presentation of the city as a semiotic cultural and natural phenomenon, Канарьянов conveys certain ideas and meanings to the reader, and the urban text in his poetic works acquires a special aesthetic function.

Keywords: city text, chronotope, locus, “Almaty” text, Bakhytzhан Канарьянов, mythopoetics of city, apple-symbol

Acknowledgements: The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Project No. ИПН АР23487222.

For citation: Temirgazina, Z.K. (2024) “Almaty” text in the works of Bakhytzhан Канарьянов. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 268–285. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/13

Введение

Урбанистическая тематика является достаточно традиционной для литературоведческих изысканий. Они варьируются от общих проблем урбанистической литературы [1, 2] до исследования темы города в творчестве отдельных писателей: К. Бальмонта [3], В. Маяковского [4], И. Бродского [5]; образа конкретного города в литературе: Венеции [6], Стамбула [2], Парижа [7], Москвы [8, 9], Петербурга [8, 10, 11], Лондона [12]. В последнем направлении исследований сформировалось понятие «городской текст», что, несомненно, связано с идеей Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова о городе как семиотическом объекте культуры [10, 11, 13]. Город – это текст, в котором «нужно ощутить семиотическую фактуру культуры, уловить возникающие знаковые смыслы и стоящие за ними денотаты. Денотат является неременной предпосылкой существования знака, он его во многом детерминирует,

облегчает, в какой-то степени, чтение семиотических кодов культуры и истории» [13]. В.Н. Топоров полагает, что всякий город «имеет свой “язык”». Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный *текст*, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [11. С. 13].

Таким образом, урбанистическая тема в культуре и литературе делает поворот к семиотической трактовке города как текста со сложной архитектурой и своеобразным денотатом. В зависимости от конкретного географического денотата урбанистического текста литературоведы говорят о «парижском» [7], «московском» [11], «петербургском» [11], «венецианском» [6], «ташкентском» [14, 15] и т.д. текстах.

В работе мы используем понятие «алматинский текст» как сверхтекстовое семиотическое явление в творчестве одного поэта, объединенное топонимом в географическом, культурном, хронологическом, художественно-эстетическом планах. Алматы как образ и городской текст пока изучен недостаточно. Есть лишь несколько работ, посвященных образу Алматы и «алматинскому» тексту. Так, Э.Ф. Шафранская, Е.В. Лебедева исследуют Алматы как локальный текст, выявляя особенности его топоса в произведениях Ю. Домбровского и Д. Рубиной [16]. Ж.А. Баянбаева в своей диссертации также анализирует «алматинский» текст в романах Ю. Домбровского «Факкультет ненужных вещей», «Хранитель древностей», «Гонцы», делая акцент на его функционально-семиотическом аспекте [17]. Образ города Алматы представлен как один из основных мотивов в поэзии Бахытжана Мусахановича Канапьянова в работе К.Р. Нургали, М.Д. Амангелди, выявлены некоторые особенности урбанистического образа [18]. А.Е. Кожабергена сопоставила образы двух городов советского Востока – Ташкента и Алматы в прозе Д. Рубиной [19]. Необходимо отметить, что городские тексты в литературоведении исследовались преимущественно на материале русских и европейских городов. Вне поля зрения оставались восточные города с их ориенталистской семиотической спецификой, которая, несомненно, существенно отличалась от семиотики европейских городских текстов. Лишь в последнее время ученые обратились к изучению восточных городских текстов постсоветского пространства, и прежде всего Ташкента и Алматы как наиболее крупных и значимых городов постсоветского Востока [15–17, 19].

Цель работы – исследовать «алматинский» текст в поэзии казахского русскоязычного поэта Бахытжана Канапьянова как семиотическое явление транскультурного характера. Произведения «нерусских русскоязычных» писателей относятся к мультикультурным, гибридным текстам, находящимся на стыке культур. Д.В. Новохатский справедливо подчеркивает, что мультикультурной русскоязычной литературе нерусских авторов, в отличие от собственно российской русской литературы, транскультурная эстетика присуща имплицитно [15. С. 78]. Изучение городского текста в транскультурном аспекте осуществляется в литературоведении не впервые. Так,

Д.В. Новохатский анализирует в этом плане «ташкентский» текст в романе Сухбата Афлатуни «Ташкентский роман» [15]. Исследование произведений транскультурных писателей основано на теоретических трудах М.В. Тлостановой [20], М. Puleri [21] и др.

Методология исследования

Мы опираемся на семиотическую концепцию городского текста Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, реализованную в «петербургском» тексте. Лотман предлагает исследовать город как семиотическую систему в трех основных подсистемах: город как имя; город как пространство; город как время [10. С. 30]. В соответствии с этими параметрами рассмотрим образ Алматы как своеобразную семиотическую систему, функционирующую в произведениях Бахытжана Канапьянова, состоящую из культурных, материальных, образных и мифологических пластов. Созданная художественным воображением писателя семиотическая модель города – это комплекс устоявшихся стереотипов о городе, устойчивых ассоциаций и одновременно отражение его субъективных представлений, эстетических принципов, своеобразия индивидуальной поэтической техники. Она не является фотографическим отражением онтологического бытия и состояния города и может меняться в зависимости от эпохи, от жизненного опыта художника, от индивидуальной картины мира автора и т.д.

Объектом нашего исследования также являются интертексты, сложившиеся вокруг топонимов высокой культурной значимости, к каковым относится название *Алматы*. В этом отношении мы опираемся на теорию интертекстуальности Р. Барта [22], Ю. Кристевой [23].

Результаты и обсуждение

1. **«Алматинский» текст как имя.** Алматы является центральным урбанистическим образом в поэзии Канапьянова. Канапьянов посвятил родному городу, кроме отдельных стихотворений, два поэтических цикла «Алма – Яблоко» (1974–1976), «Алма-атинский блюз» (1991–1999). Доминанта этого урбанистического образа в творчестве Канапьянова обусловлена несколькими существенными факторами: во-первых, биографическими фактами; во-вторых, государственным статусом города; в-третьих, географическим положением. Поэт с детства живет в Алматы, который в советское время была столицей республики. Алматы имеет уникальное географическое местоположение – город находится в ущелье между горами Заилийского Алатау на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря.

С исторической точки зрения Алматы – это древний административный и экономический центр, сформировавшийся примерно в X в. По утверждению археолога Карла Байпакова, об этом свидетельствуют археологические раскопки на территории города: крупный монетный двор, различные ремесленные мастерские, остатки жилых построек [24]. Город с XIII в. носил имя

Алматы (дословно ‘яблочный, яблонево́й’). Топоним советского времени *Алма-Ата* породил его различные интерпретации, наиболее популярной из которых была «отец яблоч». Вторая часть топонима *Алма-Ата* интерпретировалась как самостоятельное знаменательное слово *ата* (дословно ‘дед’), хотя на самом деле это была русифицированная версия произношения древнетюркского названия *Алматы* с суффиксом прилагательного *-ты* [25. С. 11]. Эта интерпретация породила множество мифов о городе как родоначальнике яблоч, и это имело, по мнению Е. Фарино, онтологические исторические причины: «Реальные основания для связи Алматы с яблоком и яблоней состоят в том, что Джунгарский и Заилийский Алатау издревле был родиной дикорастущих яблоневых рощ, которые современная наука считает генетической базой всех яблоней в мире. В научной литературе эту дикую яблоню принято называть яблоней Сиверса, поскольку первое о ней упоминание восходит к письмам 1796 г. Сиверса, корреспондента Вольного Экономического общества» [25. С. 11–12]. Алматы не только прародина яблоч, но также родина уникального сорта яблоч – апорт, который и стал знаком-эмблемой города: «Это явление мифопоэтического порядка: город реализует (визуализирует) семантику собственного имени» [25. С. 12].

Имя города привлекает Канапьянова и по сугубо личным мотивам: прежде всего из-за созвучия с женским именем *Алма* (дословно ‘яблоко’), которое носит любимая девушка: *Тебя звали Алма, / тебя называл / половиной / зелёного города* [26. Т. 1. С. 68]. *Половина зелёного города* – это первая часть топонима *Алма-Ата*. Далее лирический герой обыгрывает омонимию казахских слов: существительного *алма* (дословно ‘яблоко’) и глагола *алма* (дословно ‘не бери’): *Парень, не так переводишь, / меня звать – «не бери»* [26. Т. 1. С. 68]¹. В мифопоэтику яблока включен библейский мотив запретного плода познания добра и зла: *Имя моё, / что плод, / на который / наложен запрет* [26. Т. 1. С. 68].

Лотман справедливо утверждает, что поэтические символы имеют разную природу и источники: «Алфавит символов того или иного поэта далеко не всегда индивидуален: он может черпать свою символику из арсенала эпохи, культурного направления, социального круга. <...> Индивидуальность художника проявляется не только в создании новых окказиональных символов (в символическом прочтении несимволического), но и в актуализации весьма архаических образов символического характера» [13. С. 123]. Символ яблока обладает в человеческой культуре высоким генерирующим потенциалом в силу своей древности и распространенности в разных культурах. В поэзии Канапьянова, кроме локальных источников символических

¹ «Если в одном из скверов нашего прекрасного города поставить памятник первой дикой яблоне Сиверса и гуляющим возле нее первым людям – Адаму и Еве с указующим на них перстом Всевышнего, который говорит: «Ал ма», то отбою от туристов со всего мира не будет!» [24].

смыслов, яблоко окружено мифопоэтическим ореолом, источником которых выступает мировая культура: библейский миф о яблоке познания, легенда о людях-половинках яблока, яблоко Ньютона и т.п.

Для лирического героя яблоко – это символ жизни, «цветение жизни» [26. Т. 2. С. 73]. Он ощущает родовую связь с яблоком, с яблоневыми садами: *Я родом из детства, где яблоки зноем налиты* («Ностальгия по детству») [26. Т. 1. С. 35]. Яблоневые сады и яблоки вызывают у лирического героя ностальгические ассоциации с детством. Время сбора яблок в садах в предгорьях Алматы было важным событием для жителей города:

Наступило время сбора.

И – бродят люди по садам («Алма – Яблоко») [26. Т. 1. С. 46].

В романе Дины Рубиной «в качестве главного символа Алма-Аты автор выбирает не деревья, не горы и не протекающую по городу реку Большая Алматинка, а яблоки» [19. С. 129]. Яблоко становится для героини романа символом детства, «выполняя таким образом роль устойчивой ассоциации с городом ее детства, но и только» [19. С. 129]. В творчестве Канапьянова семиотическая функция яблока, несомненно, гораздо шире и разнообразнее. В раздумья о яблоке – символе детства вплетаются горькие мотивы: яблоневые сады в Алматы вырубаются под застройки и дороги. Вера лирического героя в то, что яблоневые сады будут цвести и плодоносить вечно, как в детстве, разрушена – вместо яблоневых садов теперь бетонные плиты:

Я родом из сада, где ныне – бетонные плиты.

Я верил, что вечно, что вечно мой сад плодоносит

И, сбросив плоды, расправляет вновь

древние ветви («Ностальгия по детству», 1976) [26. Т. 1. С. 35].

Яблоко у поэта – это явление космического порядка: *Паденье яблока – полет* («Алма – Яблоко» 1975) [26. Т. 1. С. 45]. Мифопоэтический образ яблока включает и представление о яблоке Ньютона: *Ты, смеясь, называла его / Ньютоновым даром* («Алма – Яблоко» 1975) [26. Т. 1. С. 47]. Означаемое символа расширяется до знака-эмблемы города, издревле принадлежащего ему: *Но ведь не имя – суть важна в предмете: / Не гармоничен будет город мой / Без яблока – дар древности земной* [26. Т. 1. С. 50]. Более того, он выстраивает метафоры «планета – это яблоневый сад», «эпоха – это человек с яблоком в руке». Яблоко для лирического героя становится символом планеты и целой эпохи:

Приснится мне планеты сад живой,

Плодами будет плыть над головой.

И – яблоко несет в руке эпоха [26. Т. 1. С. 50].

Яблоня приобретает сакральный смысл как прародительница людей: *Там / Жизнь переходит в плоды, / Нас / Яблоня благословила* [26. Т. 1. С. 50]. Сквозной мифопоэтической идеей проходит через творчество Канапьянова

миф о людях – половинках яблока: *Мы яблока – / Половины. / Мы / В яблоке ищем черты, / Что яблоня нам / Привила* [26. Т. 1. С. 50]. Идея о людях – половинах яблок в то же время, в понимании поэта, иллюзорна и недостижима, что образно предстает в картине зеркального отражения одной половины яблока в полированной поверхности стола, на котором оно лежит: *Половина спелого яблока лежала, отражаясь на полированной плоскости стола. И казалось целым. Яблоком* [26. Т. 1. С. 50]. Парцелляция целого с грамматической точки зрения предложения на отдельные интонационные части создает иллюзию прерывистости интонации, передающей, как трудно дается лирическому герою осознание этой горькой истины.

2. Город как пространство. Чтобы выявить пространственные параметры «алматинского» текста, необходимо определить существенные характеристики городского топоса, связанные с местоположением, внутренним и внешним ландшафтом, границами города. Они чаще всего реализуются в оппозициях. Важно также установить индивидуально-авторскую трактовку этих параметров. С помощью своего видения городского пространства писатель транслирует читателю определенные идеи и смыслы, и городской текст в художественном произведении выступает не просто как фон, но приобретает особенную эстетическую функцию в лирическом повествовании. «Город, как сложный семиотический механизм, генератор культуры, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [10. С. 35].

2.1. Горы – город. Географически Алматы находится в долине между горными ущельями и окружен горами со всех сторон. Топос города непосредственно связан с высокогорьем. А.Е. Кожабергенова, анализируя образ Алматы в романах Дины Рубиной, важнейшей чертой «алматинского» текста считает неразрывную связь города с природой, с которой он сливается, «о чем свидетельствуют множественные описания деревьев, рек, озер, гор, находящихся в черте городского пространства или рядом с ним» [19. С. 128].

Алматы в изображении Канапьянова – уникальный прекрасный восточный город, в котором уживаются и рукотворное, и природное начала. В стихотворении «Старая Алма-Ата» (1979) он использует метафору «Алматы – это сад камней»: *Природой сотворенный сад камней / Меж горных речек двух – Алмаатинок* [26. Т. 1. С. 103]. Аллюзия с японским садом камней имеет глубокий смысл, ведь сад камней предназначен для созерцания красоты и размышления над смыслом бытия. Сравнение Алматы с садом камней не совсем точное: японский сад создается искусственно, а у Канапьянова он сотворен природой, т.е. город – это творение природы, что противоречит основной идее городских текстов: город – культурное творение, созданное человеком, а не природой. Вписанность города в природу, в горный ландшафт означает, с точки зрения поэта, единство города и гор, гармонию между городом и природой.

В канапьяновских строках *И в рифме «горы – город» / есть ландшафт* («Старая Алма-Ата» 1979) показаны единство и целостность ландшафта гор

и города. Аллюзия отсылает к принципу японской пейзажной живописи *сан суй* «горы – воды», который поэт в соответствии со своей национально-культурной и индивидуальной концептуальной картиной мира трансформирует в эстетический принцип «горы – город». Этот принцип отражен во многих произведениях Канапьянова, где горы и город составляют целостный комплекс – *жемчужину в оправе диких гор*:

Алма-Ата, зеленый город мой,
К подножью гор прильнувшая столица [26. Т. 1. С. 106].

Как величаво высятся хребты,
Взирая по-отечески на город [26. Т. 1. С. 105].

И горы вдоль города встали стеной [26. Т. 1. С. 29].

Горы настолько близки к городу, что «горные вершины дышат в окна» [27. Т. 2. С. 131]. Для лирического героя горы – это место очищения души, исцеления от беды; горная река – глоток живой воды, которая уносит вдаль боль и тревогу:

В горах глоток живой воды
Есть исцеленье от беды,
И боль мою уносит вдаль река.

Несмотря на близость к городу, горы остаются частью дикой «неокультуренной» природы: *Горы в сиянье лунном суровы, дики и величавы* [26. Т. 1. С. 32]. Поэтому для города, как бы мирно он не сосуществовал с природой, с горами, существует опасность уничтожения – это сель, сход лавины снега, камней, воды, которая сносит все на своем пути. Эта угроза исходит от гор и знаменует собой вечную борьбу стихии и культуры, которая лежит в основе эсхатологических мифов об обреченности города, о которой писал Лотман в своем исследовании «петербургского» текста [10. С. 32]. В стихотворении «Валун» (1977) ощущается это постоянное ожидание опасности от схода селевых потоков:

А в полутьме угрюмо ожидает
Нашествия
С вершин небесных глыб
(сейчас они обрушатся на город) ... [26. Т. 1. С. 54].

Идея селевой угрозы, уничтожения города, постоянно исходящей от гор, входит в цикл городской мифологии Алматы, наряду с другими городскими мифами.

2.2. Локусы-символы восточного города. Алматы – восточный город с жарким климатом, его пронизывает система арыков, которая питает кустарники и деревья и является неотъемлемой частью ландшафта города. Арык – это неизменный символ восточного города, поэт называет Алматы *арычной страной*: *О, город мой, – арычная страна!* («Арык», 1976) [26. Т. 1.

С. 27]. Он создает транскультурную акустическую метафору арыка: *Арык поет; Звонит в ушах / Арычная / струна. / Она / сердцебиение – / земное.* Арык – это сердце города, питающее его, дающее ему жизнь. Он ассоциируется у поэта с музыкой: *арык поет, звонит арычная струна.*

Частью «алматинского» текста является представление об Алматы как мультикультурном многоконфессиональном городе, перекрестке многих культур и религий в течение тысячелетия. В городском ландшафте соседствуют христианские и мусульманские сакральные знаки – кресты и мазар: *Пугасов мост. Фуникулер. Базар. / Кресты могил, и на холме мазар – / Сквозь голубые царственные ели («Старая Алма-Ата» 1975) [26. Т. 1. С. 103].* В цепочке номинативных предложений перечисляются городские реалии, и среди них традиционный локус восточного города – базар. Древний атрибут восточного города гармонично вписывается в ландшафт с современной технологической реалией – фуникулером. Көк базары, Зеленый базар – один из знаковых локусов в «алматинском» тексте Канапьянова. «...Любой приезжающий в Центральную Азию человек непременно стремился посетить базар. Подобное поведение бывает продиктовано не только стремлением купить какой-нибудь продукт или товар, но и желанием приобщиться к особой атмосфере восточного базара, ощутить воздух ярмарочного действия, его яркую зрелищность и неподдельное очарование» [28. С. 128].

Специфической деталью канапьяновского алматинского ландшафта являются высокие *голубые царственные ели*. Неслучайно поэт придает им своим эпитетом царственный статус. Голубые ели многократно встречаются в его произведениях: *голубые ели, зашлийские ели, спящая ель, среди озоновых елей* и т.п. Выбор елей в качестве символа-локуса Алматы достаточно нетривиален, поскольку, как отмечают многие исследователи, другие писатели, такие как Ю. Домбровский, Д. Рубина, главным деревом Алматы считают тополя, а не ели [14. С. 274–275; 19. С. 128].

Для художественного описания города поэт выбирает преимущественно один цвет – зеленый: *город зеленых ночей, в южном городе зеленом, в алматинской зеленой ночи, в эту зеленую ночь* и т.п. Это, по-видимому, связано с тем, что Алматы традиционно считается городом со множеством зеленых парков, садов, деревьев.

Важный элемент городского пространства Алматы – высокогорный ледовый каток Медео. Изображение динамичного образа этого локуса в стихотворении «Медео» (1983) начинается с горного серпантина дороги, по которой нужно добраться до катка, с мельканья столбов и домов, с крутых виражей автомобиля и заканчивается поворотом и спиралью конькобежца уже на катке Медео [26. Т. 1. С. 183–184].

Каждый автор создает свой городской текст, свой образ города, в зависимости от художественно-идейных задач, стоящих перед ними. У Канапьянова это образ древнего восточного города в современной реальности, гармонично включающего в свою парадигму урбанистические и природные реалии, диахронические и синхронические пласты.

2.3. Оппозиции в алматинском тексте Канапьянова. К основным оппозициям «алматинского» текста относится оппозиция «город – степь», традиционная для современной парадигмы казахской литературы. Как пишут исследователи: «Бинарная оппозиция “город – степь”, на наш взгляд, беспристрастно очерчивает душевный конфликт казахстанской поэзии 70–80-х гг. XX в. Уход от традиционных ценностей кочевья, разлука с аульным бытом, отрыв от корней, трагедия болезненной духовной раздвоенности в полной мере отразились в современной казахской литературе» [18. С. 115]. Эта аксиологическая оппозиция развивается и конкретизируется в других, таких как антитезы «город – аул», «искусственное – природное», «замкнутое пространство – открытое пространство». Проблема сохранения казахской культуры, казахского языка связана у поэта с топосом «аул», а город – это место, где нивелируются и утрачиваются национальные традиции. С этой точки зрения город изображается как бездуховное, сугубо прагматическое явление, живущее сиюминутными суетными делами. Жители города лишены корней и оторваны от истоков степной кочевой культуры. Отец чабан сетует на сына-горожанина за непонимание: *Откуда ему, горожанину, знать / Наши степные законы?!* [26. Т.1. С. 25].

Традиционный образ города в урбанистической прозе и поэзии противопоставляется природе как нечто неестественное, противоречащее ей. Его атрибуты – механические артефакты, железо, искусственный свет: *из чрева бетонных строений; железобетонная осень; кора асфальта; дневных проспектов крик; бьющие током ступеньки троллейбуса* и т.п. Как мы видим, метафоры построены по принципу контраста «природное + искусственное/механическое»: чрево + бетонные строения, осень + железобетонная, кора + асфальт, крик + проспект. Топос города обладает свойствами, вносящими душевный разлад, психологический дискомфорт во внутренний мир лирического героя. Не утихает тоска по степи у жителей города – *современных скифов*, которые живут в *норах квартирных* и выходят на балкон, *словно бы заслышав ржанье коня* (1985) [27. Т. 2. С. 29]. Степь появляется здесь только на экране телевизора: *Вот и степь подступает к глазам из бездны телеэкрана*. Знак-символ искусственности, фальшивости городского бытия, оторванности от природы – *коровий кумыс*¹, который сын *принес вечером из гастронома*. Город лишает человека его прошлого, его исконной культуры, которая зиждится на природных началах. Ощущение своей вины за эту оторванность от корней, от аула, где похоронены его отец и предки, преследует поэта. Покаяние является одним из основных эмоциональных мотивов всего его творчества. Степь, родной аул метафорически осмысляются поэтом как живые, он обращается к ним со словами покаяния: *О степная земля, мы так пред тобой виноваты, / Что смотрим с виною и болью на эти закаты*

¹ Кумыс – традиционный напиток кочевых тюрков, который готовится исключительно из кобыльего молока. Кумыс из коровьего молока – это фальшивый, ненастоящий напиток [29].

(«Ностальгия по детству» 1976) [26. Т. 1. С. 36]; *Родной очаг, / За все прости меня. / За то, что о корнях / Я забываю. / Все получил / От твоего огня / И ничего в ответ / Не возвращаю* («Родной очаг» 1977) [26. Т. 1. С. 66]. Он старается сохранить эту связь с родиной, с предками и клянется продолжить их путь:

Здесь мой аул,
Могила здесь отца.
Начало – здесь.
И нет ему конца.
И этот путь
Продолжен будет мной [26. Т. 1. С. 66].

Степь дает ему свое благословение: *Благословляет степь: / – Иди, сын мой!* [26. Т. 1. С. 66]. В тексте зашифрованы важные для казахов культурные сакральные коды: святость могилы отца; память о предках.

Алматы ограничен в своем пространстве, он окружен горами, которые выступают его внешней границей. Недаром Канапьянов использует метафору – *жемчужина в оправе диких гор*, в которой проявляется духовная коллизия «алматинского» текста: город замкнут «в оправе диких гор». Она усиливает и углубляет антитезу «город – степь»: замкнутое горами пространство города и открытая бескрайняя степь – прародительница казахов-кочевников. Отсюда неизбывная тяга горожанина к степным просторам: *Вновь по весне степной простор влечет. / Сажусь в автобус я на маленьком вокзале* [27. Т. 2. С. 20]; *Тебя влекли степные дали* [27. Т. 2. С. 176]. Не случайно поэт использует глагол *влечь* (*влечет, влекли*) с семантикой «манить, привлекать к себе», актуализирующей значение непроизвольного, неконтролируемого желания как внутреннего порыва человека, и метафору «степь как манящий к себе субъект». Лирический герой стремится вырваться из города за его внешние границы, в степь и услышать гулкий стук копыт, ощутить объятия степного ветра:

В дорогу!
Копыта пусть гулко стучат,
Пусть ветер обнимет грудь [27. Т. 2. С. 25].

Исследователи справедливо отмечают: «В поэзии Б. Канапьянова образ южного города не является символом бездуховности, противопоставленным ценностям традиционной культуры. <...> В лирике Б. Канапьянова слышится вера в нашего современника – горожанина и степняка, открывающего для себя “планеты сад живой”» [18. С. 115]:

Нам родина – эти холмы,
Горы и город в долине.
И дети природы все мы [26. Т. 1. С. 50].

3. Город как время. Пространство, согласно теории хронотопа М.М. Бахтина, неразрывно связано со временем [30. С. 235]. Городское про-

странство пронизано хронологическими связями, в нем отражаются природные катаклизмы, исторические и социокультурные события, оно существует в различных сезонах и в разных временах суток. Антитезы «город – степь», «город – аул», выше рассмотренные нами с пространственной точки зрения, осмысляются поэтом и в хронологическом плане. Он протягивает исторические связи между членами оппозиции: от древних скифских племен до настоящего времени. Жители города – это *современные скифы*, не до конца осмысляющие связь со своим историческим прошлым, воплощенным в образах степи и аула. Хронологическо-событийным ореолом окружено и имя города, ассоциативно отсылающее к истории происхождения яблони Сиверса, к утрате в начале 2000-х гг. уникального сорта яблок – апорта. Автора волнуют события, происходящие с начала 2000-х гг. и влияющие на безопасность города: это хаотичная застройка города в предгорьях, нарушающая его экологию.

Важнейший хронологический признак канапьяновского «алматинского» текста – это время суток, наиболее предпочитаемое поэтом. Его любимый хронотоп – это Алматы ночью. В стихотворении в прозе «Ad astra» (1986) он с бесконечной любовью описывает ночной Алматы: *Полночь. Обычная алма-атинская полночь. Горная прохлада нисходит волнами на огни раскинувшегося в долине города, слегка шелестит листва, арык несет свою песню, иногда заглушаемую шагами редких прохожих, шелестом одиноких такси. Прогрохотал последний трамвай и отправился спать в гулкое пространство кирпичного депо...* [27. Т. 2. С. 136]. Лирический герой воспринимает ночной город в первую очередь акустически, он описывает звуки алматинской ночи: шелест травы, песню арыка, звуки шагов редких прохожих, шелест такси, грохот последнего трамвая, гулкое пространство депо. Они создают гармонический звуковой образ города (см. об этом: [31, 32]). Вот еще один метафорический образ алматинской ночи в стихотворении «Алматинский блюз» (1999):

Ночь,
Шурша звездами, спускается с гор,
Серьгами фонарей по улицам танцует,
Фонтанами смеется на площадях [27. Т. 2. С. 225].

Ночь – это волшебница, украшенная серьгами, которая спустилась с гор в город, танцует и смеется. Поэт любит свет ночных огней: *город мой / Дрожит / Ресницами / огней*; ночные запахи: *Твои асфальты / пахнут в полночь / зноем* («Арык» 1976) [26. Т. 1. С. 29]; ночную прохладу. Выше мы говорили о том, что Канапьянов выбирает для характеристики ночного Алматы только один цвет – зеленый. Во многих стихах повторяется выражение *город зеленых ночей*. Поэт обнаруживает сходство алматинских зеленых ночей с испанской Севильей: *В зеленой алма-атинской ночи / Есть что-то от ночей Севильи* [26. Т. 1. С. 63]. Для поэта эти города близки своим жарким климатом и прекрасными теплыми ночами.

Поэт изображает город в разные сезоны: летом, зимой, весной. «Алматинский» текст Канапьянова не может быть полноценным без такого хронотопа, как жаркое июльское лето в южном городе (стихотворение «Июль», 2001):

Как пламя саксаула,
Лижет лица зной.
И в мареве дрожит
И тает город.
Сухой арык,
Пересыхает горло...
О автомат – спасенье – газводы! [27. Т. 2. С. 241].

Стихотворение насыщено транскультурными сравнениями и метафорами: *зной как пламя саксаула; в мареве дрожит и тает город*. В знойном июле как спасение, источник жизни возникает сугубо городская деталь – автомат газированной воды.

Одно из стихотворений Канапьянова («Снег», 1978) посвящено первому снегу в Алматы. Поэт сакрализирует это природное явление, придает ему нравственный смысл, это *снег очищения, снег искупления* вины [26. Т. 1. С. 82]. Весна в городе, как и в природе, проявляет себя в специфических признаках – в росте и цветенье растений, в мартовских «гуляниях» кошек. Эти весенние признаки существуют в городском контексте, рядом с «корой асфальта», «новостройками»:

Пробил веселенький росток
Кору асфальта.
И обновленья бродит сок
В начале марта...
Смех кошек во дворе у нас,
Где свет не очень...
Сирень взрывает белый цвет
У новостройки («Весна» 1980) [26. Т. 1. С. 115].

Хронологические характеристики «алматинского» текста у Канапьянова двуплановы: во-первых, они обусловлены историческими событиями как в древности, так и в современности; во-вторых, тесно связаны с природными явлениями: со временем суток (ночью), с временами года (летом, первым снегом, весной). Алматы как восточный город живет в динамике исторических изменений, в движении от прошлого к настоящему, в ритме природы, смены ее сезонов и времени суток.

Заключение

Таким образом, в «алматинском» тексте Канапьянов создает модель родного города в трех его основных семиотических ипостасях: мифопоэтический ореол имени города, городское пространство Алматы и хронос города.

В мифопоэтическом ореоле топонима проявляются его символическая значимость и культурно-историческая обусловленность архаическими мифами, легендами, индивидуальным опытом автора, связанными с яблоневыми садами. Городское пространство Алматы определяется знаками-локусами природного (горы, голубые ели) и искусственного происхождения (базар, Медео). Топос города неразрывно связан с горами, которые одновременно составляют его внешние границы. Они же представляют для города экзистенциальную угрозу: сход горного селя, который сносит и разрушает все на своем пути. Для канапьяновского «алматинского» текста типичны оппозиции «город – степь», «город – аул», «искусственное – природное», которые, кроме пространственных характеристик, несут в себе и историко-хронологическое осмысление города в прошлом и настоящем. Город как время также включает в себя поэтическое описание города в разное время суток и в разные сезоны года. Событийно-временные пласты занимают значительное место и в описании города как имени: история яблони Сиверса, вырубка яблоневых садов, вырождение апорта.

Все составляющие модели города связаны между собой, взаимообусловлены, формируя целостное восприятие города как культурного явления в поэтической картине мира Канапьянова. Поэт рассматривает Алматы как живой, саморазвивающийся в пространстве, времени, в мифопоэтических смыслах организм. Сконструированная поэтическим воображением модель города не должна во всем совпадать с реальным образом города. У каждого писателя или даже просто жителя города может существовать свой образ Алматы, с другими мифопоэтическими, ассоциативными, пространственными и хронологическими характеристиками. Важно понимать, что читателю, реципиенту необходимо эстетическое осмысление города, они ощущают потребность в поэтизации родного города: *Нарисуй мне словами / Город зеленых ночей!* (1975) [26. С. 15].

Список источников

1. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. 170 с.
2. Шахин А. Традиции урбанистической прозы и творчество С.Ф. Абасыяныка // Вопросы русской литературы. 2013. № 26 (83). С. 182–194.
3. Тэтик К. Лики городов в поэзии К.Д. Бальмонта // Ученые записки Худжандского госуниверситета им. акад. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2017. № 2 (51). С. 83–91.
4. Култышева О.М. Урбанизм и проблема цивилизации в творчестве В. Маяковского // Нижневартковский филологический вестник. 2017. Т. 2, № 2. С. 47–57.
5. Соболева О.В. Мотивы поэзии Серебряного века в венецианском тексте Иосифа Бродского // Два рубежа. 100-летию юбилею «Мира искусства» : материалы научно-практической конференции. Пермь, 1998. С. 100–102.
6. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1999. 364 с.
7. Гололобов М.А. Парижский дискурс и парижский текст в романе Э. Золя «Западня» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12. С. 232–236.
8. *Moscow and Petersburg: The city in Russian culture* / ed. by Ian K. Lilly. Nottingham, 2002.

9. Красноухова Ю.С., Хатямова М.А. Москва как представление о современной реальности в пьесе Н. Садур «Мальчик-небо» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 203–219. doi: 10.17223/19986645/85/10

10. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам / отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 30–45.

11. Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам / отв. ред. Ю.М. Лотман. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 4–29.

12. Ackroyd P. London: The Biography. London: Chatto & Windus, 2000. 822 p.

13. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.

14. Шафранская Э.Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010. 304 с.

15. Новохатский Д.В. Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни // Mundo Slavico. 2019. Вып. 18. С. 74–91.

16. Шафранская Э.Ф., Лебедева Е.В. Алма-Ата как локальный текст // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 272–282.

17. Баянбаева Ж.А. Алма-атинский локальный текст в творчестве Ю. Домбровского: функционально-семиотический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2017. 142 с.

18. Нурғали Қ.Р., Амангелді М.Д. Система мотивов в лирике Б. Канапьянова // Вестник Карагандинского университета. Серия: Филология. 2022. № 2 (106). С. 109–116. doi: 10.31489/2020Ph2/109-116

19. Кожабергенова А.Е. Города советского Востока в прозе Дины Рубиной // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 3. С. 125–135. doi: 10.15826/izv1.2022.28.3.052

20. Глостанова М.В. Жить никогда. Писать ниоткуда: Постсоветская литература и эстетика транскультурации. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.

21. Puleri M. Narrazioni ibride post-sovietiche: Per una letteratura ucraina di lingua russa. Firenze: Firenze University Press, 2016. P. 262.

22. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г. Косикова, Б. Наумова; общ. ред./ Г.К. Косиков. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

23. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. Г. Косикова. М.: Росю политическая энциклопедия, 2004. 656 с.

24. Алма-Ата или Алматы: почему это так волнует Олжаса Сулейменова? // Exclusive. 2021. URL: <https://exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/125677/> (дата обращения: 10.09.2023).

25. Фарино Е. Яблоки – апельсины – гранаты // Культура и текст. 2018. № 4 (35). С. 7–84.

26. Канапьянов Б. Избранное: в 2 т. Т. 1. Алматы: Изд. дом “Жибек жолы”, 2011. 480 с.

27. Канапьянов Б. Избранное: в 2 т. Т. 2. Алматы: Изд. дом “Жибек жолы”, 2011. 536 с.

28. Аслитдинова А. Базар в Центральной Азии как поле социального и культурного взаимодействия // Историк (Муаррих). 2016. № 3–4 (8). С. 126–129.

29. Temirgazina Z., Rakhimzhanov K. et al. Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication // Metaphor and the Social World. 2022. Vol. 12. Iss. 2. P. 270–291. doi: 10.1075/msw.19019.tem

30. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

31. Темиргазина З.К., Жакупова Г.А. Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Вып. 12, № 1. С. 137–152. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152

32. Темиргазина З.К., Ибраева Ж.Б. Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 290–307. doi: 10.17223/19986645/72/16

References

1. Mednis, N.E. (2003) *Sverkhsteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

2. Shakhin, A. (2013) Traditsii urbanisticheskoy prozy i tvorchestvo S.F. Abasyanyka [Traditions of urban prose and creativity of S.F. Abasyyanika]. *Voprosy russkoy literatury* [Questions of Russian literature]. 26 (83). pp. 182–194.

3. Tetik, K. (2017) Liki gorodov v poezii K.D. Bal'monta [Faces of cities in the poetry of K.D. Balmont]. *Uchenyye zapiski Khudzhandskogo gosuniversiteta im. akad. B. Gafurova. Gumanitarnyye nauki*. 2 (51). pp. 83–91.

4. Kultysheva, O.M. (2017) Urbanizm i problema tsivilizatsii v tvorchestve V. Mayakovskogo [Urbanism and the problem of civilization in the works of V. Mayakovsky]. *Nizhnevartovskiy filologicheskiy vestnik*. 2 (2). pp. 47–57.

5. Soboleva, O.V. (1998) [Motifs of Silver Age poetry in the Venetian text of Joseph Brodsky]. In: *Dva rubezha. 100-letnemu yubileyu "Mira iskusstva"* [Two Frontiers. 100th anniversary of the "World of Art"]. Conference Proceedings. Perm. pp. 100–102. (In Russian).

6. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian literature.]. Novosibirsk: NSU.

7. Gololobov, M.A. (2008) Parizhskiy diskurs i parizhskiy tekst v romane E. Zolya "Zapadnya" [Parisian discourse and Parisian text in E. Zola's novel "The Trap"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 12. pp. 232–236.

8. Lilly, I.K. (ed.) (2002) *Moscow and Petersburg. The city in Russian culture*. Nottingham.

9. Krasnoukhova, Yu.S. & Khatyamova, M.A. (2023) Moscow as a representation of modern reality in Nina Sadur's play *Mal'chik-Nebo*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 203–219. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/10

10. Lotman, Yu.M. (1984) Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Symbols of St. Petersburg and problems of semiotics of the city]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of the city and urban culture. Petersburg. Works on sign systems]. Vol. 18. Tartu. pp. 30–45.

11. Toporov, V.N. (1984) Peterburg i Peterburgskiy tekst russkoy literatury [Petersburg and the Petersburg text of Russian literature]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of the city and urban culture. Petersburg. Works on sign systems]. Vol. 18. Tartu. pp. 4–29.

12. Ackroyd, P. (2000) *London: The Biography*. London: Chatto & Windus.

13. Lotman, Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

14. Shafranskaya, E.F. (2010) *Tashkentskiy tekst v russkoy kul'ture* [Tashkent text in Russian culture.]. Moscow: Art Khaus media.

15. Novokhatskiy, D.V. (2019) Transkul'turnyy tekst i tendentsii russkogo literaturnogo meynstrima: "Tashkentskiy roman" Sukhbata Aflatuni [Transcultural Text and Russian Literature Mainstream Tendencies: *Tashkentskiy Roman* by Suhbat Aflatuni]. *Mundo Eslavo*. 18. pp. 74–91.

16. Shafranskaya, E.F. & Lebedeva, E.V. (2015) Alma-Ata kak lokal'nyy tekst [Alma-Ata as a local text]. *Vestnik TvGU. Seriya "Filologiya"*. 3. pp. 272–282.
17. Bayanbayeva, Z.A. (2017) *Alma-atinskiy lokal'nyy tekst v tvorchestve Yu. Dombrovskogo: funktsional'no-semioticheskiy aspekt* [Alma-Ata local text in the works of Yu. Dombrovsky: functional-semiotic aspect]. Philology Cand. Diss. Moscow: RUDN.
18. Nürğali, K.R. & Amangeldi, M.D. (2022) Sistema motivov v lirike B. Kanapyanova [The system of motives in the lyrics of B. Kanapyanov]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya "Filologiya"*. 2 (106). pp. 109–116. doi: 10.31489/2020Ph2/109-116
19. Kozhabergenova, A.E. (2022) Goroda sovetского Vostoka v proze Diny Rubinoy [Cities of the Soviet East in the prose of Dina Rubina]. *Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 28 (3). pp. 125–135. doi: 10.15826/izv1.2022.28.3.052
20. Tlostanova, M.V. (2004) *Zhit' nikogda. Pisat' niotkuda. Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turatsii* [Never live. Write out of nowhere. Post-Soviet literature and aesthetics of transculturation]. Moscow: Editorial URSS.
21. Puleri, M. (2016) *Narrazioni ibride post-sovietiche. Per una letteratura ucraina di lingua russa*. Firenze: Firenze University Press.
22. Barthes, R. (1989) *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Translated from French by G. Kosikov, B. Naumov. Moscow: Progress.
23. Kristeva, J. (2004) *Izbrannyye trudy: Razrusheniye poetiki* [Selected works: Destruction of poetics.]. Translated from French by G. Kosikov. Moscow: ROSSPEN.
24. Alma-Ata ili Almaty: pochemu eto tak volnuyet Olzhasa Suleymenova? [Alma-Ata or Almaty: why does Olzhas Suleimenov care so much?] (2021) *Exclusive*. [Online] Available from: <https://exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/125677/> (Accessed: 10.09.2023).
25. Farino, E. (2018) Yabloki – apel'siny – granaty [Apples – oranges – pomegranates]. *Kul'tura i tekst*. 4 (35). pp. 7–84.
26. Kanapyanov, B. (2011) *Izbrannoye. V 2 t. T. 1*. [Selected works. In 2 volumes]. Vol. 1. Almaty: Zhibek Zholy.
27. Kanapyanov, B. (2011) *Izbrannoye. V 2 t. T. 2*. [Selected works. In 2 volumes]. Vol. 2. Almaty: Zhibek Zholy.
28. Aslitudinova, A. (2016) Bazar v Tsentral'noy Azii kak pole sotsial'nogo i kul'turnogo vzaimodeystviya [Bazaar in Central Asia as a field of social and cultural interaction]. *Istoriya (Muarrikh)*. 3–4 (8). pp. 126–129.
29. Temirgazina, Z., Rakhimzhanov, K., et al. (2022) Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication. *Metaphor and the Social World*. 12 (2). pp. 270–291. doi: 10.1075/msw.19019.tem
30. Bakhtin, M.M. (1975) Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In: *Voprosy literaturnoy i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Research from different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 234–407.
31. Temirgazina, Z.K. & Zhakupova, G.K. (2021) Garmoniya i disgarmoniya: akusticheskaya oppozitsiya v ranney lirike Aleksandra Bloka [Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 12(1). pp.137–152. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152.
32. Temirgazina, Z.K. & Ibraeva, Zh.B. (2021) An Observer in Poetic Narrative (In the Poems of Pavel Vasiliev). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 72. pp. 290–307. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/72/16

Информация об авторе:

Темиргазина З.К. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Павлодарского педагогического университета им. Маргулана (Павлодар, Казахстан). E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Z.K. Temirgazina, Dr. Sci. (Philology), professor, Pavlodar Pedagogical University (Margulan University) (Pavlodar, Kazakhstan). E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 13.12.2023;
approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 12.07.2024.*

Научная статья
УДК 82.02
doi: 10.17223/19986645/90/14

Онтология волшебной сказки: трансгрессия в исследованиях В.Я. Проппа

Вячеслав Тависович Фаритов¹

¹ Самарский государственный технический университет, Самара, Россия, vfar@mail.ru

Аннотация. Анализируется онтология волшебной сказки. На материале концептуальных разработок В.Я. Проппа осуществляется экспликация онтологической модели мира, представленной в сказках. Обосновывается тезис, что в сказке бытие представляется как трансгрессия. Осуществляется анализ типов трансгрессии в сказке: трансгрессия как нарушение запрета, трансгрессия разнородных планов бытия, трансгрессия форм человеческого бытия, трансгрессия культурно-исторических пластов. Делается вывод, что сказка представляет собой трансгрессивный жанр.

Ключевые слова: волшебная сказка, трансгрессия, онтология, В.Я. Пропп, единосушие

Для цитирования: Фаритов В.Т. Онтология волшебной сказки: трансгрессия в исследованиях В.Я. Проппа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 286–299. doi: 10.17223/19986645/90/14

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/14

Ontology of the fairy tale: Transgression in research by Vladimir Propp

Vyacheslav T. Faritov¹

¹ Samara State Technical University, Samara, Russian Federation, vfar@mail.ru

Abstract. The article analyzes the fairy tale ontology. The starting point of the study is the thesis that a fairy tale, like myth and religion, contains a characteristic ontological model of the universe. The content of the fairy tale is not limited to reflecting the historical conditions of human existence, to the manifestation of the archetypes of the collective psyche, but implicitly represents a well-defined ontology that can be expanded into a philosophical concept of the existence of the world. The objective of the work is the explication of the ontological motifs of the fairy tale. The study is carried out on the basis of the works of Vladimir Propp. The aim of the study is to substantiate the thesis that the main ontological motif of the fairy tale is transgression. The article shows that the phenomenon of transgression in the fairy tale is revealed in connection with the functions of prohibition and violation. The thesis is substantiated that the main content

of a fairy tale is the transgressive transition of the hero across the border separating the realm of the dead from the realm of the living. The prohibition that the hero of the fairy tale violates can receive the most diverse expressions and motivations, but, in the final analysis, it goes back to one fundamental foundation: the prohibition on transgressing the border separating the realm of the dead from the realm of the living. As a result of the study, it is concluded that the fairy tale is a transgressive genre. A fairy tale is not a rite or a myth. However, it contains the remnants of ancient rituals and mythical representations. A fairy tale cannot be reduced to ritual and myth, nor can it be completely isolated from them. A fairy tale is not a religion. However, the fairy tale is a link in the formation of religious ideas. Finally, a fairy tale is not yet fiction. However, it is in the fairy tale that the beginnings of future poems and novels are contained. In the space of the fairy tale, all these different elements are layered on top of each other and penetrate each other, forming a complex transgressive unity.

Keywords: fairy tale, transgression, ontology, Vladimir Propp, consubstantial

For citation: Faritov, V.T. (2024) Ontology of the fairy tale: Transgression in research by Vladimir Propp. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 286–299. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/14

Отправным пунктом настоящего исследования выступает тезис, что сказка, подобно мифу и религии, содержит в себе характерную онтологическую модель мироздания. Содержание сказки не ограничивается отражением исторических условий существования человека, не ограничивается манифестацией архетипов коллективной психики, но имплицитно представляет вполне определенную онтологию, которая может быть развернута в философскую концепцию бытия мира. Раскрытие онтологического содержания мифа было осуществлено А.Ф. Лосевым в его ставшей хрестоматийной книге [1]. Задачей предлагаемой работы является экспликация онтологических мотивов волшебной сказки. Исследование осуществляется на материале посвященных литературоведческому анализу волшебной сказки работ В.Я. Проппа. Цель исследования состоит в обосновании тезиса, что основным онтологическим мотивом волшебной сказки является трансгрессия.

Ранее нами был проведен анализ трансгрессии как онтологической перспективы в литературоведческих работах Ю.М. Лотмана, А. Белого и М.М. Бахтина [2–5]. Все названные авторы исследовали преимущественно авторскую поэзию и романы, т.е. жанры, не относящиеся к фольклору и представляющие собой значительно более позднюю ступень в развитии художественной литературы. Сказка относится к более архаичной ступени художественного сознания. Соответственно, раскрытие онтологических мотивов сказки позволит выявить более глубокую укорененность трансгрессии в качестве онтологической перспективы.

Важно с самого начала отметить, что термин «трансгрессия» не выступает в настоящем исследовании в качестве замены того или иного термина, употребляемого самим Проппом. Речь идет именно о раскрытии онтологической модели мира, которая как в самой волшебной сказке, так и в исследованиях Проппа не представлена эксплицитно. В качестве онтологической

перспективы трансгрессия не может быть отнесена ни к обряду, ни к мифу, ни к сказке. Но трансгрессия может быть эксплицирована в качестве онтологического основания как обряда, так и мифа, и сказки. А это позволит сделать вывод, что волшебная сказка, в отличие от религии и метафизики, не основывается на перспективе трансценденции. Следовательно, в сказке представлена *существенно иная* онтологическая модель мира по сравнению с той, которая лежит в основе религиозных и метафизических представлений, относящихся уже к более поздним ступеням существования человека. В некотором плане методологические установки настоящего исследования близки «археологии гуманитарных наук». С той, впрочем существенной, разницей, что у Фуко речь идет об экспликации определенных конфигураций *знания* («эпистем»), в то время как в настоящем исследовании предпринимается попытка раскрытия онтологических моделей мироздания, лежащих в основании филологических исследований.

Например, такой феномен, как инициация, относится к обряду. Соответственно, в мифе и в сказке инициация уже не представлена непосредственно, в своей обрядовой функции. Особенно в сказке, поскольку сказка, как показал Пропп, не есть обряд, в сказке представлены лишь следы обрядов, причем в существенно переосмысленном виде. Инициация может быть отнесена к *историческим* корням волшебной сказки – и в раскрытии этих корней состоит заслуга В.Я. Проппа. Трансгрессия относится к *онтологическим* корням волшебной сказки и по этой причине не может быть сведена к инициации (как и инициация не может быть сведена к трансгрессии). Здесь уже возникают вопросы, которые, с одной стороны, выходят за непосредственный круг проблем, решаемых в исследованиях Проппа, а с другой стороны, могут быть поставлены на основании онтологического анализа его работ. Лежит ли в основании инициации онтологическая перспектива трансгрессии или трансценденции? Решение данного (для нашего исследования – частного) вопроса значимо, поскольку позволяет эксплицировать принципиальную онтологическую разнонаправленность обряда (а также мифа и сказки) и религии. Крещение в христианстве не может быть отнесено к обряду инициации, хотя и имеет внешние черты сходства с данным обрядом. Крещение представляет собой первичное установление связи человека с высшим, трансцендентным миром. Обряд инициации – как будет показано в настоящем исследовании на основе онтологического анализа волшебной сказки – предполагает установление связи человека с «низшими» пластами бытия. Соответственно, онтологическое основание обряда инициации – трансгрессия, а не трансценденция.

Экспликация трансгрессии в качестве онтологического горизонта волшебной сказки осуществляется в исследовании на двух уровнях. Во-первых, трансгрессия раскрыта в качестве конститутивного компонента жанра, осуществляющего интеграцию в пространство волшебной сказки более ранних и архаичных мифологических и ритуальных конструкций. Во-вторых, трансгрессия представлена в качестве установки, посредством которой осу-

ществляется взаимопроникновение и взаимопереход гетерогенных и гетерохронных пластов сознания и культуры. Оба уровня связаны друг с другом, поскольку литературный жанр и различные формы сознания и культуры предполагают и взаимообуславливают друг друга. Таким образом, новизна исследования заключается в переходе с морфологического уровня на онтологический, что позволяет эксплицировать те мотивы, которые в работах Проппа были представлены в имплицитной форме.

1. Запрет и трансгрессия как структурообразующие фикции волшебной сказки

В первом приближении феномен трансгрессии в сказке раскрывается в связи с функциями запрета и нарушения. Нарушение установленных запретов является наиболее известным и изученным аспектом трансгрессии [6]. При этом отметим, что трансгрессия как таковая не сводится к этому аспекту и им не исчерпывается. В волшебной сказке запрет и нарушение выполняют сюжетобразующую функцию. Запрет делает значимым нарушение. В свою очередь, нарушение требует предварительно установленного запрета (который в сказках иногда может быть представлен в имплицитной форме). Запрет должен быть нарушен, чтобы движение сказки вообще стало возможным. Тезис Проппа: «Запреты всегда нарушаются» [7. С. 37]. Нарушение запрета осуществляет трансгрессию начальной ситуации, которая «дает описание особого, иногда подчеркнутого благополучия» [7. С. 35]. Запрет в данном случае проявляется как амбивалентная функция: с одной стороны, он направлен на предотвращение возможных нарушений заданного благополучия. Запрет выполняет охранительную функцию, его соблюдение должно предотвратить наступление беды. С другой стороны, сам факт запрета указывает на уже наличную, реально существующую возможность утраты начального благополучия: «Это благополучие, конечно, служит контрастным фоном для последующей беды. Призрак этой беды уже незримо реет над счастливой семьей. Отсюда запреты» [7. С. 35]. Абсолютно упроченное, незыблемое и не находящееся под угрозой благополучие не нуждается в запретах. Запрет подготавливает трансгрессию, делает ее явной в качестве грядущей возможности. Непосредственное нарушение запрета выводит героя из равновесия начальной ситуации и провоцирует движение. Движение в сказке, как будет показано ниже, представляет собой переход из одного плана бытия в другой. Этот переход также носит сугубо трансгрессивный характер, о чем опять будет сказано ниже.

Если бы начальное благополучие не нарушалось тем или иным способом, не состоялось бы движение сказки. Однако помимо этого формального обоснования необходимости трансгрессии существует и более глубокий мотив. Благополучие начальной ситуации само по себе не самодостаточно. А именно: оно обнаруживает свою неполноту в свете другой, более высокой возможности бытия героя. Чтобы реализовать эту высшую возможность, ге-

рой должен отказаться от своего актуального состояния, которое представляется благополучием. Герой должен осуществить трансгрессию своего собственного «я», чтобы достичь своего же высшего «Я». В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в некоторых случаях нарушение запрета вообще не приводит к конфликту. Герой, нарушивший запрет, получает в итоге волшебного помощника, т.е. обретает высшие способности, которыми он не обладал ранее. Пропп отмечает этот случай в одной из сказок: «Иван, конечно, отпирает чулан запретным ключом и за дверь видит коня. После этого он засыпает и спит беспробудным сном целый год. Это повторяется 3 раза. После третьего раза братья дарят ему коня, и он уходит. В этой сказке все совершенно ясно, и она показывает нам, что в данном случае в запретной комнате находится будущий помощник героя. Она интересна еще тем, что нарушение запрета не создает никакого конфликта. Исторически оно именно так и должно было происходить. Запрет на помощника должен был действовать только до известного момента, до «беспробудного сна», после чего запретное для посвящаемого становится дозволенным» [7. С. 334].

Таким образом, в волшебной сказке запрет устанавливается именно ввиду его нарушения. Уже на этом уровне видно, что трансгрессия выступает в качестве необходимого формального компонента структуры сказки. Теперь наша задача состоит в том, чтобы раскрыть и углубить онтологический аспект трансгрессии в сказке.

2. Трансгрессия как переход между разнородными планами бытия

Выше мы уже отмечали, что трансгрессия как нарушение запрета провоцирует движение героя. Это движение не сводится к простому пространственному перемещению. Как показал в своих исследованиях Пропп, сказка вообще «перескакивает через момент движения», для нее характерен «отказ от описания пути»: «...пространство в сказке играет двойственную роль. С одной стороны, оно в сказке есть. Оно – совершенно необходимый композиционный элемент. С другой стороны, его как бы совсем нет. Все развитие идет по остановкам, и эти остановки разработаны очень детально» [7. С. 209]. На этом основании, однако, нельзя сделать вывод, что сказка вообще игнорирует пространство. В отличие от эпоса, сказка не дает разработки движения в географическом пространстве. Но с философской точки зрения географическое пространство не есть пространство как таковое. И цель перемещения героя в сказке не сводится к тому, чтобы попасть из одной точки географического пространства в другую. Путь сказочного героя не идентичен пути героя эпического, путь Ивана-царевича не есть путь Одиссея из-под стен Трои в родную Итаку. Герой сказки перемещается не из пункта А в пункт В, но из одного плана бытия в другой. Согласно Проппу путь героя в лес, в подводное царство, в Тридешатое царство есть путь в царство мёртвых, в «иное царство». Это не просто другое место в географиче-

ском пространстве. Это именно иной план бытия. Герой сказки не путешествует в собственном смысле этого слова. Он осуществляет переправу в иное царство: «...все виды переправы указывают на единую область происхождения: они идут от представлений о пути умершего в иной мир, а некоторые довольно точно отражают и погребальные обряды» [7. С. 416–417]. Но подобное перемещение, составляющее композиционную ось сказки, не из разряда обыденных. Переправа живого в царство мертвых – это трансгрессия, поскольку здесь происходит нарушение сакральной границы, границ между гетерогенными планами бытия, наконец, нарушение установленного порядка бытия, согласно которому живые не попадают в царство мертвых. Сказочный герой, пересекающий запретную границу, проникающий в царство мертвых, совершает акт трансгрессии: «Он – живое существо, вторгающееся в царство умерших как дерзкий нарушитель и похититель. Нарушение установленного порядка мы имеем и здесь. Герой пьет не ту воду, которую ему как мертвецу было бы положено, и этим приобретает силу, похищает ее, так же как он похищает молодильные яблоки и другие диковинки» [7. С. 412].

В свете сказанного можно внести большую ясность в содержательный аспект феномена нарушения запрета, который выше был представлен только с формальной, структурообразующей стороны. Запрет, который нарушает герой волшебной сказки, может получать самые разнообразные выражения и мотивировки, но в конечном счете он восходит к одному фундаментальному основанию: к запрету на преступание границы, отделяющей царство мертвых от царства живых. В своих исследованиях Пропп дает недвусмысленные указания на этот счет: «Все это показывает, что запах Ивана есть запах живого человека, старающегося проникнуть в царство мертвых. Если этот запах противен яге, то это происходит потому, что мертвые вообще испытывают ужас и страх перед живыми. Ни один живой не должен переступать заветного порога» [7. С. 233].

Здесь важно сделать уточнение о специфике того иного мира, о котором речь идет в сказке. А именно: иной мир волшебной сказки следует отличать от иного мира религии и метафизики. Классическую форму метафизического иного мира мы находим у Платона. В притче о пещере герой покидает царство теней и поднимается в мир света, в область подлинного бытия. Однако в отличие от героя волшебной сказки герой платоновской притчи не совершает акта трансгрессии. Восхождение к истинному, сверхчувственному, умопостигаемому миру идей – это уже трансценденция, а не трансгрессия. Герой Платона восходит в высший, метафизический мир. В религии этот аспект получит преобладающее значение, трансценденция одержит верх над трансгрессией. Напротив, в волшебной сказке трансценденция отсутствует, поскольку отсутствуют метафизические и религиозные представления об умопостигаемом и божественном мире. Иной мир, в который попадает сказочный герой, не является высшим миром, скорее, ему в большей степени подходит определение низшего мира.

Пропп отмечает, что установка границы между живым и мертвым в представлении человека осуществилась не сразу. Были времена, когда такая граница отсутствовала (как отсутствовала и граница между человеком и животными). Время отсутствия границы является более ранним и изначальным, чем время установки границы: «Первоначально, когда между жизнью и смертью еще не делали резкого отличия, естественно, не могло быть специфической фигуры посмертного помощника. Но так как весь комплекс посвящения теснейшим образом связан с представлением о смерти, элементы его перешли в культ мертвых, создав посмертных помощников, последним ответвлением которых можно считать представление об ангелах, т.е. полужооморфных (крылатых) существах, уносящих душу на небо. Явление это – позднее, оно дает свой расцвет в государственном культе мертвых, каковой в наиболее развитой форме мы имеем в древнем Египте» [7. С. 400–401]. С установлением границ мертвые начинают исключаться из сферы жизни, также как животные начинают исключаться из сферы человеческого. Теперь мертвым отводится своя собственная сфера бытия, свой мир, который начинает мыслиться как иной по отношению к миру живых. Нарушение этой границы становится запретным, поскольку может повлечь за собой тотальную трансгрессию, полное устранение границы и возврат на ту стадию, когда эта граница отсутствовала, различие между мертвыми и живыми не делались. Однако в уже отмирающих обрядах и мифах сохраняется память об этой предшествующей стадии. И сам факт наложения запрета на трансгрессию свидетельствует о том, что установленная граница не является непреодолимой (в противном случае запрет не имел бы никакого смысла и не был бы нужен). Утрата единосущия (к содержанию этого термина Проппа мы обратимся ниже) требует восполнения. Особенно на тех стадиях, когда следы утраченного единосущия (отсутствия границы и различия) еще слишком активно попадают в поле сознания. Сказка, не являясь ни обрядом, ни мифом, посредством трансгрессии осуществляет как восстановление утраченного единосущия, так и его переосмысление. Здесь мы уже переходим от проблемы трансгрессии гетерогенных пластов бытия к проблеме трансгрессии форм человеческого бытия.

3. Трансгрессия форм человеческого бытия в волшебной сказке

В предыдущем разделе мы показали, что основным содержанием волшебной сказки является трансгрессивный переход героя через границу, отделяющую царство мертвых от царства живых. Теперь нужно ответить на вопрос, каков статус самого героя, осуществляющего этот трансгрессивный акт.

В начальной ситуации герой – вполне обыкновенный человек, обладающий определенным социальным статусом, родственными связями (Иван-крестьянский сын или Иван-царевич). Трансгрессия начальной ситуации, трансгрессивный переход в иное царство есть одновременно и трансгрессивное преобразование самого героя. Можно утверждать, что именно по-

добное преобразование героя является основной целью движения сказочного сюжета. Способы, формы, направленность и характер этих преобразований весьма разнообразны, но итог один: герой должен перестать быть тем, кто он есть, и стать кем-то другим, перейти в иное состояние, пережить глубинную трансформацию своего способа существования. Низшее «я» героя должно уступить место высшему «Я». Поскольку сказке неведомы религиозные экстазы соединения человеческого «я» с Богом, способом трансформации героя выступает опять же не трансценденция, но трангрессия.

Среди многообразных форм трангрессивного преобразования сказочного героя выделим три наиболее типические: во-первых, превращение в животное; во-вторых, различные формы умерщвления (разрубание, сжигание и т.п.) и последующее оживление и, наконец, брак и воцарение.

3.1. Превращение в животное. Согласно Проппу непосредственное обращение героя в зверя или птицу относится к наиболее архаичным формам, еще не в достаточной степени утратившим связь с обрядами. В более поздний период превращение заменяется обретением волшебного помощника в виде животного. Но и здесь речь идет лишь о другой форме соединения сущности человека с сущностью животного: «Мы достаточно изучили сказку, чтобы установить, что герой, превращенный в животное, – древнее героя, получающего животное. Герой и его помощник есть функционально одно лицо. Герой-животное преобразовался в героя плюс животное» [7. С. 369]. Все случаи, когда Иван садится на волка, на птицу, на волшебного коня, следует рассматривать так, как если бы он сам превращался в этих животных. Здесь осуществляется трангрессия границ человеческого и животного. Восстанавливается утраченное единство между человеком и животным. Подобно тому, как некогда существовали периоды отсутствия четкого разграничения живого и мертвого, были и времена, когда человек не мыслил себя выделенным из животного мира. Отделение человека от животного – длительный и сложный процесс. Разумеется, мы говорим не об эволюции биологических видов, но об изменении представлений человека о своей сущности. В сказке, как и в мифах, есть существа, отражающие переходную ступень от животного к человеку. Есть животные, наделенные человеческими характеристиками (способностью мыслить и говорить). Есть люди, обращенные (заколдованные) в животных, временно утратившие свой человеческий облик. И есть герои, способные превращаться в животных или вступать с ними в тесный контакт, обнаруживающий их единство.

Вместе с тем восстановление единства человека с животным в сказке не является конечной целью. Само по себе такое единство есть регресс, возврат к более архаичным и уже отмирающим формам бытия человека. Животное начало в бытии человека должно быть не просто ассимилировано, но преобразовано и сублимировано (здесь мы употребляем этот термин не в том смысле, который был придан ему во фрейдизме, но в том, в каком его использовал Б.П. Вышеславцев [8]). Линия, ведущая вниз (от человека к животному), должна быть превзойдена линией, ведущей вверх – от животного

и человека к божеству, в котором преобразуется и возвышается животное-человеческая природа. В сфере философии мы находим эту идею у Н.О. Лосского, который утверждает, что сама биологическая, природная жизнь содержит в себе тенденцию к самопреодолению и самовозвышению: «Биологическая жизнь, не будучи абсолютной полнотой бытия, не доставляет никакому существу совершенного удовлетворения, поэтому она состоит всегда не столько из актов самосохранения, сколько из актов творческого преобразования и искания новых путей» [9. С. 80]. Пропп выявляет эту тенденцию на материале исследования исторических корней волшебной сказки. Сказка содержит указания не только на превращение человека в животное, но и на выделение из животного человека и божества: «Тотемный предок животного вида не бог в том смысле, в каком богом является антропоморфный Зевс или безобразный христианский святой дух. Божество развивается из животного. С появлением земледелия и городов пестрый животный мир тотемического происхождения начинает терять свою реальность. Происходит процесс антропоморфизации. Животное приобретает тело человека; в некоторых случаях позже всех исчезает животное лицо. Так создаются такие боги, как Анубис с волчьей головой, Гор с головой кобчика и т.д. С другой стороны, души умерших приобретают человеческую голову на птичьем теле. Так, постепенно из животного вырисовывается человек. Процесс антропоморфизации почти закончен в образе таких богов, как Гермес с маленькими крылышками над пятками, пока, наконец, животное не превращается в сопровождающий бога атрибут: Зевс изображается с орлом» [7. С. 476–477].

Человек возникает в результате трансгрессии природного, биологического, животного мира. Впоследствии эта трансгрессия будет заменена трансценденцией, миф уступит место религиозным и метафизическим представлениям.

3.2. Умерщвление и оживление. Другой вид трансгрессивного преобразования героя волшебной сказки – это различные формы умерщвления. Особо богу внимания заслуживает мотив разрубания тела на части: «Одной из форм временной смерти было вскрытие человека или его разрубание на куски» [7. С. 270]. Мотив расчлененного тела на материале раблезианского романа был проанализирован М.М. Бахтиным [10]. Исследования Проппа позволяют раскрыть как истоки, так и смысл данного мотива. Разрубание является актом трансгрессии, нарушающим целостность и единство человеческого тела. Как и в случае с превращением, разрубание значимо не само по себе, но ввиду последующего воссоединения. Разрубание – это символическое изображение перерождения человека. Физическое, телесное расчленение становится здесь символом трансформации, нового рождения: «...разрубание создает нового человека» [7. С. 275]. «Наконец, что разрубленный всегда оживает, указывает на характер временной смерти, а омолаживание старика – на возрождение или новое рождение человека» [7. С. 276]. Трансгрессия заданной, налично данной конфигурации выступает в качестве условия создания новой конфигурации. В философском дискурсе

мотив расчлененного на части тела представлен у Ф. Ницше: «Поистине, друзья мои, я брожу среди людей, как среди обломков и кусков людей! Для меня ужасное зрелище – видеть человека раскромсанным и разбросанным, как будто на поле кровопролитного боя и бойни» [11. С. 145]. И здесь также расчленение выступает условием созидания нового образа человека (сверхчеловека): «И в том мое творчество и стремление, чтобы собрать и соединить воедино то, что является обломком, загадкой и ужасной случайностью» [11. С. 146].

Другим типом трансгрессии героя в рамках мотива умерщвления и оживления является сожжение (или родственные ему формы вываривания в кипящей воде, молоке, запекание в печи). Как и в случае с разрубанием, сжигание представляет собой трансгрессивный мотив, временное умерщвление героя с последующим его оживлением и перерождением: «Сжигание, обжигание, обжаривание во всех этих случаях ведет к величайшему благу, к тому благу, к которому приводит весь обряд вообще, т.е. к тем способностям, которые нужны полноправному члену родового общества. Мы знаем, что весь обряд представляет собой нисхождение в преисподнюю. То, что происходило с посвящаемыми, происходило и с умершими» [7. С. 279]. Отражение этого мотива в философском дискурсе снова находим у Ницше: «Твоим желанием должно быть сжечь себя в собственном пламени; как же хотел ты обновиться, не сделавшись сперва пеплом!» («Verbrennen musst du dich wollen in deiner eignen Flamme: wie wolltest du neu werden, wenn du nicht erst Asche geworden bist!»)» [11. С. 67]

3.3. Брак и воцарение. Мы уже отмечали, что такие формы трансгрессии сказочного героя, как превращение в животное или различные виды умерщвления, не являются конечной целью. Превращаясь в животное или умирая (временно или символически), герой спускается к низшим ступеням человеческого или дочеловеческого бытия. Благодаря этой трансгрессии герой приобщается к тем силам, с которыми когда-то человек был в единстве. Позднее это утраченное единство восстанавливалось посредством обряда. Однако еще позднее человек перешел на новую ступень, на которой актуальным становится соединение не с умершими предками и тотемными животными, а с Богом. Трансгрессия заменяется трансценденцией. Но в сказке этот переход не осуществлен до конца. Содержание сказки характеризуется амбивалентностью: в ней есть как тенденции к восстановлению единосутия человека с животным царством (или царством мертвых), так и тенденция к преодолению этого единосутия через вочеловечение. Сказочный герой трансгрессивен, поскольку его сущность до конца не определена и не утверждена, но постоянно колеблется между гетерогенными полюсами. Герой дан в становлении, в трансгрессивном переходе от одной сущности в другую. В этой связи брак и воцарение представляют собой еще один вид трансформации героя. С одной стороны, вступить в брак и стать царем герой может только после того, как он побывал в ином царстве, добыл волшебного помощника, был убит, т.е. прошел те формы трансгрессии, о которых говорилось выше. С другой стороны, для обретения нового статуса герой должен

выйти из того состояния, в которое он пришел в результате первой трансгрессии. Первый акт трансформации приводит к расчеловечиванию. Вторая трансформация осуществляет новое вочеловечение. Если герой превращался в животное, он должен вновь стать человеком, если он спускался в подземное или подводное царство, он должен вернуться, если был убит – должен ожить. В отдельных случаях вочеловечению должны быть подвергнуты невеста или жених героя (героини): царевна-лягушка или Финист-сокол должны утратить свою полуживотную природу и окончательно утвердиться в человеческом облике. Вочеловечению может подвергаться и помощник: волк, послужив Ивану-царевичу, превращается в человека.

Объяснение этого колебания героя между человеческой и дочеловеческой сущностью следует искать в трансгрессии культурно-исторических пластов, которая характеризует временное измерение сказки.

4. Трансгрессия временных пластов. Сказка как трансгрессивный жанр

Говоря о времени в сказке, мы имеем в виду не время повествования, но время как категорию онтологии. Сказка находится в весьма специфическом отношении ко времени, которое заслуживает особого внимания. А именно: сказка знает время преимущественно как наслоение и взаимопроникновение гетерогенных культурно-исторических пластов. Через настоящее всегда просвечивают различные пласты прошлого. Время сказки трансгрессивно. Для описания этого феномена Пропп использует категорию «следа»: «Сказки содержат настолько явные следы ранних религиозных представлений, что они могут быть выведены без помощи исторического изучения» [7. С. 113]. Проблема, с которой сталкивается исследователь, состоит в том, что эти многочисленные следы и реликты прошлого в сказке вступают в противоречие с настоящими, актуальными представлениями, верованиями, обычаями и формами социального устройства. Сказка вовсе не является простым хранилищем культурно-исторической памяти человечества. Необходимым условием возникновения сказки выступает событие отмирания и исчезновения некогда живых обрядов и мифов. По этой причине в сказке достаточно редки случаи прямого воспроизведения древних ритуалов. Гораздо чаще эти формы прошлого представлены в сказке в переосмысленном либо обращенном виде. Поэтому в сказке наблюдается конфликт форм, относящихся к различным периодам исторического существования человека.

Общая формула, с помощью которой Пропп характеризует взаимодействие таких культурно-исторических пластов, как обряд, миф и сказка, выглядит так: «Миф живет дольше, чем обряд, и перерождается в сказку» [7. С. 620]. Отмирание обряда рождает миф, отмирание мифа создает условия для возникновения сказки. Трансгрессия одной формы порождает другую. Процесс этот не линейный, и различные формы часто сосуществуют друг с другом и даже проникают друг в друга. Миф связан с обрядом более непо-

средственно, чем сказка. Для возникновения сказки необходимо «открепление» сюжета от обряда и мифа: «Внешне начало этого процесса, процесса перерождения мифа в сказку, сказывается в откреплении сюжета и акта рассказывания от ритуала. Момент этого открепления от обряда есть начало истории сказки, тогда как ее синкретизм с обрядом представляет собой ее доисторию» [7. С. 628]. Утрачивая непосредственную связь с ритуалами и мифическими представлениями, сказка раскрывает пространство сугубо художественного творчества в области словесности. Освобожденное от архаичных религиозных форм слово начинает входить в сферу эстетического существования: «...сказка, уже лишенная религиозных функций, сама по себе не представляет собой нечто сниженное сравнительно с мифом, от которого она произошла. Наоборот, освобожденная от уз религиозных условностей, сказка вырывается на вольный воздух художественного творчества, движимого уже иными социальными факторами, и начинает жить полнокровной жизнью» [7. С. 629].

Вместе с тем открепление сказочного сюжета от обряда и мифа не означает полного исчезновения религиозных представлений из сказки. В сказке можно найти не только реликты и следы древних верований, но и отражение процесса трансформации и развития религиозных представлений. Наряду с переосмысленными и обращенными, забытыми и непонимаемыми элементами тотемизма и культа предков в сказке содержится и указание на переход к пониманию божества в качестве духа: «Животное начинает уступать место духу» [7. С. 401]. Конечно, это еще не Святой Дух, единосущный с Отцом и Сыном. Но сказка выступает в качестве одного из звеньев в эволюции религиозных представлений от культа предков к христианству: «Когда умер обряд, фигура помощника не умерла с ним, а в связи с экономическим и социальным развитием стала эволюционировать, дойдя до ангелов-хранителей и святых христианской церкви. Одним из звеньев этого развития является и сказка» [7. С. 393–394].

Таким образом, можно сделать вывод, что сказка представляет собой трансгрессивный жанр. Сказка – это не обряд и не миф. Однако в ней содержатся остатки древнейших ритуалов и мифических представлений. Волшебная сказка не может быть ни сведена к обряду и мифу, ни полностью от них изолирована. Сказка – это не религия. Однако сказка является звеном в становлении религиозных представлений. Наконец, сказка – это еще не художественная литература. Однако именно в сказке содержатся зачатки будущих поэм и романов. В пространстве сказки все эти различные элементы наслаиваются друг на друга и проникают друг в друга, образуя сложное трансгрессивное единство: «...очень рано начинается «профанация» священного сюжета (под «профанацией» понимаем превращение священного рассказа в профанный, т. е. не духовный, не эсотерический, а художественный). Это и есть момент рождения собственно сказки. Но отделить, где кончается священный рассказ и начинается сказка, – невозможно» [7. С. 631].

Онтологическое исследование показало, что бытие в сказке понимается как трансгрессия. Развитие метафизики и религии приводит к вытеснению

трансгрессии трансценденцией. В религии трансгрессия не устраняется, но приобретает статус греха. Трансгрессию совершает Люцифер, трансгрессию совершают Адам и Ева, нарушающие божественный запрет, трансгрессию совершает Каин. В сферу философии трансгрессия проникает только в период кризиса метафизической парадигмы. В сказке трансгрессия выступает в качестве доминирующей онтологической перспективы. Таким образом, через анализ исследований Проппа, посвященных морфологии и историческим корням волшебной сказки, мы пришли к раскрытию онтологических корней сказки. Если продолжить онтологический анализ филологических исследований В.Я. Проппа, то можно показать, что в его работе, посвященной русскому героическому эпосу [12], имплицитно происходит переход от трансгрессии к трансценденции. То есть к совершенно иной онтологической модели мира. В этом аспекте заключается значимое отличие исследований В.Я. Проппа от работ М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана. В концептуальных разработках как Бахтина, так и Лотмана поэтика фактически всей художественной литературы выстраивается на основании онтологии трансгрессии [2, 3, 5]. Пропп исходит в своих исследованиях из логики литературного процесса, в котором различные жанры базируются на различных онтологических моделях мира.

Список источников

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М. : АСТ, 2021. 448 с.
2. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 60–67. doi: 10.17223/15617793/419/7
3. Феномены границы и трансгрессии в исследованиях Ю.М. Лотмана: онтологические основания семиотической философии // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 77–82. doi: 10.17223/15617793/434/9
4. Поэтика трансгрессии: Н.В. Гоголь, А. Белый, Ф. Ницше // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 282–294. doi: 10.17223/19986645/71/17
5. Слово в романе и слово в мифе: М.М. Бахтин и А.Ф. Лосев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 306–317. doi: 10.17223/19986645/80/15
6. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М. : ОГИ, 2003. 296 с.
7. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М. : КоЛибри, 2022. 640 с.
8. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М. : Республика, 1994. 368 с.
9. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. Основы этики. Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2011. 528 с.
10. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Эксмо, 2015. 640 с.
11. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого // Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 4. М., 2007. 432 с.
12. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М. : КоЛибри, 2022. 800 с.

References

1. Losev, A.F. (2021) *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow: AST.

2. Faritov, V.T. (2017) Semiotics of transgression: Yu.M. Lotman as a literary critic and philosopher. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 60–67. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/419/7

3. Faritov, V.T. (2018) Phenomena of border and transgression in Yuri Lotman's research: Ontological bases of the semiotic philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 77–82. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/434/9

4. Faritov, V.T. (2021) The poetics of transgression: Nikolai Gogol, Andrei Bely, Friedrich Nietzsche. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 71. pp. 282–294. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/71/17

5. Faritov, V.T. (2022) The word in the novel and the word in the myth: Mikhail Bakhtin and Aleksei Losev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 306–317. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/15

6. Kayua, R. (2003) *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and Man. Man and the Sacred]. Moscow: OGI.

7. Propp, V.Ya. (2022) *Morfologiya volshebnoy skazki; Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Morphology of a Fairy Tale; Historical Roots of a Fairy Tale]. Moscow: KoLibri.

8. Vysheslavtsev, B.P. (1994) *Etika preobrazhennogo Erosa* [Ethics of the Transformed Eros]. Moscow: Respublika.

9. Losskiy, N.O. (2011) *Usloviya absolyutnogo dobra. Osnovy etiki* [Conditions of Absolute Good. Fundamentals of Ethics]. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo Ekzarkhata.

10. Bakhtin, M. (2015) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessans* [The Works of François Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Eksmo.

11. Nietzsche, F. (2007) Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo [Thus Spoke Zarathustra. A Book for Everyone and No One]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 volumes]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

12. Propp, V.Ya. (2022) *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. Moscow: KoLibri.

Информация об авторе:

Фаритов В.Т. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета (Самара, Россия). E-mail: vfar@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.T. Faritov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Samara State Technical University (Samara, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.10.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 08.05.2023;
approved after reviewing 08.10.2023; accepted for publication 12.07.2024.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 070:93/94 (571.1)
doi: 10.17223/19986645/90/15

Народничество и областничество в фельетонах Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» (1882–1888)

Александр Евгеньевич Мазуров¹,
Наталья Вениаминовна Жилиякова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *rumatamonteg@gmail.com*

² *retama@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются народнические и областнические установки, идеологемы в фельетонном творчестве Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» (1882–1888 гг.). Раскрываются ключевые положения идеологий, анализируется обращение к ним публициста. Делаются выводы о том, что идеологические направления в фельетонах не противоречили друг другу, а служили формированию оригинального взгляда на регион.

Ключевые слова: Ф.В. Волховский, «Сибирская газета», фельетон, народничество, областничество

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования: Мазуров А.Е., Жилиякова Н.В. Народничество и областничество в фельетонах Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» (1882–1888) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 300–322. doi: 10.17223/19986645/90/15

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/15

Narodnichestvo and Siberian regionalism in Feliks Volkhovsky's feuilletons in *Sibirskaya Gazeta* (1882–1888)

Alexandr E. Mazurov¹, Nataliia V. Zhilyakova²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *rumatamonteg@gmail.ru*

² *retama@yandex.ru*

Abstract. Researchers of Siberian journalism of the late 19th – early 20th centuries often faced the problem of coexistence of two ideologies – Siberian regionalism and

Narodnichestvo (“populism”) in provincial publications, as well as in works of specific opinion journalists. This situation was due to the mass exile of representatives of Narodnichestvo to Siberia in the 1880s, including as part of the Trial of the 193, and their search for their place in a region new for them. Representatives of the Narodnichestvo movement, who before their exile were actively engaged in agitation, including journalistic activities, often became employees of periodicals in Siberia and had a significant influence on their development and ideology. One of these populists exiled to Siberia was Feliks Volkhovskiy, who eventually became the unspoken editor of *Sibirskaya Gazeta*. During its eight years of existence, *Sibirskaya Gazeta* published 355 fiction and publicistic fiction texts. Volkhovskiy was the author of more than 100 materials, including 76 feuilletons. In addition to feuilletons, he published poems, essays, theater reviews and literary critical materials in *Sibirskaya Gazeta*. In many ways, it was Volkhovskiy’s feuilletons that became the subject of close attention from the censorship department, as well as a stumbling block in editorial meetings. The aim of the study is to identify Siberian regionalism and Narodnichestvo ideologemes in Volkhovskiy’s feuilletons published in *Sibirskaya Gazeta*. The main research methods are historical-literary and comparative-typological methods, and the method of descriptive poetics. The material for the study is Volkhovskiy’s feuilletons published in *Sibirskaya Gazeta* under pseudonyms in 1882–1888. Work in the feuilleton genre allowed Volkhovskiy, an exiled Narodnichestvo poet, to share his ideas on the pages of the censored provincial publication *Sibirskaya Gazeta*. The analysis of the feuilletons shows that they manifest Volkhovskiy’s “populist” views and regionalist ideas. Despite the fictionalization of Volkhovskiy’s feuilletons, one of their key features was their focus on opinion journalism. In *Sibirskaya Gazeta*, Volkhovskiy repeatedly revealed his “populist” and regionalist positions, uniting two ideological poles coexisting within the editorial office. The merger of the ideologemes of Siberian regionalism and Narodnichestvo can be traced in Volkhovskiy’s feuilletons in combinations of specific details of images and intersections of various theses.

Keywords: Feliks Volkhovskiy, *Sibirskaya Gazeta*, feuilleton, Narodnichestvo, Siberian regionalism

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation: Mazurov, A.E. & Zhilyakova, N.V. (2024) Narodnichestvo and Siberian regionalism in Feliks Volkhovskiy’s feuilletons in *Sibirskaya Gazeta* (1882–1888). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 300–322. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/15

Введение

Исследователи сибирской журналистики конца XIX – начала XX в. часто сталкиваются с проблемой сосуществования на страницах провинциальных изданий, а также в творчестве публицистов двух идеологий – областничества и народничества. Данная ситуация обусловлена массовой ссылкой народников в Сибирь в 1880-е гг., в том числе в рамках «процесса 193-х», а также поиском ими своего места в новом для них регионе [1]. Народники, до ссылки активно занимавшиеся агитационной, публицистической деятельностью, в Сибири часто становились сотрудниками периодических изданий и оказывали существенное влияние на их направление.

Ярким примером сосуществования двух идеологий в периодическом издании является «Сибирская газета», выходившая в Томске в 1881–1888 гг. Газета была ведущим изданием, первой крупной частной газетой в Западной Сибири. В ней работали как местные авторы – П.М. Головачев, Ф.Ф. Филимонов, А.В. Адрианов, так и сосланные в Сибирь писатели и публицисты народнического направления: К.М. Станюкович, Ф.В. Волховский, С.Л. Чудновский, Д.А. Клеменц [2. С. 5]. Во многом такое разнообразие редакционного состава сказалось на идеологическом векторе издания: изначально формировавшая как орган областников газета трансформировалась под влиянием народников с их более резкими оценками, критикой общественно-политического строя, размышлениями о положении трудящихся [3]. Народники также не могли игнорировать областническую ориентацию издания, обращаясь в своих выступлениях к вопросу колониального положения региона. «Сибирская газета», таким образом, формировала зарождающуюся идеологию сибирской интеллигенции [4].

Помимо наличия двух идеологических стержней, другой ключевой особенностью издания была его «литературоцентричность» [2. С. 18–66]. Художественные и художественно-публицистические материалы встречались почти в каждом номере: в «Сибирской газете» публиковались стихотворения, рассказы, очерки и даже роман. Ориентация газеты на литературные выступления и просвещение сибиряков влияла и на информационные жанры издания, ее новостные рубрики [5]. Также существенное влияние на развитие провинциальных изданий, среди которых была «Сибирская газета», оказывала цензурная политика: про злоупотребления на местах писали, обращаясь к художественным и художественно-публицистическим жанровым формам, эзопову языку. Кроме того, обращение к данным жанровым формам, преимущественно к фельетону, было единственной возможностью раскрыть идеологические установки издания [6].

За восемь лет существования в «Сибирской газете» было опубликовано 355 художественных и художественно-публицистических текстов. Автором больше 100 материалов, среди которых 76 фельетонов, был поэт-народник Ф.В. Волховский, сосланный в Сибирь по «процессу 193-х» [7. С. 12]. Определяя роль Волховского в издании, исследователи обозначают его как «негласного редактора» – сотрудничество с газетой публицист начал в 1882 г. после переезда в Томск из Тюкалинска [8]. Кроме фельетонов, Волховский публиковал в «Сибирской газете» стихотворения, очерки, театральные обозрения и литературно-критические материалы. Во многом именно фельетоны публициста становились предметом пристального внимания со стороны цензурного ведомства, а также камнем преткновения редакционных собраний [9].

Цель исследования – выявление областнических и народнических положений, идеологием в фельетонах Волховского в «Сибирской газете». Под идеологемами в данной статье понимаются различные образы в произведениях публициста, которые выражают установки рассматриваемых общественно-политических течений [10, 11]. В рамках данной статьи идеологеми

не рассматриваются со стороны их повторяемости и освоенности литературными предшественниками или последователями, в качестве определенных узнаваемых символов.

Основными методами исследования являются историко-литературный, сравнительно-типологический, метод описательной поэтики. Материалом для исследования полсужили фельетоны Волховского, опубликованные в «Сибирской газете» под псевдонимами «В тиши расцветший василек» (1882), «Фома» (1882–1883), «Иван Брут» (1883–1884, 1888), «Я. Ачинский» (1883–1884), «Дядя Федул» (1883–1884), «Консерватор» (1883–1885), «Простой смертный» (1884–1888), всего 76 текстов.

Творчество Волховского часто оказывалось предметом научной рефлексии исследователей, при этом большая часть научных трудов была издана в советские годы [2, 3, 8, 12–15]. Исследователи советского периода чаще всего фокусировались на обзоре творчества Волховского периода сибирской ссылки, не обращаясь к конкретным произведениям, мотивам и образам. Современные исследователи фокусируются на рассмотрении творчества автора в контексте сотрудничества с «Сибирской газетой» [2, 16], конкретных фельетонных циклах и поэтике произведений [7, 17–19]. Соприкосновение народничества и областничества в творчестве Волховского затрагивается лишь в одном исследовании в контексте эксплицитности авторской позиции [7]. Вопрос взаимовлияния народнических и областнических идей рассматривался различными исследователями и современниками событий, при этом без опоры на анализ произведений конкретных авторов [2, 20–27].

Областничество и народничество в «Сибирской газете»

В 1881 г. главным идеологом «Сибирской газеты» был А.В. Адрианов, который с 1882 г. стал редактором издания. Вокруг Адрианова группировались местные публицисты, в большинстве своем областники. Уже с первого номера в передовой статье обозначился идеологический вектор газеты:

«Непрерывно наблюдать движение местной жизни, возбуждать к ее нуждам внимание и интерес местного же общества, указывать в ней такие стороны, над которыми с любовью могли бы работать молодые силы, наконец, способствовать всеми силами проявлению на месте самостоятельной умственной жизни – таковы должны быть ее цели. Народное просвещение в Сибири, положение и нужды сибирского крестьянина и инородца, и скорейшая перестройка старого, дореформенного порядка...» (СГ. 1881. № 1).

В передовой статье отразилась главная установка областников – на просвещение сибиряков как единственную возможность «пробуждения патристических чувств» и «пополнения рядов местной интеллигенции» [2. С. 36]. В формировании собственной интеллигенции, а также в нравственном воспитании народа областники видели единственный способ борьбы с колониальной политикой центра [28. С. 132–133]. Именно осмысление колониального положения Сибири по отношению к центральным регионам Российской империи являлось ключевым для областничества [см.: 20, 29].

Публицистами освещались главные признаки «зависимости» региона: Сибирь представлялась источником сырья, где в зачаточной форме находилась собственная производственная база, отставали в развитии образование и инфраструктура. Также важными для «Сибирской газеты» как областнически ориентированного издания являлись следующие тезисы, вытекающие из колониального положения региона: деструктивное влияние на Сибирь уголовной ссылки [27] и проблемы переселенческого вопроса, в первую очередь с точки зрения самих переселенцев, бросаемых на произвол судьбы, при том что регион использовался европейской частью России как вариант решения вопроса крестьянского «безземелья» [28].

Ключевым для областников было сохранение и развитие крестьянской общины, которая в Сибири, в отличие от центральных регионов, еще не находилась в упадке. Первой целью на пути областников было достижение общины-области с общесибирской собственностью на землю, которая должна быть основана на обособленных хозяйственно-экономических интересах и культурных особенностях региона [30. С. 38–46].

Важное внимание в рамках концепции Сибирь как колония занимал и вопрос притеснения инородцев со стороны местных чиновников, воплощавших этническую политику Российской империи с многочисленными нарушениями. Один из главных идеологов областничества Г.Н. Потанин, который вел активную переписку с редактором «Сибирской газеты» А.В. Адриановым, видел возможным развитие общества только с опорой на межэтническое взаимодействие; при этом «племя», у которого осуществляется взаимодействие, может быть не доминирующим в отношении к реципиенту. Кроме того, Потанин отмечал, что продуктивное межэтническое взаимодействие возможно лишь в том случае, если осуществляется народными массами, а не миссионерами и чиновниками [30. С. 110–114].

Несмотря на обращение преимущественно к экономической зависимости Сибири от центра, областничество как «эkleктическое направление» впитало установки революционеров-демократов 1860-х гг. [31] с их постоянной критикой, обличением произвола на местах и народнические установки (см.: [32. С. 303–304]). В «Сибирской газете» это отразилось в форме постоянных нападок на многочисленных «кондратов», «котов» и приезжих «шмулей». Также представители областничества неоднократно обращались к крестьянскому вопросу в пореформенное время, переводя его на сибирскую почву: описание многочисленных налогов и податей для крестьянства в Сибири, а также местного варианта воплощения тех самых реформ. Кроме того, вслед за революционерами-демократами областники неоднократно указывали на необходимость буржуазно-демократических изменений в Сибири после отмены крепостного права [29. С. 12]. Несмотря на обращение к данному вопросу, областничество, в отличие от современных и смежных идеологических направлений, отказывалось от ориентации на конкретный класс и не указывало конкретные варианты решения назревающих в обществе противоречий (см.: [21, 31]).

В 1882 г. сотрудничать с «Сибирской газетой» начал ссыльный поэт-народник Волховский, который со временем стал ее «негласным редактором» [8]. Его работа провоцировала рост интереса к сотрудничеству с изданием других политических ссыльных, в основном представителей народнического направления, в частности выступлению в «Сибирской газете» С.Л. Чудновского и Д.А. Клеменца. Ключевой вклад в газету ссыльные вносили корреспонденциями из различных городов Сибири.

С появлением в издании политических ссыльных, а также увеличением их влияния газета стала явным проводником социалистических идей. В частности, в материалах издания неоднократно фигурировали ключевые для народничества тезисы о проблемах капитализма как регрессивного строя, о признании самобытного русского экономического строя с опорой на артельные начала, об игнорировании интересов бедных слоев населения со стороны действующей власти (см.: [33]).

Также характерными народническими положениями были стремление к слиянию интеллигенции с народом, ориентация не только на обучение и революционную пропаганду, но и на необходимость сближения с ним – понимание его потребностей и положения, а также формирующееся чувство вины перед народом. Итогом такого сближения должно было стать освобождение народа из-под власти «интеллигентско-бюрократического меньшинства» [34. С. 488–505]. В рамках определенной идеологической инертности течения ключевыми для ее представителей были ориентация на «преобразование старого мира», а также негативное отношение к «феодално-буржуазному миру» [35. С. 2–3].

Во многом народническое направление в «Сибирской газете» формировалось под влиянием членов кружков «чайковцев», в которые входили до ссылки ее сотрудники Ф.В. Волховский и Д.А. Клеменц. Главным отличием кружков являлась их ориентация на сближение с рабочими. Во многом отсюда вытекала ориентация «чайковцев» на критику капитализма и сближение с рабочим движением Европы. Обозначая особый путь России, члены кружка подчеркивали «мертворожденность капитализма» и чувство ответственности перед обездоленными трудящимися: «чайковцы» шли в народ с пропагандой социализма как идеологии преобразования [35. С. 158–161]. «Чайковцы» была нацелены на политическую борьбу для достижения «равноправия». Сознание ответственности интеллигенции перед народом в деятельности кружка превратилось в тезисы о необходимости прекратить господство определенных классов [35. С. 161–166].

В.М. Крутовский характеризовал участие ссыльных в провинциальных периодических изданиях следующим образом: «...большинство “политических”, интересовавшихся Сибирью и серьезно изучавших ее, не теряя своих идеалов, незаметно подпадали под влияние областничества» [25. С. 291]. Таким образом, обозначая влияние социалистических взглядов ссыльных на направление изданий, он подчеркивал их невольное обращение к идеологии сибирской интеллигенции.

Стоит отметить, что народничество и областничество почти не противоречили друг другу, представляя скорее разные пути преодоления социальной несправедливости, в частности с попытками обозначить самобытность региона (для областников) и страны (для народников с их отклонением от европеизации и принятием особого пути России к социализму), а также обращением к интересам региона/народа. Областничество во многом впитало установки народников с их стремлением к общине и артели, но, несмотря на это, можно заметить и определенные отличия: например, развитие капитализма воспринималось многими областниками с их стремлением к прогрессу как позитивное, переходное явление; народниками – как тупиковая ветвь развития.

Еще одним различием двух идеологий являлась степень их определенности, становления и оформления программ. Народничество как идеология представляло собой полноценное общественно-политическое течение, несмотря на всю его инертность, дробление на кружки с их конкретными вариантами воплощения «преобразования действительности». В свою очередь, сибирское областничество в конце XIX в. не обладало полноценной программой, обходя многие политические и экономические вопросы, конкретные варианты решения проблем, и представляло собой скорее набор установок и тезисов, которые собирали представители различных политических взглядов, в том числе разной степени радикальности, вокруг назревавших в регионе проблем.

Народничество в фельетонах Ф.В. Волховского

Народническая позиция Волховского в «Сибирской газете» находила отражение как в прямых, граничащих с запретом и обращавших на себя внимание цензуры выступлениях, так и непосредственно в поэтике, основных мотивах, образах и отсылках. Публицист стремился продемонстрировать социальную несправедливость и неравенство, злоупотребления по отношению к трудящемуся человеку – крестьянину и рабочему.

Позиция публициста нашла отражение уже в первом фельетоне «Нечто о сезоне и прочем», опубликованном под псевдонимом «В тиши расцветший василек». Материал был посвящен бийскому купцу Василию Гилеву, укравшему известку (см.: [36]). По сюжету фельетонист оказался на торжестве по случаю завершения строительства «сооружения», барельефы на котором изображали рабочего, выделывавшего опоек из собственной кожи, а также обманутых инородцев. На торжестве в «васильке», в конце концов, заподозрили корреспондента: «И все эти бессердечные манекены глядели на меня одинаково яростно, ибо все они видели, что я их понял! Еще минута и они бы меня растерзали! На секунду я как будто растерялся, не зная, что мне делать, и обвел комнату глазами, ища спасения» (СГ. 1882. № 42). Волшебным образом корреспонденту удалось спастись благодаря «Богу трудящихся и обремененных»:

«Тут только я заметил давешнего кузнеца, который, прильнув с улицы к окну, давно уже кричал мне через две рамы: “молись мужичьему Богу, молись скорей”. Я мигом вспомнил, что это и мой Бог и, закрыв глаза, мысленно призвал к себе на помощь Бога трудящихся и обремененных... В ту же секунду я увидел себя стоящим в мужичьей избе, полной народу» (СГ. 1882. № 42).

Этот сюжетный ход подчеркивал ориентацию публициста на сближение интеллигенции с народом, перекликаясь с тезисом, характеризующим народничество 1870-х гг.: «Социализм был его верой, народ – божеством» [35. С. 179]. Во многом народники воспринимали народ как «евангельскую святыню», на простом «мужичке Христовом» лежала презумпция невиновности, а ответственность за социальную несправедливость, с которой мужику повседневно приходилось сталкиваться, лежала на плечах интеллигенции [37].

В этом же фельетоне проявлялись и выявленные в ходе попыток сближения с народом ноты разочарования, была обозначена разделявшая два социальных пласта пропасть. Он начинался с эпиграфа из пушкинского «Евгения Онегина»: «Зима! Крестьянин, торжествуя, // На дровнях обновляет путь!...», после чего Волховский, рассуждая о причинах «торжества» крестьянина, приходил к следующим ироничным выводам:

«Как же мужику не торжествовать? Может быть какая-нибудь комиссия сложит полтинник или рубль с его годовых платежей, а другая пристыдит его: дескать нехорошо тебе, мужик, пить столько водки, сколько господа пьют вина! А он с радости-то, да с совести на этот полтинник и закатится вместо кабака на концерт, или в спектакль: всю жизнь, мол, либо карманом моим, либо спиной, либо физиономией потрясают, – сем-ко я пойду, пусть искусства потрясут мое сердце!» (СГ. 1882. № 42).

Тематика разочарования в попытках сближения с народом, а также в поиске справедливости находила отражение в персонаже цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» (написан под псевдонимом «Иван Брут») – Тихоне Модестовиче. Публицист давал ему подробную характеристику: «Человек он российский и в Сибирь попал не по своей воле. В молодости он отличался особенно живым чувством справедливости, любовью к ближнему и страстным желанием положить предел неправде на любимой родине... Он жестоко пострадал за это... с годами, стал каким-то, словно пришибленным; он не отваживался не только действовать смело, но даже думать» (СГ. 1883. № 28). Тихон Модестович в описании Волховского представлял собой «типичного народника», разочарованного в возможности преобразования общества с опорой на народ.

В фельетоне «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» Волховским были также сформулированы положения о необходимости борьбы: «Мы против чего боремся? против произвола, против порабощения воли одного человека другим, против эксплуатации труда, или сил одного человека другим, против невежества, дикости нравов, словом – всех тех противообщественных сил, которые, мешая справедливому распределению в обществе

труда и благосостояния, не стесненному правильному и гармоническому развитию человеческой личности, и свободному определению этой личностью собственных судеб» (СГ. 1883. № 28). Ключевыми целями борьбы для Волховского являлись равное распределение ресурсов, просвещение и уничтожение мешающих развитию общества и равномерному распределению ресурсов общественных сил. Однако многие установки публициста не могли быть подробно раскрыты из-за пристального внимания к «Сибирской газете» со стороны цензурного ведомства.

Во многих фельетонах публицист критиковал позицию Тихона Модестовича, подчеркивая необходимость продолжать активную деятельность. Волховский писал: «Да, нет места пророку в таком отчестве и среди такого народа, и только чувство альтруизма, в высшей степени развитое: заставляет немногих идти с проповедью и погибать в неравной борьбе, в надежде, что гибель принесет счастье, хотя следующим поколениям и даст толчок к развитию высших, гуманитарных идей в их отечестве» (СГ. 1885. № 1). Эта народническая концепция героя, который «ведет за собой толпу», была характерна для многих публицистов конца XIX в. и проявилась в творчестве Волховского в «Сибирской газете». Те трудности, с которыми столкнулись народники-идеалисты в 1870-е гг, во время хождений в народ, по мнению публициста, должны были стать опорой для дальнейших изменений в обществе.

Одной из ключевых в рамках раскрытия народнической позиции в фельетонах Волховского является тема поста и масленицы, вводимая в цикле «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» под псевдонимом «Иван Брут». Во втором фельетоне цикла публицист приводил различные примеры «пестроты житейской»: взяточника; волостного писаря, перед которым «дрожат» крестьяне; священника, требующего определенную плату за крещение ребенка; купца, спекулирующего мукой и держащего весь город в кармане (СГ. 1883. № 9). В завершение галереи фельетонист приходил к выводам:

«И в приведенных субъектах довольно разнообразия: тут и невинный младенец, и опытнейший медный лоб, и юный "пастырь добрый". При всем том, их соединяет нечто общее... Их соединяет блин... Каждому из них хочется иметь свою масленицу, да как можно пожирнее, да не раз в году, а чтобы всю жизнь!.. Безотносительно говоря, иметь человеку свою масленицу – дело вполне законное; почему же производят такое отвратительное впечатление эти масленичные люди? А потому, государи мои, что масленицу эту самую хотят они устроить не в союзе, не в дружбе, не заодно с трудящимся человеком, а вопреки ему: они норовят вырвать ее у него из горла, словно у врага» (СГ. 1883. № 9).

Мотив получает развитие в фельетоне «Пост и масленица» в 1888 г. В обоих фельетонах масленица раскрывалась в форме материального благополучия для определенных слоев населения, которые пренебрежительно относятся к другим. В самом начале текста в диалоге один из «приятелей» говорил фельетонисту: «Пост и масленица распределяются между людьми, во все не по времени, а по положению: одному круглый год пост, другому –

масленица; если же и не круглый год, то все-таки совершенно независимо от календаря... скорей уж от адрес-календаря есть некоторая зависимость» (СГ. 1888. № 20). В дальнейшем в фельетоне описывались различные примеры, подтверждающие высказанную мысль: судьбы выпускниц женской школы разного происхождения, предложение учредить санитарную комиссию «из приличия» в думе томским купцом О.И. Акуловым и др.

В образе «идеальной» масленицы – равного распределения ресурсов для всех – Волховский раскрывал и ключевую для народников ориентацию на крестьянские общины и артельные начала в рамках развития: «“Всяк за себя, а Бог за всех” – это фарисейская заповедь не имеет будущности. Нет, “все за каждого и каждый за всех”. Миром надо жить, сообща работать. Тогда и масленица будет иная, и будет она у каждого человека!» (СГ. 1883. № 9).

Ключевой в фельетонах Волховского, которые он публиковал под псевдонимом «Иван Брут», также была тема «дешевки», которая «сильно вошла в нравы не одного Томска, а всей Сибири» (СГ. 1883. № 19). В фельетоне цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» «дешевка» принимала сразу несколько значений – не только продающиеся «за копейки» товары, но и дешевизна человеческих жизней и вкусов. В качестве примера фельетонист приводил иллюстрации из разных уголков Томской губернии, когда деньги стоили дороже человеческой жизни: убийство вора содержателем кабака, издевательства над пьяным офицером на торжестве, отношения иркутского коммерсанта к семье. Публицист в конце фельетона обозначал свою позицию: «Дешево, господа, дешево ценится у нас человек, очень дешево! – Дешево даже в том случае, когда, по общепринятым понятиям, мы ему обязаны» (СГ. 1883. № 19).

Рассуждение о ложном и истинном патриотизме в конце фельетона заканчивалось полноценной революционной проповедью: «В то время как настоящий патриот верит в способность своего народа стать народом великим, патриот дешевенький и пустозвонный уверяет, что в его народе все в настоящую секунду прекрасно, великолепно, восхитительно. Истинный патриот искренно желает своему народу добра; поэтому он прежде всего старается себе выяснить, что надо разуметь под добром в смысле блага трудящегося большинства? Затем он зорко вглядывается в неурядицы родной жизни и страстно клеймит их, зная, что пока худое не будет признано, как худое, до тех пор не будет и побуждений к замене его хорошим» (СГ. 1883. № 19).

В данном фрагменте отражаются народнические установки на принятие народа вне романтической идеализации – народа безграмотного, безземельного, бесправного и бедного. Описывая проблемы народа, представители течения испытывали глубокое сострадание, считая, что ответственность за это лежит на интеллигенции.

В фельетоне «Ивана Брута» «Дешевка» за 1888 г. тема приобретала более острые интонации. Дешевка разделялась публицистом на два пласта. Первый пласт – реальный – представлял собой распродажу, на которую отправились родственницы фельетониста, потратив крупную сумму. Второй пласт открывался при погружении рассказчика в сон: он видел «всесибир-

скую дешевку», на которой распродалось «мужичье благополучие», «обывательское спокойствие» и «уважение к человеческой личности» (СГ. 1888. № 34). Таким образом, тема приобретала народническое звучание: Волховский описывал, как сельские власти изымали у крестьян последние «хлебные крохи» на удовлетворение «кого следует».

Обращение к теме дешевки давало возможность Волховскому критиковать капитализм. Описывая целую галерею «котов» и «кондратов» – прежде всего чиновников и купцов, Волховский на страницах издания прямо обозначал необходимость преобразования экономического строя. В фельетонах публициста слово «капитал» встречается 47 раз – чаще всего в роли ироничных отсылок.

Примером может служить фрагмент из фельетона цикла «Летопись мирного городка» (был написан под псевдонимом «Я. Ачинский»): «С внешней стороны мы не блещем пышностью: две церкви, четыре магазина, кладовая казначейства, пороховой погреб да два-три товарных склада – вот и все, что воздвигнуто в нем каменного. Из деревянных же строений, кроме трех-четырёх десятков домов, все остальное принадлежит к тому неизбежному, при господстве благодетельного капитала, и, количественно, наиболее употребительному архитектурному стилю, который носит название «хибарки» (СГ. 1883. № 44).

Также публицист на страницах издания напрямую обращался к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса, что было характерно для «чайковцев». Например, в фельетоне-сказке «С новым годом!» перевоплотившаяся и готовая бороться с «нечистью» красавица-Сибирь опиралась на щит, на котором были выгравированы цитаты из Библии и тезисы коммунистической партии: «Братья, возлюбим друг друга», «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», «Орудия производства принадлежат трудящемуся» (СГ. 1883. № 1). Кроме того, Волховский в своих фельетонах обращался напрямую к критике идей Ф. Бастиа и Г. Шульце-Делича – экономистов, авторов теории гармонии интересов труда и капитала, которые подчеркивали отсутствие классового антагонизма капитализма, описывали гармоничное буржуазное общество: «Дело в том, что средняя годовая температура разных лет сходится вполне, до десятых долей градуса; замечается только иное ее распределение: сибирское лето становится холоднее, зато сибирская зима постепенно теряет свою легендарную суровость. И так, говорят гг. естествоиспытатели, чего вы недополучите летом, то вернется вам зимой. На мой взгляд, однако, это плохое утешение, ибо оно очень похоже на советы экономистов школы Бастиа и Шульце-из-Делича – составить себе состояние сбережениями из заработка, которого не хватает на хлеб и одежду» (СГ. 1886. № 24).

Взгляды публициста на капитализм также отразились в одном из персонажей фельетона «Ночь на новый год» (опубликован под псевдонимом «Иван Брут») – рабочем артели. Рабочий стучался в двери к главному герою фельетона, купцу Егору Иннокентьевичу, в преддверии Нового года и обращался к нему с просьбой передать артели золотой прииск. На вопрос, с чего бы купцу передавать свой капитал, рабочий ответил следующим образом:

«Позвольте вам доложить: ведь земля, что же земля? – ведь она Божья! И ведь она только руками человеческими дает что-нибудь; а сама-то по себе, хоть распробогатая будь, золота-то ведь она из себя не выкинет. Если насчет приисковых расходов, так уж вы их, Егор Иннокентьевич, давно выбрали на золоте. За инвентарь мы вам заплатим в лучшем виде, Егор Иннокентьевич. Вот вы изволите говорить: капитал! Так ведь он не с неба же вам упал и не своими руками вы его сделали, а уж это дело известное: работник выработает в день, скажем, на 5 рублей, а хозяин ему дает 50 к., остальные 4 с половиной берет себе; из этого и составляется капитал» (СГ. 1884. № 1). В данном диалоге нашло отражение одно из основных положений народничества о необходимости «равенства людей между собой по рождению и равноправности их на земле» [35. С. 171].

Прямая критика самодержавия и существующего политического строя, характерная для народнических прокламаций, не могла найти отражения в фельетонном творчестве публициста из-за цензуры. Тем не менее Волховский выражал социалистическую позицию по отношению к действующей власти, обращаясь к эзопову языку и иронии. Ярким примером может выступить фельетон цикла «В толпе» под псевдонимом «Простой смертный», где публицист, описывая практику отбывания выборной службы наймом подставных лиц, приходил к следующим выводам: «Да, мы, несомненно, народ образованный. Недаром еще Карамзин сказал: «Народы дикие любят независимость; народы же образованные любят порядок». Так и запишем» (СГ. 1885. № 47). Полная цитата из повести Н.М. Карамзина «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода», заканчивающаяся фразой «...а нет порядка без власти самодержавной», восстановленная читателями, в сочетании с мыслями публициста о глупцах в роли общественных деятелей как казни египетской представляла собой полноценную критику существующего политического строя.

Наиболее ярко народническая позиция в фельетонах Волховского раскрывалась в определенных примерах социальной несправедливости. Например, в обличительном фельетонном цикле «Сибирский музей» под псевдонимом «Консерватор» [38] Волховский описывал положение рабочих на неводах у купца-«рыботорговца» Степана Лабусова. Публицист полностью приводил трудовой договор, заостря внимание на различных его пунктах: обязанности «не иметь знакомства с подозрительными людьми», выходить на работу даже в болезнь, выплачивать штрафы за неявку на работу по уважительной причине, необходимости работать по 15 часов в смену. В конце автор пришел к выводу о необходимости обращения внимания на условия труда со стороны прокурорского надзора: «Как вам нравится, читатель, этот замечательный документ?.. Когда я читал его, то Сысой Голопупин малопомалу терял в моем воображении облик человека и начинал превращаться в нельму, которую Лабусовский приказчик Дормидонт Рубликов окутал огромным неводом, с диким хохотом выволок на пески и своими жирными ручищами, выпотрошив, кинул в засол. Я видел, как трепетала всем существом своим бедная нельма в огромных лапах хохотавшего Дормидоши, но

когда из нее была вынута печень, желудок, сердце и все нутро, она почувствовала себя обязанной идти беспрекословно по назначению, т.е. в засольную яму» (СГ. 1885. № 21).

Обращаясь к различным проблемам социальной несправедливости, Волховский постоянно транслировал мотив вины интеллигенции перед народом: «Велик и тяжок этот грех, он называется пренебрежением к трудящейся личности, непониманием своих отношений к рабочему человеку, к тому захудалому, маломощному обывателю, который, сам перекатываясь из кулька в рогожку, всех нас поит, кормит, одевает и дровцами, да и керосинцем снабжает!» (СГ. 1883. № 12). Как и другие народники, он критиковал тех «любителей просвещения», которые могли получить образование и другие блага только благодаря «мужичьей работе», но при этом не испытывали признательности по отношению к народу.

Особое внимание в творчестве публициста уделялось примерам, когда в народе, на который «мы привыкли смотреть свысока, с высоты нашего образования», пробуждались чувство неприятия социальной несправедливости, и человеческое достоинство. Например, в фельетоне цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» Волховский описывал столкновение крестьян и секретаря полицейского управления. Так, крестьяне, державшие в городе ямщину, перестали возить в управу воду, после чего секретарь отказал им в арендуемой квартире. Кандидата, которого сельский сход отправил с чиновником на переговоры, был отправлен в каталажку, после чего мужики пришли разбираться с секретарем и писали жалобы.

В конце данного фрагмента автор приходил к выводу, что для перемен необходимо пробуждение чувства во многих других притесняемых «помпадурями»: «Искали ли крестьяне правды и далее и нашли ли ее – мне неизвестно. Всего вероятнее, что не нашли. Но меня занимает тут главным образом такой вопрос: что, если бы не одни Малышевские, а и многие другие крестьяне, – если бы и г. Ту-в, и тот опухший киргиз, и все множество обиженных и обижаемых господами Ст-ми, Ахмаевскими и им подобными оказались бы столь же чувствительными к обиде и энергичными в отстаивании своих прав, своей человеческой личности, как кандидат по старшине и его односельчане? Неужели медные лбы всех этих “дельцов” не разбились бы о неподатливость и стойкость принципа чести, добра, справедливости окружающих? Я думаю, что разбились бы» (СГ. 1883. №35). Таким образом, автор выражал народнические тезисы о бесправии народа перед чиновниками и властью, а также необходимость изменить существующее положение.

Принятие областнических идей

Одновременно с народнической позицией в фельетонах Волховского отражалась и идеологическая ориентация «Сибирской газеты» как областнического издания. Наиболее ярко областнические мотивы раскрывались публицистом в образной системе фельетонов, а также в сказочных фрагментах. Автор, акцентируя внимание на актуальных для Сибири вопросах, нередко

обращался к приему мифологизации действительности [7. С. 218–221]. Примером может служить фельетон «С новым годом!» («Иван Брут»): попав в буран, фельетонист увидел Сибирь в образе «величественной» женщины, которую осаждали легионы нечисти: «Я отвел глаза от старика, и первое, что мне бросилось в глаза, была величественная женщина поразительной красоты. Черты ее лица были суровы, но в глазах светилась бесконечная доброта. На ней была горностаевая шуба, подбитая соболем; но когда я всматривался в эту богатую одежду, горностаи представлялся мне, по временам, просто снежным пологом, на котором были раскинута села и города, казавшиеся, за дальностью расстояния, черными пятнами <...> Голову венчала прелестная диадема, походившая очертаниями на профиль Алтая, по середине которой переливался всеми цветами радуги громадный опал, словно большое озеро» (СГ. 1883. № 1).

Несмотря на образ осаждаемой Сибири, Волховский показывал и ее защитников: «Это была небольшая, – о, какая небольшая! – группа, стоявшая лицом к лицу с армией зла. Тут были мужчины и женщины, хорошо и дурно одетые, поражавшие импозантностью и вполне невзрачные, ученые и безграмотные, светские и духовные. Но все они были равно сильны определенностью и твердостью убеждений, верой в свою правоту и готовностью пролить за правду последнюю каплю крови. Прозрачные нити света связывали их со щитом великой красавицы» (СГ. 1883. № 1). Автор, таким образом, вводил в фельетон образ областников и «нравственно» пробудившихся представителей простого народа.

Аналогичный образ создан автором и в фельетоне «Мой тост (И сон, и был)» («Фома»). Фельетонист также видел «прекрасную» фею родины (Сибирь) и осаждающую ее «нечисть», принимающую вид веселящихся в кабаке людей, среди которых заседатели, «стряпчий» и «ссылный лихоимец». За их весельем с улицы наблюдала «чернь непросвещенна»: именно увидев простых людей, фельетонист погрузился в воспоминания и поднял тост «за мужичью, за холодную Сибирь» (СГ. 1883. № 6). Создавая, таким образом, мифологизированную реальность, Волховский представлял регион как богатый и готовый оберегать своих жителей, а также показал существующие в нем противоречия в виде мешающих ее развитию «котов», «кондратов» и других местных, а также приезжих «хищников».

Из приведенных фрагментов видно принятие публицистом-народником областнических тезисов об особом положении региона и необходимости защиты его от негативных социальных явлений. Думается, что Волховский как народник видел однородность населения Сибири в конце XIX в., в частности почти повсеместно сохранившуюся поземельную общину. Вместе с тем публицист указывал на необходимость нравственного развития местных жителей, их пробуждения.

В фельетоне цикла «Сибирский музей» («Консерватор») фельетонист обращался к областнической идеологии о деструктивном влиянии на Сибирь уголовной ссылки: «В Сибирь кот – Василий Иванович с братьей прибыли следом за Ермаком Тимофеевичем, прибыли и укрепились. Потому места

перед ними открылись новые, привольные: в лесах множество зверя ценного, в реках и озерах рыба кишмя кишит, в горах золото и серебро, и камни самоцветные, которых, кажется, никакие силы не выгребут. Славная страна, думают промеж себя Василии Ивановичи: богатая и отдаленная, до Бога высоко, до Царя далеко – делай, что хочешь, и тебе же челом бить станут (СГ. 1885. № 9).

Публицист считал, что уголовная ссылка как штрафная колонизация края [32. С. 1–36] мешает его развитию и негативно влияет на нравственный облик местных жителей: «Россия в течение последнего столетия подарила Сибири сотни тысяч уголовных преступников, между ними попадались гениальнейшие мыслители, временно увлекшиеся с прямого пути в порыве своих гениальных увлечений, сделавшиеся виновниками грандиознейших хищений: кому известны имена Юхонцева, Макшеева, Овсянникова, Рыкова и их собратьев. В Сибири все они переродились и разливают вокруг себя свет просвещения, являют доблестные примеры высоконравственных поступков и проч. в этом роде!» (СГ. 1885. № 1).

Важное место в фельетонах также занимает указание на отставание региона как в рамках экономики, так и в рамках развития самосознания. Так, в фельетоне «Сибирский музей» публицист изложил свое мнение об отсутствии пользы от золотодобычи для Сибири, тем самым откликаясь на областническое положение о регионе как колонии. На вопрос, что получает взамен золота Сибирь от России, Волховский отвечал следующим образом: «Золотоискательный ажиотаж в том виде, в каком он практикуется, ничего еще не принес Сибири, кроме горя-злосчастия, он обогащает единицы, разоряет и развращает десятки тысяч. 300 лет существует золотопромышленность, десятки тысяч пудов золота извлечено из недр земли и вывезено в Россию, а что получила взамен этого Сибирь? Земледелие находится в первобытном состоянии, фабричной и заводской промышленности нет за исключением водочных заводов, железных дорог нет, водяные пути существуют в том же виде, в каком застал их Ермак; население ничтожно по количеству, переселения идут туго благодаря искусственно создаваемым тормозам; города развиваются плохо, учебных заведений мало, грамотность – достояние меньшинства» (СГ. 1885. № 21). Волховский, таким образом, был лоялен к зарождавшемуся в Сибири регионализму, видя существующую несправедливость, связанную с политикой метрополии. Публицист понимал, что в социально-культурном отставании региона, «поглощенного» центром [32. С. 305], и его территориальной обособленности кроются возможности для дальнейшего развития.

Раскрытие областнической идеологемы о колонизации Сибири способствовало и обращению публициста к инородческому вопросу, отношению к проживавшему в регионе коренному населению. Например, в фельетоне «Ночь на новый год» публицист приводил встречу представителя купечества с «грязным, скуластым, узкоглазым инородцем»: последний обращался с просьбой дать «свет, правду», а также возможность получить образование. Заканчивалась встреча следующим образом: «Егор Иннокентьич, молча,

долго глядел на него, как глядят на человека, который стал заговариваться. Потом ему стало смешно. “А пышнина есть?” – спросил он. Иноходец подозрительно оглянулся. Затем быстро вытащил из-за пазухи богатейшую чернобурую лисицу и несколько голубых песцов. Глаза Попова разгорелись. Он быстро шагнул в комнату, схватил с ближайшего подоконника полный полуштоф и подал его иноходцу со словами “вот тебе и жизнь, и свет, и правда – все тут!” К величайшему изумлению Попова скуластый гость его не только не набросился на водку, но укоризненно покачал головой и молча, быстро вышел вон» (СГ. 1884. № 1).

Таким образом, публицист характеризовал проблемы освоения Сибири: местное население спаивали, обменивая водку на мех и оплачивая таким образом работу иноходцев. Негативное влияние русских на коренное население часто освещалось в «Сибирской газете» и нашло отражение в фельетонном творчестве Волховского. Также публицист проводил параллель с текущим положением региона по отношению к центру: «коты», не обращая внимания на нужды сибиряков, грабили их, ощущая при этом полную безнаказанность.

Неоднократно обращался публицист и к переселенческому вопросу, отмечая его медлительность из-за «искусственно создаваемых тормозов» – отсутствия финансирования и возникающих в процессе проблем. Переселенческий вопрос отражался в фельетонах преимущественно с гуманистической точки зрения – публицист описывал беды, с которыми приходилось сталкиваться людям на новой родине: «Общество не дает ничего. Казна отпустила 3000 р., когда число самых переселенцев, проходящих в одно лето чрез бараки, вдвое больше этого числа! Надо изнуренных приютить. Где же это? В неконопаченных, построенных из плах бараках, вмещающих, без тесноты, не более 150 человек, где сквозь стены и крышу (потолка нет) свищет ветер и пробивает дождь? Оставив здесь больных, надо их лечить. Но как же это сделать, когда «больница» вмещает, с необходимым контингентом здоровых для ухода за больными, в сложности, не более 24 человек» (СГ. 1886. № 31). Описывая притеснения, с которыми сталкивались переселенцы на новых местах, публицист подчеркивал, что большая часть региона остается неосвоенной и дикой, но приезжим не оказывается никакой помощи. Волховский, таким образом, обращался к тезису областников о переселении крестьян как части вольно-народной колонизации, которая должна составить основу развития не только региона, но и страны в целом [32. С. 306].

Кроме того, в рамках установки издания на просвещение Волховский неоднократно освещал проблему образования в Сибири, подчеркивая ее отставание от центральных регионов. Помимо критики действующих моделей образования, «педагогических мертвецов», а также указания на недоступность образования для широких масс, в фельетонах публициста проявлялась ипозитивная повестка. Примером может служить обращение Волховского к открытию бесплатной народной библиотеки: «24 апреля совершилась закладка здания бесплатной народной библиотеки в Томске. По этому поводу

невольно вспоминается то собрание членов “общества попечения о начальном образовании”, на котором была принесена С.Ст. Валгусову общественная благодарность за предпринятое им дело. Председатель встал, за ним встали все присутствующие, и посреди стоявших сочленов П.Ив. Макушин, обратясь к Валгусову, выразил ему уважение и признательность общества за сделанный им шаг» (СГ. 1886. № 18).

В рамках решения вопроса об образовании Волховский неоднократно обращался к проблеме необходимости формирования в Сибири собственной интеллигенции. Публицист отмечал неверное толкование явления в регионе: «Та же печальная участь постигла и слово интеллигент, интеллигенция. К кому у нас их пристегивают? Не имеющий чина квартальный надзиратель, кончивший курс во 2-м классе гимназии, статский или коллежский советники, не пошедшие дальше уездного училища и кроме входящих и исходящих мало что разумеющие – люди интеллигентные» (СГ. 1885. № 3). Вслед за областниками Волховский видел решение вопроса в создании собственной литературы и системы периодических изданий как средств борьбы с злоупотреблениями на местах и развития самосознания.

Также вслед за областниками публицист обращался и к необходимости открытия в Сибири университета. В фельетоне цикла «В толпе», посвященном смерти идеолога славянофилов И.С. Аксакова, публицист приводил дискуссию вокруг необходимости появления альма-матер: «Постоянным читателям “Сибирской газеты” известно, что три года тому назад она горячо нападала на высказанную И.С. Аксаковым в печати уверенность в том, что Сибири университет не нужен. Рассадник интеллигентных сил родной страны – как представляет себе сибирское население Сибирский университет – слишком дорог каждому сибиряку, для того чтобы не принять к сердцу заявлений, имеющих тенденцией лишить Сибирь этого рассадника. Вот почему “Сибирская газета” в то время не только возражала Ив. Сергеевичу, но возражала страстно и, может быть, не без жестокости» (СГ. 1886. № 9).

Обращение к областничеству в фельетонах Волховского отражалось и в переложении различных ключевых для двух идеологий вопросов на сибирскую почву. Интересными являются тезисы публициста о необходимости реформ для региона: «Нет никакого сомнения, что Сибирь нуждается в коренном преобразовании и, если эти коренные преобразования и реформы не будут, как в прежнее время, отделяться одна от другой десятками лет, если они не будут полумерами, если они не будут ограничиваться узкими рамками, а разольются равномерно по всей Сибири, – тогда можно будет ожидать от них больших благодетельств для Сибири» (СГ. 1885. № 17). Публицист, обращаясь к традиционной народнической повестке, не мог не замечать худшее положение Сибири в сравнении с центральной частью страны.

Выводы

Работа в фельетонном жанре дала возможность сыльному поэту-народнику Волховскому проводить свои идеи на страницах подцензурного провинциального издания – томской «Сибирской газеты». Анализ фельетонов

позволяет увидеть в текстах и проявление народнических взглядов публициста, и отражение в них областнических идей.

Несмотря на беллетризацию фельетонов Волховского, их ключевой чертой была ориентация на публицистичность. На страницах «Сибирской газеты» Волховский неоднократно раскрывал народническую и областническую позиции, объединяя два идеологических полюса, сосуществовавших внутри редакции. Слияние идеологием областничества и народничества можно проследить в фельетонах публициста как в форме совмещения конкретных деталей образов, так и в виде пересечения различных тезисов.

Примером может служить обращение публициста к образу Сибири, осаждаемой нечистью в фельетоне «Ивана Брута» (СГ. 1883. № 1): в дальнейшем сказочный, областнический мотив обрастал идеологическими вкраплениями в виде щита с гравировками из трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. Также об этом может свидетельствовать обращение к «областническим», сибирским «кондратам» и «котам» наряду с эксплуатацией столичных образов – «Разуеваевых» и «Колупаевых».

Творчество фельетониста формировало взгляд на Сибирь как на регион с особым статусом. Так, народническая ориентация публициста на образование народных масс тесно связывалась с необходимостью зарождения собственной интеллигенции и регионализма, в том числе непосредственно с установками «Сибирской газеты» на исследование местной жизни. Обращаясь к народническим положениям, в частности к тезисам о разрыве между богатыми и бедными, Волховский не мог не указать на проблемы конкретного региона, связанные с колонизацией Сибири.

В обращении публициста-народника к областничеству не обнаруживалось противоречий, что связано с самим переплетением двух течений. Во многом областничество как направление впитало в себя народнические установки, сместив акценты и соединив сибирский патриотизм и регионализм с социалистическими идеалами. Сибирь в конце XIX в. демонстрировала отставание от центра не только в рамках экономического развития, но и в решении социальных проблем, предлагая обширный материал для иллюстрации народнических тезисов. В свою очередь, положение региона по отношению к центральной части Российской империи (характерный взгляд областников на Сибирь как колонию) были еще одной формой социальной несправедливости, которую Волховский не мог обойти стороной.

В фельетонах Волховского, несмотря на то, что Сибирь стала для него местом ссылки, ощущалось неподдельное чувство притяжения региона с его проблемами и позитивная программа, призывы к реформам. Волховский в фельетонах постоянно указывал на душевные силы живущего в Сибири простого народа, страдающего от притеснения, которое он испытывал от «кондратов», «котов» и других хищников. Образ Сибири – в виде феи родины, прекрасной девы – рисовался им столь же притесняемым, как и проживающий в регионе простой люд – притесняемый не только частными обличаемыми лицами, но и экономической политикой центра.

Список источников

1. *Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. 177 с.
2. *Жилякова Н.В.* «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 237 с.
3. *Круссер Р.Г.* Общественно-политическая и научно-просветительская роль народнической ссылки в Сибири (70-е – начало 90-х годов XIX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971. 359 с.
4. *Куклина Е.А.* Летопись сибирской периодики 1857–1916 гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989. С. 214–231.
5. *Мазуров А.Е.* Зарождение информационных жанров в частной сибирской периодике конца XIX века // Медиаисследования 2020. Барнаул, 2020. С. 171–179.
6. *Старых А.В.* Становление фельетона в русской провинциальной частной газете: газета «Оренбургский Листок» 1876–1879 гг. : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 168 с.
7. *Мазуров А.Е.* Фельетонное творчество Ф.В. Волховского в контексте региональной сибирской периодики : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 252 с.
8. *Доманский В.А.* Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.
9. *Сибирская газета* в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиляковой ; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
10. *Зорин А.Л.* «Кормя двуглавого орла»: Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
11. *Панкратов В.В.* Смысловое содержание политических идеологем: опыт систематизации // Человек. Культура. Образование. Сыктывкар, 2012. С. 31–51.
12. *Андреев В.М.* О журналистской деятельности предшественников социал-демократии (ссылных народников в Сибири в 70–80 гг. XIX века) // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1972. С. 75–85.
13. *Роцевская Л.П.* Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень, 1966. С. 51–69.
14. *Роцевская Л.П.* Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты». // Вопросы истории и теории литературы: Науч. тр. Тюмен. гос. ун-та. 1975. № 14. С. 84–95.
15. *Ямпольский И.Г.* К библиографии Ф.В. Волховского // Ученые записки Ленинградского университета. № 349. Серия филологических наук. Вып. 74: Русская литература и народничество. Л., 1971. С. 184–190.
16. *Жилякова Н.В.* «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск, 2020. 386 с.
17. *Жилякова Н.В.* Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.
18. *Мазуров А.Е.* Фельетоны Ф.В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 78–89.
19. *Мазуров А.Е.* Цикл фельетонов «Сибирский музей» «Консерватора» (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1884–1885 гг.) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 82–95.
20. *Шиловский М.В.* История и теория сибирского областничества // Сибирь: Политика. Экономика. Управление: Информационно-аналитический бюллетень. 1992. № 1. С. 97.

21. Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х годов 19 века. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1989. 144 с.
22. Литературное наследие Сибири. Т. 6–7: Г.Н. Потанин. Воспоминания. Статьи, очерки, рецензии. Воспоминания о Г.Н. Потанине. Новосибирск : Кн. изд-во, 1986.
23. Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 136 с.
24. Вержибицкая Е.Ю. Взгляды областников на социально-экономическое и общественно-политическое развитие Сибири конца XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. 237 с.
25. Крутовский В.М. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 279–309.
26. Жилыкова Н.В. «Центр или провинция?»: областническая дискуссия в сибирской печати 1870–1880-х годов // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2010. № 6. С. 12–19.
27. Сесюнина М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины 19 века). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. 138 с.
28. Бакшеев А.И. Сибирское областничество: XIX – начало XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 3. С. 126–136.
29. Порхунов Г.А. Сибирское областничество XIX–XX вв. // Омский научный вестник. 2003. № 5. С. 11–16.
30. Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 164 с.
31. Ковалышкина Е.П. Мировоззренческая платформа Сибирского областничества // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2002. № 7. С. 32–39.
32. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 362 с.
33. Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? // Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1979. С. 528–529.
34. Каблиц И.И. Основы народничества. СПб., 1888–1893. 509 с.
35. Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. 384 с.
36. Мазуров А.Е. «Нечто о сезоне и прочем»: первый фельетон Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Актуальные проблемы журналистики : сборник трудов молодых ученых. Томск, 2020. Вып. 15. С. 13–19.
37. Дьячук Т.В. «Любовь к народу»: к истории «социальных чувств» в литературном народничестве 1870–1880-х годов // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2001. № 1. С. 109–125.

References

1. Roshchevskaya, L.P. (1983) *Revolutsionery-raznochintsy v zapadnosibirskom izgnanii* [Revolutionary commoners in West Siberian exile]. Leningrad: LSU.
2. Zhilyakova, N.V. (2002) “*Sibirskaya gazeta*”, g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavlenie literaturnogo regionalizma [“Sibirskaya Gazeta”, Tomsk, 1881–1888, as a phenomenon of literary regionalism]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Krusser, R.G. (1971) *Obshchestvenno-politicheskaya i nauchno-prosvetitel'skaya rol' narodnicheskoy ssylki v Sibiri (70-e – nachalo 90-kh godov XIX veka)* [Socio-political and scientific-educational role of the Narodnik exile in Siberia (1870s – early 1890s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
4. Kuklina, E.A. (1989) *Letopis' sibirskoy periodiki 1857–1916 gg.* [Chronicle of Siberian periodicals of 1857–1916]. In: *Traditsii i tendentsii razvitiya literaturnoy kritiki Sibiri*

[Traditions and tendencies in the development of literary criticism in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 214–231.

5. Mazurov, A.E. (2020) Zarozhdenie informatsionnykh zhanrov v chastnoy sibirskoy periodike kontsa XIX veka [The emergence of information genres in private Siberian periodicals of the late 19th century]. In: *Mediaissledovaniya* [Media studies]. Barnaul: AltSU. pp. 171–179.

6. Starykh, A.V. (2010) *Stanovlenie fel'etona v russkoy provintsial'noy chastnoy gazete: gazeta "Orenburgskiy Listok" 1876–1879 gg.* [Formation of the feuilleton in the Russian provincial private newspaper: the newspaper "Orenburgsky Listok", 1876–1879]. Philology Cand. Diss. Voronezh.

7. Mazurov, A.E. (2022) *Fel'etonnoe tvorchestvo F.V. Volkhovskogo v kontekste regional'noy sibirskoy periodiki* [Feuilleton creativity of F.V. Volkhovsky in the context of regional Siberian periodicals]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

8. Domanskiy, V.A. (1996) F.V. Volkhovskiy – neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovsky – the unofficial editor of "Sibirskaya Gazeta"]. In: Kol'chuzhkin, E. (ed.) *Russkie pisateli v Tomske* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley. pp. 147–167.

9. Zhilyakova, N.V. (ed.) (2004) *Sibirskaya gazeta v vospominaniyakh sovremennikov* [The Siberian newspaper in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Izd-vo NTL.

10. Zorin, A.L. (2001) *"Kormya dvuglavogo orla": Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* ["Feeding the two-headed eagle": Literature and state ideology in Russia in the last third of the 18th – first third of the 19th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

11. Pankratov, V.V. (2012) Smyslovoe sodержanie politicheskikh ideologem: opyt sistematzatsii [Semantic content of political ideologemes: an attempt at systematization]. In: *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. Culture. Education]. Syktyvkar. pp. 31–51.

12. Andreev, V.M. (1972) O zhurnalistskoy deyatelnosti predshestvennikov sotsial-demokratii (ssyl'nykh narodnikov v Sibiri v 70–80 gg. XIX veka) [On the journalistic activities of the predecessors of social democracy (exiled Narodniks in Siberia in the 1870s–1880s)]. In: *Zhurnalistsika v Sibiri* [Journalism in Siberia]. Irkutsk: ISU. pp. 75–85.

13. Roshchevskaya, L.P. (1966) Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkhovskogo) [Poet of the free press in Siberian exile (on the occasion of the 120th anniversary of the birth of F.V. Volkhovsky)]. In: *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Issues in the study and teaching of literature]. Tyumen: TSPI. pp. 51–69.

14. Roshchevskaya, L.P. (1975) F.V. Volkhovskiy – sotrudnik "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovsky as an employee of "Sibirskaya Gazeta"]. *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauchnye trudy Tyumenskogo gos. universiteta*. 14. pp. 84–95.

15. Yampol'skiy, I.G. (1971) K bibliografii F.V. Volkhovskogo [To the bibliography of F.V. Volkhovsky]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*. 349. *Seriya filologicheskikh nauk*. 74. pp. 184–190.

16. Zhilyakova, N.V. (2020) *"Oblichat', kolot' i zhalit'": Satiricheskaya zhurnalistsika Tomska kontsa XIX – nachala XX veka* ["To expose, prick and sting": Satirical journalism of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: TSU.

17. Zhilyakova, N.V. (2008) Mezhdou literaturoy i zhurnalistikoy: fel'etony F.V. Volkhovskogo v "Sibirskoy gazete" [Between Literature and Journalism: Feuilletons by F.V. Volkhovsky in "Sibirskaya Gazeta"]. *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri* [American Research in Siberia]. Conference Proceedings. Tomsk. pp. 333–345. (In Russian).

18. Mazurov, A.E. (2020) Fel'etony F.V. Volkhovskogo (Ivana Bruta) v "Sibirskoy gazete" [Feuilletons by F.V. Volkhovsky (Ivan Brut) in "Sibirskaya Gazeta"]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 78–89.

19. Mazurov, A.E. (2021) Tsikl fel'etonov "Sibirskiy muzey" "Konservatora" (F.V. Volkhovskogo) v "Sibirskoy gazete" (1884–1885 gg.) [The cycle of feuilletons "Siberian

Museum” by “Conservator” (F.V. Volkhovskiy) in “Sibirskaya Gazeta” (1884–1885)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2. pp. 82–95.

20. Shilovskiy, M.V. (1992) *Istoriya i teoriya sibirskogo oblastnichestva* [History and Theory of Siberian Regionalism]. *Sibir’: Politika. Ekonomika. Upravlenie. Informatsionno-analiticheskii byulleten’*. 1. p. 97.

21. Shilovskiy, M.V. (1989) *Sibirskie oblastniki v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii v kontse 50–60-kh godov 19 veka* [Siberian Regionalists in the Socio-Political Movement in the Late 1950s–1960s]. Novosibirsk: NSU.

22. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vols 6–7. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel’stvo.

23. Ermolinskiy, L.L. (1985) *Sibirskie gazety 70–80-kh godov XIX veka* [Siberian newspapers of the 1870s–1880s]. Irkutsk: ISU.

24. Verzhbitskaya, E.Yu. (2007) *Vzglyady oblastnikov na sotsial’no-ekonomicheskoe i obshchestvenno-politicheskoe razvitiye Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv.* [Views of regionalists on the socio-economic and socio-political development of Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. History Cand. Diss. Barnaul.

25. Krutovskiy, V.M. (1912) *Periodicheskaya pechat’ v Tomske* [Periodicals in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [City of Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomsk. pp. 279–309.

26. Zhilyakova, N.V. (2010) “Tsentr ili provintsiya?”: oblastnicheskaya diskussiya v sibirskoy pechati 1870–1880-kh godov [“Center or province?”: regional debate in the Siberian press of the 1870s–1880s]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 6. pp. 12–19.

27. Sesyunina, M.G. (1974) *G.N. Potanin i N.M. Yadrintsev – ideologi sibirskogo oblastnichestva (k voprosu o klassovoy sushchnosti sibirskogo oblastnichestva vtoroy poloviny 19 veka)* [G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev – ideologists of Siberian regionalism (on the question of the class essence of Siberian regionalism in the second half of the 19th century)]. Tomsk: Tomsk State University.

28. Baksheev, A.I. (2019) *Sibirskoe oblastnichestvo: XIX – nachalo XX v.* [Siberian regionalism: 19th – early 20th centuries]. *Sotsial’no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 3. pp. 126–136.

29. Porkhunov, G.A. (2003) *Sibirskoe oblastnichestvo XIX–XX vv.* [Siberian regionalism of the 19th–20th centuries]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 5. pp. 11–16.

30. Pelikh, G.I. (2006) *Istoricheskaya kontseptsiya G.N. Potanina* [Historical conception of G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University.

31. Kovalyashkina, E.P. (2002) *Mirovozzrencheskaya platforma Sibirskogo oblastnichestva* [Ideological platform of Siberian regionalism]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesurov*. 7. pp. 32–39.

32. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir’ v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

33. Lenin, V.I. (1979) *Ot kakogo nasledstva my otkazyvaemsa?* [What Heritage Are We Rejecting?]. In: Lenin, V.I. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Politizdat. pp. 528–529.

34. Kablits, I.I. (1888–1893) *Osnovy narodnichestva* [Fundamentals of Narodnichestvo]. St. Petersburg: Tip. N.A. Lebedeva.

35. Bogucharskiy, V.Ya. (1912) *Aktivnoe narodnichestvo semidesyatykh godov* [Active Narodnichestvo of the Seventies]. Moscow: Izdatel’stvo M. i S. Sabashnikovyykh.

36. Mazurov, A.E. (2020) “Nechto o sezone i prochem”: pervyy fel’eton F.V. Volkhovskogo v “Sibirskoy gazete” [“Something about the Season and Other Things”: F.V. Volkhovskiy’s First Feuilleton in “Sibirskaya Gazeta”]. *Aktual’nye problemy zhurnalistiki*. 15. pp. 13–19.

37. D’yachuk, T.V. (2001) “Lyubov’ k narodu”: k istorii “sotsial’nykh chuvstv” v literaturnom narodnichestve 1870–1880-kh godov [“Love for the People”: On the History of

“Social Feelings” in the Literary Narodnichestvo of the 1870s–1880s]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 1. pp. 109–125.

Информация об авторах:

Мазуров А.Е. – науч. сотр. учебной лаборатории редакционно-издательского дела факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

Жилякова Н.В. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: retama@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.E. Mazurov, research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

N.V. Zhilyakova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Theory and Practice of Journalism, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.01.2023;
одобрена после рецензирования 11.04.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 30.01.2023;
approved after reviewing 11.04.2023; accepted for publication 12.07.2024.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2024. № 90

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.08.2024 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 20,2; усл. печ. л. 26,3. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5986.

Дата выхода в свет 09.10.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru